

SPERO | № 6/2007

Весна-Лето 2007

С
П
Э
Р
О

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:

экспертиза,

рекомендации,

обзоры

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Павлова-Сильванская Марина Павловна (<i>председатель</i>)	к. и. н., консультант журнала «Pro et Contra» Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д. э. н., профессор, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института наци- онального проекта «Общественный договор», Президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д. э. н., член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, научный руководитель Междуна- родного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д. э. н., действительный член РАЕН, руководитель Института демографии ГУ-ВШЭ, главный редактор инфор- мационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к. э. н., ДВА, директор Независимого института социальной политики, главный редактор журнала
Плискевич Наталья Михайловна	к. э. н., редактор отдела редакции журналов «Общественные науки и современность» и «Social Sciences», Президиум РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д. э. н., профессор, заместитель директора Института гума- нитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к. э. н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, председатель Экспертного совета Клуба региональной журналистики, директор проекта РОО «Открытая Россия»

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к. э. н., ДВА, директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к. э. н., зам. директора НИСП
Ответственный редактор	Фетисова Марина Игоревна, директор публикационной программы НИСП

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Форда и Фонда Дж. и К. Макартуров

Журнал распространяется бесплатно. Для получения очередного номера
обращайтесь в публикационную программу НИСП

Тел: (495) 786-67-18, факс: 692-96-51

e-mail: spero@socpol.ru

СОДЕРЖАНИЕ

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ: ДЕТИ

Л.Н. Овчарова, А.И. Пишняк

**НОВЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА:
СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ
ИЛИ РОСТ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ?**

5

А.Я. Бурдяк, Д.О. Попова

**ПРИЧИНЫ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ
ДОМОХОЗЯЙСТВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

31

Л.М. Прокофьева

**ДОМОХОЗЯЙСТВО И СЕМЬЯ:
ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**

57

UNICEF Innocenti Research Centre

ДЕТСКАЯ БЕДНОСТЬ В БОГАТЫХ СТРАНАХ – 2005

69

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Е.М. Андреев, Д.А. Жданов, В.М. Школьников

**СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ
ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР:
ФАКТЫ И ОБЪЯСНЕНИЯ**

115

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Ф. Свячны

**МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН
И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ**

143

Ю.С. Скубко, Г.В. Шубин

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЮАР В 1994–2006 гг.**

173

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОЕ В МЕТОДАХ

А.Я. Бурдяк

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА

«АНАЛИЗ НАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ

(EVENT HISTORY ANALYSIS)» С ПОМОЩЬЮ ПАКЕТА SPSS

189

Л.А. Хахулина, Л.Б. Косова

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО АРХИВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

203

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Д.Х. Ибрагимова

ЖИТЬ НАСТОЯЩИМ, НО ВЗАЙМЫ:

КРЕДИТОВАНИЕ — НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

209

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Л.Н. Овчарова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА —

ЧТО МЫ О НЕЙ ЗНАЕМ И КАК ЕЕ ПОНИМАЕМ?

Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. — М.:

Российский государственный гуманитарный университет,
2005. — 442 с.

217

СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

М.И. Левина

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

221

АННОТАЦИИ

АННОТАЦИИ

234

НОВЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА: СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ ИЛИ РОСТ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ?

Л.Н. Овчарова, к. э. н., НИСП
А.И. Пишняк, к. соц. н., НИСП

В декабре 2006 г. был принят основной пакет документов и нормативных актов, определяющих новые меры государственной социальной политики поддержки материнства и детства, цели которой были озвучены в послании Президента РФ Федеральному собранию 10 мая 2006 г. «...Предлагаю программу стимулирования рождаемости... Сегодня мы должны стимулировать рождение хотя бы второго ребенка. Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение, особенно если речь идет о втором и третьем ребенке? Это низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий. Это сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование, а иногда и сомнение, что греха таить, просто в том, сможет ли она его прокормить». В первую очередь речь идет об увеличении пособий по уходу за ребенком до полутора лет, материнском (семейном) капитале, льготах при оплате услуг детских дошкольных учреждений и материальной поддержке опекунов и семей, взявших на воспитание детей-сирот. Большинство политиков и демографов включились в активную дискуссию по поводу адекватности принятых мер глубине сложившихся демографических проблем и ожидаемых одномоментных и долговременных эффектов в ближайшей и долгосрочной перспективе¹. В адрес экономистов даже были высказаны упреки относительно того, что они оказались в стороне от обсуждения проблем эффективности и действенности предложенных мер семейной политики [Захаров С.В., 2006. С. 34–35]. В данной статье мы попытались оценить влияние новой семейной политики на уровень жизни семей с детьми и высказать предположения о возможном их воздействии на репродуктивное поведение и установки с экономической точки зрения.

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ НОВОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Познакомить читателей с содержанием и дизайном последних инициатив в области семейно-ориентированной политики мы решили посредством обзора федеральных законов и основных подзаконных актов, принятых для ее финансового и институционального обеспечения.

1. Федеральный закон № 207-ФЗ от 5.12.2006 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государ-

¹ Демографической дискуссии посвящены публикации: 1. SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. Осень-зима. № 5. 2. Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы // Материалы международного семинара. Москва, 14–15 сентября 2006 г.

ственной поддержки граждан, имеющих детей» и Постановление Правительства № 865 от 30.12.2006 **«Об утверждении положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей»** предусматривают следующие изменения в отношении ряда пособий, выплачиваемых в связи с уходом за детьми:

- предоставляется право получения пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет матерям либо отцам, либо другим родственникам, фактически осуществляющим уход за ребенком, но не подлежащим обязательному социальному страхованию. Устанавливаются следующие минимальные размеры пособия: 1500 рублей при уходе за первым ребенком, 3000 рублей при уходе за вторым ребенком и последующими детьми;
- изменяется порядок исчисления размера ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет для матерей либо отцов, либо других родственников, фактически осуществляющих уход за ребенком и подлежащих обязательному социальному страхованию. Пособие устанавливается в размере 40% среднего заработка по месту работы или службы за последние 12 календарных месяцев, предшествовавших месяцу наступления отпуска по уходу за ребенком. При этом законопроектом оговаривается, что минимальный размер пособия не может быть ниже 1500 рублей в период отпуска по уходу за первым ребенком и 3000 рублей в период отпуска по уходу за вторым ребенком и последующими детьми. Максимальный размер пособия не может превышать за полный календарный месяц 6000 рублей. В районах и местностях, где установлены районные коэффициенты к заработной плате, минимальный и максимальный размеры пособия определяются с применением этих коэффициентов;
- устанавливается новый вид пособия — единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью, право на которое будут иметь один из усыновителей, опекунов (попечителей) или приемных родителей, в размере 8000 рублей, что соответствует размеру единовременного пособия, выплачиваемого в настоящее время при рождении ребенка. Законом предусмотрена передача Российской Федерацией полномочий по назначению и выплате указанного пособия органам государственной власти субъектов Российской Федерации. В федеральном бюджете на 2007 г. предусмотрено выделение субвенций бюджетам субъектов Российской Федерации из Федерального фонда компенсаций на выплату единовременного пособия при всех формах устройства детей, лишенных родительского попечения, в семью в сумме 0,677 млрд рублей. Постановлением Правительства № 847 от 30.12.2006 утверждены правила предоставления субвенций из Федерального фонда компенсаций бюджетам субъектов РФ на выплату единовременных пособий при всех формах устройства детей, лишенных родительского попечения, в семью;
- внесены соответствующие поправки в статью 18 ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Закон сохраняет льготное исчисление пособий для чернобыльцев в двойном размере до достижения ребенком возраста 3 лет.

2. Федеральный закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 **«О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей»** и Постановление Правительства

РФ № 873 от 30.12.2006 «О порядке выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал» установили дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей. Закон предусматривает выделение материнского капитала в размере 250 тысяч рублей женщине², родившей или усыновившей второго (третьего и последующего) ребенка. Капитал будет выдаваться женщине независимо от даты рождения первого ребенка, но только один раз. Ребенок, которому предоставляется капитал, должен иметь российское гражданство. Капитал будет предоставляться женщине на основании заявления в Пенсионный фонд. По прошествии 60 дней, которые потребуются на проверку факта рождения или усыновления ребенка, женщина получит специальный сертификат на использование материнского капитала. В случае смерти матери либо лишения ее родительских прав материнским капиталом сможет распоряжаться отец ребенка вне зависимости от его гражданства.

Право распоряжаться капиталом будет возможным при достижении ребенком 3 лет или по прошествии 3 лет с момента усыновления. Использовать эти деньги матери смогут по трем направлениям:

- на приобретение жилья с использованием ипотеки или иных систем кредитования;
- на все виды образования, включая плату за дополнительные услуги, предоставляемые образовательным учреждением;
- на накопительную часть пенсии.

Семья может использовать материнский капитал по частям, направляя на те или иные нужды. К примеру, средства на обучение детей могут быть использованы до достижения ими 25-летнего возраста, и мать имеет право потратить деньги на образование любого из детей по своему усмотрению. Сумма в 250 тысяч рублей будет ежегодно индексироваться законом о федеральном бюджете с учетом инфляции.

Также приняты поправки в главу 23 части второй Налогового кодекса РФ, согласно которым суммы материнского капитала, направляемые для обеспечения реализации дополнительных мер господдержки семей, имеющих детей освобождаются от налогообложения на доходы физических лиц. При этом отмечается, что средства материнского капитала не являются обычными государственными пособиями, выплатами или компенсациями и потому не подлежат налогообложению. Кроме того, статьи 219 и 220 Налогового кодекса РФ дополняются положениями о том, что налоговые вычеты не применяются в случае, если средства капитала направлены на обучение, строительство или приобретение жилого дома, квартиры или доли в ней.

3. Вопросы введения компенсационных выплат родителям за содержание ребенка в дошкольном образовательном учреждении находятся в ведении региональных и муниципальных бюджетов, однако Постановлением Правительства Российской Федерации № 846 от 30.12.2006 «О порядке и условиях предоставления в 2007 г. финансовой помощи из федерального бюджета в виде субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования» опре-

² В Законе отдельно оговорены случаи, когда право на материнский капитал предоставляется мужчине: в случае смерти матери или когда мужчина является единственным усыновителем второго или последующих детей.

делено, что из федерального бюджета будут предоставляться субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации, принявших в установленном порядке законы и (или) иные нормативные правовые акты, устанавливающие расходные обязательства по выплате компенсации за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Размер компенсации будет зависеть от количества детей в семье. Если в семье один ребенок, то компенсация будет равна 20% от платы, если два ребенка — 50%, а если три и более — 70%. Размер компенсаций рассчитывается исходя из среднемесячной платы за детский сад.

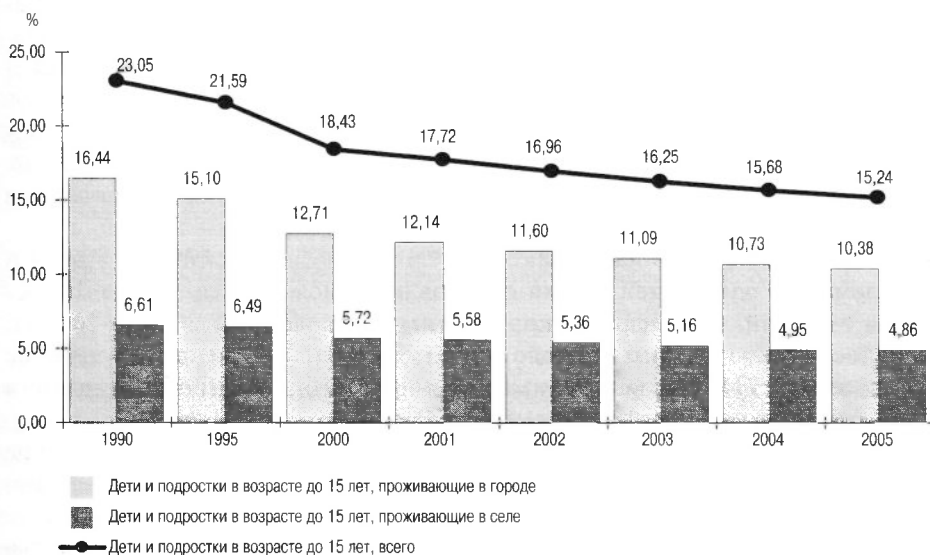
4. К числу приоритетов поддержки материнства и детства отнесено и расширение семейных форм устройства детей-сирот, финансирование и развитие которых также находится в компетенции региональных законодательных и исполнительных властей. Постановлением Правительства № 842 от 30.12.2006 **«О порядке предоставления в 2007 г. финансовой помощи бюджетам субъектов РФ в виде субсидий на содержание детей в семьях опекунов (попечителей) и приемных семьях, а также на оплату труда приемных родителей»** предусмотрены правила предоставления в 2007 г. финансовой помощи бюджетам субъектов Российской Федерации в виде субсидий на содержание детей в семьях опекунов (попечителей) и приемных семьях, а также на оплату труда приемных родителей. Эти субсидии предоставляются субъектам Российской Федерации, принявшим в установленном порядке законы или иные нормативные правовые акты, устанавливающие расходные обязательства по осуществлению ежемесячных выплат на содержание детей в семьях опекунов (попечителей) и приемных семьях, а также на оплату труда приемных родителей, в соответствии с которыми размер выплат на содержание одного ребенка в семье опекунов (попечителей) или приемной семье составляет не менее 4000 рублей в месяц, а размер оплаты труда приемных родителей — не менее 2500 рублей в месяц.

Средства на реализацию вышеназванных программ заложены в **федеральном бюджете на 2007 г.**, и без учета выплаты сумм материнского (семейного) капитала на эти цели из бюджета предполагается выделить 32 млрд рублей на:

- увеличение размера пособия по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет до 1500 рублей за первого ребенка, за второго и последующих — до 3000 рублей (17,13 млрд рублей). Остальные средства будут найдены в Фонде социального страхования Российской Федерации. В целом, общий объем затрат на выплату пособия составит в 2007 г. 52,85 млрд рублей. Объем дополнительных затрат с учетом существующей нормы выплаты пособия в размере 700 рублей работающим женщинам составит в 2007 г. 43,95 млрд рублей;
- выплату единовременного пособия при передаче ребенка на воспитание в семью. На реализацию данного мероприятия в 2007 г. будет потрачено 0,7 млрд рублей;
- проведение диспансеризации детей, которые находятся в домах ребенка;
- увеличение стоимости родового сертификата до 3 тысяч рублей в период беременности и до 7 тысяч рублей в период родов;
- компенсацию затрат родителей на детское дошкольное воспитание: за первого ребенка на сумму, равную 20%, за второго — 50%, за третьего — 70% от среднего размера оплаты, взимаемой с родителей за посещение ребенком дошкольного учреждения.

Программа «Материнский капитал» начинает действовать, когда ребенку исполняется 3 года, но бюджет 2007 г. уже включает в себя эту сум-

Рисунок 1. Динамика численности детей и подростков в возрасте до 15 лет, 1990–2005 гг., в % от всего населения России

Рассчитано по данным: Российский статистический ежегодник. 2005. — М. 2006. С. 88.

му — 131,8 млрд рублей. Итого демографическая политика страны требует бюджетного финансирования в размере более чем 160 млрд рублей.

Итак, новая семейная политика направлена на поддержку дохода семей с детьми в возрасте до полутора лет и воспитывающих детей-сирот, расширение возможностей семей с детьми при покупке жилья, оплате образования и услуг детских дошкольных учреждений. Другими словами, они направлены на повышение уровня и качества жизни семей с детьми. Для того чтобы включиться в дискуссию по поводу результативности данных мер с экономической точки зрения, во-первых, обозначим основные проблемные зоны в модернизации российской семьи, во-вторых, оценим доходы и жилищные условия получателей и постараемся понять, насколько эти новые ресурсы расширят их возможности.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ

Динамика демографических процессов в России последнего десятилетия отличается явно выраженной депопуляцией. Сокращение численности населения происходило в основном из-за естественной убыли. «Численность детей в возрасте до 18 лет составила на 1 января 2005 г. 29,1 млн человек — это 1/5 часть населения России. За 2001–2004 гг. численность детей уменьшилась на 4,4 млн чел. Такое сокращение численности детей обусловлено низким уровнем рождаемости одновременно с достижением совершеннолетия подростками, родившимися в середине 1980-х гг., когда рождаемость в стране была самой высокой за последние 40 лет»³.

Тренды, приведенные на рис. 1, наглядно демонстрируют продолжающееся на протяжении не менее 15 лет сокращение доли детей и подростков в возрасте младше 15 лет в общей численности населения. Среднегодовое

³ Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации». Министерство здравоохранения и социального развития РФ. 2006. С. 4.

уменьшение этой доли составляло в 2000–2005 гг. 1,1% всего населения, или 5,5% детей и подростков. Следует заострить внимание на том, что доля населения в возрасте 0–14 лет интенсивнее снижается среди городского населения, хотя и в сельской местности она идет на убыль. В среднем на протяжении 2000–2005 гг. ежегодное сокращение удельного веса детей и подростков в городах составляло 0,8% от численности жителей России, или 5,9% от численности детей и подростков, а в селах — 0,3%, или 4,6%, соответственно. Таким образом, в 2005 г. из 15,2% населения России, представленных детьми и подростками до 15 лет, 10,4% проживали в городах, 4,8% — в селах.

В последние годы наблюдаются позитивные изменения показателей рождаемости, однако тенденция сокращения численности населения остается прежней. «Суммарный коэффициент рождаемости в 2001–2004 гг. оставался весьма низким — около 130 рождений на 100 женщин в течение жизни вместо 214–215, необходимых для простого численного замещения поколений родителей поколениями детей⁴».

Основные изменения, произошедшие в демографической структуре семей России в промежуток времени между двумя переписями населения (1989 и 2002 гг.), проявились в следующем:

- снижение доли семей с детьми в общей численности домохозяйств (с 46,6 до 40,1%);
- рост доли однодетных семей (с 23,7 до 26,2%) и сокращение доли двухдетных (с 18,3 до 11,3%) и многодетных (с 4,6 до 2,6%), что привело к уменьшению среднего числа детей в семье;
- рост доли неполных семей из-за роста разводов, внебрачной рождаемости, а также увеличения числа вдов (с 15,2 до 21,7%).

В 2003 г. в России вторые рождения составляли 31% от всех рождений. Более низкий уровень вторых рождений наблюдался среди промышленно развитых стран только на Украине, в Белоруссии, Польше, Румынии и Франции. На противоположном полюсе находились Германия, Греция, Чешская республика и Швейцария — свыше 37% [Вишневский А.Г., 2006. С. 17]. Снижение рождаемости происходит на фоне повышения среднего возраста матерей и увеличения числа детей, родившихся вне брака. Сейчас по доле внебрачных детей (около 30%) Россия занимает среднее положение в Европе: в Швеции и Эстонии она превысила 55%, а в Греции не достигает 5% [Вишневский А.Г., 2006. С. 21]. Негативной особенностью российской рождаемости является чрезвычайно высокая роль аборта как способа регулирования деторождения.

Несмотря на сокращение общей численности детского населения, растет как общее число детей-сирот и детей, лишившихся родительского попечения, так и ежегодно выявляемое число таких детей, хотя в 2005 г. наметилась тенденция сокращения общей численности детей-сирот. О масштабах и динамике сиротства детей дают представление данные *табл. 1*.

За 16 лет число ежегодно выявляемых новых сирот и детей, лишившихся попечения родителей, возросло в 2,7 раза, а распространенность такого явления как лишение родительского попечения (показатель интенсивности процесса) — почти в 4 раза. Общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, увеличилось в 1,5 раза, а удельный вес таких детей в числе всех детей в возрасте до 18 лет — в 2,5 раза.

⁴ Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации». Министерство здравоохранения и социального развития РФ. 2006. С. 4.

Таблица 1. Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на конец года, тыс. чел.

Характеристика	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Выявленные дети и подростки, оставшиеся без попечения родителей в течение года	49,1	113,3	123,2	128,1	127,1	129,0	132,5	133,0
В % к общей численности детей (0–17 лет)	0,12	0,30	0,38	0,41	0,42	0,43	0,46	0,55
Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	472,2	533,1	667,6	690,7	707,7	720,9	734,1	731,1
В % к общей численности детей (0–17 лет)	1,18	1,39	2,0	2,2	2,3	2,4	2,5	3,0

Расчитано по данным: Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации», Министерство здравоохранения и социального развития РФ. 2006. С. 135.

Анализ демографических тенденций указывает на то, что низкий уровень рождаемости в сочетании с высоким уровнем смертности, особенно мужчин в трудоспособном возрасте, уже в ближайшее время станет важным фактором, лимитирующим дальнейший экономический рост. Таким образом, демографический кризис — одна из самых острых проблем, стоящих перед современной Россией, и, с точки зрения проблемных зон, вектор семейной и социальной политик определен правильно. Вопрос заключается только в том, адекватен ли набор предлагаемых мер, во-первых, глубине проблем, на преодоление которых он направлен, во-вторых, альтернативным стратегиям поведения семей, например, отказу от второго ребенка.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И БЕДНОСТЬ ДЕТЕЙ В КООРДИНАТАХ НОВОЙ И СТАРОЙ СИСТЕМЫ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Более чем двукратный рост пособий по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет и расширение числа получателей данного пособия поворачивает нас к рассмотрению проблем уровня жизни и бедности семей с детьми. Несмотря на то что в последние годы проблемы бедности находятся в фокусе внимания политиков и исследователей, текущие оценки детской бедности не столь очевидны. Во-первых, начиная с 2005 г. Россия не имеет официальной минимальной потребительской корзины, которая была принята только в марте 2006 г. и до настоящего времени не подкреплена соответствующими нормативными документами, определяющими методику ее расчета. Э то не позволяет Росстату рассчитать официальные оценки бедности даже для населения в целом. Во-вторых, уровень бедности демографических групп можно оценить только на основе баз микроданных, содержащих информацию о каждом домохозяйстве.

Принимая во внимание изложенные аналитические ограничения, при обозначении проблем уровня жизни семей с детьми будем опираться на авторские прогнозные оценки, базирующиеся на данных Национального обследования благосостояния и участия населения в социальных программах (НОБУС) за 2003 г., актуализированных в части доходов и бедности по состоянию на декабрь 2006 г. При этом используется прогнозная величина стоимости минимальной потребительской корзины, действующей до марта 2006 г., и моделируется показатель благосостояния, максимально приближенный к реальным потребительским возможностям домохозяйств. В абсолютном выражении стоимость смоделированной минимальной потребительской корзины в расчете на душу составила 152,5%

от среднегодовой стоимости аналогичной корзины в 2003 г. Для актуализации доходов мы использовали данные официальной статистики⁵ о росте зарплаты, пенсий, денежных доходов и прогноз этих показателей в сценарии Минэкономразвития⁶ до конца 2006 г. В результате, по актуализированным данным НОБУС, среднедушевые доходы составили 7918,7 рублей⁷, при этом 12,8% населения имели доходы ниже прожиточного минимума. Недостающий доход в расчете на одного бедного составил 25,3% от величины прожиточного минимума⁸.

Несколько слов о микроданных НОБУСа. Это репрезентативная база данных выборочного обследования, проведенного Росстатом во II квартале 2003 г., выборка которого составила 44,5 тыс. домохозяйств и 117 тыс. респондентов. На региональном уровне данные репрезентативны для 46 субъектов РФ, а в остальных территориях репрезентативность ограничена маленькими объемами выборки. Информационный массив содержит детальную информацию о демографическом составе домохозяйств, их доходах, расходах, жилищной обеспеченности, экономической активности, образовательном статусе и участии в страховых и нестраховых социальных программах. Данный информационный ресурс апробирован на большом числе исследований, подтвердивших его репрезентативность и надежность [Доходы и социальные услуги, 2005].

В предыдущих работах [Ovtcharova L. et al., 2005; Доходы и социальные услуги, 2005] уже отмечалось, что семьи с двумя и более детьми имеют самый высокий риск бедности, а риск бедности семей, состоящих в браке не более пяти лет и имеющих одного ребенка в возрасте до трех лет, в 2 раза выше, чем у аналогичных семей без детей. Следовательно, у большой группы домохозяйств даже появление первого ребенка сопровождается падением уровня жизни ниже черты бедности.

Согласно нашим актуализированным оценкам, в конце 2006 г. — начале 2007 г. дети имели риск бедности, практически в 2 раза превышающий среднероссийский уровень (рис. 2). Среди всех детей самой неблагоприятной группой с точки зрения попадания в бедность являются дети в возрасте 3–7 лет (24%), а также дети до 1,5 лет (22,5%). Если комплексно смотреть на бедность, используя показатели масштаба и глубины бедности, то можно утверждать, что маленькие дети (до 1,5 лет) являются самой уязвимой группой, следовательно, адресат первостепенных мер новой семейной политики определен правильно. Вместе с тем очевидно и то, что у более старших возрастных групп детей показатели уровня жизни не намного выше, и проблема повышения доходной обеспеченности всего детского населения продолжает оставаться актуальной. Кроме того, дети в возрасте 3–7 лет имеют максимальный риск бедности, но именно в этот

⁵ Источник: Краткосрочные экономические показатели российской федерации. — М.: ФСГС. Август 2006 г.

⁶ Мы использовали показатели из базового прогноза МЭРТ, построенного исходя из инерционного варианта развития экономики. Источник: Основные показатели прогноза социально-экономического развития России до 2009 г. в: Сценарные условия социально-экономического развития Российской Федерации на 2007 г. и на период до 2009 г. и предельные уровни цен (тарифов) на продукцию (услуги) субъектов естественных монополий на 2007 г. — М.: МЭРТ. Март 2006 г.

⁷ По официальным данным, денежные доходы в среднем на душу населения в январе 2007 г. составили 8192 рубля.

⁸ Напомним, что дефицит доходов отражает глубину бедности, то есть показывает как далеко бедные семьи отстают от линии бедности. Он равен сумме, которую нужно перераспределить в пользу бедных, чтобы подтянуть их доходы к величине прожиточного минимума и выражается в процентах от прожиточного минимума.

Рисунок 2. Средние риски и глубина детской бедности в 2006 г., НОБУС, %

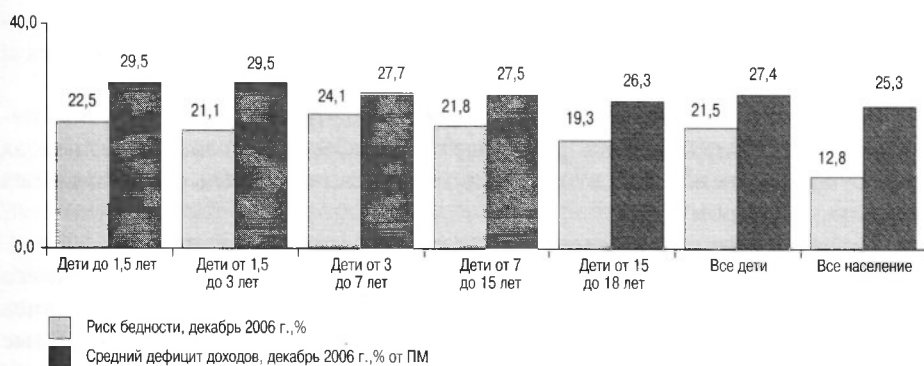

Таблица 2. Структура денежных доходов по отдельным социально-демографическим группам домохозяйств, НОБУС, проценты

Виды доходов	Многодетные семьи	Неполные семьи	Другие семьи с детьми	Семьи без детей	Все семьи
Зарплата	60,5	70,4	79,2	53,6	61,1
Пенсии и стипендия	13,7	18,0	9,2	38,7	29,9
Денежные пособия	8,8	3,2	2,6	0,7	1,3
Поступления от ЛПХ в денежной форме	12,6	3,6	4,1	3,3	3,6
Денежная помощь от родственников	4,4	4,8	4,9	3,7	4,1
Итого, денежные поступления	100	100	100	100	100

период прекращают действие большинство значимых мер государственной поддержки, делегированных семьям с детьми.

Используемая база микроданных предоставляет уникальную возможность проанализировать структуру доходов домохозяйств до момента принятия новых мер поддержки материнства и детства. Для понимания особенностей формирования доходов отдельных социально-демографических групп населения будем использовать два индикатора, которые дают разные оценки уровня текущего благосостояния домашнего хозяйства: наблюдаемые текущие денежные доходы и располагаемые ресурсы, учитывающие все денежные и неденежные поступления и максимально приближенные к реальным потребительским возможностям домохозяйств.

Начнем с наблюдаемых денежных доходов, включающих заработную плату и предпринимательский доход, пенсии, стипендии, все виды пособий, денежные поступления из личного подсобного хозяйства и денежную помощь родственников (табл. 2). Отдельно остановимся на уязвимых группах семей с детьми, к которым отнесем многодетные и неполные семьи. Итак, трудовые доходы для семей с детьми являются основным источником денежных поступлений, а государственные пособия составляют несущественную часть регистрируемых денежных поступлений. Только у многодетных семей государственные пособия начинают играть значимую роль в доходах. Для неполных, полных однодетных и двухдетных семей денежная помощь родственников более весомый ресурс, чем государственная поддержка. Данные результаты позволяют предположить, что до 2007 г. система

государственных пособий не рассматривалась семьями как серьезный механизм поддержки доходов, и домохозяйства больше получали за счет межсемейного обмена: на макроэкономическом уровне этот вид помощи в 3 раза превышал государственные пособия.

Однако ориентация только на доходные оценки материальной обеспеченности способна породить значимые ошибки, если речь идет о масштабах бедности и неравенства. С этой целью мы ввели показатель располагаемых ресурсов, в котором:

- помимо денежных, учтены все неденежные поступления;
- в тех случаях, когда доходы домохозяйства были существенно ниже его расходов, за основу денежной части располагаемых ресурсов брались расходы, что позволяет учитывать скрытые от наблюдения денежные поступления домохозяйств.

Структура располагаемых ресурсов представлена в *табл. 3*. В целом, полученные нами оценки имеющихся в распоряжении домохозяйств денежных доходов, не учитываемых при анализе только легко регистрируемых источников доходов, указывают на значимость данного ресурса: они составили 21,2% от общего объема учитываемых ресурсов, используемых на текущее потребление. Принципиально то, что у семей с детьми удельный вес обозначенного вида ресурсов выше, что указывает на их широкую вовлеченность в неформальные отношения на рынке труда. Данный результат особенно важен для системы социальной защиты, которая все в большей степени ограничивает вход в программы социальных пособий не только категориальными признаками, но и уровнем регистрируемых доходов. Более того, для рыночной экономики программы, адресованные только бедным, являются приоритетным направлением развития, однако российская реальность такова, что в случае семей с детьми возможности контроля доходов весьма ограничены. Натуральные поступления из личного подсобного хозяйства имеют принципиальное значение для многодетных семей, а натуральные льготы в большей степени ориентированы на семьи без детей.

Таблица 3. Структура располагаемых ресурсов по отдельным социально-демографическим группам домохозяйств, НОБУС, %

Виды доходов	Многодетные семьи	Неполные семьи	Другие семьи с детьми	Семьи без детей	Все семьи
Наблюдаемые денежные доходы	60,0	67,1	66,4	72,7	70,6
Натуральные поступления из ЛПХ	9,8	4,5	4,8	4,8	4,9
Стоимостная оценка льгот и субсидий	2,3	2,7	1,6	4,0	3,3
Ненаблюдаемые денежные поступления	27,9	25,7	27,2	18,4	21,2
Итого, располагаемые ресурсы	100	100	100	100	100

Проведенный анализ структуры доходов и позиции домашних хозяйств на рынке труда позволил выделить следующие факторы, способствующие бедности семей с детьми:

- наличие в семье работников с заработной платой ниже прожиточного минимума;
- высокая детская и ждженческая нагрузка (когда на двух трудоспособных приходится более одного ребенка);

- наличие пенсионеров с пенсией ниже прожиточного минимума;
- отсутствие работы у трудоспособных (ищут работу);
- выход трудоспособных граждан из состава экономически активного населения (не работают, не учатся, не получают пенсию и не ищут работу).

Самыми распространенными причинами бедности детей в возрасте до года являются, во-первых, низкая заработная плата родителей, во-вторых, незанятость матери, которая ухаживает за ребенком и поэтому временно уходит с рынка труда. Дети в возрасте от года до 3 лет попадают в бедность, главным образом потому, что их мамы не работают и не ищут работу, занимаясь уходом за ребенком. Низкая зарплата является вторым по значимости фактором бедности детей этого возраста. В отношении данных групп выход из бедности следует связывать с развитием системы государственных социальных пособий, и новая политика поддержки материнства и детства способствует этому.

Бедность детей в возрасте 4–7 лет (включительно) объясняется практически равнозначным влиянием трех факторов: на первое место выходит наличие в семье неработающих трудоспособных, которые хотят найти работу; на втором месте находится фактор низкой оплаты труда; на третьем — наличие неработающих трудоспособных, которые не ищут работу, главным образом по причине ухода за детьми. Эта группа — основной потенциал для рождения второго ребенка. Большинство стремятся выйти из бедности не за счет социальных пособий, а посредством выхода на рынок труда, но сталкиваются с серьезными ограничениями. Их экономические семейные стратегии станут успешными при развитии нестандартных форм занятости, и только для уязвимых групп семей с низким человеческим капиталом необходимы пособия, не конкурирующие с низкооплачиваемой занятостью, а поддерживающие активизацию усилий семьи, направленных на самообеспечение. В данном случае речь идет о распространенных в европейских странах программах «работа + пособие», когда неполная или низкооплачиваемая занятость сочетается со специальными адресными пособиями. Подчеркнем, что вполне осознаем набор экономических ловушек, возникающих в данном случае, но к проблемам гармонизации семейной политики и приоритетов экономического развития обратимся в заключительной части данной статьи. А здесь только отметим, что действующие российские институты социальной поддержки такими программами не располагают.

В семьях, где есть дети в возрасте 7–15 лет, факторы низкого уровня жизни, связанные с экономической неактивностью взрослых, отступают на второй план, а бедность детей в возрасте 15–18 лет связана, во-первых, с низкой оплатой труда работающих членов домохозяйств, во-вторых, с наличием в семье трудоспособных, которые не работают, но заняты поиском работы. Совершенствование рынка труда выдвигается в число приоритетов развития, но теперь речь идет о сокращении низкооплачиваемой занятости и создании новых рабочих мест, ориентированных на квалифицированную рабочую силу. Для уязвимых категорий семей с детьми данной возрастной группы также необходимы программы пособий, позволяющие удовлетворять минимальные потребности и стимулирующие экономическую активность.

Теперь обратимся к результатам моделирования влияния на пособия, выплачиваемые в связи с уходом за ребенком в возрасте до 1,5 лет

на уровень жизни населения до введения новых правил его выплаты. По нашим расчетам, в конце 2006 г. эта программа распространялась на 0,8 млн домашних хозяйств (1,5% от общей численности домохозяйств согласно данным переписи населения 2002 г.), среди которых 20,9% имели доходы ниже черты бедности. Это пособие составляло 0,1% в общем объеме доходов всех домохозяйств и 4,1% в доходах домохозяйств, получающих данное пособие. Следовательно, на макроэкономическом уровне его эффекты воздействия на уровень жизни практически не заметны. Они существенно увеличиваются при рассмотрении адресной группы получателей, но продолжают оставаться в числе незначимых источников доходов. В 2006 г. размер пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет составлял 700 рублей для работающих женщин, подлежащих социальному страхованию, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

В соответствии с новым законом с 1 января 2007 г. пособие будет выплачиваться всем женщинам, следовательно, произойдет практически **двукратное** увеличение численности домохозяйств, в составе которых есть получатели пособий, по нашим оценкам, до 1,3 млн (2,5% всех домашних хозяйств). Помимо этого, минимальный размер пособия с 1 января 2007 г. должен быть доведен до 1500 рублей в месяц на первого ребенка и до 3000 рублей на второго, а для работающих женщин — до 40% заработной платы (но в пределах 6000 рублей). Затраты на выплату пособия в 2007 г. составят от 43,95 до 45,3 млрд рублей, в зависимости от базового сценария роста заработной платы получателей пособий. Доля данного пособия в денежных доходах всего населения составит 0,3%, т.е. его влияние на доходы населения в целом не заметно на макроэкономическом уровне. Однако в доходах домохозяйств-получателей его удельный вес увеличивается с 4 до 11% от общего объема.

Если говорить о влиянии данных пособий на репродуктивное поведение, то Adkins [Макдональд П., 2006. С. 52] считает, что они только начинают приниматься во внимание семьями тогда, когда составляют не менее 10% от совокупного дохода семей-получателей и прирост их на 10% от семейного дохода способен повлиять на реальное репродуктивное поведение, и, что не менее важно, в данном случае речь идет о пособиях, предоставляемых на долговременный период. Следовательно, повышение размера пособия только вывело его на тот уровень, когда семья начинает его рассматривать как некоторый значимый ресурс и понимать, что государство проводит некоторую внятную политику поддержки, но прирост его не таков, чтобы оказывать статистически значимое воздействие на рождаемость. Правда, у бедных семей с детьми данное пособие уже составляет 25% доходов, и за счет повышения размера пособия риск бедности целевой группы (дети до 1,5 лет) сократится почти на четверть. Логично предположить, что бедные семьи и близкие к ним доходные группы в большей степени откликнутся на позитивные эффекты новой политики. Хотя пока не известно, на что реагировали семьи в европейских странах в большей степени: на повышенный размер пособия или на то, что система социальных трансфертов, включающая и данное пособие, обеспечивала гарантированный доход на уровне национальной линии бедности. В России пока такой системы социальных выплат нет, поэтому ожидаемые эффекты, видимо будут слабее. Ранее уже отмечалось, что уровень бедности более старших возрастных групп детей также существенно превышает

среднероссийские оценки, поэтому обозначенная целевая поддержка только детей в возрасте до полутора лет не решает проблемы повышения уровня жизни семей с детьми. Распространение выплаты данного пособия на детей в возрасте до 3 лет потребует еще двукратного увеличения бюджета программы, а в случае включения в программу всех детей в возрасте до 7 лет ее бюджет будет превышать уровень 2006 г. в 26,1 раз. Но даже такой рост стоимости программы поднимет ее вклад в общий объем доходов населения только до уровня 1,5%.

Подчеркнем, что ограничение максимального значения данного пособия на уровне 6000 рублей для застрахованных получателей практически делает неработающим правило «40% от заработной платы» для всех, кто будет получать заработную плату выше средней, которая в марте 2007 г. составила 12 580 рублей. Если говорить о стимулировании рождения второго ребенка, то данная мера скорее является барьером для женщин, обладающих высокой квалификацией и образованием.

Отвечая на вопрос о создании системы государственной поддержки семьи в период рождения детей, компенсирующей на уровне минимальных потребительских стандартов падение доходов в связи с уходом женщины с рынка труда и появлением нового члена домохозяйства, результаты проведенного имитационного моделирования не позволяют обнаружить эффекты, конкурентные с материальными проблемами, возникающими в семье в случае появления ребенка. Данное пособие в своем минимальном варианте компенсирует только половину прожиточного минимума ребенка. Следовательно, оставшийся единственным работником в полной семье с двумя детьми должен получать не менее 9500 рублей, что соответствует медианной заработной плате в феврале 2007 г., чтобы в сочетании с социальными трансфертами обеспечить потребление хотя бы на уровне прожиточного минимума. Половина работников не имеет такой возможности, и проблема не столько в том, что недостаточен размер рассматриваемого пособия, а в отсутствии системы социальных трансфертов, гарантирующей некоторый приемлемый в обществе уровень жизни (например, в соответствии со стоимостью минимальной потребительской корзины) в период, когда семья попадает в сложные с материальной точки зрения периоды жизненного цикла.

ПРОГРАММА «МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ»: ОХВАТ, БЮДЖЕТ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Наряду с доходной обеспеченностью, жилищные условия являются важной составляющей уровня жизни. Мы обращаемся к этому вопросу еще и потому, что эта тема повторно прозвучала и в последнем Послании Президента РФ Федеральному собранию от 26 апреля 2007 г.: «Нужно посмотреть правде в глаза и признать, что сегодня без поддержки государства многие наши сограждане, оказавшиеся в наиболее тяжелых, сложных жизненных условиях, сами решить вопрос обеспеченности комфортным жильем не в состоянии. И... именно здесь кроются многие корни острых проблем, таких как пьянство, высокая смертность, преступность, в том числе и подростковая, беспорядочность в конце концов».

Действительно, подавляющее большинство российских домохозяйств с детьми нуждаются в улучшении жилищных условий: испытывают неудовлетворенную потребность в дополнительных метрах площади, сталки-

ваются с отсутствием доступа к коммунальным услугам, которые принято считать неотъемлемыми благами цивилизованного общества. Разумеется, проблема качества жилья актуальна не только для семей с детьми, но и для домохозяйств, в состав которых входят исключительно лица старше 18 лет, однако именно дети оказываются в наиболее стесненных условиях проживания. Как демонстрируют данные обследования НОБУС, 66,5% всех семей и 85,1% семей с детьми нуждаются в улучшении характеристик жилья, при этом дополнительная площадь требуется 40,8% всех домохозяйств и 72,9% домохозяйств с детьми до 18 лет (табл. 4).

Таблица 4. Домохозяйства, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, НОБУС, %

Показатели	Доля среди всех домохозяйств выборки	Доля среди домохозяйств с детьми до 18 лет	Доля среди домохозяйств с двумя и более детьми, младшему из которых меньше 1 года
Нуждаются в улучшении условий проживания	66,5	85,1	98,1
Из них:			
Нуждаются в дополнительных метрах площади	40,8	72,9	95,8
Нуждаются в благоустройстве жилья	40,9	40,8	48,5
проживают в частично неблагоустроенном жилье	34,3	35,1	38,6
проживают в полностью неблагоустроенном жилье	6,6	5,8	9,9
Нуждаются в благоустройстве жилья и дополнительных метрах площади	15,2	28,6	46,2
В жилье домохозяйства нет:			
электричества	0,1	0,1	
холодной воды	22,9	21,4	28,1
горячей воды	40,1	39,8	47,9
канализации	28,8	27,8	33,5

После оглашения новых мер семейно-ориентированной политики внимание приковано к семьям с двумя и более детьми. Каковы же жилищные условия домохозяйств, которые стали бы участниками программы «Материнский капитал», действующей уже в 2006 г.? Нам приходится констатировать, что почти все семьи этой категории нуждаются в улучшении жилища (98,1%), причем 46,2% проживают в некомфортных условиях на площади ниже социальной нормы.

Отсутствие водоснабжения, канализации, электричества — серьезная проблема для любой семьи, но сложно не согласится с тем, что в домах, где воспитываются маленькие дети, недостаток базовых коммунальных услуг ощущается при прочих равных условиях гораздо острее. В свете сказанного не придает оптимизма тот факт, что доля домохозяйств, проживающих в жилищах, лишенных доступа к каким-либо услугам из числа вышеупомянутых, среди семей с детьми немного ниже, чем в среднем по всем российским домохозяйствам. И дело даже не в том, что различия невелики (например, холодная вода подведена к жилью 77,1% всех семей и 78,6% семей с детьми, горячая вода — к 59,9 и 62,2%, канализация — к 71,2 и 72,2%, соответственно). Суть в следующем: если рассмотреть наиболее уязвимые семьи с детьми (например, подпадающие под президентскую программу),

обнаружатся жилищные проблемы гораздо большего масштаба, чем фиксируемые в среднем по всему населению. В числе домохозяйств родителей двух и более детей, младшему из которых еще не исполнился год, 28,1% располагаются в жилье, не оснащенном холодным водоснабжением, почти половина (47,9%) проживает в домах без горячей воды, 33,5% — в домах без канализации.

Рассматривая домохозяйства с детьми различных возрастов, несложно заметить, что в наиболее проблемных жилищных условиях растут самые маленькие дети. Проиллюстрируем вышесказанное с помощью данных *табл. 5*. Очевидно, чем старше ребенок, тем выше вероятность того, что он проживает в благоустроенном жилье достаточной по социальной норме площади. Однако даже среди домохозяйств с подростками 15–18 лет таких немного — всего 16,7%. Что касается семей с детьми 7–15 лет, 3–6 лет и 1,5–3 лет, доля обеспеченных жильем необходимой площади и благоустройства среди них не превышает, соответственно, 15,5, 9,7 и 8,7%. А в числе домохозяйств с детьми младше 1,5 лет таких и вовсе 6,3%. Наиболее распространенной проблемой в рамках разговора об условиях проживания российских семей с детьми должен быть признан недостаток площади. В условиях, когда на одного члена домохозяйства приходится менее 18 м² общей площади, растут 69,4% детей 15–18 лет, 74,9% детей 7–15 лет, 80,5% детей 3–7 лет, и, наконец, 83,5 и 93,7% детей 1,5–3 лет и младше 1,5 лет, соответственно.

Таблица 5. Домохозяйства с детьми, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, НОБУС, %

Характеристика домохозяйств	Домохозяйства, в которых проживают дети в возрасте				
	до 1,5 лет	от 1,5 до 3 лет	от 3 до 7 лет	от 7 до 15 лет	от 15 до 18 лет
Нуждаются в улучшении условий проживания	93,7	91,3	90,3	86,5	83,3
Из них:					
Нуждаются в дополнительных метрах площади	86,6	83,5	80,5	74,9	69,4
Нуждаются в благоустройстве жилья	43,3	43,0	43,7	43,1	42,0
проживают в частично неблагоустроенном жилье	36,1	36,0	35,6	36,9	36,8
проживают в полностью неблагоустроенном жилье	7,2	7,0	8,1	6,2	5,2
Нуждаются в благоустройстве жилья и дополнительных метрах площади	36,3	35,2	33,9	31,5	28,0
В жилье домохозяйства нет:					
электричества	0,1	—	0,1	0,1	0,1
холодной воды	22,7	24,1	24,8	23,2	21,8
горячей воды	42,8	42,3	42,7	42,1	40,9
канализации	29,0	29,5	30,3	30,2	29,4

В благоустройстве жилья нуждаются примерно 42–44% семей с детьми. При этом показатель доли проживающих в полностью неблагоустроенных домах для семей с детьми младше 1,5 лет превышает соответствующий показатель для домохозяйств с подростками 15–18 лет в 1,4 раза (7,2 против 5,2%).

Наиболее дефицитной жилищно-коммунальной услугой для домохозяйств с детьми (как впрочем и для всех российских домохозяйств) является горячее водоснабжение: имеют доступ к этому ресурсу менее 60% из них. Уровень оснащенности холодным водоснабжением составляет среди семей с детьми 15–18 лет — 78,2%, 7–15 лет — 76,8%, 3–7 лет — 75,2%, 1,5–3 лет — 75,9%, наконец, среди семей с детьми младше 1,5 лет — 77,3%. Канализация также не для всех является доступным благом: она подведена к домам примерно 70% семей с детьми. В этих условиях многим домохозяйствам остается довольствоваться только наличием электричества, которым оснащены фактически все российские жилища (исключение составляют менее 0,1%).

В конечном итоге, в жилье, которое одновременно имеет размер ниже социальной нормы площади и отличается частичной или полной неблагоустроенностью, сегодня проживают 28,0% семей с детьми старшего возраста (15–18 лет), порядка 31–35% семей с детьми 7–15 лет и более 35% семей с детьми дошкольного возраста. В этих условиях программы, декларируемые как средство для улучшения условий проживания российских детей, к которым, безусловно, относится материнский (семейный) капитал, заслуживают особого внимания.

Методологические принципы моделирования. Данные НОБУС позволяют идентифицировать семьи, претендующие на материнский капитал и имеющие жилищные условия ниже принятых в России стандартов минимальной обеспеченности квадратными метрами жилья и коммунальными удобствами. В конечном итоге мы отвечаем на следующие вопросы:

- (1) какие семьи имеют возможность улучшить свои жилищные условия до уровня санитарных норм жилищной и коммунальной обеспеченности;
- (2) как данная оценка изменится, если начнет реализовываться программа материнского капитала.

Мы исходили из того, что решаться проблема недостатка жилищной обеспеченности будет за счет средств материнского капитала и участия домохозяйства в схемах ипотечного кредитования. Стоимостная оценка недостатка жилищной обеспеченности определялась по следующему алгоритму:

- если площадь жилья домохозяйства ниже социальной нормы, то выйти из числа нуждающихся в улучшении жилищных условий, домохозяйство может посредством ипотечного кредита на покупку недостающих метров по средней в регионе цене за 1 м^2 ⁹;
- если жилище домохозяйства частично неблагоустроено, то сумма необходимого кредита составляет треть средней в регионе цены за 1 м^2 , умноженной на социальную норму площади жилья для домохозяйства;
- если жилище домохозяйства полностью неблагоустроено, сумма кредита должна равняться половине средней в регионе цены за 1 м^2 , умноженной на социальную норму площади жилья для домохозяйства;
- если жилье домохозяйства неблагоустроено и по площади меньше положенного согласно социальной норме, то размер необходимой ипотеки определяется по сумме кредитов, описанных в предыдущих пунктах.

⁹ В расчеты заложены средние цены квадратных метров площади на вторичном рынке жилья регионов, поскольку в среднем цены на вторичном рынке ниже, чем на первичном. Санитарная норма 24 м^2 общей площади — на семью из одного человека, далее по 18 м^2 на одного человека.

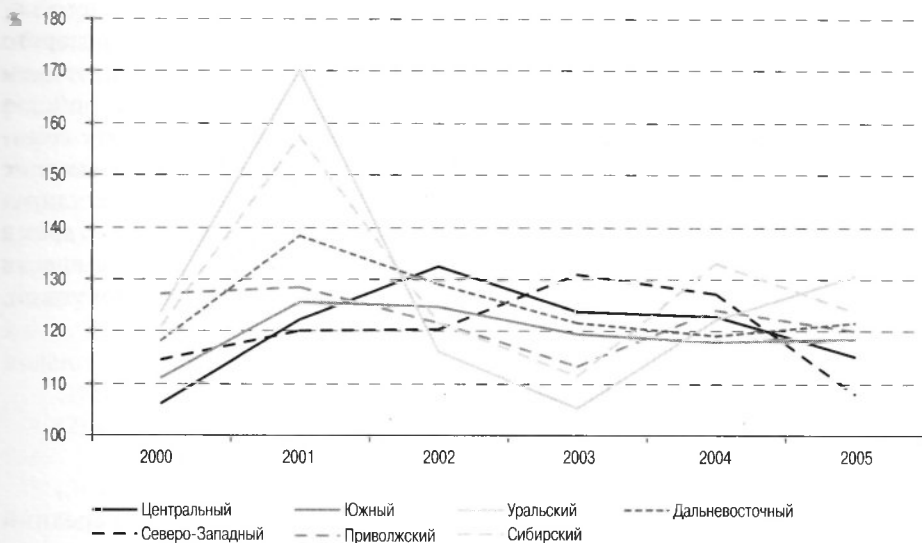

Исходя из того, что большинство семей смогут улучшить свои жилищные условия только посредством механизмов ипотечного кредитования, и именно эта схема считается легитимной для программы материнского капитала, сформулируем следующие правила кредитования:

- (1) домохозяйство способно направить на решение жилищных проблем все доходы, превышающие уровень прожиточного минимума;
- (2) срок кредитования составляет до 25 лет;
- (3) индекс роста цен на жилье рассчитывался как средний за 2005 г.

Индексы цен, базирующиеся на более длинных периодах наблюдения за ценами чувствительны к региональным историям становления рынка жилья и в прогнозной перспективе давали достаточно высокий темп роста цен (рис. 3). Мы взяли достаточно оптимистичные условия для вхождения семей в программу улучшения условий жизни до приемлемых санитарных норм, согласно которым 53% всех семей могут себе это позволить. Сразу оговоримся, что это некоторая идеальная модель, предполагающая, что даже те домохозяйства, которым не хватает одного квадратного метра жилья, включаются в программу улучшения жилищных условий, и, наоборот, те, у кого на эту же величину площадь больше, исключались из расчета.

Рисунок 3. Динамика цен на вторичном рынке жилья в 2000–2005 гг., ФСГС, в % к предыдущему году

Таким образом, семьи, которые в течение определенного промежутка времени (15–25 лет в зависимости от сценария), сократив текущие расходы до величины прожиточного минимума, способны накопить сумму, необходимую для увеличения площади жилья и/или его благоустройства, отнесены к числу имеющих возможность взять и погасить ипотечный кредит. По такой же схеме, но с прибавкой к сумме накоплений домохозяйств, в которых есть матери, в течение последнего года родившие уже не первого своего ребенка, величины материнского капитала, была рассчитана доля потенциальных участников ипотеки после вступления в силу программы материнский (семейный) капитал.

Теперь обратимся к адресной группе получателей материнского капитала, который может быть инвестирован в образование, накопительную пен-

сионную систему и улучшение жилищных условий реципиентов, составит в ценах, действующих по состоянию на 1 января 2007 г., 101 млрд руб., *а участниками программы в течение года могут стать 0,7% российских домохозяйств.* Объем ресурсов сопоставим с финансовыми потоками в образовании и расходами населения на покупку жилья, поэтому при неумелом администрировании может спровоцировать рост цен в обозначенных секторах экономики.

Оценки потребности данной группы в улучшении жилищных условий показывают, что 98,1% домохозяйств из числа потенциальных получателей данного капитала имеют площадь жилища ниже социальной нормы и/или низкий уровень оснащенности коммунальными удобствами. Используя средства материнского капитала, примерно 6% данной целевой группы семей смогут решить все свои жилищные проблемы (увеличить площадь до социальной нормы и/или благоустроить жилье). Еще 40% этой категории домохозяйств смогут сделать первый ипотечный взнос за счет материнского капитала, а 90% из них (или 36% группы) впоследствии будут в состоянии погасить кредит в течение 25 лет.

Несмотря на то, что «Материнский капитал» — достаточно дорогостоящая программа, 50% его получателей не сможет участвовать в схемах ипотечного кредитования, так как для большинства из них — это единственный ресурс, не подкрепленный другими возможностями (доходы, позволяющие возвращать кредит, развитый рынок жилья и пр.). Использование только самого капитала на покупку нового жилья лучшего качества будет сопровождаться большими издержками по продаже старого жилья и покупке нового. Для таких семей единственным направлением использования данного ресурса может стать улучшение благоустройства жилья, что предусмотрено законодательством, регулирующим эту социальную программу. Данный результат следует принимать во внимание при последующей разработке административных регламентов, регулирующих использование материнского капитала, так как в настоящее время большинство представителей законодательной и исполнительной власти в большей степени связывают развитие данной программы с покупкой, а не с благоустройством жилья.

КОМПЕНСАЦИИ ЧАСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПЛАТЫ ЗА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Мы исходили из того, что базовым для расчета компенсации будет средний размер расходов на содержание одного ребенка в дошкольном учреждении в данном регионе РФ. Это значение умножается на коэффициент в зависимости от числа детей в семье. Компенсация начисляется не на всех детей дошкольного возраста (3–7 лет), а только на посещающих дошкольные учреждения. Если это первый ребенок в семье, компенсация составит 20% от среднего уровня расходов на содержание одного ребенка в регионе, если второй — 50%, если третий и т.д. — 70%. Полученные оценки свидетельствуют о том, что в 2007 г. общие расходы бюджета на реализацию программы компенсаций, потенциальными участниками которой станут 1,9 млн, или 3,6% российских домохозяйств, составят 4,8 млрд рублей. Средний размер компенсации в расчете на домохозяйство-получателя составит 199 рублей в месяц. Средний удельный вес компенсаций в общей структуре доходов семей-получателей будет равен 1%.

РАЗВИТИЕ ФОРМ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

В самом начале статьи мы уже отмечали, что положение детей в России характеризуется постоянным ростом семейного неблагополучия, появлением и расширением такого явления, как беспризорность и безнадзорность детей, стабильным ростом, несмотря на сокращение численности детей, сиротства детей, прежде всего социального сиротства, то есть сиротства при живых родителях. Длительное время опекунские пособия выплачивались с серьезными задержками, а размер их был дифференцирован в разрезе регионов и даже муниципалитетов. В решении проблем детей-сирот основной упор был сделан на развитии государственных форм их воспитания, хотя мировой опыт и лучшие практики отдельных регионов подтверждали большую эффективность семейного устройства. Данная статья не претендует на концептуальное рассмотрение проблем семейного неблагополучия и развитие семейных форм устройства, и еще раз подчеркнем, что впервые в российской истории была артикулирована приоритетность семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, а установление минимальных размеров выплат средств на содержание детей и сирот (4000 рублей в месяц) и оплаты труда приемных родителей (2500 рублей в месяц) сгладят сложившуюся территориальную дифференциацию в социальной защите сирот. Имеющиеся в нашем распоряжении базы микроданных не позволяют моделировать влияние обозначенных мер социальной политики на масштабы сиротства и уровень жизни семей, воспитывающих детей, оставшихся без попечения родителей, поэтому остановимся лишь на некоторых комментариях. Во-первых, выплаты на содержание детей сирот в семьях увеличились практически в 3 раза, и по состоянию на начало 2007 г. превышают величину прожиточного минимума ребенка. Во-вторых, привлекательность опекунских пособий может спровоцировать рост численности социальных детей-сирот, которые и сейчас не находятся под присмотром родителей, а живут с бабушками и дедушками или другими близкими родственниками. В частности, по данным Минздравсоцразвития, в 2004 г. было выявлено 139 833 семьи, в которых:

- (1) есть дети, находящиеся в социально опасном положении;
- (2) родители или законные представители не выполняют свои обязанности по воспитанию детей;
- (3) жестоко обращаются с детьми.

Все эти ситуации являются основанием для лишения родительских прав или права опекунства, но применено оно было только к 65 180 случаям, что определяется не результатом детального анализа проблем, а пропускной мощностью системы опеки и попечительства. Даже по выявленным событиям можно ожидать активизации близких родственников по оформлению опеки над детьми из неблагополучных семей. Ранее сложность процедур оформления опекунства, низкий уровень и нерегулярность выплат опекунских пособий не стимулировали семьи и систему опеки попечительства к активизации процедуры легитимизации ситуации в семьях, где родители переложили функции по воспитанию детей на других родственников. Сейчас экономический интерес может стимулировать оформление реального положения дел в соответствии с правилами опеки и попечительства. Подчеркнем, что данные ожидания ни в коем случае нельзя рассматривать как негативный эффект новой семейно-ориентированной политики, а индикатор

торы результативности следует искать в изменении абсолютных и относительных показателей семейного устройства.

НОВАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА: КАРДИНАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ ИЛИ ПЕРВЫЙ ШАГ?

Сторонники теории человеческого капитала не раз отмечали, что условия, в которых протекает детство все в большей степени определяют дальнейшие жизненные шансы и адаптационные возможности человека [Беккер Г. С., 2003], особенно когда речь идет о постиндустриальном развитии, в рамках которого массовое образование является главным инструментом повышения индивидуальной конкурентоспособности. В заключительной части статьи попытаемся сформулировать некоторые выводы относительно рассматриваемых мер политики поддержки материнства и детства, принимая во внимание, во-первых, представленные оценки их результативности и эффективности с точки зрения влияние на благосостояние адресных групп получателей и населения в целом, во-вторых, обсуждаемые в научном сообществе векторы модернизации семейной политики, в-третьих, политические и экономические предпосылки успешности их практической реализации.

Обращаясь к глобальным модернизационным процессам в обозначенной области общественного устройства хотелось бы вернуть читателей к опубликованной в предыдущем номере журнала SPERO главе книги Г. Эспин-Андерсена, посвященной методологическим проблемам социальной политики и тому, как в новых политических, экономических и социальных условиях распределить обязанности между рынками, семьями и государством: «...Следует пересмотреть отношения между работой, благосостоянием и семьей... Если проблема “несовместимости” женской занятости и рождения детей не будет разрешена, она может перекрыть европейским обществам выход из состояния долгосрочного равновесия, характеризующегося низким уровнем рождаемости» [Эспин-Андерсен Г., 2006. С. 26]. Какие инструменты здесь срабатывают чаще всего:

- (1) развитие институтов несемейного ухода за детьми;
- (2) расширение нестандартных форм занятости, позволяющих сочетать семейное воспитание детей и занятость;
- (3) программы (пособие + работа) для трудоспособных с низким квалификационным потенциалом;
- (4) адресные программы социальной поддержки семьям, находящимся на трудных этапах жизненного цикла, и людям с ограниченными возможностями.

По сути, речь идет об «ориентированной на детей стратегии социального инвестирования, основанной на комбинированной политике гарантирования доходов семей с детьми и максимизации занятости матерей» [Эспин-Андерсен Г., 2006. С. 25].

Если говорить о такой политике, то принятые меры — первый шаг на пути серьезных модернизационных процессов, призванных обеспечить рост рождаемости. Смоделированные эффекты воздействия на благосостояние по своей силе пока не могут конкурировать со сценарием отказа от ребенка и не создают значимого прорыва в решении проблемы совмещения занятости и воспитания детей, особенно в условиях социокуль-

турных традиций и стандартов жизни бурно развивающихся крупных городов. Но что очевидно — это увеличение веса анализируемых пособий в доходах адресных групп получателей до величин, рассматриваемых семьями как значимый ресурс. Рост пособия по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет поднял его до размера, в 2 раза превышающий вес данного источника доходов в средних заработках застрахованных в советский период (20% от их средней заработной платы). А тот факт, что получателями пособия стали и незастрахованные граждане, существенно повысит уровень жизни семей с детьми данной возрастной группы, имеющих слабую позицию на рынке труда. Позитивно и то, что ресурсы делегированы самой бедной группе детей, находящихся в самом начале жизненного цикла, что корреспондирует с идеями теории человеческого капитала, определяющей детство как приоритетную зону для социальных инвестиций. Подчеркнем, что важны не только экономическая и демографическая составляющие формирующегося порядка социального обеспечения и инвестирования, но и общественно-политическая, меняющая ментальное отношение к проблеме законодательной и исполнительной власти, работодателей, основных государственных социальных институтов и общества в целом. Аналогичные выводы справедливы и для мер, направленных на развитие семейных форм воспитания детей-сирот. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что, пожалуй, впервые за годы постсоветских реформ в социальной сфере мы говорим о политике развития и инвестирования, а не компенсации потерь, обусловленных экономическим кризисом и масштабными общественно-политическими реформами.

Ожидаемые эффекты от использования материнского капитала пока более призрачны, но важно то, что определены прозрачные законодательные, финансовые и практические правила процесса его формирования. Анализ благосостояния адресной группы получателей свидетельствует о значимости жилищной проблемы и низкообеспеченные слои населения скорее всего попытаются благоустроить имеющееся жилье, особенно в сельской местности, хотя механизмы такого использования пока не отработаны. Следует ожидать новых законодательных инициатив об использовании данного капитала на оплату медицинских услуг и текущее потребление для бедных семей, но это зависит от того, как будут развиваться другие сферы государственного социального обеспечения.

Если говорить о компонентах семейно-ориентированной политики, целью которой является комплекс мер, с одной стороны, способствующих развитию стратегий самообеспечения, с другой — повышающих для них доступность программ государственной социальной поддержки, оставшихся за рамками принятых мер, то в современных российских условиях нам видится следующая конфигурация.

А. Расширение возможностей для самообеспечения. В значительной степени решение данной проблемы корреспондирует с общими задачами экономического развития, нацеленными на создание новых качественных рабочих мест, предполагающих высокую производительность и оплату труда. Российский рынок труда и сейчас достаточно гибок и нестандартен, правда обеспечивается это за счет широкой распространенности низкооплачиваемой неформальной занятости. Попытки легализовать неформальную часть трудовых отношений и повысить оплату труда ад-

министративными методами могут привести к сокращению сегмента занятости для уязвимых категорий, к которым относятся женщины, совмещающие обязательства по воспитанию детей и занятость. Противодействовать этому может:

(1) объединение усилий служб занятости и социальной защиты в поддержании уровня жизни безработных из уязвимых групп. Для лиц с ограниченным трудовым потенциалом наиболее эффективной видится следующая схема поддержки, стимулирующая экономическую активность: условием предоставления определенного денежного пособия через систему социальной защиты является некоторая приемлемая форма занятости на низкооплачиваемых работах;

(2) преференция безработных и молодежи из многодетных и неполных семей в активных программах занятости. Большинство регионов имеют специальные программы трудоустройства молодежи, в том числе школьников, студентов и учащихся на летний период времени, однако дети из уязвимых семей не являются приоритетной группой в таких программах. Более того, наши исследования проблем взаимодействия социальной защиты и службы занятости, проведенные в шести регионах России, позволяют сделать вывод о том, что служба занятости в части развития активных программ предпочитает не работать с уязвимыми категориями, хотя именно они, претендуя на рабочие места, требующие не очень высокого образования, могут оказаться фокусной группой для профессиональной подготовки по рабочим профессиям, дефицит которых обозначился на рынке труда;

(3) в сельской местности развитие возможностей самообеспечения семей с детьми в первую очередь связано с расширением доступности кредитных и лизинговых схем для личных подсобных хозяйств, поскольку результаты нашего анализа показали, что в структуре их располагаемых ресурсов денежные и неденежные поступления такого рода составляют значимую часть. К сожалению, сельские семьи имеют более низкий уровень образования, поэтому ограничены в доступе к информационным источникам, позволяющим освоить правила кредитования и инвестиционного развития в условиях малого бизнеса. Следовательно, реализация данной стратегии самообеспечения в сельской местности потребует образовательной и информационной поддержки. Товарному развитию личного подсобного хозяйства будет способствовать укрепление институтов кооперации мелких сельскохозяйственных производителей;

(4) развитие некоммерческих организаций, содействующих трудоустройству трудоспособных из этих семей и их гражданскому объединению, выработке и распространению лучших практик решения специфических проблем многодетных и неполных семей.

Б. Развитие сети государственных и негосударственных услуг по внесемейным формам воспитания детей. Мировой опыт подсказывает, что данное направление в семейно-ориентированной политике является одним из самых продуктивных. Castles на основе результатов исследования эффектов такой политики в странах OECD обнаружил сильную положительную связь между рождаемостью и должной организацией услуг по уходу за ребенком, при этом зависимость между рождаемостью и мерами, направленными на развитие гибкого рынка труда, была также положительной, но более слабой [Castles F., 2003. P. 222]. В Норвегии политика, направленная на повышение доступности услуг по уходу за ребенком и детских дошкольных учреждений,

содействовала росту рождаемости: увеличение на 20% числа детей, посещающих детские дошкольные учреждения, способствовало росту плодovitости когорты на 0,05 ребенка [Kravdal O., 1996. P. 187–216]. Принятые в нашей стране меры в основном направлены на то, чтобы помочь семье оплатить услуги по уходу за детьми, и предполагают совместное (государственное и семейное) финансирование содержания детей в дошкольных учреждениях. Но сейчас один из главных барьеров в этой сфере — отсутствие свободных мест в яслях и детских садах. Если в 1990 г. дошкольные учреждения посещало 9010 тыс. чел., то к 1999 г. их численность сократилась более чем в 2 раза — до 4225 тыс. чел. (табл. 6). Правда, за этими абсолютными цифрами скрыты тенденции сокращения численности детей в возрасте 1–6 лет, и относительные показатели свидетельствуют об увеличении обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях в этот же временной период. Но с 2000 г. наблюдается тенденция снижения относительных характеристик доступности детских садов и яслей, и в 2005 г. они опустились ниже уровня советского периода.

Таблица 6. Характеристики доступности детских дошкольных учреждений (на конец года)

Характеристика	1990	1995	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях, тыс. чел	9010	5584	4225	4263	4246	4267	4321	4423	4530
Приходится мест в дошкольных образовательных учреждениях, на 1000 детей в возрасте 1–6 лет	616	658	697	688	686	679	652	627	603

Источники: 1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб. / Росстат. — М. 2006. С. 354–355. 2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб. / Госкомстат России. — М. 2000. С. 364.

Официальная статистика не ведет мониторинг удовлетворения потребности в несемейных формах воспитания детей, но экспертные оценки свидетельствуют о том, что порядка 800 тыс. детей ожидают места в детских дошкольных учреждениях.

В. Доступность и щедрость программ социальной защиты. Обзор участия семей с детьми в различных программах социальной защиты свидетельствует о том, что, имея самый высокий риск бедности, эти семьи не являются приоритетной группой в системе социальной защиты. После того как, согласно Федеральному Закону №122-ФЗ, полномочия по назначению и выплате ежемесячного пособия бедным семьям с детьми были переданы на региональный уровень, финансирование данной программы сократилось на 9 %, без учета инфляционного снижения реального содержания данных пособий. Важно подчеркнуть, что теперь размер пособия существенно дифференцирован в региональном разрезе, но в большинстве субъектов он не превышает 5% от прожиточного минимума ребенка. Наши исследования в шести субъектах РФ свидетельствуют о том, что не менее 30% ресурсов данной социальной программы попадают к небедным. Еще раз подчеркнем, что страны, вводившие пособия для семей с детьми добивались устойчивых и недостаточно высоких результатов в области роста рождаемости только в тех случаях, когда система социальной поддержки гарантировала минимально приемлемый уровень доходов в периоды отсутствия или недостаточности трудовых доходов (принцип минимального гарантированного дохода). Следовательно, одним из последующих шагов активной семейной

политики должна стать реформа системы ежемесячных пособий на ребенка для семей с доходами ниже прожиточного минимума. Необходимо добиться сокращения числа получателей за счет тех, кто получает данное пособие будучи небедным, и увеличения его размера для сохраняющих статус бедности даже при усилении процедур контроля доходов. Возможны и более радикальные изменения, если система социальной защиты пойдет по пути развития специальных адресных программ для всех бедных, независимо от демографической структуры домохозяйства. Поскольку семьи с детьми имеют самые высокие риски бедности, то даже такой сценарий формирования социальной защиты, адекватной рыночному устройству экономики, следует начать с ежемесячного пособия гражданам, имеющим детей.

Анализ законодательных нормативных актов свидетельствует о том, что существующие формы поддержки семей с детьми регулируются большим числом законов, которые посвящены не отдельным уязвимым группам, а отдельным видам помощи. В результате ни органы социальной защиты не могут оценить эффект влияния реализуемых программ на уровень жизни получателей, ни сами семьи не в состоянии разобраться в том, на участие в каких программах они имеют право и каковы правила входа в эти программы. Наши рекомендации связаны с тем, что на региональном уровне все формы поддержки должны быть сведены в один закон и должны предусматривать определенную гибкость в распределении ресурсов как по времени, так и по используемым формам помощи. Иными словами, должен быть разработан некоторый социальный пакет для семей с детьми по аналогии с социальным пакетом, сформированным для монетизации льгот. За семьей должно сохраниться право получения денежного эквивалента данного социального пакета, но не более 50% от его стоимости и при условии, что нет фактов, подтверждающих маргинальные формы социального поведения со стороны родителей. Ресурсы этого социального пакета также могут использоваться учреждениями образования, социальной защиты и здравоохранения для обеспечения гарантий доведения средств до ребенка в маргинальных семьях. Доступ семьи к ресурсам социального пакета может регулироваться требованием, предусматривающим с ее стороны выполнение определенных обязательств, которые оформляются в некоторый социальный контракт.

В условиях развития рыночной экономики поддержка бедных семей со временем станет приоритетной функцией социальной защиты, что подтверждает опыт развития европейских стран во второй половине XX в. Такие программы функционируют на основе контроля доходов, но для России проблемой является то, что значительная часть денежных поступлений скрыта от статистического наблюдения. Это является серьезным барьером для реализации данных программ, и его преодоление возможно в нескольких направлениях. Во-первых, речь идет об усилении процедур контроля доходов, однако возможности данных механизмов весьма ограничены. Надо понимать, что в случае семей с детьми порядка 30% доходов невозможно проконтролировать. Во-вторых, для регулирования таких программ можно использовать более жесткие линии бедности. В рамках научной программы НИСП мы сконструировали линию бедности, предполагающую:

- (1) балансирование питания только по калориям;
- (2) использование цен, по которым реально покупают продукты домохозяйства, расположенные на границе второй и третьей групп распределе-

ния населения по расходам в Обследовании бюджетов домашних хозяйств, ежеквартально проводимом ФСГС;

(3) по структуре эта корзина соответствует второй децильной группе распределения по расходам в данных Обследовании бюджетов домашних хозяйств. По состоянию на III квартал 2004 г. стоимость такой корзины составила 68% от прожиточного минимума, действующего на момент проведения обследования. В-третьих, как уже отмечалось, доступ к ресурсам социальных программ может быть ограничен посредством социального контракта, предусматривающего выполнение определенных обязательств, семьи, скрывающие доходы, как правило, не претендуют на такие формы поддержки. С таких мер можно стартовать стратегию устойчивой поддержки семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон № 207-ФЗ от 5.12.2006 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющим детей».
2. Федеральный закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» и Постановление Правительства РФ № 873 от 30.12.2006 «О порядке выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал».
3. Постановление Правительства № 865 от 30.12.2006 «Об утверждении положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей».
4. Постановление Правительства № 847 от 30.12.2007 г. (30.12.2006) «О предоставлении субвенций из Федерального фонда компенсаций бюджетам субъектов РФ на выплату единовременных пособий при всех формах устройства детей, лишенных родительского попечения, в семью».
5. Постановление Правительства Российской Федерации № 846 от 30.12.2006 «О порядке и условиях предоставления в 2007 г. финансовой помощи из федерального бюджета в виде субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования».
6. Постановление Правительства № 842 от 30.12.2006 «О порядке предоставления в 2007 г. финансовой помощи бюджетам субъектов РФ в виде субсидий на содержание детей в семьях опекунов (попечителей) и приемных семьях, а также на оплату труда приемных родителей».
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб. / Росстат. — М. 2006. — 493 с.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб. / Госкомстат России. — М. 2006. — 502 с.
9. Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации». — Министерство здравоохранения и социального развития РФ. 2006. — 150 с.
10. Castles. F. The world turned upside down: Below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries // J. Eur. Soc. Pol. 2003. Vol. 13. № 3.
11. Kravdal O. How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: A parityspecific approach // Population Research. 1996. Vol. 5. № 6. P. 187–216.

12. *Ovtcharova L., Popova D. Child Poverty in Russia: Alarming Trends and Policy Options. UNICEF report. UNICEF. Moscow. 2005. — 76 p.*
13. *Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Пер. с англ.; Сост., научн. ред., послесл. М.И. Левин. — М.: ГУ-ВШЭ, 2003. — 672 с.*
14. *Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ-ВШЭ, 2005. — 348 с.*
15. *Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. №5. С. 33–70.*
16. *Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы // Материалы международного семинара. — М. 14–15 сентября 2006. — 101 с.*
17. *Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 7–33.*

ПРИЧИНЫ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹)

А.Я. Бурдяк, магистр экономики, НИСП
Д.О. Попова, к. э. н., НИСП

Результаты анализа масштабов и профиля бедности в России указывают на то, что среди социально-демографических групп населения семьи с детьми отличаются самыми высокими рисками и глубиной бедности [Овчарова Л.Н., Попова Д.О., 2005; Положение детей в Российской Федерации, 2003].

Наиболее массовой группой среди российских бедных являются семьи с несовершеннолетними детьми. Такое положение дел обуславливает широкий спектр долговременных негативных последствий национального масштаба: низкий уровень рождаемости и сокращение численности населения, маргинализацию населения, прежде всего в сельской местности и малых городах, рост преступности, экстремистских проявлений, снижение количества и качества рабочей силы, что ведет уже к негативным геополитическим последствиям для страны². Поскольку вопросы демографического развития России позиционированы как пятый национальный проект стратегического характера, тема благосостояния семей с детьми становится особенно актуальной как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных регионов.

Россия относилась и относится к странам с высоким уровнем региональной дифференциации, а наблюдаемая в последние 5 лет динамика большинства показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития регионов (душевой ВРП, соотношение душевых доходов и прожиточного минимума (ПМ), уровень бедности, уровень безработицы, ожидаемая продолжительность жизни) свидетельствует об увеличении масштабов межрегионального неравенства [Обзор социальной политики в России, 2007. С. 377]. Очевидно, что в таких условиях эффективной может быть только та социальная политика, которая учитывает региональную специфику. Именно эти обстоятельства делают региональный аспект приоритетным при анализе детской бедности.

Целью данного исследования является детальный анализ характеристик бедности семей с детьми в Ленинградской области, способствующий пониманию основных причин детской бедности и выработке региональной политики, направленной на ее сокращение.

Информационную базу исследования составили материалы углубленного количественного исследования проблем, связанных с выработкой рекомендаций по стратегии содействия сокращению бедности в Ленинградской

¹Статья подготовлена в рамках проекта SPRILO под руководством Л.Н. Овчаровой.

²По данным официальной статистики в настоящий момент сокращение абсолютной численности населения наблюдается в 73 субъектах федерации, в которых проживает 94% населения страны. При этом 63% российского населения проживает в регионах, где в 2001–2006 гг. численность населения ежегодно сокращалась более чем на 0,5%, а 19,8% населения — в регионах, где этот показатель был выше 1% [Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. — М. 2006. С. 82–83].

области в рамках проекта СПРИЛО³. Программа исследования охватывает такие темы, как доходы домашних хозяйств, неденежные поступления, обеспеченность жильем и имуществом, образование, здравоохранение, занятость и безработица, программы социальной помощи и доступность объектов социальной инфраструктуры. Опрос проводился Центром мониторинга социальных процессов (Санкт-Петербург) во II квартале 2006 г. при техническом содействии консультантов СПРИЛО и сотрудников Независимого института социальной политики по случайной выборке, включающей 2690 домохозяйств, в которых проживает 6790 респондентов. На уровне области в целом выборка позволяет получить приемлемый уровень репрезентативности предельных долей, равных 5%, — в этом случае относительная ошибка выборки составит 16% (при доверительной вероятности 0,95). Когда мы рассматриваем отдельно детей (1137 человек), точность статистического оценивания 5-процентных долей составляет 25% (при доверительной вероятности 0,95) или 21% (при доверительной вероятности 0,9).

1. УРОВЕНЬ И ГЛУБИНА БЕДНОСТИ СОГЛАСНО АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЯМ БЕДНОСТИ

Рассмотрение вопроса о том, как живут семьи с детьми в Ленинградской области, предварим краткой характеристикой региона с точки зрения демографической ситуации. В настоящее время она отличается от ситуации в соседних регионах и по стране в целом в худшую сторону. В Ленинградской области наблюдается самый низкий уровень рождаемости на Северо-Западе — 7,8% в 2005 г. при среднероссийском уровне 10,2%. По общему коэффициенту смертности (20,3%) область уступает только самым депопулирующим областям Северо-Запада — Псковской и Новгородской, заметно опережая средний показатель по стране (16,1%). В результате показатель естественной убыли населения в 2 раза выше среднероссийского (–12,5 против –5,9%). И хотя естественная убыль населения отчасти компенсируется миграционным приростом населения (в 2005 г. 11 528 человек), общая динамика демографических процессов региона, как и в России в целом, характеризуется сокращением численности населения [Российский статистический ежегодник, 2006; Демографический ежегодник России, 2006]. С 1990-х гг. Ленинградская область отличается пониженной на 3–4 года ожидаемой продолжительностью жизни для мужчин и женщин, даже на фоне низкого среднероссийского показателя. В то же время по причине низкой рождаемости уровень младенческой смертности (9,0 на 1000 родившихся живыми в 2004 г.) весь переходный период был ниже среднего по РФ (11,6%).

Из-за сильного спада рождаемости очень низка доля детей в половозрастной структуре. По данным всероссийской переписи населения, проведенной в 2002 г., численность детей в области составляла 19,3%, в то время как в среднем по России она была равна 29,7% [Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., 2005]. Отметим, что данные опроса СПРИЛО, в целом, хорошо сопоставимы с переписными (табл. 1 Приложения 1). Согласно опросу в апреле 2005 г. дети в возрасте до 18 лет составляли 16,8% в общей численности населения Ленинградской области, а семьи с детьми в общей численности домохозяйств — 32,7%.

³ Информацию о проекте СПРИЛО можно получить на сайте <http://www.sprilo.ru>.

Анализ причин бедности семей с детьми позволит определить эффективные механизмы повышения благосостояния населения и улучшения демографической ситуации в Ленинградской области.

Понятия «бедность» и «благосостояние» в некоторой степени условны. В то время как денежная составляющая ресурсов семей поддается подсчету (даже теневые доходы), ряд факторов — помощь родственников и соседей, уровень доступа к услугам, степень развитости инфраструктуры и пр. — далеко не однозначно могут быть измерены исследователями. Даже работа с самыми прозрачными денежными показателями вызывает вопросы: благосостояние каждой семьи сравнивается с прожиточным минимумом, установленным на уровне региона, при этом предполагается, что стандартный набор продуктов и услуг (потребительская корзина) имеет одну и ту же стоимость во всех населенных пунктах региона, что в действительности не совсем так. Для того чтобы максимально учесть многогранность понятия бедность, мы использовали абсолютный, относительный, субъективный и комбинированный подходы к ее определению. Опрос СПРИЛО предоставляет уникальную возможность сопоставить оценки бедности, полученные на основе различных подходов к ее определению, оценить влияние различных характеристик семей на попадание в число бедных.

Понятие **абсолютной бедности** предполагает, что правительство страны утверждает набор самых необходимых для потребления товаров и услуг, стоимость которых составляет пороговое значение, или черту бедности, а бедными считаются те, кто имеет доходы ниже стоимости минимальной потребительской корзины. Такой подход положен в основу официальной российской концепции бедности. При этом, хотя в законодательстве речь идет о доходах, фактически доходы оцениваются на основе расходов⁴. В рамках обследования СПРИЛО для характеристики благосостояния домохозяйств использовался показатель, учитывающий все денежные и неденежные поступления домашнего хозяйства (натуральное потребление из личного подсобного хозяйства) на момент проведения обследования. Из-за существенного расхождения доходных и расходных характеристик семей⁵ проводили дооценку доходов семей на основе расходов. Полученный показатель дооцененных доходов наиболее адекватно отражает текущие потребительские возможности домохозяйств Ленинградской области, и именно его авторы сравнивают с официальной региональной линией бедности. Согласно данным обследования, в апреле 2005 г. в число бедных попадает 19,2% семей, или 23,5% населения Ленинградской области⁶. Глубина бедности измеряется показателем дефицита доходов, позволяющим опреде-

⁴ До 1992 г. оценка общего объема денежных доходов в России строилась на основе прямого учета отдельных видов доходов и практически сплошного учета показателей расходов, сбережений, прироста наличных денег у населения, результатом чего являлся Баланс денежных доходов и расходов населения (БДДР). С 1992 г. методика расчета общего объема денежных доходов изменилась из-за масштабного сокрытия доходов в условиях трансформирующейся экономики, и в настоящее время строится лишь на основе суммирования всех расходов и сбережений населения с дооценкой части товарооборота и платных услуг.

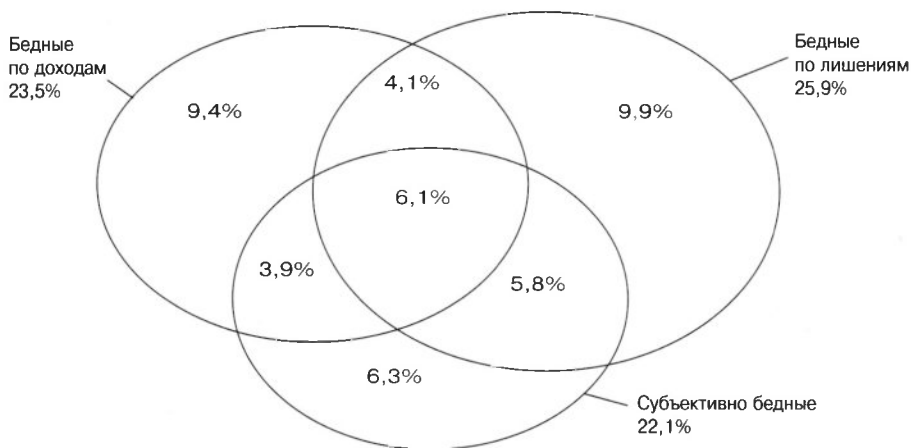
⁵ Авторы пришли к данному выводу, сопоставив между собой показатели расходов и доходов домохозяйств, выраженные в соотношении с ПМ (ниже 0,5 ПМ, от 0,5 до 1 ПМ и т.д.). Результаты сопоставления доходных и расходных шкал указали на то, что только у 37,2% опрошенных домохозяйств Ленинградской области и доходы, и расходы попали в один интервал, при этом у 35,0% доходы выше, чем расходы, а у 26,2%, наоборот, расходы выше, чем доходы.

⁶ При использовании показателя доходов без дооценки по расходам и учета натурального потребления в число бедных попадали 25,4% домашних хозяйств, или 30,5% населения области. По имеющимся данным официальной статистики по Ленинградской области в I квартале 2005 г. денежные доходы ниже величины ПМ имели 32% общей численности населения области. Таким образом, авторы пришли к похожему результату.

лить, как далеко бедные семьи отстоят от линии бедности. Подчеркнем, что в Ленинградской области бедность не является глубокой, так как дефицит доходов бедных составляет в среднем 29,7% от ПМ.

Относительная бедность измеряется непосредственно через оценку потребительских характеристик домохозяйства и понимается как недостаточность ресурсов, необходимых для достижения сложившихся в данном обществе стандартов потребления. Отклонения от этих общепринятых стандартов обозначаются понятием лишения, или депривации. На основе опыта предшествующих исследований⁷ нами был сформирован список благ, отсутствие которых 90% российского населения считают признаком бедности и которые присутствуют у более чем 50% населения. Согласно этому списку в анкету СПРИЛО были включены вопросы с целью выявления в каждом конкретном домохозяйстве Ленинградской области лишений, связанных с питанием, одеждой, жильем, получением медицинской помощи и образования (*описание методики определения каждого типа лишений приведено в Приложении 2*). Домохозяйства, отметившие, что сталкиваются с ограничениями в доступе минимум к двум обозначенным жизненно важным ресурсам, были отнесены к числу бедных по лишениям, таковых оказалось 28,5%. По этому же критерию к бедным были отнесены 25,9% населения региона.

Рисунок 1. Пересечение множеств респондентов, бедных по трем критериям бедности, % от числа всех респондентов⁸

Субъективная концепция предполагает установление черты бедности на основе анализа представлений населения о том, какой объем ресурсов необходим для удовлетворения минимальных потребностей. Оценка субъективной бедности принципиальна для социальной политики, поскольку те, кто субъективно относят себя к бедным, как правило, претендуют на участие в социальных программах для бедных даже в том случае, если объективно таковыми не яв-

⁷ И преобладающий стандарт жизни, и уровень жизни, рассматриваемый как существенное отклонение от стандарта, оцениваются через опросы населения. Такие опросы проводились в России дважды в рамках исследования уровня бедности городского населения (1997 и 2001 гг.). Подробнее о пилотных обследованиях и их результатах см.: Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. — М.: Московский центр Карнеги, 1998; Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М., Токсанбаева М.С. и др. Итоговый отчет по гранту № SP-01-1-17 «Причины и масштабы распространения бедности городского населения России и адресная помощь беднейшим». — М.: Изд-во НИСП, 2002.

⁸ Здесь и далее, если не указано иное, источник — расчеты авторов на основе данных опроса СПРИЛО (апрель 2005 г.).

ляются. При расчете показателя субъективной бедности авторы ориентировались на субъективную оценку денежных средств семьи и субъективную оценку принадлежности семьи к определенной социальной группе (крайне бедные, бедные, средний класс и пр.). К категории бедных по первому индикатору отнесли себя 38,6% семей Ленинградской области, по второму — 36,1%. Основным критерием субъективной бедности авторы считали пересечение этих двух оценок: оно наблюдалось у 26,1% домохозяйств, или 22,1% населения.

Комбинирование трех линий бедности позволяет в значительной степени уточнить контингент бедного населения, поскольку статус бедных получают семьи или индивиды, одновременно соответствующие всем трем выше-названным критериям бедности, в данном случае — бедные по доходам, испытывающие лишения в сфере потребления и ощущающие себя бедными. Таковыми в Ленинградской области являются 5,6% домохозяйств, или 6,1% населения. Комбинированный подход к измерению бедности лишает статуса бедных, с одной стороны, семьи, которые не испытывают лишений или не считают себя бедными при низком уровне текущего благосостояния, что подтверждает тезис о сокрытии и нестабильности получаемых доходов, с другой — значительную долю семей, признанных бедными только по депривационной или субъективной концепциям, но с уровнем благосостояния, обеспечивающим им минимальные средства к существованию. Таким образом, многокритериальная черта бедности устраняет погрешности идентификации бедных, неизбежные при использовании каждого метода в отдельности. Если речь идет о приоритетных группах участников адресных социальных программ, то именно данные домохозяйства должны стать таковыми.

2. РИСКИ И ПРОФИЛЬ БЕДНОСТИ СОГЛАСНО РАЗЛИЧНЫМ ПОДХОДАМ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ БЕДНОСТИ

Важным ракурсом рассмотрения результатов обследования является сопоставление профилей бедности, полученных при альтернативных измерениях бедности. Попытаемся ответить на вопрос: какие социально-демографические группы отличаются повышенным риском и глубиной бедности. Эти показатели авторы оценивали, как на уровне домохозяйств, так и на индивидуальном уровне, для детей разного возраста, построив возрастную шкалу, отражающую возможности вовлеченности семей с детьми в рынок труда, степень их зависимости от социальных пособий и пр.

В самом общем виде профиль **абсолютной бедности** для Ленинградской области выглядит следующим образом. Семьи с детьми являются наиболее массовой группой бедных. Несмотря на то что в общей численности домохозяйств Ленинградской области семьи с детьми составляют менее трети, среди бедных их удельный вес равен 56%. На них приходится 73% дефицита дохода, что свидетельствует о глубокой бедности данного типа семей. Среди всех семей с детьми бедными являются 36%, то есть наблюдаются крайне высокие риски попадания в число бедных, по сравнению с другими домохозяйствами. Отметим, что на семьи пенсионеров приходится 9% от общей численности бедных и около 2% суммарного дефицита доходов. Данный результат указывает на то, что семьи пенсионеров в Ленинградской области не только не представляют большинство бедных, но и не отличаются высокой глубиной бедности. Наконец, семьи трудоспособных и другие семьи без детей, хотя и имеют более высокий риск бедности относительно пенсионеров, гораздо реже попадают в группу бедных по сравнению с семьями, в которых есть дети (15–18%). Высокий процент таких

Таблица 1. Риски и глубина бедности различных социально-демографических групп согласно разным определениям бедности

Демографический тип семьи	Доля группы в общей численности семей, %	Средний дефицит дохода согласно абсолютному подходу (% от ПМ)	Риски бедности по различным критериям бедности (% от численности группы)			
			Абсолютный подход (официальная оценка бедности)	Относительный подход (бедность по лишениям)	Субъективный подход	Комбинированный подход
Семьи с детьми	32,7	31,0	35,5	22,0	19,7	8,4
Супружеская пара с 1 ребенком	8,7	30,8	20,8	10,7	11,5	4,0
Супружеская пара с 1 ребенком и др. родственниками	6,2	31,5	20,1	22,3	7,7	3,6
Супружеская пара с 2 детьми	4,3	35,0	43,9	14,7	16,1	5,9
Супружеская пара с 2 детьми и др. родственниками	2,0	25,0	45,3	28,4	19,3	13,7
Матери (отцы) с детьми	3,7	33,3	36,6		34,5	12,9
Матери (отцы) с детьми и др. родственниками	7,8	30,5	46,4	34,3	29,2	10,6
Семьи без детей	67,3	27,1	13,0	28,6	28,6	4,9
Домохозяйства пенсионеров	28,6	21,0	6,0	45,9	43,8	3,7
Домохозяйства трудоспособных	12,7	32,2	14,8	15,0	19,8	5,5
Домохозяйства смешанного типа	26,1	28,0	18,2	24,9	22,2	5,5
Все семьи	100,0	29,7	19,2	28,5	26,9	5,6

семей (35%) обусловлен широким представительством семей смешанного типа, в состав которых входят трудоспособные и пенсионеры. Такие же тенденции характерны и для показателей дефицита доходов.

Подчеркнем, что домохозяйства с детьми не являются однородной группой, по характеристикам и причинам бедности среди них можно выделить категории традиционно бедных семей и «новых» бедных, появление которых обусловлено особенностями транзитивной экономики. Бедность первой категории семей объясняется двумя факторами: высокой иждивенческой нагрузкой и уязвимым положением на рынке труда. Согласно данным опроса, доходы семей с детьми на 70% формируются за счет занятости, а большое число детей в семье ведет за собой ограничение возможностей занятости матерей. Из-за необходимости ухода за детьми, матери в таких семьях, как правило, не работают или заняты на рабочих местах, не требующих квалификации и, следовательно, малооплачиваемых. Причины бедности семей второго типа связаны исключительно с характеристиками занятости взрослых членов семьи (низкая заработная плата работающих и незанятость трудоспособных), поскольку теоретически из-за низкой детской нагрузки полные семьи с 1–2 детьми не должны попадать в категорию бедных.

Рассмотрим более подробно показатели бедности для различных групп семей с детьми. Самая многочисленная группа — супружеские пары с одним ребенком (15% в общей структуре домохозяйств, и 46% среди семей с детьми). Полные семьи с одним ребенком, хотя и отличаются относительно

Таблица 2. Профиль бедности согласно разным определениям бедности

Демографический тип семьи:	Доля группы в общей численности семей, %	Профиль дефицита доходов согласно абсолютному подходу (% от суммарного дефицита доходов)	Профиль бедности по различным критериям бедности (% от численности бедных)			
			Абсолютный подход (официальная оценка бедности)	Относительный подход (бедность по лишениям)	Субъективный подход	Комбинированный подход
Семьи с детьми	32,7	72,9	56,5	24,5	22,6	42,9
Супружеская пара с 1 ребенком	8,7	9,8	9,5	3,3	3,7	6,2
Супружеская пара с 1 ребенком и др. родственниками	6,2	9,6	6,5	4,9	1,8	4,0
Супружеская пара с 2 детьми	4,3	16,3	10,0	2,2	2,6	4,6
Супружеская пара с 2 детьми и др. родственниками	2,0	7,6	4,6	2,0	1,4	4,8
Матери (отцы) с детьми	3,7	6,6	7,0	2,8	4,7	8,5
Матери (отцы) с детьми и др. родственниками	7,8	23,1	18,9	9,4	8,4	14,9
Семьи без детей	67,3	27,1	43,5	75,5	77,4	57,1
Домохозяйства пенсионеров	28,6	1,7	9,0	46,1	46,5	18,8
Домохозяйства трудоспособных	12,7	5,2	9,8	6,7	9,3	12,6
Домохозяйства смешанного типа	26,1	20,2	24,8	22,7	21,5	25,6
Все семьи	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

с невысоким средним значением риска бедности (20–21%), составляют около 16% среди домохозяйств с ресурсами ниже ПМ и отвечают за 19% совокупного объема недостающего дохода бедных.

Группа полных семей с 2 и более детьми малочисленна: среди всех семей с детьми ее доля составляет 19%, а в общей структуре домохозяйств — лишь 6%. Хотя доля этих семей в общей численности бедных невелика (15%), они отвечают за четверть суммарного объема дефицита доходов всех бедных домохозяйств. По средним значениям риска бедности эта самая уязвимая группа: за чертой бедности находятся 44–45% ее представителей.

Неполные семьи составляют достаточно многочисленную группу как среди всех семей с детьми (35%), так и в общей структуре домохозяйств (11%). Также как и семьи с двумя и более детьми они испытывают одновременное влияние факторов бедности, связанных с повышенной иждивенческой нагрузкой (поскольку отсутствует один из родителей) и уязвимым положением на рынке труда. Среди домохозяйств с доходами ниже ПМ доля неполных семей равна 26%, они отвечают за 30% совокупного дефицита доходов бедных. Вероятность оказаться среди бедных для неполных семей ниже, чем для полных семей с двумя и более детьми (37%), однако они имеют более высокий показатель среднего дефицита доходов (33%). Отметим, что доходы таких семей в значительной степени формируются за счет денежных трансфертов от родственников, проживающих отдельно. Если в составе семьи есть другие родственники, риск абсолютной бедности неполной семьи повышается до 46%, а средний дефицит доходов снижается до 30%.

Результаты анализа рисков абсолютной бедности на индивидуальном уровне (табл. 3) указывают на то, что для ребенка вероятность оказаться в числе бедных составляет 37%, что в 1,6 раз выше среднего по выборке показателя риска бедности (24%). Среди всех детей в возрасте от 1 до 3 лет бедными являются 44%, среди младенцев до года — 42%. Риски бедности понижаются в средних возрастных группах детей до 36 и 34%, и снова возрастают до 40% для 15–18-летних детей.

Таблица 3. Риски и глубина бедности детей разного возраста согласно разным определениям бедности

Дети в возрасте	Доля группы в общей численности населения, %	Средний дефицит дохода согласно абсолютному подходу (% от ПМ)	Риски бедности по различным критериям бедности (% от численности группы)			
			Абсолютный подход (официальная оценка бедности)	Относительный подход (бедность по лишениям)	Субъективный подход	Комбинированный подход
До 1 года	0,5	24,1	41,7	33,3	8,3	8,3
От 1 до 3 лет	1,9	32,0	44,2	22,5	18,6	10,9
От 3 до 7 лет	2,7	36,4	35,7	26,9	23,1	12,1
От 7 до 15 лет	6,7	31,4	33,8	22,8	22,6	8,6
От 15 до 18 лет	4,9	32,0	40,4	21,7	17,2	7,5
Все дети	16,8	29,9	37,4	23,4	20,2	9,1
Все респонденты	100,0	29,1	23,5	25,9	22,1	6,1

Таблица 4. Профиль детской бедности согласно разным определениям бедности

Дети в возрасте	Доля группы в общей численности населения, %	Профиль дефицита доходов (% от суммарного дефицита доходов)	Профиль бедности по различным критериям бедности (% от численности бедных)			
			Абсолютный подход (официальная оценка бедности)	Относительный подход (бедность по лишениям)	Субъективный подход	Комбинированный подход
До 1 года	3,2	2,6	3,5	4,4	1,3	2,9
От 1 до 3 лет	11,4	13,4	13,5	10,9	10,5	13,4
От 3 до 7 лет	16,0	17,2	15,2	18,4	18,3	21,5
От 7 до 15 лет	40,2	35,0	36,3	39,3	45,0	38,1
От 15 до 18 лет	29,3	31,8	31,5	27,0	24,9	24,1
Все дети	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Каковы особенности профиля относительной бедности и какие семьи имеют максимальный риск оказаться в числе бедных по лишениям? Данные табл. 2 свидетельствуют о том, среди всех бедных по лишениям 75% составляют семьи, не имеющие в своем составе детей. Самой массовой группой бедных по лишениям являются семьи пенсионеров: их доля в общей численности бедных равна 46%. Второй по размеру группой домохозяйств с двумя и более относительными лишениями являются семьи смешанного типа без детей, в состав которых входят трудоспособные и пенсионеры (23%). Около 12% бедных по лишениям — неполные семьи.

Семьи пенсионеров имеют также максимальные риски оказаться среди бедных по относительному критерию (табл. 1). Практически 46% домохозяйств пенсионеров являются бедными по лишениям. Средний риск относительной бедности для семей с детьми составляет 22%, то есть ниже в 2 раза.

При анализе рисков депривационной бедности в разрезе отдельных групп семей с детьми становится очевидным, что риски увеличиваются вместе с ростом размера семьи. Для проживающих совместно с другими родственниками (чаще всего это бабушки и дедушки, то есть люди пенсионного возраста) одиноких родителей с детьми вероятность оказаться среди бедных по лишениям составляет 34%, для супругов с двумя и более детьми — 28%.

Отметим, что среди всех детей максимальные риски относительной бедности имеют дети в возрасте до 1 года: среди них каждый третий растет в бедной семье. Следующий по величине риск бедности имеют дети в возрасте 3–7 лет (27%). Для остальных возрастных групп он находится на уровне 22–23%.

В целом, с точки зрения риска относительной бедности семьи с детьми не являются однозначными лидерами, поэтому следует более подробно характеризовать распространенность различных типов лишений среди семей с детьми и семей без детей (табл. 3).

Таблица 5. Риск относительных лишений для различных социально-демографических групп, % от численности группы

Демографический тип семьи	Кто-то в семье не учится, так как вынужден работать	Кто-то в семье не обращался за медпомощью, т.к. ее нет либо она платная, либо не смог купить лекарства	Ограничивали питание из-за нехватки денег, ели мясо, птицу, рыбу один раз в неделю и реже	Жилье ветхое, требует ремонта, холодное, сырое, тесное, без удобств	Кому-то в семье давно не обновляли одежду и обувь, или дети пользуются поношенной из-за нехватки средств
Семьи с детьми	4,6	24,2	14,5	16,9	21,8
Супружеская пара с 1 ребенком	2,5	19,0	7,2	12,0	8,1
Супружеская пара с 1 ребенком и др. родственниками	8,3	22,8	8,2	14,1	22,5
Супружеская пара с 2 детьми	1,7	17,1	11,9	18,7	15,1
Супружеская пара с 2 детьми и др. родственниками	7,5	30,3	10,1	24,4	31,7
Матери (отцы) с детьми	2,9	29,1	23,9	14,3	17,9
Матери (отцы) с детьми и др. родственниками	4,7	26,9	26,1	18,0	35,6
Семьи без детей	1,4	27,7	23,5	11,6	32,3
Домохозяйства пенсионеров	0,0	37,3	38,3	13,9	52,9
Домохозяйства трудоспособных	0,9	19,1	14,5	8,4	13,5
Домохозяйства смешанного типа	3,4	26,7	17,8	12,5	30,4
Все семьи	2,4	27,6	22,2	13,4	31,6

Так, процент семей, испытывающих самые распространенные в Ленинградской области виды лишений (ограничения, связанные с питанием, покупкой одежды и обуви, медицинскими услугами), среди семей с детьми ниже, чем среди других домохозяйств. Особенно большой разрыв наблюдается по показателям питания и обновления одежды: доля семей с детьми, указавших на данные лишения, в 1,5 раза ниже, чем доля семей, в которых нет детей. Наибольшее число испытывающих эти виды лишений концентрируется среди домохозяйств пенсионеров. Но и среди семей с детьми есть несколько категорий, уязвимых по этим показателям. Покупка одежды и обуви особенно проблематична для неполных семей и семей с двумя и более детьми, в состав которых входят другие родственники. Все неполные семьи в большей степени, чем все остальные, из-за отсутствия денег вынуждены ограничивать питание. Уязвимыми с точки зрения доступа к необходимой медицинской помощи, включая покупку лекарств, являются все неполные семьи и полные семьи с двумя и более детьми и другими родственниками.

Семьи с детьми вновь занимают лидирующие позиции, когда речь идет о депривации в области жилищных условий и образования. Если в среднем по выборке лишения по жилью имеют 13% семей, то среди домохозяйств с детьми доля проживающих в неприемлемых условиях достигает 17%, прежде всего за счет высоких показателей у семей большого размера (всех полных семей с двумя и более детьми и неполных семей, проживающих совместно с другими родственниками). Что касается лишений, связанных с ограничением в получении образования, то хотя в целом по области они распространяются всего на 2,4% домохозяйств, среди семей с детьми процент таковых почти в 2 раза выше. Опережают всех по этому показателю полные семьи с детьми и другими родственниками.

Насколько распространены те или иные виды относительных лишений в различных возрастных группах детей? Начнем с того, что дети реже испытывают лишения, связанные с недостаточным питанием, нехваткой одежды и обуви, а также с недоступностью медицинских услуг (табл. 6). Тем не менее практически четверть всех детей проживает в семьях, испытывающих трудности с обновлением одежды и обуви (23%) и доступом к медицинской помощи и лекарствам (24%), а 16% детей проживает в семьях, вынужденных ограничивать питание. Говоря о последнем лишении, отметим, что ему в одинаковой степени подвержены дети всех возрастов.

Лишения, связанные с доступностью медицинской помощи, менее распространены среди детей по следующим причинам. Во-первых, семьи с детьми — как правило, более молодые семьи, а молодые люди реже испытывают проблемы со здоровьем или меньше обращают на них внимание. Во-вторых, услуги детских поликлинических учреждений в связке с работой медсестер в детских садах и школах, там, где они налажены, являются бесплатными. Среди всех детей самый высокий уровень депривации по этому показателю имеют две возрастные группы: дети в возрасте до года и дети в возрасте 3–7 лет. Среди последних 30% проживают в семьях, сталкивающихся с ограничениями в доступе к медицинским услугам.

Как уже было сказано выше, дети в меньшей степени, чем другие респонденты, сталкиваются с нехваткой одежды и обуви. И все же эта проблема достаточно серьезна, когда речь идет о самых маленьких детях. 36% всех детей в возрасте до 1 года проживают в семьях, не имеющих возможности своевременного обновления одежды и обуви для кого-либо из членов семьи.

Дети гораздо чаще имеют плохие жилищные условия, чем другие респонденты. В неудовлетворительных жилищных условиях живет почти каждый третий ребенок в возрасте до года, каждый пятый ребенок в возрасте от года до 7 лет.

Уровень депривации, связанной с невозможностью продолжения образования, для детей выше, чем в среднем для всех респондентов, но самыми уязвимыми по данному показателю являются дети в возрасте 1–3 лет и подростки в возрасте 15–18 лет. Повышенный риск лишений в этой сфере у первой группы связан с тем, что от продолжения образования вынуждены отказываться их молодые родители, у второй — потому что сами подростки вынуждены прекращать образование и начинать работать.

Таблица 6. Риск относительных лишений для детей разного возраста

Дети в возрасте:	Кто-то в семье не учится, так как вынужден работать	Кто-то в семье не обращался за медпомощью, т.к. ее нет либо она платная, либо не смог купить лекарства	Ограничивали питание из-за нехватки денег, или мясо, птицу, рыбу один раз в неделю и реже	Жилье ветхое, требует ремонта, холодное, сырое, тесное, без удобств	Кому-то в семье давно не обновляли одежду и обувь, или дети пользуются поношенной из-за нехватки средств
До 1 года	2,8	25,0	16,7	30,6	36,1
От 1 до 3 лет	7,7	20,8	16,9	20,8	24,6
От 3 до 7 лет	4,4	29,7	15,4	20,9	22,0
От 7 до 15 лет	2,4	23,5	15,8	19,1	22,6
От 15 до 18 лет	6,0	22,6	16,3	13,3	22,6
Все дети	4,4	23,9	16,0	18,2	23,2
Все респонденты	3,6	26,6	18,1	14,6	28,4

Профиль субъективной бедности практически полностью повторяет распределение бедных по относительным лишениям (табл. 2). Большинство субъективно бедных (77%) — семьи без детей, почти половина (47%) — семьи пенсионеров. Если говорить о риске субъективной бедности, максимальные показатели также имеют домохозяйства пенсионеров: среди них к бедным себя относят почти 44% (табл. 1).

Хотя, согласно субъективной оценке бедности, семьи с детьми в целом более благополучны, чем остальные семьи, второе место по показателям риска бедности после семей пенсионеров занимают неполные семьи с детьми: среди таких семей бедной себя считает каждая третья. Субъективная бедность распространяется на 20% семей трудоспособных и семей смешанного типа без детей и многопоколенных полных семей с двумя и более детьми.

Анализируя показатели бедности на индивидуальном уровне, можно сделать вывод, что доля субъективно бедных среди детей ниже, чем среди всех респондентов, и составляет около 20%. Наименьшее число бедных по субъективной оценке семьи наблюдается среди детей в возрасте до года (8%). По достижении детьми возраста 1–3 лет этот показатель увеличивается более чем в 2 раза и достигает максимальных значений, которые превышают средние по всем респондентам, у детей в возрасте 3–15 лет. В старшей возрастной группе детей доля субъективно бедных снижается до уровня 17,2%, то есть опять становится ниже среднего показателя по выборке.

Сопоставление профилей бедности, полученных при альтернативных измерениях бедности, позволяет сделать вывод о том, что при применении

разных определений бедности статус бедных получают разные семьи. Как было сказано выше, с нашей точки зрения, в этой ситуации приоритетной группой социальной поддержки должны стать 5,6% семей, или 6,1% индивидов, **бедных согласно всем трем определениям бедности**, то есть имеющих доходы ниже ПМ, испытывающих значимые лишения в потреблении жизненно важных благ и услуг и субъективно относящих себя к бедным.

В целом, среди крайне бедных больший удельный вес имеют семьи без детей: около 25% бедных по комбинированной оценке — семьи смешанного типа без детей. Если прибавить к ним семьи пенсионеров (18%) и трудоспособных (13%), оказывается, что в общем профиле крайней бедности на домохозяйства с детьми приходится всего 43%. Тем не менее по показателю риска бедности семьи с детьми значительно опережают (в 1,7 раза) все остальные домохозяйства. Неполные семьи, без преувеличения, представляют собой самую уязвимую группу экстремально бедных — они не только занимают второе место по весу в профиле бедности (23%), но и характеризуются очень высоким риском бедности (последний превышает средневыборочный показатель в 2,3 раза, а показатель семей без детей — в 2,6 раза). Еще более высокий риск бедности по комбинированной оценке имеют полные многопоколенные семьи с двумя и более детьми, которые, однако, из-за своей малочисленности, не имеют большого удельного веса среди экстремально бедных.

Если говорить в терминах индивидуальной бедности, дети попадают в число бедных одновременно по трем критериям бедности в 1,5 раза чаще, чем все респонденты в среднем. При этом наибольшее число бедных согласно комбинированной оценке фиксируется среди детей в возрасте 3–7 лет (12%) и от 1 года до 3 лет (11%).

3. ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕТСКОЙ БЕДНОСТИ

3.1. Факторы, влияющие на вероятность детской бедности согласно различным подходам к ее определению

Политика содействия сокращению бедности среди семей с детьми предполагает наличие ответов не только на вопрос о численности и структуре бедных. Не менее принципиальным является понимание причин повышенного риска бедности детей. Для решения этой задачи была построена логистическая регрессионная⁹ модель прогноза вероятности попадания детей в бедность в зависимости от демографических и социально-экономических характеристик их семей. Модель позволяет оценить вероятность наступления события на основе вычисления шансов, то есть отношения вероятности наступления события к вероятности его ненаступления.

Авторы использовали четыре зависимые переменные, которые принимают значение 1, если ребенок является бедным, и значение 0, если ребенок не является бедным. Напомним, что самая высокая оценка уровня детской бедности в Ленинградской области (37,4%) получена согласно абсолютному подходу. 23,4% детей до 18 лет относятся к бедным в рамках подхода, основанного на относительных лишениях. 20,2% детей проживают в семьях, которые являются бедными по субъективной оценке. Наконец, при пересечении этих трех множеств в числе бедных остаются лишь 9% всех детей (табл. 3).

На первом этапе анализа для каждой из четырех зависимых переменных методом пошаговой регрессии были отобраны значимые независимые пере-

⁹ В аналогии участвуют 1127 детей, в семьях которых есть трудоспособные и для которых определены доходы.

менные. Поскольку в большинстве случаев эти наборы пересекались, на втором этапе анализа для оценки вероятности попадания респондента в бедность авторы использовали единый для всех линий бедности набор независимых переменных. Все независимые переменные принимают значения 1, если в семье ребенка присутствует данный признак, и 0, если данный признак отсутствует. Описательные статистики переменных, вошедших в этот набор приведены в *табл. 1 Приложения 3*. Регрессионные оценки параметров логистических уравнений для четырех зависимых переменных приведены в *табл. 7*.

Полученные значения коэффициентов для модели попадания детей в бедность согласно **официальному подходу** свидетельствуют о том, что при фиксированных прочих переменных:

- по сравнению с семьями, где детская нагрузка низкая (менее 0,5), принадлежность ребенка к семье со средней детской нагрузкой (от 0,5 до 1) увеличивает соотношение шансов¹⁰ попадания и непопадания в бедность по доходам в 1,6 раза; принадлежность к семье с повышенной детской нагрузкой (от 0,5 до 1), соответственно, — в 3,3 раза; наконец, принадлежность ребенка к семье с высокой детской нагрузкой (2 и выше) — в 10,6 раза;
- если главой семьи является мужчина, соотношение шансов детей оказаться и не оказаться среди бедных уменьшается на 38,4%, по сравнению с ситуацией, когда главой семьи является женщина;
- отсутствие высшего образования у всех взрослых приводит к увеличению соотношения шансов ребенка быть и не быть бедным в 3,1 раза, по сравнению с семьями, где у всех взрослых есть высшее образование. Из-за незначимости коэффициента нет полной уверенности относительно повышенной вероятности бедности для детей, проживающих в семьях, где высшее образование есть у части взрослых;
- наличие пенсионеров в семье понижает вероятность доходной бедности детей. Более того, соотношение вероятности попадания и непопадания детей в бедность снижается более существенно (на 47,2%), если в семье число пенсионеров больше или равно числу трудоспособных. Если число пенсионеров меньше числа трудоспособных, соотношение шансов, соответственно, понижается на 42,5% по сравнению с семьями, в которых отсутствуют пенсионеры. В то же время появление в составе домохозяйства пенсионера с пенсией ниже ПМ, приводит к тому, что соотношение шансов попадания и непопадания ребенка в бедность увеличивается в 1,6 раза;
- вероятность детской бедности повышена в случае отсутствия работы у трудоспособных членов семьи. Так, если ребенок живет в семье, где есть безработный, соотношение вероятности попадания и непопадания в бедность увеличивается в 5,8 раза, по сравнению с остальными семьями. Наличие неработающего трудоспособного, не ищущего работу по причине ухода за детьми или другими родственниками, соответственно, повышает соотношение шансов в 2,7 раза. Наконец, если трудоспособный не ищет работу по причинам, не связанным с необходимостью ухода за детьми и родственниками, это соотношение увеличивается в 4,8 раза;

¹⁰ Коэффициент относительного риска $EXP(B)$ интерпретируется как изменение соотношения шансов попадания и непопадания респондента в число бедных при изменении на единицу k -й независимой переменной при неизменных остальных независимых переменных. Применительно к дамми-переменным коэффициент $EXP(B)$ показывает во сколько раз принадлежность респондента к той или иной группе увеличивает соотношение шансов наступления и ненаступления события по сравнению с принадлежностью к группе, выбранной в качестве контрольной (референтной).

Таблица 7. Регрессионная оценка факторов, влияющих на вероятность детской бедности согласно различным подходам к ее определению.
Бинарная логистическая регрессия

Показатель	Бедность согласно официальной концепции			Бедность по лишениям			Бедность по субъективной оценке			Бедность по комбинированной оценке		
	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)
Референтная группа – детская нагрузка от 0 до 0,5												
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): от 0,5 до 1	0,500	0,029	1,649	-0,359	0,127	0,698	0,929	0,002	2,532	0,925	0,042	2,521
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): от 1 до 2	1,195	0,000	3,302	0,096	0,682	0,908	1,362	0,000	3,905	1,126	0,015	3,085
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): 2 и выше	2,359	0,000	10,580	0,867	0,009	2,380	2,364	0,000	10,629	2,836	0,000	17,045
Референтная группа – мужчины												
Пол главы домохозяйства	-0,484	0,004	0,616	-0,496	0,005	0,609	-0,693	0,000	0,500	-0,292	0,285	0,746
Референтная группа – у всех взрослых есть высшее образование												
Не у всех взрослых есть высшее образование	0,455	0,118	1,576	1,383	0,007	3,986	0,275	0,472	1,316	0,711	0,404	2,036
Ни у кого из взрослых нет высшего образования	1,129	0,000	3,092	2,119	0,000	8,323	0,871	0,008	2,388	1,839	0,015	6,290
Референтная группа – нет пенсионеров												
Есть пенсионеры, но их меньше, чем трудоспособных	-0,553	0,020	0,575	0,773	0,001	2,167	-0,227	0,411	0,797	-0,865	0,076	0,421
Есть пенсионеры, но их столько же или больше чем трудоспособных	-0,639	0,022	0,528	0,691	0,013	1,996	-0,230	0,437	0,795	0,053	0,893	1,055
Есть члены семьи с пенсией ниже ПМ	0,495	0,005	1,641	0,312	0,086	1,367	0,837	0,000	2,310	0,757	0,006	2,133
Есть незанятые трудоспособные, ИЩУЩИЕ РАБОТУ	1,766	0,000	5,848	0,883	0,000	2,418	1,537	0,000	4,649	2,127	0,000	8,387

Таблица 7. Продолжение

Показатель	Бедность согласно официальной концепции			Бедность по лишениям			Бедность по субъективной оценке			Бедность по комбинированной оценке		
	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)
Есть незанятые трудоспособные, НЕ ИЩУЩИЕ РАБОТУ, по причине ухода за детьми и т.д.	1,001	0,000	2,720	0,506	0,038	1,659	0,800	0,003	2,225	1,344	0,000	3,835
Есть незанятые трудоспособные, НЕ ИЩУЩИЕ РАБОТУ, по причинам, не связанным с уходом за детьми	1,53	0,000	4,618	0,230	0,527	1,258	0,971	0,012	2,640	1,046	0,048	2,845
Есть занятые трудоспособные с зарплатой ниже ПМ	1,549	0,000	4,707	0,985	0,000	2,678	1,224	0,000	3,399	1,842	0,000	6,308
Есть занятые трудоспособные с зарплатой выше ПМ, но ниже 1,5 ПМ	0,427	0,012	1,533	0,305	0,094	1,357	0,719	0,000	2,052	0,289	0,324	1,335
Есть занятые трудоспособные с зарплатой выше 1,5 ПМ, но ниже 2 ПМ	0,278	0,108	1,321	0,190	0,321	1,209	0,484	0,018	1,622	-0,306	0,382	0,737
Референтная группа – проживают в городе с населением 50 000 человек и больше												
Проживают в городе с населением 20 000–50 000 человек	0,048	0,825	1,049	0,325	0,209	1,383	1,428	0,000	4,169	1,597	0,001	4,937
Проживают в городе с населением менее 20 000 человек	0,063	0,801	1,065	0,870	0,002	2,386	0,951	0,003	2,588	1,795	0,000	6,019
Проживают в поселке городского типа	0,514	0,051	1,672	1,013	0,000	2,754	0,934	0,007	2,543	1,763	0,001	5,829
Проживают в сельской местности	0,038	0,845	1,039	0,580	0,010	1,786	1,069	0,000	2,911	1,630	0,000	5,104
Константа	-2,889	0,000	0,056	-3,927	0,000	0,020	-4,820	0,000	0,008	-7,607	0,000	0,000
Размер выборки	1127			1127			1127			1127		
-2 Log likelihood	1193,8			1022,3			910,7			491,9		
Доля всех наблюдений, объясненных данной моделью, %	74,5			77,9			80,5			91,0		

- низкие трудовые доходы взрослых приводят к повышенной вероятности детской бедности. Так, если в составе домохозяйства есть занятый с зарплатой ниже ПМ, соотношение шансов попадания и непопадания в бедность для ребенка будет выше в 4,7 раза, чем при отсутствии взрослого с такой зарплатой. Как мы видим, наличие в семье взрослого с зарплатой выше ПМ, но ниже 1,5 ПМ¹¹, также приводит к повышенной вероятности бедности (соотношение шансов увеличивается в 1,5 раза);
- из-за незначимости коэффициентов на 5-процентном уровне ничего нельзя сказать о связи с вероятностью доходной бедности детей такого фактора, как место проживания.

Рассмотрим, какие признаки влияют на вероятность детской бедности согласно подходу, основанному на **относительных лишениях**. При фиксированных прочих переменных:

- связь с повышенной вероятностью относительной бедности выявлена только для одной переменной, характеризующей уровень детской нагрузки. Для детей, проживающих в семьях, где на 1 трудоспособного приходится 2 и более детей, соотношение вероятностей попадания и непопадания в бедность в 2,4 раза выше по сравнению с контрольной группой;
- как и в случае с доходной бедностью, если главой семьи является женщина, а не мужчина, соотношение шансов детей оказаться и не оказаться среди бедных увеличивается в $(1/0,609)$ 1,6 раза;
- отсутствие высшего образования у некоторых взрослых приводит к 4-кратному увеличению соотношения шансов попадания и непопадания в бедность, а отсутствие такового у всех взрослых — к 8-кратному увеличению данного соотношения, при сравнении с контрольной группой семей;
- в отличие от ситуации с доходной бедностью, наличие в семье пенсионеров приводит к увеличению вероятности бедности детей по относительным лишениям. Соотношение шансов попадания и непопадания детей в бедность увеличивается в 2–2,2 раза при наличии в составе семьи пенсионеров. Из-за незначимости коэффициента нельзя сделать выводов о влиянии на вероятность детской бедности такого признака, как присутствие пенсионеров с пенсией ниже ПМ;
- среди признаков, характеризующих уязвимое положение взрослых на рынке труда, значимыми оказались два показателя. Наличие в семье безработного повышает соотношение вероятности попадания и непопадания ребенка в бедность в 2,4 раза, а наличие трудоспособного, не ищущего работу по причине ухода за детьми, — в 1,7 раза;
- повышенная вероятность детской бедности может быть связана с тем, что в составе семьи присутствуют занятые с зарплатой ниже ПМ, так как в таком случае соотношение шансов попадания и непопадания детей в бедность повышается в 2,7 раза;
- значимыми для вероятности попадания детей в бедность по лишениям оказались три признака, связанные с местом проживания домохозяйства. Если семья живет в городе с населением менее 20 000 человек, соотношение вероятностей попадания и непопадания ребенка в бедность повышается в 2,5 раза по сравнению с контрольной группой. Для семей, проживающих в поселках городского типа, это соотношение выше в 2,8 раза, для сельских семей — в 1,8 раза.

¹¹ Для того чтобы избежать попадания в бедность, в типичной семье, состоящей из 2 родителей и 1 ребенка, каждый родитель должен зарабатывать не менее 1,5 ПМ.

Перейдем теперь к анализу влияния нашего набора характеристик на бедность детей согласно **субъективной оценке**. При прочих фиксированных переменных:

- принадлежность ребенка к семье с детской нагрузкой от 0,5 до 1 увеличивает соотношение шансов попадания и непопадания детей в бедность в 2,5 раза (по сравнению с контрольной группой); принадлежность к семье с детской нагрузкой от 0,5 до 1, соответственно, — в 3,9 раза; наконец, принадлежность ребенка к семье с детской нагрузкой 2 и выше — в 10,6 раза;
- если главой семьи является женщина, соотношение шансов ребенка оказаться и не оказаться среди бедных увеличивается практически в (1/0,500) 2 раза, по сравнению с ситуацией, когда главой семьи является мужчина;
- отсутствие высшего образования у всех взрослых приводит к увеличению соотношения шансов ребенка быть и не быть бедным в 2,4 раза при сравнении с контрольной группой семей;
- из-за незначимости коэффициентов нельзя ничего сказать о влиянии на изменение вероятности детской бедности самого факта присутствия в семье пенсионеров. Однако при появлении в семье пенсионера с пенсией ниже ПМ соотношение шансов попадания и непопадания ребенка в бедность повышается в 2,3 раза;
- все переменные блока, характеризующего связи семьи с рынком труда оказались значимыми с точки зрения влияния на вероятность детской бедности. Наличие в семье неработающего, ищущего работу, повышает соотношение вероятностей попадания и непопадания ребенка в бедность в 4,6 раза, наличие неработающего трудоспособного, не ищущего работу по причине ухода за детьми, — в 2,2 раза, наличие неработающего трудоспособного, который не ищет работу и не занят уходом за детьми, — в 2,6 раза, по сравнению с семьями, где таковых нет;
- значимыми оказались все переменные в блоке, характеризующем оплату труда. Если в составе домохозяйства есть занятый с зарплатой ниже ПМ, соотношение шансов попадания и непопадания в бедность для ребенка будет выше в 3,4 раза, по сравнению с остальными семьями. Наличие взрослого с зарплатой выше ПМ, но ниже 1,5 ПМ также приводит к повышенной вероятности субъективной бедности (соотношение шансов увеличивается в 2,1 раза). Рост соотношения шансов попадания и непопадания детей в бедность (в 1,6 раза) наблюдается и в семьях, где есть занятые с зарплатой выше 1,5 ПМ, но ниже 2 ПМ;
- все переменные, характеризующие место проживания семьи, оказались положительно связанными с вероятностью субъективной бедности детей. По сравнению с детьми, проживающими в крупных городах (с населением 50 000 человек и выше), все остальные дети имеют более высокое значение соотношения шансов попадания и непопадания в бедность. Так, для детей из городов с населением 20 000–50 000 человек оно выше в 4,2 раза, для детей из городов с населением менее 20 000 человек — в 2,6 раза, для детей, проживающих в поселках городского типа, — в 2,5 раза, для детей из сельской местности — в 2,9 раза, соответственно.

В завершение анализа детерминант детской бедности, обратимся к результатам, полученным на основе модели вероятности попадания детей в

бедность по комбинированной оценке, то есть одновременно по доходам, лишениям и субъективной оценке. Эта модель обнаружила следующие зависимости:

- значимыми оказались все переменные, характеризующие уровень детской нагрузки на трудоспособных. Так, детская нагрузка от 0,5 до 1 увеличивает соотношение шансов попадания и непопадания детей в бедность в 2,5 раза, нагрузка 0,5 до 1, соответственно, — в 3,1 раза; наконец, нагрузка на уровне 2 и выше — в 17 раз;
- из-за незначимости коэффициентов на 5-процентном уровне нельзя сделать выводов о влиянии пола главы семьи на вероятность комбинированной бедности;
- соотношение шансов ребенка быть и не быть бедным увеличивается в 6,3 раза, если в составе семьи нет ни одного взрослого с высшим образованием;
- сам факт присутствия в семье пенсионеров оказался незначимым с точки зрения вероятности детской бедности по комбинированному критерию. Однако при появлении в семье пенсионера с пенсией ниже ПМ, соотношение шансов попадания и непопадания ребенка в бедность повышается в 2,1 раза;
- вероятность комбинированной бедности повышена при отсутствии занятости у трудоспособных членов семьи. Если в семье есть безработный, соотношение вероятности попадания и непопадания ребенка в бедность увеличивается в 8,4 раза; при неработающем трудоспособном, не ищущем работу по причине ухода за детьми, соответственно, — в 3,8 раза; если неработающий член семьи не ищет работу по причинам, не связанным с необходимостью ухода за детьми, — 3,8 раза;
- низкие трудовые доходы взрослых приводят к повышенной вероятности детской бедности. Так, если в составе домохозяйства есть занятый с зарплатой ниже ПМ, соотношение шансов попадания и непопадания в бедность для ребенка будет выше в 6,3 раза, чем при отсутствии взрослого с такой зарплатой.
- в рамках нашей модели повышенная вероятность комбинированной бедности связана только с одним показателем из трех — наличием в составе семьи работников с зарплатой ниже ПМ. Соотношение шансов попадания и непопадания детей в бедность в этом случае будет в 6,3 раза выше, чем для всех остальных семей;
- как и в модели для субъективной бедности, все переменные, характеризующие место проживания семьи, оказались значимыми с точки зрения вероятности попадания детей в бедность по комбинированной оценке. По сравнению с контрольной группой, соотношение шансов попадания и непопадания детей в бедность выше: в 4,9 раз — для детей из городов с населением 20 000–50 000 человек; в 6 раз — для детей из городов с населением менее 20 000 человек; в 5,8 раза — для детей из поселков городского типа; в 5,1 раза — для детей из сельской местности.

Пользуясь уравнением для вычисления вероятности наступления события при полученных регрессионных коэффициентах, можно рассчитать вероятность попадания ребенка в бедность согласно разным подходам к ее определению при одинаковом наборе независимых переменных.

Возьмем в качестве примера семью, проживающую в городе с населением до 20 000 человек, где есть 1 ребенок, 2 трудоспособных работающих родителя без высшего образования, и мама ребенка получает зарплату выше

ПМ, но ниже 1,5 ПМ. Вероятность того, что ребенок из такой семьи окажется бедным по доходам составляет 0,21, по лишениям — 0,19, по субъективной оценке 0,12, и, наконец, все три критерия бедности будут пересекаться с вероятностью 0,05.

Посмотрим, как изменится ситуация, если такая семья захочет завести второго ребенка. В этом случае уровень детской нагрузки увеличится до 1, а мать перейдет из категории занятых в категорию незанятых и не ищущих работу по причине ухода за детьми. Соответственно, вероятность абсолютной бедности повысится до 0,49, относительной бедности — до 0,28, субъективной — до 0,18, а комбинированной — до 0,18.

3.2. Детерминанты глубины детской бедности согласно официальной концепции (абсолютному подходу)

В рамках данного исследования мы попытались оценить, как характеристики домохозяйства, в котором живет ребенок, влияют на глубину его бедности или величину дефицита доходов. С этой целью мы построили линейную регрессионную модель прогноза душевых доходов детей в зависимости от демографических и социально-экономических характеристик их семей. В анализ, как и в предыдущих моделях, были включены все дети¹². Зависимая переменная — душевой доход в семье ребенка. Описательная статистика зависимой переменной и независимых переменных, отобранных методом пошагового включения, представлена в *табл. 3 Приложения 3*. Полученные коэффициенты регрессии приведены в *табл. 8*.

Наша регрессионная модель показывает, что самое сильное влияние на уровень душевых доходов детей оказывают размер трудовых доходов, которые получают их родители (коэффициент Beta равен 0,601) и денежная помощь от родственников (коэффициент Beta равен 0,421). При прочих равных условиях при увеличении душевых трудовых доходов семьи на 100 рублей доходы ребенка вырастут на 80,8 рублей, а при увеличении денежных трансфертов от родственников на такую же сумму — на 65,1 рублей, соответственно.

Другими значимыми факторами благосостояния детей являются такие источники доходов, как льготы и субсидии, натуральное потребление продукции личного подсобного хозяйства, страховые пособия и пенсии. Хотя их объясняющая сила гораздо ниже, чем у трудовых доходов и межсемейных трансфертов, все они, тем не менее, оказывают значительное влияние на благосостояние домохозяйств, имеющих доходы из этих источников. Например, прирост размера страховых пособий на 100 рублей влечет за собой рост доходов ребенка на 107,6 рублей. Примерно так же (на 107,1 рублей) вырастет благосостояние детей при увеличении потребления из личного подсобного хозяйства. Если льготы в душевом выражении увеличатся на 100 рублей, доход ребенка вырастет на 94,4 рубля. Наконец, в результате прироста пенсий на такую же величину, доходы детей вырастут на 41,1 рубля.

Помимо отдельных компонентов доходов, на уровень благосостояния детей влияют факторы, связанные с демографической структурой семьи, образовательным уровнем и положением их родителей на рынке труда (хотя их объяснительная сила гораздо ниже в сравнении с такими компонентами доходов, как зарплата и помощь родственников)¹³. С ростом числа детей бла-

¹² В анализе участвуют 1135 детей, для которых определены доходы

¹³ Изначально мы исходили из предположения, что для объяснения уровня душевых доходов будет достаточно ввести в качестве независимых переменных различные компоненты доходов домохозяйства. Однако при добавлении ряда дополнительных независимых переменных объясняющая сила модели выросла (скорректированный коэффициент детерминации увеличился с 0,619 до 0,636).

госостояние убывает, с ростом числа занятых, соответственно, увеличивается. Если в семье появляется еще один ребенок, душевые доходы в среднем снижаются на 297 рублей. Если в семье появляется еще один занятый, доходы увеличиваются на 357,3 рубля. Поскольку рождение ребенка неизбежно оборачивается уходом матери с рынка труда, следовательно, при рождении ребенка душевые доходы в среднем упадут на 654,3 рубля ($297 \pm 357,3$).

Таблица 8. Линейная регрессионная оценка факторов, влияющих на уровень душевых доходов детей¹⁴

Показатели	B	Std.Error	Beta	Sig.
Трудовые доходы, руб. на душу	0,808	0,0	0,601	0,000
Денежная помощь родственников, руб. на душу	0,651	0,0	0,421	0,000
Льготы и субсидии, руб. на душу	0,944	0,2	0,087	0,000
Натуральное потребление продукции ЛПХ, руб. на душу	1,071	0,2	0,080	0,000
Страховые пособия, руб. на душу	1,076	0,3	0,066	0,000
Пенсии и компенсационные выплаты в связи с отменой льгот, руб. на душу	0,411	0,1	0,058	0,002
Число детей в возрасте до 18 лет	-297,127	75,9	-0,074	0,000
Число занятых	357,350	79,1	0,100	0,000
Ни у кого из взрослых нет высшего образования	-267,393	117,6	-0,043	0,023
Есть занятые трудоспособные с зарплатой ниже ПМ	-327,750	151,4	-0,043	0,031

Размер выборки — 1135.

Коэффициент детерминации — 0,640, скорректированный коэффициент детерминации — 0,636.

Низкий уровень образования у взрослых членов семьи работает на понижение уровня доходов ребенка. Согласно нашей модели, ожидаемые душевые доходы в семьях, где ни у кого из взрослых нет высшего образования, будут на 267,4 рублей ниже, чем доходы в семьях, где высшее образование есть у всех взрослых.

Значимой детерминантой благосостояния детей является низкооплачиваемая занятость их родителей, при этом, поскольку речь идет о семьях с детьми, большим влиянием обладают факторы наличия в семье занятых с зарплатой выше 1 ПМ, но ниже 1,5 ПМ, или от 1,5 ПМ до 2 ПМ. В первом случае душевые доходы снижаются в среднем на 573 рубля, во втором — на 490,7 рублей. Наличие в семье работника с зарплатой ниже ПМ приводит к менее заметному сокращению душевых доходов в семье ребенка (327,8 рублей), вероятно, потому что такие работники реже являются основными кормильцами в семье.

Пользуясь полученными регрессионными коэффициентами, можно определить ожидаемый уровень дохода для ребенка из любой семьи и проанализировать, как различные изменения жизненной ситуации семьи отражаются на благосостоянии детей. Возьмем в качестве примера семью с одним ребенком, где оба родителя не имеют высшего образования и получают зарплату в размере 6453 рубля (2,2 ПМ трудоспособного), что соответствует среднему по области уровню оплаты труда на дату опроса¹⁵. Согласно нашей модели,

¹⁴ Коэффициент *B* показывает среднее изменение зависимой переменной (душевых доходов) при изменении на единицу *k*-й независимой переменной, при фиксированных прочих независимых переменных. Относительная предсказательная сила независимых переменных в рамках данной модели оценивается по коэффициенту *Beta* (стандартизированному коэффициенту *B*).

¹⁵ Величина официального ПМ в Ленинградской области во втором квартале 2005 г. составляла, соответственно, для трудоспособного населения — 2948 рублей, для детей — 2696 рублей, а для пенсионеров — 2048 рублей.

ожидаемые доходы ребенка из такой семьи будут составлять 5150 рублей (1,9 ПМ ребенка). Если в семье родится еще один ребенок, душевые доходы от занятости упадут, но в течение 2 месяцев после родов мать будет получать пособие по беременности и родам в размере 100-процентного ежемесячного заработка, следовательно, в этот период падение будет частично компенсировано страховыми пособиями, и доходы детей в такой семье составят 4058 рублей (1,5 ПМ ребенка). Впоследствии, когда мать будет получать только пособие по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет, душевые доходы семьи будут составлять 2511 рублей (0,93 ПМ ребенка). Таким образом, при появлении на свет второго ребенка, дети из семьи с двумя работающими родителями, получающими среднюю по области зарплату, попадают в число бедных, но при этом находятся рядом с чертой бедности. Предположим, что отец получает заработную плату в размере 5000 рублей, что чуть ниже среднего размера оплаты труда по области. В этом случае ожидаемые душевые доходы семьи составят 1727 рублей (0,64 ПМ ребенка), следовательно, дети из такой семьи не только попадут в число бедных, но их бедность будет глубокой.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Ниже представлены основные выводы, которые можно сделать на основе проведенного анализа масштабов, глубины и детерминант детской бедности в Ленинградской области:

- если опираться на официальный (абсолютный) стандарт измерения бедности (доходы ниже величины ПМ), по данным опроса СПРИЛО в апреле 2005 г., в число бедных попадали 19,2% семей, или 23,5% населения. Абсолютная бедность в Ленинградской области, как и в целом по России, имеет преимущественно детское лицо, как за счет глубокой бедности традиционных групп риска (многодетные и неполные семьи), так и за счет попадания в число бедных семей вполне благополучных с точки зрения демографических характеристик. Объективная реальность такова, что рождение второго ребенка в семье в сложившихся экономических условиях — ориентация на потребительское поведение бедных. Отвечая на вопрос о том, какие группы детей отличаются повышенным риском бедности, можно сделать вывод, что в наиболее рискованном положении с точки зрения абсолютной бедности оказываются маленькие дети (в возрасте до 3 лет) и подростки (15–18 лет);
- в случае измерения бедности методом относительных лишений к числу бедных относится 28,5% семей, или 25,9% населения региона. Основной группой бедных становятся семьи пенсионеров, что обусловлено в основном ограничениями в доступе к медицинским услугам и нехваткой средств на покупку лекарств. Наличием в составе семьи пенсионеров объясняется тот факт, что многопоколенные семьи с детьми имеют более высокие риски бедности по лишениям, чем все остальные. Семьи с детьми реже испытывают лишения, связанные с питанием, покупкой одежды и обуви и медицинскими услугами, и чаще сталкиваются с ограничениями в доступе к образованию и качественному жилью. Самыми уязвимыми с точки зрения относительной бедности являются дети в возрасте до года;
- 26,9% семей, или 22,1% населения Ленинградской области могут быть признаны бедными согласно субъективному подходу к оценке бедности. Чаще субъективно позиционируют себя в числе бедных именно пожилые

- люди, поэтому большинство субъективно бедных домохозяйств — это семьи без детей. Среди семей с детьми категория с повышенным риском субъективной бедности — неполные семьи. Если рассматривать субъективно бедные семьи с точки зрения возраста их детей и считать ребенка субъективно бедным в соответствии с мнением родителей о благосостоянии семьи, то максимальный риск субъективной бедности имеют дети в возрасте от 3 до 15 лет, в то время как самые маленькие дети (до года) имеют низкую вероятность оказаться в числе субъективно бедных.
- согласно построенной комбинированной линии бедности к бедным относятся семьи, которые одновременно имеют доходы ниже ПМ, испытывают лишения в потреблении жизненно важных благ и субъективно относят себя к бедным. В обследовании СПРИЛО таковыми являются всего 5,6% всех опрошенных семей, или 6,1% индивидов. Комбинированная черта бедности устраняет погрешности идентификации бедных, неизбежные при использовании каждого метода в отдельности. Если речь идет о приоритетных группах участников адресных социальных программ, то именно данные домохозяйства должны стать таковыми. Наиболее широко среди самых бедных представлены домохозяйства без детей, в состав которых входят трудоспособные и пенсионеры, а также неполные семьи. Хотя сложные многопоколенные семьи с двумя и более детьми не так широко представлены среди самых бедных по причине малочисленности, именно у этой группы самый высокий риск попадания в их число;
  - политика содействия сокращению бедности среди семей с детьми предполагает ответы не только на вопросы о численности и структуре бедного населения. Не менее принципиальным является понимание причин повышенного риска бедности детей. Согласно результатам нашего анализа, при применении абсолютной концепции бедности на повышение вероятности детской бедности работают такие факторы, как детская нагрузка, отсутствие в семье отца, низкий уровень образования членов семьи, отсутствие в составе семьи пенсионеров, присутствие неработающих трудоспособных, низкий размер заработной платы и пенсии;
  - вероятность бедности по лишениям увеличивается при высокой детской нагрузке, отсутствии в семье отца, низком уровне образования взрослых, присутствии пенсионеров, безработных или неработающих по причине ухода за детьми или работающих с низкой зарплатой, а также при проживании в сельской местности или городах с населением менее 20 000 человек;
  - детерминантами детской бедности согласно субъективному подходу являются детская нагрузка, отсутствие в семье отца, отсутствие высшего образования у взрослых, отсутствие работы у трудоспособных, низкий уровень оплаты труда работающих, низкий размер пенсии, проживание в сельской местности или в городе с населением менее 50 000 человек;
  - вероятность того, что все три критерия бедности будут совпадать, то есть ребенок будет бедным и по доходам, и по лишениям, и по субъективной оценке повышена, если в семье присутствует высокая детская нагрузка, взрослые не имеют высшего образования, есть пенсионеры с низкой пенсией, неработающие трудоспособные и занятые на низкооплачиваемых рабочих местах, а также если семья проживает в сельской местности или в городе с населением менее 50 000 человек;

- полученные результаты говорят о том, что политика оплаты труда является главным регулятором бедности. Проанализировав зависимость благосостояния детей от различных демографических и социально-экономических характеристик их семей, мы пришли к выводу, что определяющим фактором является размер трудовых доходов родителей. На втором месте в числе подобных факторов находятся межсемейные денежные трансферты. Страховые пособия и пенсии также являются значимыми детерминантами благосостояния детей (причем оба источника примерно в равной степени), однако в отличие от помощи, получаемой по семейным каналам, они не в состоянии существенно повлиять на уровень и глубину детской бедности. Помимо отдельных компонентов доходов, на уровень благосостояния детей влияют факторы, связанные с демографической структурой, образовательным уровнем и положением родителей на рынке труда (хотя их объяснительная сила гораздо ниже в сравнении с такими компонентами доходов, как зарплата и помощь родственников).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Демографическая структура домохозяйств Ленинградской области по данным опроса СПРИЛО и переписи населения, %

Характеристика семьи	Опрос СПРИЛО, апрель 2005 г.	Всероссийская перепись населения, осень 2002 г.
Супружеские пары с 1 ребенком, проживающие отдельно или совместно с другими родственниками	14,9	17,0
Супружеские пары с 2 и более детьми, проживающие отдельно или совместно с другими родственниками	6,3	8,1
Одинокие матери (отцы) с детьми, проживающие отдельно	3,7	5,8
Одинокие матери (отцы) с детьми, проживающие совместно с другими родственниками	7,8	4,3
Все семьи с детьми	32,7	35,9
Семьи без детей	67,3	64,1

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Методика определения относительных лишений

Лишение 1. Не хватает денег на питание (едят мясо, птицу, рыбу 1 раз в неделю и реже). В данную категорию попадали семьи, ограничивавшие в прошлом месяце питание из-за нехватки денег и потреблявшие блюда из мяса, рыбы, птицы 1 раз в неделю и реже.

Лишение 2. Кто-либо из членов домохозяйства из-за нехватки средств имеет одежду или обувь, срок годности которой истек. Сроки обновления одежды и обуви для различных возрастных групп населения Ленинградской области устанавливаются согласно нормам обновления верхней одежды и обуви на холодное время года для российских территорий с умеренным климатом (табл. 1).

Таблица 1. Нормативы обновления одежды и обуви для территорий с умеренным климатом, по данным ФСГС РФ

Категория населения:	Возраст, лет	Сроки обновления, лет	
		Верхняя одежда	Обувь
Дети	0–6	2	3
Дети	7–15	3	2
Мужчины	16–59	8	5
Женщины	16–54	7	4
Мужчины	60 и старше	10	5
Женщины	55 и старше	8	4

Лишение 3. Жилье ветхое или холодное и сырое, или тесное, или без стандартных для России удобств. Данное лишение является композицией субъективной неудовлетворенности домохозяйства своими жилищными условиями и объективных характеристик занимаемого жилья. Считается, что домохозяйство подвергнуто данному лишению, если оно указывает, что живет в плохих условиях — жилье *ветхое, холодное или сырое*. Так как у более чем половины семей площадь занимаемого жилья ниже социальной нормы, данный признак не может напрямую служить основанием наличия лишения и используется в комбинации с субъективной оценкой жилищных условий. Если домохозяйство не удовлетворено жилищными условиями и причиной является теснота жилья, то это считается лишением только в том случае, если общая площадь жилья ниже социальной нормы. Субъективные жалобы на отсутствие бытовых удобств тоже проверяются объективным фактором благоустройства и принимаются только от семей, проживающих в жилье, не оснащенный стандартным набором удобств (электричество, холодная и горячая вода, канализация).

Лишение 4. Кто-либо в домохозяйстве не смог получить необходимую медицинскую помощь или купить назначенные врачом лекарства. Испытываемыми ограничения в доступе к медицинским услугам считались домохозяйства (независимо от уровня их денежных доходов), в которых есть люди, не обращавшиеся за медицинской помощью по одной из следующих причин: отсутствуют врачи нужной специальности, трудно записаться на прием к врачу нужной специальности, необходимые услуги платные и нет возможности их оплатить. Семья также попадала в данную категорию, если кто-либо из ее членов не смог приобрести все назначенные врачами лекарства и медицинские изделия.

Лишение 5. В семье есть молодые люди до 23 лет включительно, которые не учатся, потому что вынуждены работать. У кого-либо в семье ограничен доступ к образованию при следующих условиях: респонденту менее 24 лет (именно в таком возрасте в России обычно заканчивают вузы), он работает, не имеет высшего образования (так как ограничение доступа к дополнительному высшему образованию не может считаться ограничением доступа к образованию в целом), и семья не относится к трем верхним децильным группам по уровню душевых денежных доходов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 1. Описательные статистики независимых переменных, вошедших в регрессионную модель вероятности детской бедности согласно различным подходам к ее определению

Показатель	Доля детей с данным признаком, %	Число респондентов
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): до 0,5	17,4	1127
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): от 0,5 до 1	35,1	1127
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): от 1 до 2	39,8	1127
Детская нагрузка (соотношение числа детей и трудоспособных): 2 и выше	7,7	1127
Глава домохозяйства – мужчина	68,2	1137
У всех взрослых есть высшее образование	12,7	1137
Не у всех взрослых есть высшее образование	23,9	1137
Ни у кого из взрослых нет высшего образования	63,4	1137
В домохозяйстве нет пенсионеров	79,5	1127
Есть пенсионеры, но их меньше, чем трудоспособных	11,9	1127
Есть пенсионеры, но их столько же или больше чем трудоспособных	8,6	1127
Есть члены семьи с пенсией ниже ПМ	23,0	1137
Есть незанятые трудоспособные, ИЩУЩИЕ РАБОТУ	10,6	1137
Есть незанятые трудоспособные, НЕ ИЩУЩИЕ РАБОТУ, по причине ухода за детьми и т.д.	11,1	1137
Есть незанятые трудоспособные, НЕ ИЩУЩИЕ РАБОТУ, по причинам, не связанным с уходом за детьми	4,4	1137
Есть занятые трудоспособные с зарплатой ниже ПМ	18,8	1137
Есть занятые трудоспособные с зарплатой выше ПМ, но ниже 1,5 ПМ	24,7	1137
Есть занятые трудоспособные с зарплатой выше 1,5 ПМ, но ниже 2 ПМ	23,5	1137
Проживают в городе с населением более 50 000 человек	25,2	1137
Проживают в городе с населением 20 000–50 000 человек	21,3	1137
Проживают в городе с населением менее 20 000 человек	12,8	1137
Проживают в поселке городского типа	9,9	1137
Проживают в сельской местности	30,8	1137

Примечание: Такие характеристики, как возраст ребенка, демографический тип семьи, гендерная структура семьи, образование, профессия и отрасль занятости главы семьи оказались незначимыми с точки зрения вероятности детской бедности согласно всем рассматриваемым подходам к ее определению

Таблица 2. Описательные статистики переменных, вошедших в регрессионную модель влияния факторов на уровень душевых доходов детей

Показатель	Число респондентов	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Зависимая переменная					
Дооцененные доходы на душу, руб.	1135	70,0	50166,7	3922,6	3003,7
Независимые переменные					
Трудовые доходы, руб. на душу	1135	0,0	16666,7	2711,9	2245,2
Денежная помощь родственникам, руб. на душу	1135	0,0	50000,0	320,6	1944,0
Льготы и субсидии, руб. на душу	1135	0,0	4126,7	93,1	276,0
Натуральное потребление продукции ЛПХ, руб. на душу	1135	0,0	2779,3	84,3	223,3
Страховые пособия, руб. на душу	1135	0,0	2333,3	31,9	183,9
Пенсии и компенсационные выплаты в связи с отменой льгот, руб. на душу	1135	0,0	3250,0	278,7	453,0
Число детей в возрасте до 18 лет	1135	1,0	6,0	1,5	0,8
Число занятых	1135	0,0	6,0	1,7	0,8
Ни у кого из взрослых нет высшего образования	1135	0,0	1,0	0,6	0,5
Есть занятые трудоспособные с зарплатой ниже ПМ	1135	0,0	1,0	0,2	0,4
Есть занятые трудоспособные с зарплатой от ПМ до 1,5 ПМ	1135	0,0	1,0	0,2	0,4
Есть занятые трудоспособные с зарплатой от 1,5 ПМ до 2 ПМ	1135	0,0	1,0	0,2	0,4

Примечание: Такие характеристики, как возраст ребенка, демографический тип семьи, гендерная структура семьи, число пенсионеров, наличие неработающих трудоспособных, тип населенного пункта, а также возраст, образование, профессия, отрасль и сектор занятости главы семьи оказались незначимыми с точки зрения влияния на уровень душевых доходов в семье ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. — М.: Московский центр Карнеги, 1998.
2. Демографический ежегодник России. 2006: Стат. сб. / Росстат. — М., 2006. С. 436.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 6. С. 78–79, 338.
4. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под. ред. Т.М. Малевой. — М.: НИСП, 2007. С. 377.
5. Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Детская бедность в России: тревожные тенденции и выбор стратегических действий. Доклад ЮНИСЕФ. — М.: ЮНИСЕФ, 2005.
6. Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М., Токсанбаева М.С. и др. Итоговый отчет по гранту № SP-01-1-17 «Причины и масштабы распространения бедности городского населения России и адресная помощь беднейшим». — М.: Изд-во НИСП, 2002.
7. Положение детей в Российской Федерации. Итоги социальной политики 1990-х годов и перспективы / Пер. с англ. — М.: Изд-во «Весь мир», 2003. — 304 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. — М. 2006. С. 82–83.
9. <http://www.sprilo.ru>.

ДОМОХОЗЯЙСТВО И СЕМЬЯ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Л.М. Прокофьева, к. э. н., ИСЭПН РАН

Сколько семей в России? В каких типах домохозяйств они живут? Знание реальной структуры населения России очень важно не только для исследователей, но и для людей, принимающих решения в области социальной политики, жилищного строительства. Самую полную информацию о населении дают переписи населения, последняя из которых была проведена в 2002 г.¹, и ее особенностью был переход к учету домохозяйств. Насколько отличается семейная структура населения при подходе к семье как семейной ячейке от структуры домохозяйств, публикуемой Росстатом²?

Проведенный анализ показал, что в России больше неполных и малолетних семейных ячеек, чем свидетельствуют данные по домохозяйствам. В то же время, структура населения России сегодня отличается высоким уровнем совместного проживания нескольких семейных ячеек в одном домохозяйстве.

Разработка материалов переписей населения не только по домохозяйствам, но и по семейным ячейкам дает возможность оценить реальное распространение групп риска бедности (например, неполных семей), категорий населения, на которые направлены социальные программы на федеральном или региональном уровне. Это доказывает необходимость разработки и публикации данных переписи 2002 г. и всех последующих о структуре семейных ячеек в составе домохозяйств, тем более, что эта задача технически выполнима.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЬИ И ДОМОХОЗЯЙСТВА

Общепризнанное определение семьи исходит из обязательности признака родства, а также общности быта и ответственности членов семьи друг за друга и за семью в целом. Таким образом, семья — это *основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью* [Волков А.Г., 1986]. В отличие от понятия биологической семьи, включающей супругов и их потомство, семья в более широком социальном смысле может включать усыновленных или сводных детей, родственников одного из супругов на основании отношений свойства.

В программе всех послевоенных переписей населения СССР семья определялась как *группа из двух и более лиц, связанных отношениями родства или*

¹ Последняя перепись советского периода проводилась в 1989 г.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 6. «Число и состав домохозяйств». Росстат. Анализ семейных ячеек проводился по материалам специальной разработки Росстата данных переписи 2002 года, представленным в Минздравсоцразвития РФ.

Сравнительное исследование данных по Франции, России и Грузии проводится в рамках проекта INTAS и ECODEF/CI. ANR в 2006–2008 гг.

свойства, проживающих совместно и имеющих общий бюджет. В понятие «общий бюджет» входит полное или частичное объединение членами семьи своих доходов и совместное их расходование для ведения хозяйства. Таким образом, при включении в определение семьи потребительского компонента (аккумуляция доходов и организация потребления) статистическое определение семьи оказалось близким к определению семейного домохозяйства в западной социологии. Отличие состояло прежде всего в определении категории одиночки. Домохозяйство, в отличие от семьи, может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. В программе переписей лица, живущие вне семьи, разделялись на две категории — одиночек (материально самостоятельные лица) и лиц, живущих отдельно от своих семей, но сохраняющих с ними материальную связь. При этом понятие такой связи не было четко определено. Иногда эти две категории населения рассматривали как одну, именуя ее «одинокие». В группу одиночек включали и институциональное население, находящееся на иждивении государства и живущее в домах для престарелых и инвалидов, школах-интернатах, тюрьмах, казармах и т.п.

Вторым важным отличием определения семьи в советской статистике от определения домохозяйства, принятого в большинстве развитых стран, было исключение из состава *семей* неродственников, проживающих вместе с семьей одним бюджетом, тогда как для домохозяйства наличие родственных отношений не императивно. В переписях такие лица считались либо одиночками, либо отдельно проживающими членами, либо отдельными семьями, если они состояли между собой в родстве (например, прислуга с ребенком, живущая в семье хозяев одним бюджетом). Нужно отметить, что к середине 1990-х гг. в России доля домохозяйств, состоящих только из неродственников, составило 0,75% всех домохозяйств, а среди членов всех домохозяйств только 0,3% не состояли в родственных отношениях с другими, живущими в том же домохозяйстве [Российский демографический журнал, 1996. С. 24.].

Исследование демографической структуры домохозяйств стало возможным благодаря тому, что Госкомстат России впервые перешел к их учету при проведении микропереписи 1994 г.³, а впоследствии эта методика была применена и при проведении переписи 2002 г. С одной стороны, благодаря изменению методологии результаты переписей, относящиеся к демографической структуре домохозяйств, становятся сравнимы с данными по другим странам, с другой — это затрудняет анализ динамики семейной структуры населения России в последние десятилетия.

Необходимо отметить, что в 1990-е гг. наряду с определением домохозяйства при проведении переписей или других выборочных обследованиях Госкомстата (обследование бюджетов домохозяйств) определение семьи используют и социальные службы, правда, в несколько усеченном виде: из состава домохозяйства вычленяется супружеская пара или одинокий родитель и их дети, не достигшие 18 лет⁴, и только их доход рассматривается при определении малообеспеченности семьи и ее права на социальное пособие на детей. При этом в расчет не принимаются живущие вместе взрослые дети или другие родственники, как и их доходы.

³ При проведении микропереписи доля выборки составила 5% постоянного населения России (кроме Чеченской Республики).

⁴ Дети в возрасте до 18 лет не включаются в число членов семьи при приобретении ими полной дееспособности в соответствии с законодательством Российской Федерации (см.: Государственные пособия гражданам, имеющим детей: нормативные правовые акты. — М.: МГСУ НИИ семьи, 2001. С. 36).

С другой стороны, предоставление субсидий и компенсаций на оплату жилья и коммунальных услуг бедным происходит с учетом доходов всех проживающих в данном жилье, независимо от того, являются ли они реально членами одного домохозяйства или нет. Главный признак, определяющий состав домохозяйства в этом случае, — единый лицевой счет на занимаемое жилье и число зарегистрированных в нем людей. Так, живущие в одной квартире родители и семья их сына, ведущие раздельное хозяйство (отдельные бюджеты), будут считаться единым домохозяйством при предоставлении компенсации по оплате ЖКУ. А если жена сына не прописана на этой площади, она также будет исключена из состава домохозяйства. При переписи населения, как и при бюджетном опросе, эти домохозяйства будут идентифицированы как два отдельных домохозяйства, поскольку в этом случае учитывается реальное, а не формальное положение домохозяйств.

Таким образом, существующее в стране официальное определение домохозяйства, используемое в статистике населения и бюджетной сети, на основании которых делаются выводы о количестве, структуре и уровне жизни домохозяйств в России, не соответствует определениям, используемым в реальной практике социальной помощи бедному населению, что, разумеется, затрудняет учет домохозяйств, действительно нуждающихся в поддержке государства.

Разработка данных переписи населения по семейным ячейкам позволяет дополнить и расширить представления о семейной структуре населения, доле в ней отдельных типов семей, в частности неполных, как одной из категорий риска бедности.

Семейными ячейками считаются супружеские пары (с детьми или без детей) или один из родителей с детьми. В одном сложном частном домохозяйстве может быть несколько семейных ячеек или не быть их совсем (очень редкий случай прочих домохозяйств). В последнем случае домохозяйство состоит из отдельных лиц, не входящих в состав семейной ячейки, но составляющих домохозяйство. В переписи 2002 г. это могут быть и не родственники.

2. ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИИ СЕМЕЙ (ДОМОХОЗЯЙСТВ) ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Как было уже отмечено, определение семьи в переписях советского периода и частных домохозяйств (состоящих из двух и более членов) в переписи 2002 г. довольно близко. Поэтому типология семей, разработанная в 1970-е гг., с минимальными изменениями была использована при разработке последней переписи 2002 г.

При выделении основных демографических типов базой структуризации послужил характер родства членов домохозяйства, а основными типобразующими признаками — наличие (или отсутствие) брачной пары⁵ и других родственников или неродственников, а также число брачных пар в одном домохозяйстве. Сохранение этого принципа дает возможность анализа динамики семейной структуры в широком смысле слова «семья», близком к определению домохозяйства. С другой стороны, этот принцип не дает возможности на основе типологии домохозяйств в полной мере оценить распространение неполных семей, поскольку они выделяются в особый тип только в том случае, если в домохозяйстве нет супружеской пары, будь то родители матери (отца)

⁵ Состояние в браке, как и распад союза, определялись по фактическому положению, т.е. фиксировался факт совместного проживания и ведения общего хозяйства, независимо от юридического оформления отношений.

с детьми или их братья и сестры, состоящие в браке и живущие с ними в одном домохозяйстве. Вместе с тем такая подробная оценка семейной структуры необходима, особенно если учесть существование семейного пособия на детей, обращенного именно на малообеспеченные семьи, а не домохозяйства.

Какие типы домохозяйств выделяются при разработке данных переписи? Типология довольно детализирована и состоит из 8 типов, некоторые из них имеют подтипы.

Типология частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек

1. Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары, родственников (или без них) и неродственников (или без них).

Этот тип имеет четыре подтипа, каждый из которых уточняет, кто является родственниками, живущими с супругами в одном домохозяйстве (один из родителей, мать/отец с детьми, более сложная структура домохозяйства или родственников нет).

2. Домохозяйства, состоящие из двух супружеских пар, родственников (или без них) и неродственников (или без них).

Этот тип имеет три подтипа, уточняющих, как и в предыдущем случае, характер родства присутствующих в домохозяйстве родственников, в частности, второй супружеской пары (только супружеская пара родителей, супружеская пара родителей и другие родственники, более сложная структура).

3. Домохозяйства, состоящие из трех и более супружеских пар, родственников (или без них) и неродственников (или без них).

4. Домохозяйства, состоящие из матери с детьми.

5. Домохозяйства, состоящие из отца с детьми.

Последние два типа объединяют неполные семьи, живущие отдельно от родственников.

6. Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца).

7. Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми, одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и неродственников (или без них).

8. Прочие домохозяйства.

Среди семейных ячеек выделяют 4 типа:

1. супружеские пары без детей;

2. супружеские пары с детьми;

3. матери с детьми;

4. отцы с детьми.

Кроме того, членами домохозяйства являются отдельные лица, не входящие в семейные ячейки.

Таким образом, становится возможным выделить число и категории семейных ячеек в каждом из демографических типов домохозяйств.

3. СЕМЕЙНЫЕ ЯЧЕЙКИ В ДОМОХОЗЯЙСТВАХ

Среди семейных ячеек преобладают супружеские пары в формальном или неформальном браке — 74% всех семейных ячеек, в том числе 28% — супруги без детей (табл. 1). Матери или отцы с детьми, живущие отдельно или в сложных домохозяйствах с другими родственниками, представляют более четверти всех семейных ячеек. Но это больше, чем представлялось по результатам переписи

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ: ДЕТИ
 В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ: ДЕТИ
 В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ: ДЕТИ

на основании типологии домохозяйств (22%). Среди семейных ячеек с детьми до 18 лет эта группа составила 30%, в подавляющем числе случаев (90%) это материнские семейные ячейки. Общее число детей, которые жили с одним из родителей (отдельным домохозяйством или с другими родственниками), составило 7,88 млн, т.е. более чем каждый четвертый ребенок в стране.

Таблица 1. Структура семей в России, %

Характеристика семьи	Число семейных ячеек, %	Семейные ячейки с детьми	В том числе	
			дети младше 18 лет	дети 18 лет и старше
Супруги без детей	27,7	—	—	—
Супруги с детьми, в том числе:	46,4	64,2		
в возрасте младше 18 лет*	35,3		69,9	
18 лет и старше	11,1			50,9
Неполные семьи, в том числе:	25,9	35,8		
в возрасте младше 18 лет*	15,2		30,1	
18 лет и старше	10,7			49,1
Матери с детьми, в том числе:	22,9	31,6		
в возрасте младше 18 лет*	13,6		26,8	
18 лет и старше	9,3			42,8
Отцы с детьми, в том числе:	3,0	4,2		
в возрасте младше 18 лет*	1,6		3,3	
18 лет и старше	1,4			6,3
Всего семейных ячеек	100,0 (41659520)	100,0 (30096015)	100,0 (21004429)	100,0 (9091586)

*В число детей до 18 лет не включаются лица до 18 лет, состоящие в браке и имеющие детей.
Источник: разработка данных переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Наложение структуры семейных ячеек на структуру домохозяйств показывает, что неполные семейные ячейки присутствуют практически во всех типах домохозяйств, кроме супругов с детьми или без детей, живущих отдельно. Это также говорит в пользу разработки и распространения дополнительно и данных о структуре семейных ячеек.

Доля неполных семейных ячеек значительно возрастает, если дети достигают совершеннолетия — это половина семейных ячеек данной категории. Таким образом, проблема неполных семей не ограничивается возрастом 18 лет, взрослые дети чаще остаются в домохозяйстве с одним из родителей, продолжая учебу и являясь, частично или полностью, иждивенцами семьи.

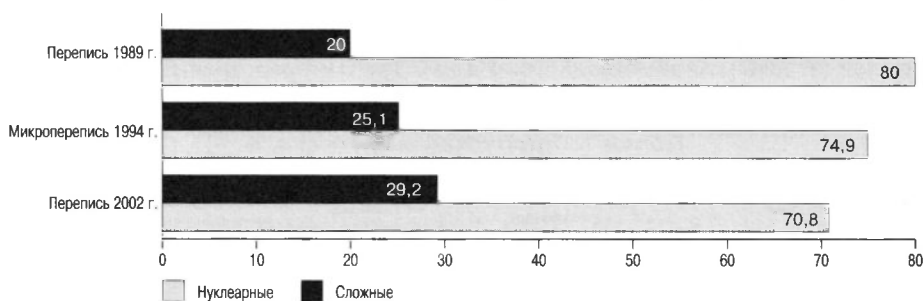
Представленные результаты касаются общего числа семейных ячеек без выделения семей, живущих отдельно или в одних домохозяйствах с другими семьями, а также с отдельными лицами, не входящими в семейные ячейки.

Какова степень нуклеаризации семей в России?

Типология домохозяйств уже позволяет утверждать, что доля сложных многопоколенных домохозяйств в России высока — почти 30% всех домохозяйств, включающих 2 и более человек, и эта доля значительно выросла по сравнению с предыдущей переписью 1989 г. (рис. 1).

Процесс нуклеаризации семей в России устойчиво проходил в период между переписями 1970 и 1989 гг.: доля полных нуклеарных семей выросла за

Рисунок 1. Соотношение простых и сложных семей (домохозяйств) по данным переписей населения 1989 и 2002 гг., а также микропереписи 1994 г.

Источник: рассчитано по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6 «Число и состав домохозяйств», Росстат РФ (табл. 2).

этот период с 63,3 до 66,9%, а неполных — с 12,5 до 13,2%. Этот процесс сдерживался лишь дефицитом жилья, поскольку, по данным обследования молодых семей, 3/4 супругов, проживавших с родителями одного из них, высказали желание отделиться от родителей [Волков А.Г., 1986. С. 220]. Процесс «антинуклеаризации», начавшийся в 1990-е гг., в значительной степени вызван обострением жилищной проблемы, возникновением крайне дорогого рынка жилья, не соответствующего материальным возможностям большинства населения. Это не позволяет молодым семьям отделиться от семьи родителей. Кроме того, проблемы выживания в непростых условиях переходного периода заставляли семьи объединяться в одном жилье, а второе сдавать в наем для получения дополнительных средств к существованию. Такой путь пассивной адаптации был особенно распространен в городском населении в начале 1990-х гг.

Таблица 2. Степень нуклеаризации семей в России, %

Демографический тип семьи	Все семейные ячейки	В том числе	
		нуклеарные семьи	семьи, живущие в сложных домохозяйствах
Супруги без детей	100,0	67,5	32,5
Супруги с детьми, в том числе:	100,0	86,0	24,0
в возрасте младше 18 лет*	100,0	75,7	24,3
18 лет и старше	100,0	76,8	23,2
Неполные семьи (всего), в том числе:	100,0	58,1	41,9
в возрасте младше 18 лет**	100,0	46,8	53,2
18 лет и старше	100,0	74,0	26,0
Матери с детьми, в том числе:	100,0	59,1	40,9
в возрасте младше 18 лет*	100,0	48,0	52,0
18 лет и старше	100,0	75,0	25,0
Отцы с детьми, в том числе:	100,0	50,5	49,5
в возрасте младше 18 лет*	100,0	36,7	63,3
18 лет и старше	100,0	67,0	33,0
Все семейные ячейки	100,0	69,0	31,0

Источник: разработано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Я ЗАДУШЕ ВНИМАНИЕ ДЕТЯ
 В ФОРУМЕ ВНИМАНИЕ ДЕТЯ

К категории сложных семей можно отнести и так называемые прочие домохозяйства, куда входят в большинстве своем семейные образования типа «бабушки—внуки», «сестры—братья», «тетя—племянники» и т.п. Иногда в состав их входят и супружеские пары (бабушка и дедушка), воспитывающие внуков в отсутствие родителей. В последние годы образование таких домохозяйств все чаще связано с трудовой миграцией родителей в другие города и регионы на длительный срок.

Материалы переписи по семейным ячейкам подтверждают и даже усиливают вывод о высокой степени распространения межпоколенческих семейных образований — почти треть семейных ячеек живут в одном домохозяйстве с родственниками (табл. 2).

Доля сложных семейных образований наиболее высока для неполных семей, особенно отцов с детьми до 18 лет, 2/3 которых живут с родственниками. Это дает возможность отцам при активной помощи родителей воспитывать малолетних детей. Отметим, что доля отцовских семей в общей численности семейных ячеек невелика — 3%, а с малолетними детьми их еще меньше — 1,6%. Материнские семьи с малолетними детьми также в большинстве своем живут с родителями или другими родственниками, которые помогают им в уходе за детьми, а также материально.

Однако в сложных домохозяйствах живут не только неполные семьи — к этой группе относится треть супружеских пар без детей и почти четверть супругов с детьми. Это значительно отличает семейную структуру населения России от структуры населения европейских стран.

Материалы большого сравнительного исследования, проведенного в рамках международного проекта «Поколения и гендер»⁶, показали, что из трех выбранных для анализа стран (Россия, Франция, Грузия) Россия занимает промежуточное положение — в сложных домохозяйствах живет половина семей Грузии, около 30% семей в России и только 5% семей во Франции (табл. 3).

Увеличение числа детей в семье чаще приводит к совместному проживанию с родственниками, но такая тенденция характерна только для России, в то время как данные по Франции и Грузии показывают обратное: в группе с большим числом детей реже встречаются сложные многопоколенные семьи.

Часто отмечают, что семейная структура населения России во многом носит традиционный характер, хотя она уже далека от патриархальных многопоколенных семей Кавказа. Но, как показывают эмпирические измерения, в России процесс замедления разделения семей, а зачастую и форсированного их соединения в одно домохозяйство, шел в разрез с нормальным развитием института семьи и скорее был связан с экономическими факторами и трудностями трансформационного периода, чем с традиционными ценностями.

Наиболее сложные семейные образования характерны для семей без детей (молодые только образовавшиеся семьи), а также для неполных семей: в 60% случаев совместного проживания с родственниками это сложные

⁶ Генеральный координатор проекта — Европейская экономическая комиссия ООН. Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Российское обследование проведено летом 2004 г. на выборке более 11 тысяч домохозяйств в 32 регионах. Сравнительное исследование данных по Франции, России и Грузии проводится в рамках проекта INTAS и ECODEF/CI, ANR в 2006–2008 гг.

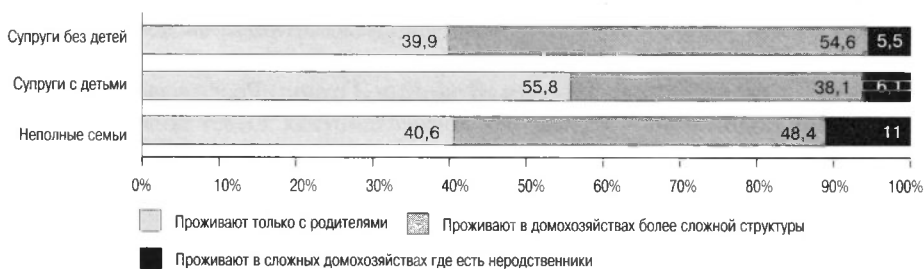
Таблица 3. Доля семей, живущих в сложных домохозяйствах, в % к общему числу семей каждого типа

Демографический тип семьи	Франция	Россия	Грузия
Супруги без детей*	1,6	10,5	28,9
Супруги с детьми, в том числе:	2,2	22,9	51,9
с одним ребенком	3,5	18,6	57,4
с двумя детьми	1,5	23,7	49,0
с тремя и более	1,2	44,4	46,2
Матери с детьми, в том числе:	5,3	45,8	62,3
с одним ребенком	5,8	36,2	68,7
с двумя и более детьми	4,6	63,4	50,4
Отцы с детьми, в том числе:	5,8	75,8	73,6
с одним ребенком	6,8	74,4	80,4
с двумя и более детьми	—	80,5	54,5
Все семейные ячейки	5,1	27,8	50,4

Примечание: * — дети без ограничения возраста.

Источник: рассчитано по данным обследования «Поколение и гендер» в России, Франции, Грузии.

Рисунок 2. Типы совместного проживания с родственниками

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

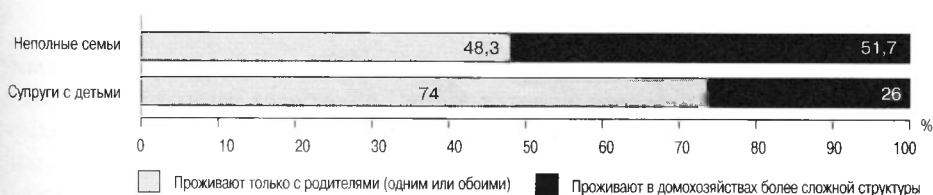
домохозяйства не только с родителями, но и с другими родственниками, а иногда и неродственниками (рис. 2).

Сложная мозаика семейной структуры населения России не вполне соответствует сложившейся системе социальной поддержки населения, когда часть социальных пособий и других видов социальной помощи направляется в искусственно вычлененную ячейку, будь то супружеская пара с детьми или неполная семья. Самоопределение семьи как части домохозяйства с общим жильем и бюджетом в период переписи вступает в противоречие с ее интересами в получении социальной поддержки, в частности, адресной помощи нуждающимся, и тогда она заявляет себя как самостоятельная ячейка. Кроме того, по действующему законодательству, при выделении пособия на детей малообеспеченным семьям состав домохозяйства, в которых они живут, в расчет не принимается.

4. ДЕТИ В СЕМЕЙНЫХ ЯЧЕЙКАХ

Если рассматривать в качестве предмета анализа всех детей в возрасте до 18 лет, то большая часть из них живут в семьях с обоими родителями (73%) и имеют еще хотя бы одного брата или сестру (52%). Однако данные показыва-

Рисунок 3. С кем живут дети моложе 18 лет?

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Рисунок 4. Распределение семейных ячеек по числу детей до 18 лет, %

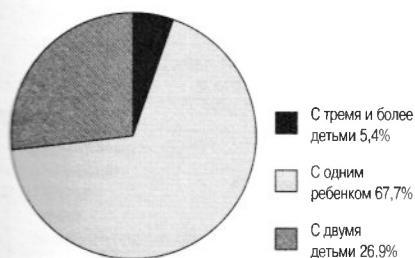
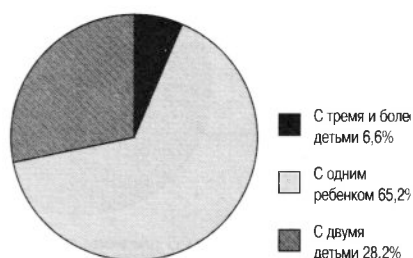

Рисунок 5. Распределение домохозяйств по числу детей до 18 лет, %

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

ют, что в неполных семьях только с одним родителем живет менее половины детей, остальные — в домохозяйствах сложной структуры. Дети из полных семей гораздо чаще живут только с родителями (74%) (рис. 3).

Другой важный вопрос, ответ на который можно найти в данных переписи по семейным ячейкам, — сколько детей имеют семьи? В данном случае анализ ограничен группой семей с детьми до 18 лет.

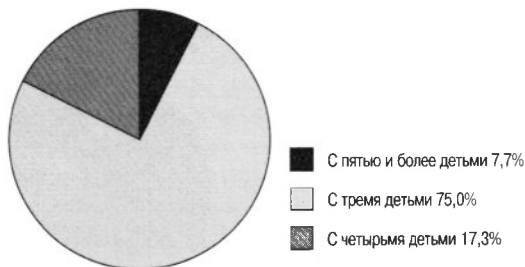
Теоретически различие с данными по домохозяйствам очевидно. Если в одном домохозяйстве есть двое детей в возрасте до 18 лет, то для простых случаев домохозяйств (одна семейная ячейка) ситуация не вызывает сомнений. Но для остальных вопрос остается открытым: ведь по одному ребенку могут иметь две семейные ячейки, составляющие это домохозяйство (например, родители живут с двумя детьми, один из которых несовершеннолетний, а второй вступил в брак и уже имеет ребенка). Однако такие случаи не очень распространены, поэтому в целом распределение семей по числу детей лишь незначительно меняется по сравнению с распределением домохозяйств в сторону увеличения малолетности и снижения и без того крайне незначительной доли многодетных семей (рис. 4, 5). Россия еще в прошлом веке перестала быть страной, в семейной структуре которой преобладают семьи с несовершеннолетними детьми. Согласно данным переписей населения России 1989 и 2002 гг., а также Всероссийского выборочного социально-демографического обследования населения 1994 г. доля домохозяйств с детьми в возрасте до 18 лет составляла менее 50% от общего числа домохозяйств. При этом стала ничтожно мала доля домохозяйств, которые можно условно отнести к многодетным (имеющим трех и более детей)⁷.

⁷ С точки зрения влияния на воспроизводство населения в демографии семьи с 1-2 детьми принято относить к малолетным, с 3-5 детьми — среднететным и с 6 и более детьми — многодетным. До начала 1990-х гг. официально принятым порогом многодетности для назначения специального пособия было 4 ребенка в семье. В связи с падением рождаемости, экономическим кризисом начала 1990-х гг. и резким снижением уровня жизни к числу многодетных относили уже семьи с 3 и более детьми.

5. МНОГОДЕТНОСТЬ В РОССИИ

В большинстве случаев многодетная семья⁸ — это семья с двумя родителями, неполные многодетные семьи составляют 17,6% от всех многодетных семей (15,9% — матери с детьми, 1,7% — отцы с детьми). Распределение многодетных семей по числу детей показывает преобладание семей с тремя детьми, которые составляют 3/4 всех многодетных. С точки зрения демографической классификации это скорее среднететность, чем многодетность. Семей с 5 и более детьми оказывается меньше 8% (рис. 6).

Рисунок 6. Глубина многодетности семейных ячеек в России, %

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

В многодетных семьях воспитывается 15,7% всех детей в стране (10,6% детей в городах и 16,8% детей в сельской местности). Эти цифры значительно ниже аналогичных показателей в 1989 г., когда каждый пятый ребенок воспитывался в многодетной семье (14,4% детей в городских поселениях и 36% детей в селе). Таким образом, наблюдается резкое снижение доли детей из многодетных семей в общем числе детей, и это особенно заметно в сельской местности.

По данным переписи 2002 г., в среднем на многодетное домохозяйство приходилось 3,45 ребенка, в то же время эта цифра ниже, если мы рассматриваем семейные ячейки — 3,37.

Более трети многодетных семей живут в Южном федеральном округе РФ, почти каждая пятая — в Центральном округе, далее идут Сибирский и Приволжский округа (15,6 и 13,8%, соответственно). Менее 10% всех многодетных семей страны живут в Уральском округе и чуть более 5% в Северо-западном и Дальневосточном округах (рис. 7).

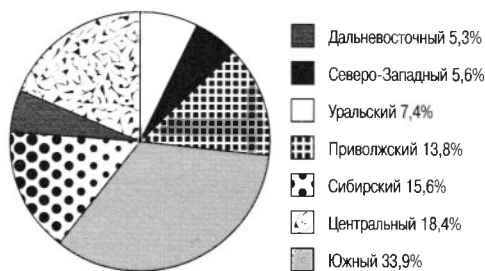
Такое распределение по территории России определяется масштабом и глубиной многодетности в отдельных регионах и дифференциация здесь значительна: доля многодетных (от общего числа семейных ячеек) варьирует от 55,6% в республике Ингушетия до 2,1% в Санкт-Петербурге. Причем только в трех регионах, включая Республику Ингушетию, она была выше 20% от общего числа семей (Чеченская Республика — 43,1%, Республика Дагестан — 29,6%).

Что касается глубины многодетности, то максимальная глубина с большим отрывом от остальных регионов отмечается в Ингушетии (34,4%), в других регионах традиционной многодетности (Чеченская Республика, Республика Осетия) эта доля не превышает 20%. В большинстве регионов распространение семей с глубокой многодетностью (семьи с 5 и более детьми) находится на уровне 5–10%, а еще в 16 регионах их менее 5% среди всех многодетных семей (табл. 4).

Таким образом, многодетность в России носит ярко выраженный региональный характер — выделяются лишь несколько национальных

⁸ Анализ распространения и глубины многодетности проведен для Минздравсоцразвития РФ в рамках проекта «Анализ социально-экономического положения многодетных семей» (ноябрь 2006 г.).

Рисунок 7. Распределение многодетных семейных ячеек (с тремя и более детьми) по федеральным округам в 2002 г., %

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Таблица 4. Различия между регионами по глубине многодетности семейных ячеек

Доля семейных ячеек с 5 и более детьми в общем числе многодетных, %	Число регионов
Более 10%	8 регионов
Максимальная глубина:	
Ингушетия	34,4%
Осетия	19,5%
Чечня	17,5%
Ямало-Ненецкий АО	12,5%
От 5 до 10%	65 регионов
Менее 5%	16 регионов
Минимальная глубина:	
Ханты-Мансийский АО	3,4%
Камчатская обл.	3,6%
Удмуртия	3,7%
Москва	3,8%

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

республик с традиционно высоким уровнем многодетности и в основном это республики Северного Кавказа с преобладанием сельского типа экономики. В остальных же субъектах Российской Федерации многодетность — скорее нетипичное явление, редко встречающееся и выпадающее из общего контекста развития института семьи на данной территории. Кроме того, за исключением нескольких регионов Северного Кавказа, многодетность в России не носит глубокого характера — в среднем по России в 75% случаев это семьи с 3 детьми, а 5 и более детей имеют менее 8% многодетных.

Почти четверть детей из многодетных семей концентрируются в четырех субъектах РФ (Республика Дагестан, Чеченская Республика, Башкирия и Ингушетия), остальные распределены по субъектам РФ с частотой 1–3% на каждый регион. Сложившуюся картину многодетности и ее региональной дифференциации необходимо иметь в виду при формировании политики регионов и федеральных социальных программ поддержки многодетных семей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая типология имеет свои ограничения и условности. Однако, принимая определенные правила, важно видеть, что получается в результате того или иного подхода. Если использовать методологию, принятую в переписи, и выделить основные категории, составляющие население, то результат будет следующим (табл. 5).

Таблица 5. Структура семейных ячеек

Группы населения/семей/домохозяйств	Доля в общей структуре, %
Одиночки как тип домохозяйства	17,2
Отдельные лица, живущие в домохозяйстве, но не являющиеся членами семейной ячейки	21,9
Семейные ячейки, всего в том числе:	60,9
супруги без детей	16,9
супруги с детьми	28,2
матери (отцы) с детьми	15,8
Всего	100,0

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Нельзя забывать, что значительная часть населения живет в домохозяйствах, состоящих из одного человека. Одиноких в России почти 12 млн чел., это 22% всех домохозяйств, причем 15% — это женщины и 7% — мужчины. Еще одна группа населения, входящая в домохозяйство, но не относящаяся к членам семейной ячейки в определении переписи населения, — категория отдельных лиц, не входящих в семейную ячейку. Такое определение может показаться странным в отношении, например, матери, которая живет с семьей сына. Как и матери (отцы) с детьми, категория отдельных лиц представлена во всех сложных домохозяйствах, полных и неполных.

Таким образом, в структуре населения трудно выделить преобладающую группу: супругов с детьми лишь на 6 процентных пунктов больше, чем отдельных лиц, а одиночек примерно столько же, сколько и супругов без детей или неполных семей. Отличие российской структуры, например, от структуры населения Франции, представленной в таком же виде, заключается в значительно более высокой доле одиноких и супругов без детей, а также в минимальном присутствии категории отдельные лица без семьи в домохозяйстве⁹.

Разработка материалов переписей населения не только по домохозяйствам, но и по семейным ячейкам предоставляет дополнительную очень важную информацию для целей социальной политики на уровне регионов и страны в целом. Она дает возможность оценить реальное распространение групп риска бедности, категорий населения, на которые направлены социальные программы на федеральном, региональном или поселенческом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А.Г. Семья — объект демографии. — М.: Мысль, 1986. — 220 с.
2. Государственные пособия гражданам, имеющим детей: нормативные правовые акты. — М.: МГСУ НИИ семьи, 2001. С. 36.
3. Российский демографический журнал. 1996. № 1. С. 24.

⁹ Данные обследования «поколения и гендер» во Франции в 2005 г.

ДЕТСКАЯ БЕДНОСТЬ В БОГАТЫХ СТРАНАХ — 2005¹

UNICEF Innocenti Research Centre
Перевод Е.Б. Головляничиной

Доля детей, живущих в бедности, увеличилась в большинстве стран мира с развитой экономикой.

Защита детей от самых уродливых проявлений бедности в раннем возрасте, когда развивается их организм и формируется характер, является одновременно как признаком цивилизованного общества, так и методом решения тех насущных проблем, которые влияют на качество жизни в экономически развитых странах.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Первые места в рейтинге борьбы с бедностью принадлежат Германии и Финляндии, где уровень детской бедности составляет менее 3%. На последнем месте находятся США и Мексика, где уровень детской бедности превышает 20% (рис. 1).

За последние 10 лет, по которым имеются сравнительные данные, доля детей, живущих в бедности, увеличилась в 17 из 24 стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (рис. 2).

Единственная страна ОЭСР, где детская бедность может быть охарактеризована как «очень низкая и продолжающая снижаться», — Норвегия.

Снижение уровня детской бедности тесно связано с увеличением государственных расходов на семейную политику и обеспечение социальных льгот.

В четырех из тринадцати стран ОЭСР, по которым данные за 1990-е гг. доступны, имело место сокращение заработной платы у 25% отцов с самым низким уровнем оплаты труда. В семи странах снизились заработки у 10% наименее оплачиваемых работников (рис. 6).

В среднем вмешательство государства сокращает на 40% тот уровень детской бедности, который сложился бы в случае неконтролируемого действия рыночных сил (рис. 9).

Правительства тех стран, где достигнут самый низкий в мире уровень детской бедности, снижают «рыночную бедность» на 80% и более. Правительства стран с самым высоким уровнем бедности сокращают «рыночную бедность» лишь на 10–15% (рис. 9).

Различия в государственной политике объясняют большую часть различий в уровнях детской бедности в странах-членах ОЭСР.

Во всех странах ОЭСР, в которых на социальные трансферты направляется более 10% ВВП, уровень детской бедности не превышает 10%. В тех

¹ Перевод публикации: UNICEF, Child Poverty in Rich Countries, 2005. Innocenti Report Card № 6 — UNICEF, Innocenti Research Centre, Florence.

же странах, где социальные трансферты составляют менее 5% ВВП, уровень детской бедности не опускается ниже 15%.

Но однозначной связи между масштабом государственной поддержки и уровнем бедности не обнаружено. По-видимому, многие страны ОЭСР в состоянии снизить детскую бедность до уровня менее 10% без значительного повышения государственных расходов.

В 1990-е гг. большинство стран ОЭСР увеличили объем социальных расходов, направляя их преимущественно на повышение пенсий и в систему здравоохранения (*рис. 11*).

Для выработки и проведения политики по борьбе с детской бедностью необходимо принять то или иное определение бедности и способы ее измерения. Меры по борьбе с бедностью на основе измерения относительного дохода должны быть дополнены непосредственным измерением материальной депривации.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий обзор детской бедности в богатых странах в 2005 г., подготовленный исследовательским центром ЮНИСЕФ, свидетельствует, что в развитых странах доля детей, живущих в бедности, выросла в 17 из 24 стран-членов ОЭСР, по которым имеются данные. Независимо от того, какой из показателей бедности используется в качестве основного, очевидно, что за последние десять лет положение детей ухудшилось.

ЮНИСЕФ полагает, что преодоление этой ситуации является приоритетной задачей для стран-членов ОЭСР. Существование бедности, лишаящей ребенка возможностей, которые для других детей считаются обязательными для нормальной жизни, противоречит Конвенции ООН о правах ребенка, принятой большинством стран-членов ОЭСР (*Вставка 2*). Сокращение детской бедности является показателем успеха в достижении таких целей, как социальная солидарность, равенство возможностей и вложение инвестиций как в сегодняшних детей, так и в будущее нации.

Рейтинги стран

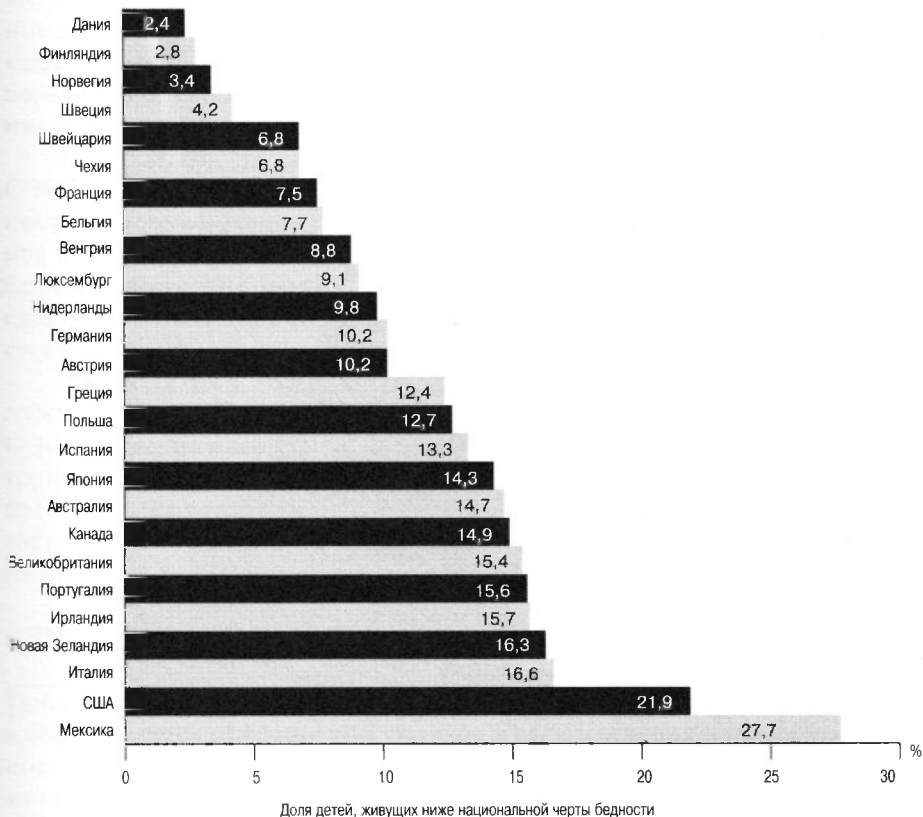
Явный разброс показателей в рейтинге стран по уровню бедности (от 5% в Дании и Финляндии до 20% в США и Мексике) предопределяет основной вывод данной работы: проблема детской бедности не является неизбежной и неустранимой. Разные уровни детской бедности отражают различия в национальной политике в сочетании с социальными изменениями и рыночными силами. В этой связи значительная вариация показателей означает существование значительных возможностей для улучшения ситуации.

Как показано на *рис. 1*, наибольших успехов добились скандинавские страны: во всех государствах уровень детской бедности ниже 5%. За ними следуют страны со средними показателями (уровень детской бедности — 5–15%) — все крупные европейские страны, кроме Италии, которая демонстрирует самый высокий в Европе уровень детской бедности.

Далее располагаются еще пять стран с исключительно высоким уровнем детской бедности (15–17%) — Великобритания, Португалия, Ирландия, Новая Зеландия и Италия.

В этом рейтинге есть две поразительные особенности. Во-первых, все шесть неевропейских стран (Австралия, Канада, Япония, Мексика, Новая Зеландия и США) находятся в нижней половине списка. Во-вторых, все

Рисунок 1. Рейтинг стран по уровню детской бедности

Прямоугольники показывают долю детей, живущих в *относительной* бедности, которая определяется как доход домохозяйства ниже 50% национального медианного дохода (подробности расчетов и даты, за которые приведены данные, приводятся на с. 105).

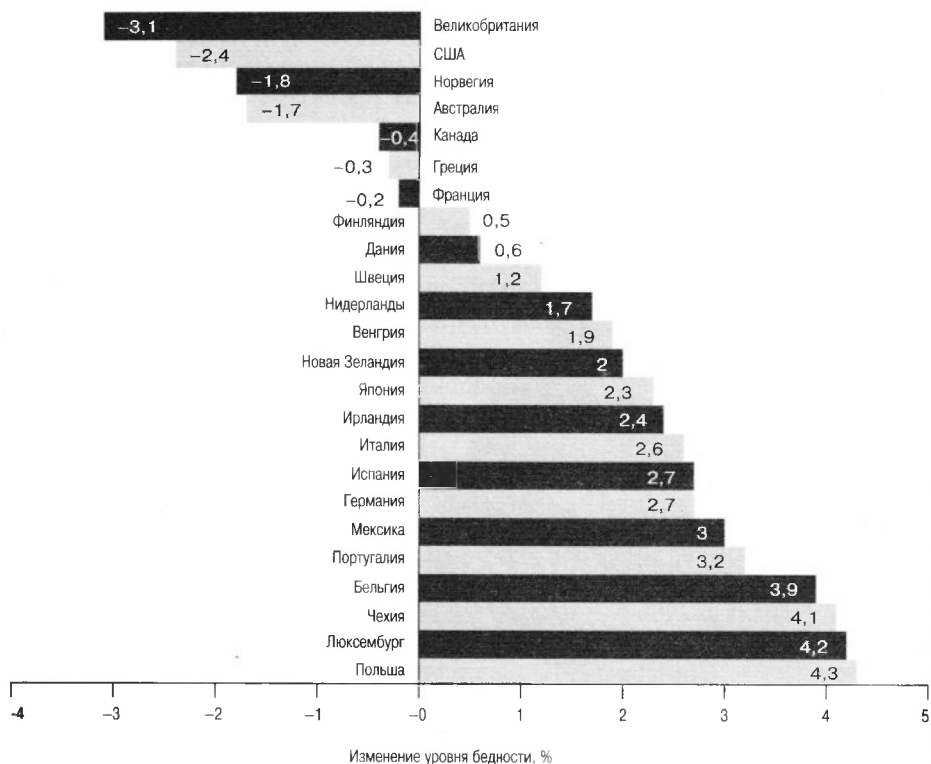
пять стран с самым низким уровнем детской бедности отличается малочисленность населения (от 4 до 9 млн чел.). Средний размер населения стран, попавших в верхнюю половину рейтинга, составляет около 16 млн чел., тогда как в его нижней части — 60 млн чел. Видимо, небольшой стране легче добиться солидарности и сплоченности, а с бедностью труднее примириться и проще справиться. Но эти гипотезы требуют проверки.

Изменения по времени

Хотя принято считать, что бедность в богатых странах постепенно сокращается, *рис. 2* явно опровергает это. Как видно из графика, отражающего изменения уровней детской бедности за последние 10 лет, уровень детской бедности увеличился в 17 из 24 стран-членов ОЭСР.

Существенное сокращение отмечено лишь в четырех странах. В трех из них — Австралии, Великобритании и США — высокий начальный уровень детской бедности открывал широкие возможности для улучшений. Единственная страна, где изначально низкий уровень детской бедности продолжал сокращаться, — Норвегия. Особо выделяется и Великобритания, где уровень детской бедности исключительно высок: этой стране, по-видимому, удалось реализовать первую из намеченных целей — на четверть сократить детскую бедность к 2004–2005 гг. (*Вставка 4*).

Рисунок 2. Изменение уровней детской бедности в 1990-х гг.

Прямоугольники показывают увеличение или сокращение уровня детской бедности в каждой стране в течение 1990-х гг. (Подробности расчетов и даты, для которых взяты данные, приводятся на с. 105)

Вызов государственной политике

Хотя на уровень бедности в первую очередь оказывают влияние рынок труда и общие социальные изменения, в настоящей работе основное внимание уделяется вопросу о возможных действиях по сокращению детской бедности со стороны государства. Показано, например, что есть четкая связь между высокими государственными расходами на предоставление семейных и социальных льгот и низким уровнем детской бедности (рис. 10). Однако значительный разброс уровней бедности (от 3 до 15%) обнаружен даже среди стран, где расходы государства на предоставление льгот примерно одинаковы. Можно предположить, что уровень бедности зависит не только от объема государственной поддержки, но и от способа ее распределения. Многие страны-члены ОЭСР в состоянии сократить детскую бедность до 10% и ниже, не прибегая к существенному увеличению социальных расходов.

Уровень бедности является результатом сложного и порой непредсказуемого сочетания политики государства, усилий семей, ситуации на рынке труда и влияния более крупных социальных факторов. Это диктует необходимость в своевременной и достоверной информации о том, как государства и правительства решают эти задачи. Для этого необходимы подробные исследования преимущественно на уровне отдельных стран. Цель данной работы — прояснить реальное влияние государственной по-

литики в сфере налогообложения и социальных трансфертов на положение детей в семьях с низкими доходами, а также предостеречь о том, что в некоторых странах политика больше направлена на стимулирование более раннего выхода на пенсию, а не на инвестиции в детей и в сокращение детской бедности.

По существу, настоящая работа призывает правительства всех стран ОЭСР определить реалистичные цели и точные сроки их достижения для постепенного сокращения детской бедности. Для большинства стран-членов ОЭСР такой реалистичной целью могло бы стать сокращение детской бедности до уровня менее 10%. Для шести стран, которые добились этого, следующим шагом могла бы стать попытка повторить успех скандинавских стран и снизить детскую бедность до уровня менее 5%.

Для политики аксиомой остается принцип «чтобы что-то изменить, нужно это измерить». В этой связи работа начинается с обзора опыта стран ОЭСР последних лет и описания передовых практик определения и мониторинга детской бедности. В частности, предлагается использовать одновременно абсолютный и относительный методы определения бедности для закрепления успехов и предотвращения провалов постепенного сокращения детской бедности.

ИЗМЕРЕНИЕ ДЕТСКОЙ БЕДНОСТИ

Предлагаемый краткий обзор текущего состояния и последних тенденций в борьбе с детской бедностью выходит в свет, когда проблема детской бедности приобретает все большее политическое и общественное звучание во многих странах-членах ОЭСР.

Отчасти это отражает непреходящую обеспокоенность по поводу гражданских прав и благополучия 40–50 млн детей в самых богатых странах мира, живущих за чертой бедности. В то же время она связана с недавним осознанием того, что детская бедность препятствует дальнейшему движению к равенству возможностей, которое остается приоритетной целью развитых обществ.

За последние двести лет многое сделано для понимания того, что каждый ребенок имеет право на полную самореализацию и эти возможности не должны зависеть от обстоятельств его рождения. Однако и данные социальной статистики, и повседневный опыт показывают, что дети, живущие в бедности, оказываются в явно невыгодном положении. Очевидно, что это ни в коей мере не является виной самих детей. Поэтому высокий уровень детской бедности, несомненно, противоречит принципу равенства возможностей.

Это понимание имеет большой практический смысл. Многие из наиболее трудноразрешимых социальных проблем в экономически развитых странах так или иначе связаны с бедностью, неблагоприятными условиями и отсутствием возможностей для развития ребенка в раннем возрасте.

Проблема подтверждается существованием статистической связи между детством в бедности и множеством хорошо известных негативных последствий в дальнейшей жизни человека. Конечно, нужна осторожность, чтобы не навесить ярлык бедности на малообеспеченные семьи с высоким уровнем воспитательных навыков у родителей. Однако, как подтверждают многие исследования, существует тесная связь между детством в бедности

и неудовлетворительными результатами при обучении этих детей в школе, их плохим здоровьем, риском девочек забеременеть в подростковом возрасте, наркотической зависимостью и токсикоманией, преступным и асоциальным поведением, низкой заработной платой, безработицей и длительным иждивенчеством за счет социальных пособий. Известно, что причины этих проблем (например, низкий уровень образования родителей или недостаток у них навыков воспитания и ухода за детьми) могут быть связаны с низкими доходами, но отнюдь не обязательно являются их следствием; и все же именно фактор бедности постоянно выступает катализатором, способствующим воспроизводству этих проблем в каждом последующем поколении.

Таким образом, в последние годы дискуссия по теме детской бедности (ее причин, последствий и возможных способов борьбы с ней) активно развивается в научных исследованиях и общественных дебатах. В данной работе это явление анализируется в межстрановом аспекте.

Измерение бедности

Первой задачей для каждого правительства, которое пытается сократить детскую бедность, становится поиск наиболее адекватного метода определения черты бедности и измерения ее уровня. Означает ли термин «бедность» неспособность оплачивать самое необходимое (например, еду, одежду, жилье и медицинские услуги)? Или это значит, что доходы человека на определенную величину ниже характерных для сообщества, в котором он живет, и его образ жизни в худшую сторону отличается от типичного? Где следует провести границу между бедными и не бедными? И как часто нужно пересматривать черту бедности?

Эти вопросы обсуждают не только ученые, но и политики, журналисты и общественность. Однако лишь дав на них ответы (и это должны быть ответы, по поводу которых возможно достигнуть согласия), можно определять конкретные индикаторы, задавать цели, следить за ходом их реализации и оценивать результаты политики.

В США принята абсолютная черта бедности, определяемая как неспособность приобрести определенный набор товаров и услуг (*Вставка 5*). Большинство остальных стран-членов ОЭСР, в том числе страны Евросоюза, склоняются к установлению относительных порогов бедности, основанных на определенном проценте отклонения от медианного дохода по стране.

Во многих отношениях противопоставление этих подходов безосновательно. Все применяемые на практике определения бедности в конечном счете выявляют именно *относительную* бедность. Например, большинство тех, кого считают бедными в странах ОЭСР, были бы признаны богатыми, если использовать определение бедности как «доходы ниже одного доллара в день», которое применяется в развивающихся странах (*Вставка 3*). Аналогично, бедные в странах ОЭСР сегодня превосходят богатейших аристократов и купцов средневековья во всем, что касается питания, санитарных условий, обеспеченности водой, здравоохранения, жилищных условий, отопления, одежды, образования и транспорта.

Таким образом, рабочее определение бедности всегда должно быть привязано к конкретному времени и месту. Отсюда следует, что порог бедности по доходам следует задавать относительно среднего уровня доходов и регулярно корректировать. В этом случае бедность будет определяться как

получение доходов, которые на установленную величину ниже медианного дохода в данном обществе. Таково и определение детской бедности, используемое в настоящей работе и широко применяемое во многих странах-членах ОЭСР: ребенок считается бедным, если доступный ему доход (при условии справедливого распределения доходов внутри семьи и с учетом ее размера и структуры) составляет менее половины медианного дохода, причитающегося на ребенка.

Ограничения

Использование скользящей черты бедности, которая меняется в зависимости от медианного дохода, имеет свои ограничения.

Во-первых, этот показатель измеряет только бедность по доходам. И хотя основное различие между богатыми и бедными действительно состоит в уровне доходов, столь же верно и то, что бедность, особенно детская, имеет множество других аспектов: любовь и забота, которую получает ребенок в семье, чувство защищенности, которое ребенок испытывает в окружении своей семьи, время, которое проводят с детьми родители, их навыки по воспитанию и уходу, дружеские связи детей в том сообществе, где они живут, качество социальной среды, в которой они растут. Все перечисленные факторы зависят от уровня доходов, но доходы не замешают их.

Во-вторых, точечная оценка дохода дает лишь приблизительное представление о том, насколько родители способны удовлетворить материальные потребности детей. Экономические ресурсы семьи, чувство защищенности, возникающее у ее членов, а также потребительский потенциал семьи определяются не только размером дохода в определенном месяце или году, но и объемом сбережений и пенсионных накоплений, наличием в собственности жилья и его стоимостью, заработками за предыдущие годы и экономическими ожиданиями.

В-третьих, показатель относительной бедности по доходам неинформативен и в отношении материальных аспектов реального уровня жизни. Например, согласно *рис. 1*, уровень детской бедности в Чехии и Венгрии ниже, чем в Германии и Нидерландах; в Польше — ниже, чем в Канаде, Японии или США. Можно утверждать, что это свидетельствует лишь о большем неравенстве доходов в странах бывшего социалистического блока, где большинство детей менее материально обеспечены. Та же проблема возникает, когда относительный показатель бедности используется для оценки уровня бедности в разные периоды времени. Например, в 1990-х гг. Ирландия переживала период экономического подъема, и средние доходы выросли почти в два раза. Ясно, что в определенном смысле произошло снижение детской бедности. Однако уровень *относительной* бедности в целом не изменился:

Вставка 1. ОЭСР

Используемый в данной работе термин «богатые страны» означает членство этих стран в ОЭСР.

ОЭСР создана в 1960 г. В эту международную организацию входят развитые страны с рыночными экономиками. По большинству стран ОЭСР имеется сравнительная статистика, и почти всем детям предоставлен доступ к базовому набору медицинских и образовательных услуг, поэтому страны-члены ОЭСР представляют собой удобный объект для изучения проблем, с которыми сталкиваются дети в экономически развитых обществах.

В 2005 г. в состав ОЭСР входили Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Корея, Словацкая Республика, США, Турция, Финляндия, Франция, Чешская республика, Швейцария, Швеция, Япония.

Вставка 2. Конвенция: обязательства перед детьми

Конвенция ООН о правах ребенка состоит из 54 статей, которые охватывают практически все аспекты общечеловеческих прав и благополучия детей. Конвенция — всеобъемлющий юридический документ, за 10 лет ее подписали 192 государства. Но это прежде всего перечень обязательств перед детьми всего мира. Выполняются ли эти обязательства в развитых странах?

В данном докладе мы попытаемся ответить на этот вопрос, обратившись к двум статьям Конвенции, непосредственно касающихся материального благополучия детей. Статья 27 гласит, что «государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка». К этому праву непосредственно апеллирует обозначенный подход к определению бедности как относительному понятию и как одному из аспектов более широкой проблемы социального исключения.

Также в статье 27 ясно говорится, что родители или другие лица, воспитывающие ребенка, «несут основную ответственность за обеспечение... условий жизни, необходимых для развития ребенка», но государство обязано помогать родителям «в осуществлении этого права и, в случае необходимости, государства-участники оказывают материальную помощь и поддерживают программы, особенно в отношении обеспечения питанием, одеждой и жильем».

Данная работа преимущественно обращается к этому базовому положению Конвенции о правах ребенка, которое обязует все принимающие Конвенцию государства создать систему экономической защиты, гарантирующую удовлетворение потребностей детей и защиту от лишений, которые могут препятствовать их развитию.

В статье 4 отмечается, что все государства-участники должны соблюдать эти права «в максимальных рамках имеющихся у них ресурсов». Этому требованию непосредственно посвящена последняя часть работы, в которой анализируется вопрос, насколько политика в отношении детей приоритетна для государственного бюджета, налоговой политики и распределения трансфертов.

В итоге в работе рассмотрены три основные практические задачи любого государства, выполняющего свои обязательства, которые содержатся в Конвенции о правах ребенка: во-первых, определение минимального уровня жизни, совместимого с сохранением достоинства ребенка и достаточного для обеспечения нормального физического, умственного, духовного, морального и социального развития ребенка; во-вторых, выявление возможностей и ограничений семьи и рынка по обеспечению этого уровня жизни детей; и в-третьих, быстрый переход к оценке влияния бюджетных решений государства на жизнь детей, основанной на фактических данных.

Источники: см. с. 105

по определению снижение относительной бедности произойдет лишь в случае, когда доходы бедных будут расти быстрее, чем доходы в среднем по стране.

Наличие этих ограничений диктует необходимость разработки других показателей, позволяющих оценить иные аспекты бедности. Но все же уровень и распределение доходов являются основными индикаторами бедности, и именно они привлекают внимание политиков и общественности. Помимо того, что показатель бедности по уровню дохода — единственный, который строится на основе общедоступных данных по всем странам-членам ОЭСР, он остается наиболее информативным показателем благополучия детей. Как пишет американский социолог С. Майер, «существует положительная связь между уровнем дохода и почти всеми аспектами благополучия ребенка, измеряемыми в общественной науке, и наличие такой связи подтверждено для всех стран, по которым имеются данные» [Mauger, 2002].

Передовой опыт

Еще не все страны-члены ОЭСР справились с первым препятствием — разработкой определения и измерением уровня детской бедности.

Пятнадцать лет назад правительство Канады обязалось «устранить детскую бедность к 2000 г.» [Government of Canada, 1989], но, увязнув в спорах об определениях, так и не установило четкие критерии и не сформулировало задачи (*Вставка 6*). В США официальное определение бедности, действующее с 1960-х гг., сейчас оценивают неоднозначно и обсуждают

способы его пересмотра; кроме того, отсутствуют официальные ориентиры по сокращению уровня бедности (*Вставка 5*). Австралия и Новая Зеландия лишь приступают к разработке определения и к измерению масштабов проблемы.

В других странах достигнуты определенные успехи. В Ирландии впервые использовано сочетание относительных показателей бедности и непосредственного измерения материальной депривации. Похожим образом в Великобритании применяется ряд индикаторов, позволяющих оценить, как меняется состояние здоровья и питание детей, обеспеченность одеждой и жильем, участие в жизни общества (*Вставка 4*). В целом в странах ЕС достигнуто согласие в том, что термин «низкие доходы» означает «доходы, составляющие менее 60% от величины медианного дохода» и что этот показатель необходимо ежегодно пересматривать. В ЕС бедность по критерию доходов рассматривается как одна из форм более широкой проблемы социального исключения, измерение масштабов которого требует наличия целого ряда индикаторов (*Вставка 7*).

Поскольку в ближайшие годы многие государства могут проявить политический интерес к решению этой проблемы, мы предлагаем шесть принципов, отражающих передовой опыт стран-членов ОЭСР в определении и измерении детской бедности.

1. Избегать излишней детализации

Чем сложнее индикатор, тем меньше признания и доверия он вызывает, поэтому первый принцип — избегать излишней детализации.

Оценить все аспекты благополучия ребенка почти невозможно, особенно учитывая необходимость регулярно уточнять само определение и эмпирические данные. В странах с развитой рыночной экономикой, где сформированы системы всеобщего здравоохранения и образования, *уровень дохода* оказывается самым полезным показателем уровня бедности и его динамических изменений. Данные об уровне доходов легко получить из множества репрезентативных обследований, проводимых ОЭСР, их можно с определенной надежностью измерять, сравнивать и обновлять.

2. Измерять масштаб материальной депривации

Доход семьи за определенный год не всегда служит надежной оценкой материальных ресурсов, к которым у ребенка есть доступ. Чем дольше семья находится в состоянии бедности, чем меньше у нее объем сбережений и ниже планка экономических ожиданий, тем труднее изыскать средства на покупку товаров и услуг первой необходимости. В этой связи необходимо использовать метод прямого измерения материальной депривации.

Такие показатели могут варьироваться в разных странах, и следует стремиться к тому, чтобы они были информативными и удобными, а не исчерпывающими. Главной целью должен стать мониторинг ситуации, при которой дети могут оказаться лишенными товаров, услуг и возможностей, необходимых для нормального физического, умственного и социального развития.

3. При определении границ бедности опираться на социальные нормы

Бедность можно оценивать по уровню дохода или непосредственным измерением материальной депривации, но вне зависимости от способа измерения бедность является относительным понятием. Детская бедность опре-

деляется как доля детей, чей доступ к материальным ресурсам настолько ниже нормы, что ребенок не получает того, что считается нормальным для данного общества.

В практическом плане это означает, что бедность с точки зрения материальных благ должна измеряться в долях медианного дохода: это величина, по сравнению с которой половина населения имеет большие доходы, а половина — меньшие. В приведенном рейтинге стран по уровню детской бедности (рис. 1) за черту бедности принят доход, не превышающий половину текущего медианного дохода. Пороги бедности, установленные на других уровнях дохода, тоже могут использоваться для уточнения общей картины и для анализа тенденций.

4. Создать систему регулярного мониторинга уровня бедности

Мониторинг хода реализации программ по борьбе с бедностью необходим для усиления общественного внимания к проблеме, формирования политики и усиления контроля за расходованием средств. В этой связи индикаторы бедности должны регулярно пересматриваться, а требования к качеству и сбору данных разрабатываться с учетом долгосрочной перспективы. Обновление национальных показателей уровня бедности следует проводить с регулярностью, достаточной для информационного обеспечения принятия политических решений. Это необходимо в периоды экономического роста, когда представления о нормальном уровне жизни могут стремительно изменяться. Регулярная корректировка показателей столь же необходима и в периоды спадов в экономике, когда правительство, выполняя свои обязательства по защите уязвимых слоев, нуждается в своевременных (а не устаревших на 5–6 лет) оценках эффективности этих мер на положение детей.

5. Задать «предельный» уровень бедности и установить ориентиры по сокращению бедности

Желательно, чтобы в момент своего прихода к власти правительство обнародовало уровень детской бедности, а также обязалось ни при каких обстоятельствах не допускать превышения этого уровня. «Предельную» границу бедности следует лишь обновлять с учетом инфляции. Иными словами, фиксированный порог бедности должен быть основан на нормах и стандартах, существующих в определенный момент времени. Использовать этот индикатор следует с осторожностью. Задаваемые им требования к правительству минимальны, так что достижение уровня бедности ниже «предельного» не стоит считать существенным достижением. Если же сократить детскую бедность ниже данного уровня не удастся, этому могут быть два объяснения:

- 1) на фоне экономического подъема рост доходов детей непропорционально мал по отношению к общему росту доходов;
- 2) в условиях экономического спада самые уязвимые группы населения не получают дополнительной защиты.

Тем не менее фиксированный, или предельный, порог бедности может быть полезен. Сочетание его со скользящей границей бедности относительно текущего медианного дохода позволяет применить инерционный подход к сокращению детской бедности, при котором каждое новое правительство обязуется сохранить достижения своих предшественников и, в свою очередь, ставит задачи по дальнейшему снижению бедности детей. Среди этих

Вставка 3. Бедность и доходы

«Живущие в бедности дети испытывают недостаток материальных, духовных и эмоциональных ресурсов, необходимых для выживания, развития и процветания, что не позволяет им воспользоваться своими правами, реализовать свои возможности и стать полноценными и равноправными членами общества»
 Доклад ЮНИСЕФ «Положение детей в мире», 2005 г.

Оценка ограниченности дохода — широко известный способ измерения бедности.

Первое и самое важное: многие виды бедности, особенно детской, не поддаются описанию в терминах низких доходов. Низкие притязания, слабое образование, низкие стимулы, недостаток времени, родительской любви и заботы — влияние этих лишений велико и в краткосрочном, и в долгосрочном периоде.

Кроме того, статистика не может измерить то, что одни называют культурой бедности, а другие считают более подходящим термин «экосистема» — взаимодействие индивидов, семей, государственных служб, жилья, транспорта, экономических обстоятельств и таких факторов среды, как страх, нищета и насилие, наличие которых объясняет сохранение и устойчивость бедности.

Поэтому необходимы дальнейшие исследования для разработки индикаторов бедности, дающих полную оценку умственного, физического и социального благополучия детей, для обеспечения дальнейшего движения всех стран к удовлетворению потребностей и реализации прав детей.

Измерение доходов

Таким образом, данные о доходах — не более чем примерная оценка доступных детям материальных ресурсов. Однако даже в этом случае при интерпретации данных о доходах следует проявлять осторожность.

Во-первых, экономические ресурсы и надежность материального положения семьи зависят не только от дохода семьи за данный год, но и от предыдущих заработков, сбережений, наличия жилья и экономических ожиданий. Следовательно, статистика доходов не позволяет оценивать такой важный аспект, как продолжительность экономической бедности.

Во-вторых, при международном сравнении доходов не учитываются различия в уровнях расходов, связанные с потребностями семей в поддержании приблизительно одного и того же уровня жизни (например, различия в стоимости ухода за ребенком или транспортных услуг, либо платность или бесплатность медицинских услуг).

В-третьих, используемая, в том числе нами, статистика детской бедности, основанная на учете доходов семьи, предполагает преобладание «хорошей» семьи — такой, где доходы распределяются равномерно и разумно, а преимущество отдается приобретению необходимого. Например, ребенок, испытывающий лишения в связи с алкогольной или наркотической зависимостью родителей, не будет классифицирован как бедный, если доход семьи превышает установленный процент медианного дохода; в то же время ребенок из семьи с низкими доходами, родственники которого приносят значительные жертвы, чтобы удовлетворить его потребности, будет классифицирован как живущий в бедности.

Необходимо преодолеть и некоторые технические проблемы. Чтобы установить уровень «эквивалентного дохода» для детей из семей разного размера, нужно использовать «шкалу эквивалентности» (это необходимо, поскольку рост затрат на оплату жилья и коммунальных услуг не пропорционален числу людей в домохозяйстве). Использование какой-либо конкретной шкалы может повлиять на величину уровня бедности.

Наконец, в большинстве государств-членов ОЭСР уровни бедности по доходу вызывают сомнения в связи с ошибками выборки и занижением показателей. В обследованиях нередко обнаруживаются расхождения между общими расходами и доходами семей.

Источники: см. с. 105

задач также должны быть промежуточные, которые предполагается решить на протяжении срока полномочий правительства. Постановка более амбициозных целей, сроки достижения которых выходят за рамки срока полномочий правительства, менее эффективна.

6. Обеспечить общественную поддержку идеи снижения бедности

Для реализации инерционного способа сокращения детской бедности необходимы долгосрочные политические обязательства и готовность их исполнять. По существу это означает, что взятые обязательства должны действовать безотносительно к изменениям в составе правительства, а это в свою

очередь требует выработки общественного согласия по поводу достижения долгосрочных целей по сокращению детской бедности. Например, в Ирландии плановые показатели по снижению бедности уже пережили одну смену правительства; обязательствам и достижениям правительства Великобритании еще предстоит это испытание (*Вставка 4*).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СРАВНЕНИЯ

В данной работе предпринята попытка применить, насколько это возможно, вышеназванные принципы к изучению детской бедности в экономически развитых странах. Как будет показано далее, итоги исследования неожиданны, а ситуация в некоторых странах вызывает беспокойство.

В нашем основном рейтинге стран по борьбе с бедностью (*рис. 1*) в качестве главного показателя детской бедности использован порог бедности в 50% национального медианного дохода. Этот индикатор позволяет избежать излишней детализации и является наиболее подходящим одиночным критерием для сравнения уровней бедности в странах-членах ОЭСР в разные периоды времени. Его также можно трактовать как уровень дохода, не позволяющий детям получать блага, обладание которыми считается нормальным и необходимым.

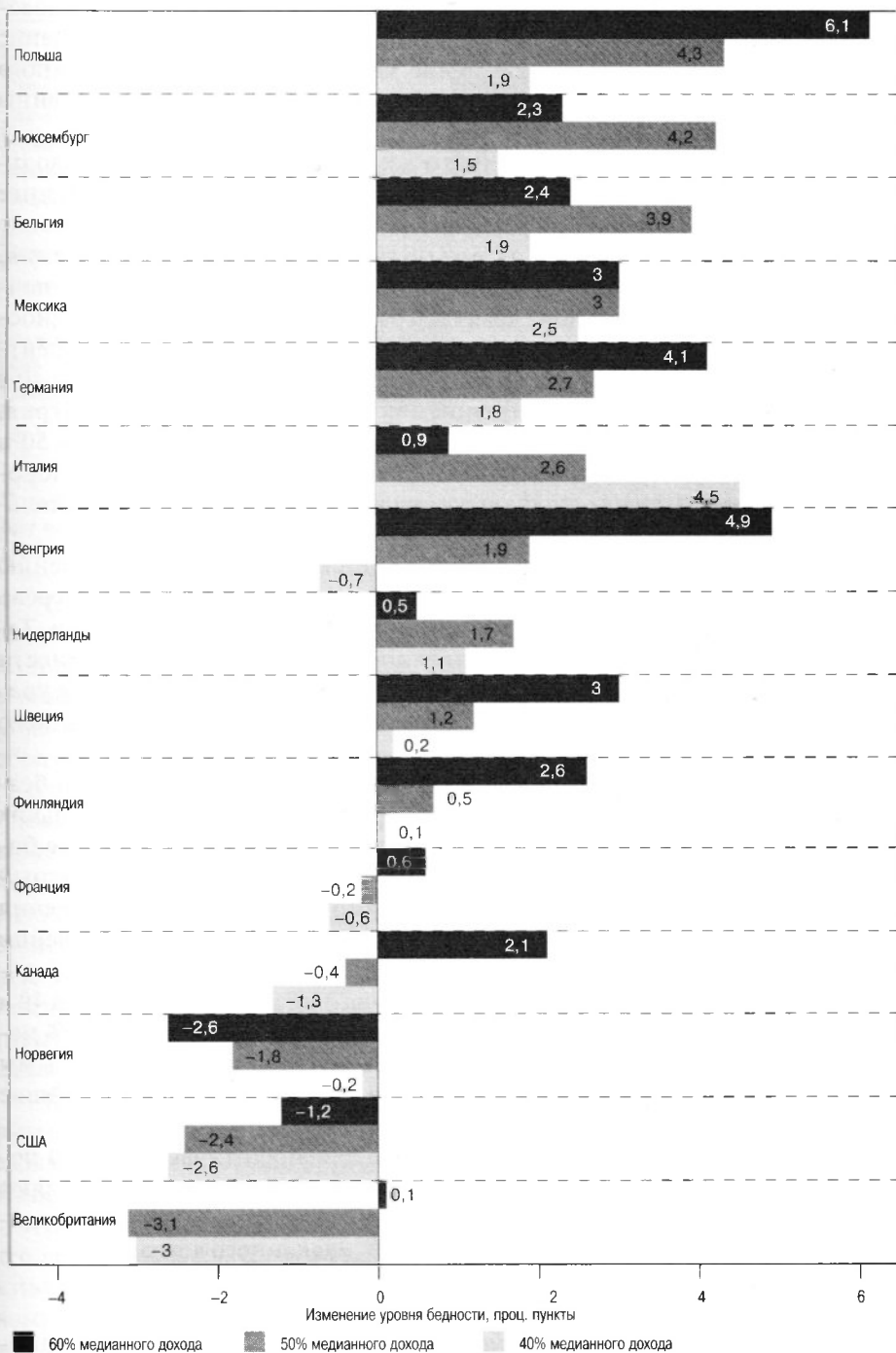
Снижение уровня бедности, определенной таким образом, возможно лишь в случае, если дети из семей с низкими доходами получают непропорционально большую часть благ экономического прогресса. Однако это не означает, что относительный порог бедности позволяет оценить лишь нера-

Рисунок 3. Уровни детской бедности, рассчитанные на основе различных порогов бедности, %

	Доля детей с доходами ниже национального медианного дохода		
	50%	40%	60%
Финляндия	2,8	1,3	8
Норвегия	3,4	1,6	7,5
Швеция	4,2	1,8	9,2
Бельгия	7,7	3,2	13,7
Венгрия	8,8	4,4	16,9
Люксембург	9,1	2,1	18,3
Нидерланды	9,8	5,9	14,2
Германия	10,2	6,2	16,9
Австралия	10,2	6,1	21,4
Польша	12,7	6,5	17,3
Канада	14,9	7,7	23,3
Великобритания	15,4	5,5	27
Италия	16,6	10,6	26,5
США	21,9	14,1	30,2
Мексика	27,7	20,9	35

Показаны изменения в уровне детской бедности в зависимости от порога бедности, которые фиксируются на различных уровнях относительно среднего дохода. В первом столбце приведена доля детей, живущих в домохозяйствах с доходами менее 50% национального медианного дохода (*рис. 1*). Во втором и третьем столбцах приводится доля детей в семьях с доходами менее 40 и 60% национального медианного дохода. Темно-серым цветом обозначены страны с наилучшими показателями, серым — с умеренными и светло-серым — страны с наиболее высокой детской бедностью. Выбор стран определялся наличием данных.

Рисунок 4. Изменение уровней детской бедности за 1990-е гг. при использовании различных порогов бедности

Прямоугольники показывают увеличение или сокращение уровня детской бедности при использовании различных порогов бедности. Светло-серые прямоугольники показывают изменение доли детей, живущих в домохозяйствах с доходами менее 40% национального медианного дохода (очень бедные). Серые прямоугольники обозначают изменение детской бедности при проведении границы бедности на уровне 50% национального медианного дохода; темно-серые прямоугольники — при принятии границы бедности в 60% национального медианного дохода. Данные приводятся для некоторых стран-членов ОЭСР.

венство. Если доходы выше медианных увеличатся, а доходы ниже медианных — нет, неравенство возрастет, однако положение медианы и, следовательно, относительного порога бедности останется прежним. Сокращение бедности, определенной как «получение менее 50% текущего медианного дохода» сопряжено со снижением неравенства лишь для нижней половины распределения доходов.

Чтобы граница в 50% медианного дохода не показалась произвольной, обратимся к рис. 3 и 4, которые иллюстрируют изменения в рейтинге стран и уровнях бедности при установлении границы бедности на уровне 40 и 60% медианного дохода. Как можно заметить, ранги и направления, в которых сдвигается уровень бедности при переходе к другой мере, почти не изменяются. В восьми из девяти стран, где уровень детской бедности увеличивается более чем на 1 проц. п. при использовании 50-процентного порога, схожие изменения происходят при переходе к порогам в 40 и 60% медианного дохода. Единственным исключением является Венгрия, где детская бедность увеличивается при использовании порогов в 50 и 60% медианного дохода, но немного снижается при 40-процентном пороге, что указывает на существование определенного эффекта от социальных мер поддержки.

Из пяти стран, где отмечено снижение детской бедности по сравнению с началом 1990-х гг., в двух — США и Норвегии — более низкий уровень бедности наблюдается при использовании всех трех порогов бедности. Таким образом, подтверждается существенное сокращение детской бедности в США. Норвегию по-прежнему отличает то, что только в этой стране уровень детской бедности, рассчитанной при порогах в 40, 50 и 60% медианного дохода, низок и продолжает сокращаться.

В остальных трех странах, где зафиксировано снижение детской бедности, — Канаде, Франции и Великобритании — применение нескольких вариантов порогов бедности дает более детальную картину. В Канаде более значительное сокращение детской бедности показывает 40-процентный порог. Это значит, что наиболее бедные группы выиграли от повышения доходов больше. Во Франции различия, возникающие при применении различных порогов бедности, статистически незначимы. В Великобритании уровень детской бедности уменьшается на 3 проц. п. при порогах в 40 и 50% медианного дохода, но при повышении порогового значения до 60% медианного дохода это улучшение оказывается почти незаметным. Здесь мы снова видим, что от принятых мер выиграли преимущественно беднейшие группы населения.

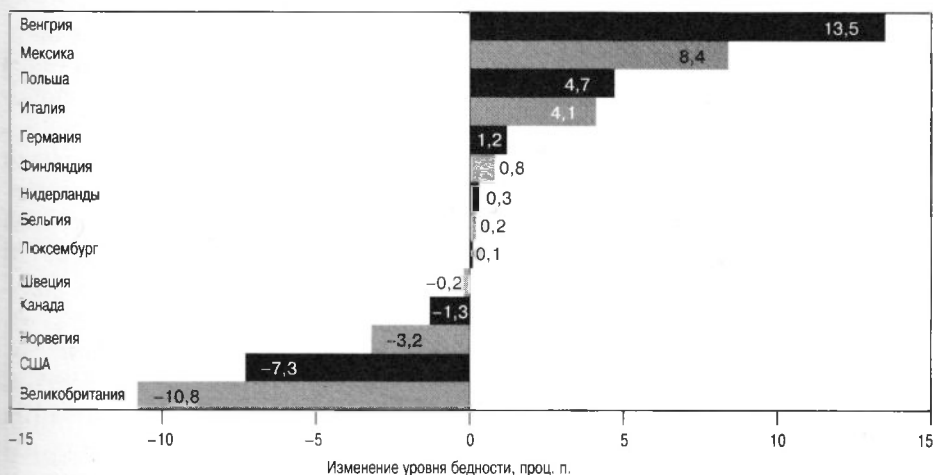
Эти данные свидетельствуют о том, что для аналитических целей полезно иметь несколько индикаторов детской бедности, а также позволяют с большей уверенностью работать с оценками, полученными на основе единичного показателя — порога бедности в 50% медианного дохода.

Фиксированные пороги бедности

К сожалению, создать международный эквивалент разнообразных национальных индикаторов материальной депривации невозможно. На вопрос: «Можете ли Вы в необходимой степени обогревать Ваше жилище?» жители Греции и Финляндии ответят по-разному.

Однако можно предложить международный аналог для «фиксированного» порога детской бедности — относительного порога бедности, привязанного к определенному моменту в недавнем прошлом.

Рисунок 5. Изменение уровней детской бедности за 1990-е гг. при использовании фиксированного порога бедности

Прямоугольники показывают увеличение или сокращение уровней детской бедности при использовании фиксированного порога бедности, составляющего 50% медианного дохода на начало 1990-х гг.

На рис. 5 для этого использован порог бедности в 50% национального медианного дохода на начало 1990-х гг. Практическая причина такого выбора в том, что за этот период имеются данные о доходах по многим странам-членам ОЭСР; содержательная причина в том, что в 1990 г. вступила в силу Конвенция ООН о правах ребенка. Начало 1990-х гг., таким образом, оказывается «международным ориентиром для уровня бедности» (и аналогом базового уровня бедности, с помощью которого в рамках программы «Цели всемирного развития» в развивающихся странах оценивают успехи в борьбе с бедностью). Ребенок считается бедным, если доступные ему материальные ресурсы составляют менее 50% медианного дохода в 1990 г. Этот показатель (он обновляется только с учетом инфляции и не зависит от изменений медианного дохода после 1990 г.) задает минимальные требования к субъектам политики борьбы с бедностью и является международным аналогом фиксированного порога детской бедности, который рекомендуется устанавливать при приходе к власти нового национального правительства.

Как показано на рис. 5, почти три четверти стран-членов ОЭСР, по которым имеются данные, не выполняют эти минимальные требования. Иными словами, оценки по стандартам и конца 1980-х гг., и начала 1990-х гг. свидетельствуют об увеличении уровня детской бедности.

Для стран, находящихся на этапе экономического роста, это означает, что спустя десятилетие с момента принятия Конвенции о правах ребенка живущие в бедности дети не только не получают равной части выгод от экономического роста, но и находятся в худших условиях по сравнению с началом 1990-х гг. (Вставка 2).

Странам, переживающим экономический спад, сложнее не допустить повышения уровня бедности, рассчитанного с помощью фиксированного порога. Однако использование этого показателя до сих пор обосновано: в период экономического кризиса правительство должно приложить максимум усилий к защите наиболее уязвимых слоев населения. Этому принципу явно противоречит ситуация, когда в моменты спада в экономике положе-

ние бедных детей ухудшается в большей степени, чем положение остального населения.

Наиболее яркий пример демонстрирует Венгрия. Взяв за основу текущий медианный доход, получаем, что уровень детской бедности увеличился незначительно, приблизительно с 7 до 9%. Приняв фиксированный порог бедности, связанный с медианным доходом 1990 г., получаем, что уровень бедности вырос на 13 проц. п. и превысил 20%. Понятно, что для большей части стран Центральной Европы начало 1990-х гг. было временем экономического спада и что уровень медианных доходов в Венгрии резко сократился; однако статистический анализ показывает, что доходы бедных детей сократились в наибольшей степени, и, как следствие, их положение однозначно ухудшилось.

В 1990-е гг. экономический спад в той или иной степени испытали Германия, Италия, Мексика и Польша; этим странам не удалось предотвратить рост детской бедности по сравнению с фиксированным порогом. Ситуация в Бельгии, Финляндии, Люксембурге, Нидерландах и Швеции почти не изменилась, то есть в целом бедные дети выиграли от десятилетнего экономического роста в меньшей степени, чем остальное население.

Лишь в трех странах (Норвегии, Великобритании и США) произошло существенное сокращение детской бедности, измеренной с помощью фиксированного порога. Задав границу бедности на уровне 50% медианного дохода в период начала 1990-х гг., мы видим, что в Норвегии детская бедность сократилась более чем наполовину (при том что начальный уровень уже был очень низким). В США детская бедность уменьшилась на треть (с 23,4 до 17%), в Великобритании — более чем наполовину (с 18,5 до 7,7%).

В дальнейшем мы вернемся к этим показателям и оценим, насколько позволяют данные, достигнутые успехи, используя и фиксированный, и текущий пороги бедности.

ДЕТЕРМИНАНТЫ БЕДНОСТИ

Один из выводов состоит в том, что в большей части стран-членов ОЭСР ситуация с детской бедностью ухудшилась и относительно медианного дохода за каждый отдельный год, и относительно медианных доходов начала 1990-х гг.

Чем было вызвано повышение уровня детской бедности во многих богатейших странах мира? И в чем причина успеха некоторых стран ОЭСР в защите детей от рисков бедности?

В каждой стране существуют свои обстоятельства, влияющие на уровень детской бедности. Однако во всех странах на него воздействуют три постоянных фактора: ситуация в обществе, конъюнктура рынка труда и государственная политика. На этих трех подвижных основаниях держится материальное благополучие детей, и именно в их сочетании следует искать ответ на поставленные вопросы.

Во всех странах детская бедность определяется в первую очередь изменениями в семье и обществе. Постепенно увеличивается средний возраст родителей, как и средний уровень их образования. Одновременно среднее число детей в семье сокращается. Все это увеличивает объем материальных ресурсов, адресованных детям. В то же время во многих странах растет число неполных семей, что повышает риск детской бедности.

Вставка 4. Великобритания: пока все хорошо

Вплоть до конца 1990-х гг. уровень детской бедности в Великобритании был самым высоким среди участников ОЭСР. Даже сегодня он продолжает оставаться одним из самых высоких в Европе. Однако в течение последних шести лет правительство Великобритании применяет новый (и, по-видимому, действенный) способ мониторинга и сокращения детской бедности.

Источником такого прогресса послужило принятое на высшем уровне обязательство государства наполовину сократить детскую бедность к 2010 г. и полностью устранить ее к 2020 г.

Принятие этого обязательства стало и результатом, и стимулом для общественных дебатов с участием множества организаций, выступающих в защиту детей. Правительство Великобритании, отчасти опираясь на инициативу Ирландии, которая недавно перешла к использованию множественных индикаторов бедности, приняло решение применить три взаимосвязанных способа оценки хода выполнения этих обязательств.

Первый из них — это «предельный» уровень детской бедности: доля детей, доходы которых составляют менее 60% медианного дохода в 1998–1999 гг., когда было заявлено о начале борьбы с детской бедностью (т.е. это фиксированная граница относительной бедности, обновляемая только с учетом инфляции). Второй показатель — доля детей, доходы которых составляют менее 60% текущего медианного дохода; он обновляется ежегодно и должен показывать, как улучшаются условия жизни бедных относительно средних показателей по Великобритании. Третий индикатор оценивает материальную депривацию и отражает долю семей, в которых доход составляет менее 70% медианного дохода и которые не в состоянии приобрести определенные товары и услуги. Перечень таких товаров и услуг включает позиции, связанные с качеством жилья, одежды, участия в общественной жизни, и не менее восьми из девяти позиций, характеризующих социальную жизнь детей. Этот показатель материальной депривации будет пересматриваться каждые несколько лет, хотя детали пересмотра не сообщались.

Эти показатели представляются ясными, надежными, и они не настолько сложны, чтобы контроль уровня бедности увяз в излишних деталях или стал невозможным. Главная цель состоит в том, чтобы добиться улучшения всех трех показателей.

Как считают независимые исследователи, этот подход действительно работает, и промежуточная цель — 25-процентное сокращение числа детей, живущих в домохозяйствах с доходами ниже 60% медианного дохода, — скорее всего, будет достигнута.

Источники: см. с. 105

Второй определяющий фактор — рынок труда — подвержен еще большим колебаниям. В начале 1990-х гг. ситуация во многих странах-членах ОЭСР характеризовалась экономическим спадом, развитием технологических инноваций, ростом отдачи от образования и способности населения адаптироваться к экономическим и социальным обстоятельствам, перемещением за пределы внутренних рынков труда неквалифицированных работников с низкой оплатой труда, а также приватизацией и глобализацией. В целом рынок труда стал играть большую роль в жизни граждан стран-членов ОЭСР. Во многих странах нормой стала семья с двумя кормильцами. Но у неквалифицированных работников стало меньше возможностей зарабатывать на достойную жизнь. Эти сдвиги, в свою очередь, изменили жизнь детей и поставили новые задачи перед правительствами.

Наконец, во многих странах-членах ОЭСР произошли существенные изменения в государственной политике и в бюджетных приоритетах. Были пересмотрены правила, условия и объем предоставления социальных льгот, что повлияло на доходы семей и изменило баланс стимулов и ограничений, на основе которого принимаются семейные решения. Эти изменения также оказали воздействие на роль и эффективность систем защиты, с помощью которых правительства пытаются оградить детей от невзгод бедности.

В точке пересечения действия всех этих сил и оказались дети.

Судьба низкооплачиваемых работников

Взаимодействие названных факторов подробно рассмотрено в ряде работ (*Источники на с. 105*). В табл. 1 приведены обобщенные данные по 13 странам-членам ОЭСР за 1990-е гг.

Таблица 1. Изменения в жизни семьи, ситуации на рынке труда и в государственной политике

Показатель	Страны, в которых уровень детской бедности снизился						Страны, в которых уровень детской бедности вырос										Страны, в которых уровень детской бедности изменился незначительно или не изменился									
	Велико-британия		США		Норвегия		Люксембург		Бельгия		Мексика		Западная Германия		Италия		Венгрия		Нидерланды		Швеция		Канада		Финляндия	
	1991	1999	1991	2000	1991	2000	1991	2000	1988	1997	1989	1998	1989	2000	1991	2000	1991	1999	1991	1999	1992	2000	1991	2000	1991	2000
1. Демографические факторы																										
Средний возраст родителей, лет	36,7	37,9	37,2	38,4	36,8	37,8	38,8	38,9	35,0	38,1	40,2	39,7	37,9	39,0	40,1	40,4	37,5	37,5	37,6	38,9	37,6	39,0	37,2	38,8	37,7	38,9
Доля детей, отец которых имеет высшее образование, %			24,4	28,8	27,3	34,4	7,0	16,4	11,9	13,1	5,1	5,6	13,4	17,2	9,5	10,7	13,2	13,1	21,4	29,3	26,5	30,9	16,8	18,8	11,7	18,9
Доля детей, мать которых имеет высшее образование, %			16,4	23,2	19,5	33,9	3,7	7,3	5,3	6,8	1,6	3,1	6,0	11,8	7,2	9,9	13,1	16,8	12,4	23,2	22,9	32,3	11,9	17,0	8,7	16,8
Среднее число детей в домохозяйстве, чел.	2,2	2,3	2,37	2,36	2,1	2,2	2,0	2,1	2,1	2,2	3,5	3,1	2,0	2,1	1,9	1,9	2,1	2,0	2,3	2,2	2,2	2,2	2,3	2,2	2,2	2,3
Доля детей, живущих с одним родителем, %	17,8	23,8	23,4	23,2	23,7	17,3	10,0	7,1	5,3	10,7	11,9	13,7	10,4	12,4	6,1	5,7	13,9	9,6	9,5	8,6	17,9	20,9	15,4	17,0	11,5	15,0
2. Факторы, связанные с рынком труда																										
Доля детей, живущих с отцом, который работает за плату, %	57,4	55,3	67,0	70,6	76,2	77,5	79,3	84,9	86,3	67,7	59,0	55,7	79,5	74,7	65,9	63,0	78,5	54,9	80,0	77,9	77,5	73,3	73,3	73,5	80,3	75,3
Доля детей, живущих с матерью, которая работает за плату, %	48,4	52,2	61,7	66,8	73,4	83,2	37,1	50,5	50,4	52,0	13,4	19,4	48,0	57,5	31,7	37,8	62,0	50,9	37,0	62,1	83,6	82,7	66,0	69,0	82,8	75,3
Изменения в уровне годовой заработной платы родителей, %																										
У отцов в среднем (%)		7,0		27,4		21,0		14,8		5,3		-3,4		5,8		-1,3		-24,0		0,6		29,3		15,2		12,5
У 10% самых низкооплачиваемых отцов		-8,2		11,2		5,8		-0,8		7,2		-22,4		-22,7		-17,5		-76,5		-1,0		61,2		22,0		13,1
У 25% самых низкооплачиваемых отцов		1,6		5,6		10,5		-6,9		8,0		-20,0		1,4		-4,1		-29,6		1,5		19,5		13,3		9,4
У матерей в среднем (%)		28,2		28,0		84,4		5,8		11,1		-9,4		4,8		-7,1		-22,6		23,4		29,1		21,4		8,9
У 10% самых низкооплачиваемых матерей		29,2		59,9		95,7		81,9		7,2		-40,9		-2,7		-34,8		-62,3		91,0		42,2		26,9		-0,5
У 25% самых низкооплачиваемых матерей		34,2		36,1		51,9		22,2		8,2		-44,6		-13,9		-21,0		-42,3		59,0		35,8		27,0		-1,6
3. Социальные трансферты																										
Изменение среднего объема государственных трансфертов, приходящихся на одного ребенка [в домохозяйствах, получающих такие трансферты]		39,1		-6,4		33,6		-60,3		19,1		-65,5		86,4		-9,2		-41,1		-26,8		-2,9		-12,2		19,4

Обобщены имеющиеся данные о ключевых аспектах жизни семьи, ситуации на рынке труда и государственной политике в некоторых странах ОЭСР в 1990-х гг.

Среди отмеченных исследователями перемен в семье и социальной жизни особое значение имеют два изменения в положении матерей. Первое заключается в резком росте числа матерей с высшим образованием (хотя в некоторых странах это может быть следствием изменений в классификации уровней образования). Второе изменение связано с первым и состоит в росте доли работающих матерей в 10 из 13 стран ОЭСР, причем в 4 странах этот прирост составил 10% и более. Оба этих обстоятельства могли бы привести к росту объема доступных детям материальных ресурсов. Но следует учитывать и другие изменения на рынке труда, в частности, изменение спроса на труд и уровня оплаты труда.

С этой целью в *табл. 1* показано, как на протяжении 1990-х гг. изменялось положение детей в семьях с самым низким уровнем заработной платы родителей. Из 13 стран, по которым имеются данные, в 4 снизились заработки у 25% отцов с самыми низкими зарплатами; в 7 странах — у 10% отцов самые низкие зарплаты. Повышение занятости матерей в определенной степени компенсировало дальнейшее снижение занятости и заработной платы низкооплачиваемых отцов, однако возможности этой компенсации ограничены; кроме того, в большинстве стран прекратился рост средней заработной платы малообеспеченных матерей. В Венгрии, Италии и Мексике доходы 10% самых низкооплачиваемых матерей существенно снизились.

В Венгрии спад самый значительный: заработная плата 25% наименее обеспеченных сократилась примерно на треть у мужчин и почти на 40% у женщин. Лишь в Италии сокращение доходов бедных также затронуло и отцов, и матерей: среди 10% наименее обеспеченных заработная плата снизилась на треть у матерей и на 20% у отцов, среди 25% наименее обеспеченных — примерно на 4% у отцов и на 20% у женщин.

Наконец, *табл. 1* также иллюстрирует потенциально значимые изменения в государственной политике — третьей из основных детерминант уровня детской бедности. Например, в восьми из 13 стран ОЭСР, по которым имеются данные, сократился средний объем государственных трансфертов детям из домохозяйств, получающих социальную помощь. Ниже этот вопрос будет рассмотрен подробнее.

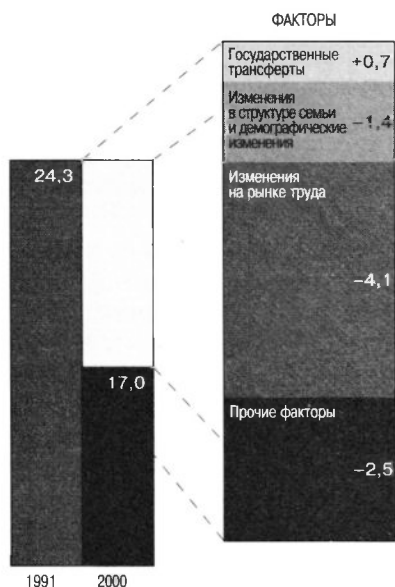
Посмотрим, что показывают данные о взаимодействии трех основных детерминант уровня детской бедности — перемен в обществе, на рынке труда и в государственной политике — и проанализируем роль каждого из этих факторов.

Подробный анализ проведен в ряде работ, использованных при написании данной статьи (*Источники, стр. 105*), но опыт двух стран — США и Норвегии — дает примеры тому, насколько по-разному могут взаимодействовать детерминанты бедности. Пример США иллюстрирует ситуацию, когда снижение государственных расходов на социальную помощь сопровождается снижением детской бедности; пример Норвегии показывает, как увеличение объемов социальной помощи бедным позволяет добиться еще большего сокращения детской бедности.

США

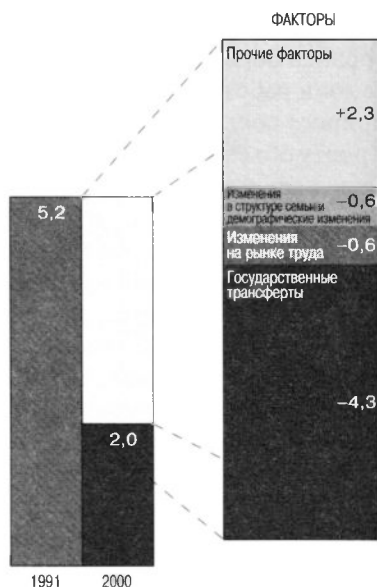
На *рис. 6* схематически изображен процесс стремительного сокращения уровня детской бедности в США в 1990-х гг. За это время система социального обеспечения подверглась радикальным преобразованиям, которые называют «революцией в американской системе общественной поддержки» [Blank, 2002]: объемы помощи, предоставляемой федеральным

Рисунок 6. Вклад различных факторов в снижение уровня детской бедности в США в 1991–2000 гг.

Правая шкала показывает относительную значимость каждого из факторов, вызвавших в 1991–2000 гг. сокращение уровня детской бедности в США на 7,3 проц. п. Представленные уровни бедности получены с применением фиксированного порога бедности в 50% национального медианного дохода в 1991 г.

Рисунок 7. Вклад различных факторов в снижение уровня детской бедности в Норвегии в 1991–2000 гг.

Правая шкала показывает относительную значимость каждого из факторов, вызвавших в 1991–2000 гг. сокращение уровня детской бедности в Норвегии на 3,2 проц. п. Приведенные здесь уровни бедности оценены по фиксированному порогу бедности в 50% национального медианного дохода в 1991 г.

правительством семьям безработных, сократился наполовину до 13 млрд долл., тогда как объем помощи семьям, взрослые члены которых имеют оплачиваемую занятость, вырос в шесть раз и достиг 66,7 млрд долл. Эти десять лет ознаменовались устойчивым и непрерывным экономическим ростом, вызвавшим рост заработной платы и создавшим новые возможности для трудоустройства.

Конечным результатом действия негативных и позитивных влияний стало безусловное сокращение уровня детской бедности в США, хотя нужно учитывать, что в начале периода уровень бедности был очень высок. Используя фиксированную границу бедности, основанную на медианном доходе 1991 г., получаем, что уровень детской бедности за десять лет сократился на 7,3 проц. п. Как показывает *рис. 6*, на котором обобщены результаты расчетов, выполненных в рамках данного исследования и опубликованных в других работах (см. с. 105), это сокращение уровня детской бедности более чем наполовину вызвано изменениями на рынках труда, а самым значимым фактором стало повышение доходов женщин с детьми. Среднегодовой заработок матерей вырос за десять лет почти на 30%, а у четверти женщин с самыми низкими зарплатами — на 36%. (Тем не менее из этого не следует, что детям, родители которых начинают получать заработную плату вместо пособий, бедность не угрожает.)

Вклад социальных факторов оказался невелик. Среднее число детей в семье и доля детей, живущих в неполных семьях, почти не изменились.

Средний возраст родителей повысился слабо, а средний уровень образования вырос значительно.

Этот обзор позволяет кратко оценить относительный вес каждого из трех факторов в сокращении уровня детской бедности в США за 1990-х гг. Однако несколько важных вопросов остались без ответа.

Во-первых, привело ли в конечном счете сокращение бедности по доходам к улучшению жизни детей? Эта проблема требует дальнейших исследований и разработки дополнительных индикаторов.

Во-вторых, что произошло в семьях, члены которых по каким-либо причинам не смогли получить работу с достаточным уровнем оплаты труда и в этой связи увеличить свои доходы? Для ответа на этот вопрос также необходимы иные, неденежные, индикаторы. Однако даже статистика доходов ясно показывает, что государственная помощь была слабым утешением для бедных безработных в США в этот период. Число получателей пособий сократилось вдвое, а в семьях, продолжавших получать пособия, средний объем государственной помощи в расчете на одного ребенка снизился с 2969 до 2770 долл.

В-третьих, быстрый и устойчивый экономический рост создал рабочие места для более 2 млн человек, покинувших список получателей пособий. Но что произойдет, если в системе социального обеспечения подобные изменения произойдут в период спада в экономике — когда есть лишь «негатив» и нет «позитива»?

Норвегия

Норвегии также удалось существенно снизить уровень детской бедности к концу 1990-х гг., однако совсем иными способами. Если судить по доле детей в семьях с доходами менее 50% текущих медианных доходов, то уровень детской бедности в Норвегии сократился примерно на треть, с 5,2 до 3,3%. Используя фиксированную границу бедности — 50% от величины медианных доходов в начале 1990-х гг., получим еще более резкое сокращение, с 5,2 до 2% (как показано на *рис. 7*). Этот успех представляется еще более значительным в свете того, что был достигнут в период неблагоприятной экономической конъюнктуры в стране, где уровень детской бедности изначально был одним из самых низких в мире.

На *рис. 7* представлена попытка количественного отражения относительной значимости факторов, которые влияют на уровень детской бедности.

Как и другие скандинавские страны, Норвегия в начале 1990-х гг. вошла в полосу экономического спада, и за последующие 10 лет существенных изменений к лучшему в экономике не произошло. Таким образом, вклад изменений на рынке труда в снижение детской бедности весьма невелик (*рис. 7*).

Несколько большее влияние оказали социальные изменения. Предположительно, повышение среднего возраста и образовательного уровня родителей, а также сокращение числа детей в неполных семьях снизили детскую бедность примерно на 0,5 проц. п. (с 5,2 до 4,6%).

Самым значимым фактором оказалась государственная помощь семьям, которая обеспечила большую часть снижения уровня детской бедности и предотвратила возможный ее рост на 2 проц. п в результате действия прочих причин. За десятилетие объем государственных трансфертов детям в семьях, чье благополучие зависит от государственной помощи, вырос

Вставка 5. США: пересмотр границы бедности

США — одна из немногих стран ОЭСР, имеющая официальное определение бедности и продолжительный опыт разработки широкого спектра индикаторов бедности и неравенства, включая информацию о положении детей.

Впрочем, официальная граница бедности в США основана на понятиях и представлениях 1960-х гг., и в последнее время активно обсуждается вопрос о том, насколько они отражают положение неблагополучных групп населения в современном американском обществе. В августе 2000 г. 40 известных ученых обратились к высшим правительственным чиновникам с открытым письмом, где говорилось, что если «мы не исправим критические ошибки в действующем показателе, нация по-прежнему будет ориентироваться на неверный критерий оценки результатов политики реформ».

Граница бедности была предложена Министерством сельского хозяйства США в 1961 г. и основана на данных обследований 1955 г. Порог бедности был установлен на уровне в 3 раза ниже стоимости полноценного пищевого рациона (или, как это тогда называлось, «бюджет экономии на питании») с необходимыми уточнениями в зависимости от размера семьи. В 1969 г. во время кампании по борьбе с бедностью (War on poverty) этот показатель был установлен в качестве официального порога бедности в США.

На протяжении последних 35 лет это определение бедности используется для установления границы между бедными и небедными и корректируется лишь с учетом инфляции. Поэтому оно не отражает изменений в американском обществе и его представлений о том, что является минимально приемлемым уровнем жизни. В частности, в нем не отражена потребность в новых товарах и услугах (услуги по уходу за ребенком и медицинские услуги), которые соответствуют новому качеству жизни американских семей. Экспертная группа Национальной академии наук США и Национального научно-исследовательского совета США в своем отчете 1995 г. пришли к следующему выводу:

«Следует пересмотреть имеющийся показатель, так как он больше не дает точного представления ни об уровне экономической бедности среди разных групп населения страны, ни о тенденциях изменения уровня бедности. Используемый в настоящее время показатель оставался неизменным на протяжении более 30 лет. Однако произошедшие за эти годы заметные сдвиги в экономике и обществе, а также в государственной политике, которые повлияли на благосостояние американских семей, никак не отражены в текущем показателе».

Источник: см. с. 105.

в среднем на треть. Доля социальных выплат в целом в ВВП сократилась, но объем выплат, направленных на поддержку семей, увеличился.

Норвегия и США являют примеры двух очень разных сочетаний экономической ситуации и государственной политики, при которых возможно изменение уровня детской бедности. Результаты анализа, проведенного для всех описанных в *табл. 1* стран, показывают, что в некоторых случаях рыночные силы и государственная политика действовали синхронно, способствуя сокращению детской бедности. В других странах воздействие рыночных сил ухудшало положение малообеспеченных детей, и государство пыталось возместить причиненный ущерб и защитить самых бедных — с разной степенью настойчивости и успеха. В самых проблемных случаях и рынок, и государственная политика действовали против бедных.

Эти примеры также возвращают нас к одной из ключевых идей, красной нитью проходящей через всю работу: пытаюсь снизить детскую бедность, правительство должно обращать внимание не столько на саму проводимую политику, сколько на совокупное влияние государственной политики, перемен в семье и обществе и изменениями на рынке труда.

Государственные ресурсы для поддержки детей

Изменение уровня детской бедности в развитых странах последних лет позволяет сделать ряд основных выводов.

Как показано на *рис. 8*, во всех странах-членах ОЭСР большая часть детей находится выше границы бедности благодаря усилиям родителей и достаточному уровню их заработков. Но ни в одной стране, за исключением Швейцарии, уровень детской бедности не опускается ниже 10%.

Вставка 6 Канада: дети все еще ждут

В 1990 г. по решению всех партий правительство Канады обязалось «принять меры к устранению детской бедности к 2000 г.». Это обещание не было выполнено, и не было принято ни одного официального определения детской бедности.

На протяжении долгого времени в Канаде используются по меньшей мере два разных способа выявления низких доходов. В соответствии с первым семья определяется как бедная, если доля расходов на удовлетворение базовых потребностей (еда, жилье, одежда) превышает на 20% и более долю таких расходов в бюджете средней канадской семьи. Этот показатель регулярно рассчитывается с 1967 г. и каждые пять лет подвергается пересмотру на основе новых данных о структуре расходов населения.

Второй способ измерения относительной бедности — человек считается бедным, если величина его доходов составляет менее половины от медианного уровня доходов. Этот показатель обновляется ежегодно с учетом изменений медианного дохода, и регулярно рассчитывается с 1991 г.

Несмотря на то, что по обоим показателям собрана обширная и своевременно обновляемая статистика, ни один из них не получил официального признания.

В 2003 г. правительство приняло совершенно новый показатель бедности, основанный на стоимости набора определенных благ, включая еду, одежду, обувь, жилье, транспорт и прочие предметы и услуги первой необходимости. Конкретная структура набора зависит от «потребительских стандартов местного сообщества»; новый порог бедности установлен на уровне дохода, необходимого для приобретения данного набора благ. Пока не ясно, когда или с какой периодичностью будет обновляться этот показатель.

В 2000 г. все три индикатора показали примерно одинаковый уровень детской бедности, однако правительство утверждает, что «невозможно с уверенностью сказать, насколько количество детей с низкими доходами, измеренное с помощью показателя потребительской/рыночной корзины, больше или меньше, чем было до 2000-х гг.».

На фоне нечеткости определений прошел 2000 г. — последний год заявленного периода борьбы с детской бедностью, однако так и не было достигнуто согласия ни в том, как определить цель борьбы, ни в том, насколько удалось продвинуться в ее достижении, ни в том, какой должна быть дальнейшая политика.

Источники: см. с. 105.

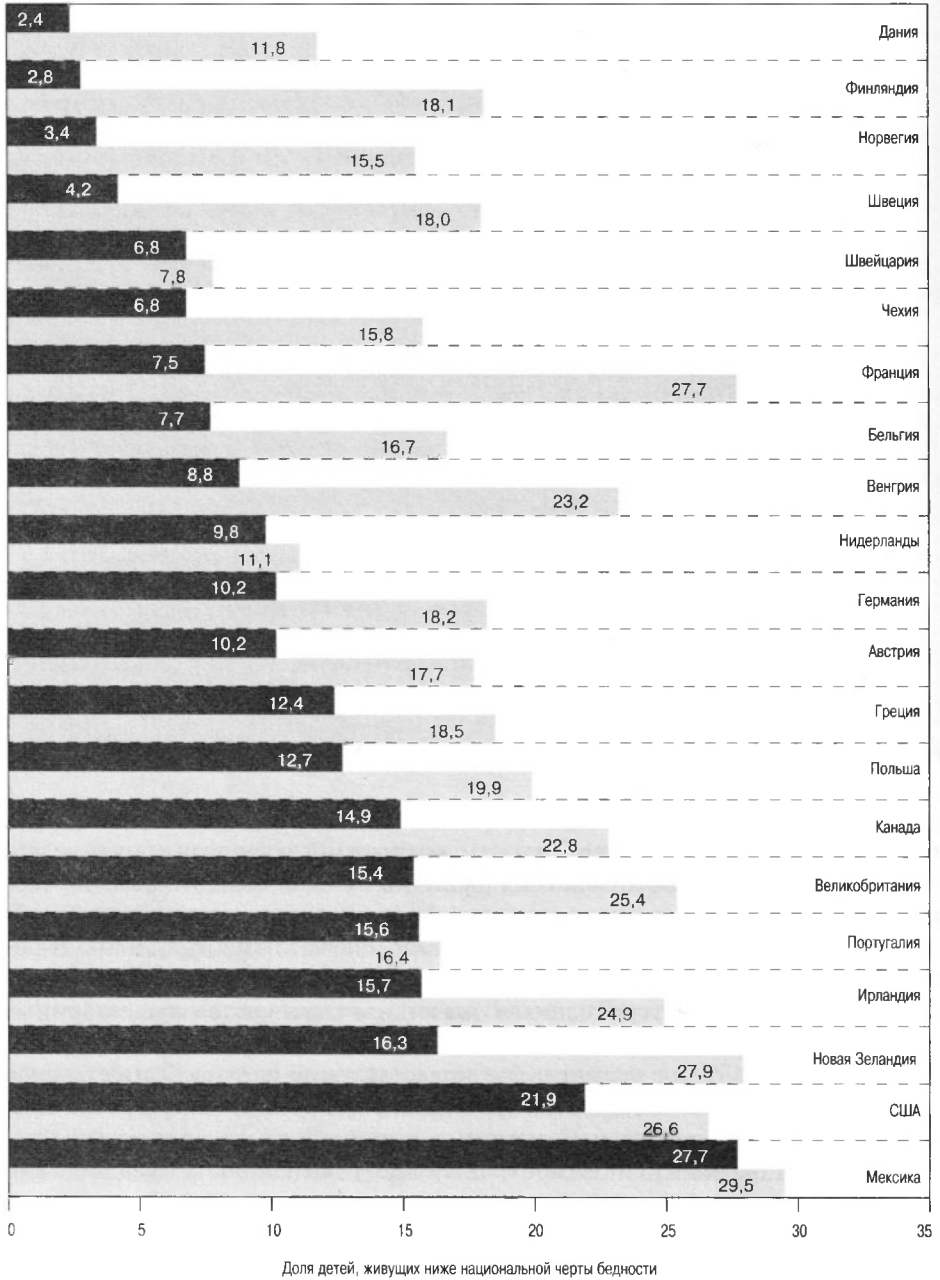
Рис. 8 также показывает, что правительства всех стран-членов ОЭСР немало делают для снижения бедности, которая могла бы возникнуть вследствие неконтролируемого действия рыночных сил. В большинстве случаев вмешательство государства принимает форму денежных и иных пособий, предоставляемых безработным или малообеспеченным гражданам. В результате уровень «рыночной бедности» снижается в среднем более чем на 40%. Однако за этим усредненным значением скрываются существенные различия между странами.

Конечно же, такое схематичное представление уровня бедности до и после вмешательства государства чрезмерно упрощает реальную ситуацию. На практике при отсутствии ожиданий в отношении государственной поддержки, если бы родители и работодатели действительно не предполагали получение в дальнейшем помощи от государства, их решения были бы другими, равно как и структура занятости и уровень доходов. Кроме того, рис. 8 не учитывает то обстоятельство, что уровень «рыночной бедности» уже отражает воздействие таких форм государственного вмешательства, как реализация программ профессионального обучения, принятие законодательства об охране труда и законов о минимальной заработной плате.

Тем не менее полезно посмотреть, как разным странам удается снижать этот гипотетический уровень «рыночной бедности».

Например, можно сразу же заметить, что в странах с самым низким в мире уровнем детской бедности — Швеции, Финляндии и Норвегии — уровень «рыночной бедности» удается снизить на 80% или более, тогда как находящиеся на противоположном конце шкалы США и Мексика устраняют «рыночную бедность» лишь на 15 и 10% соответственно.

Рисунок 8. Воздействие налогов и трансфертов

Светло-серые прямоугольники показывают уровень детской бедности, рассчитанный по доходам домохозяйства до выплаты налогов, темно-серые прямоугольники — уровень бедности, рассчитанный по доходам домохозяйства после выплаты налогов и получения трансфертов (рис. 1). В обоих случаях использован порог бедности 50% медианного дохода после выплаты налогов и получения трансфертов.

Возьмем другой пример. В Финляндии и Португалии уровни «рыночной бедности» весьма близки — они составляют 18,1 и 16,4%. Однако в Финляндии вмешательство государства сокращает уровень бедности до менее 3%, а в Португалии подобные изменения почти незаметны. Подобным образом, в Великобритании и США начальные уровни «рыночной бедности»

Вставка 7. Европа: детская бедность и социальное исключение

Из рассматриваемых в данной работе 30 стран-членов ОЭСР 19 входят в Европейский союз (ЕС). На саммите ЕС 2002 г. в Ницце все эти страны обязались добиться существенного сокращения масштабов бедности и социального исключения к 2010 г., которое поддается измерению.

В целях содействия достижению этой цели в ЕС создана система открытого сотрудничества, позволяющая странам-членам ЕС обмениваться друг с другом опытом по контролю за социальным исключением и по выработке эффективной политики борьбы с ним. Таким образом, создание системы «открытого сотрудничества» выдвинуло требование разработки согласованных показателей бедности для всего ЕС.

В целом в ЕС существует значительный консенсус по поводу того, что порог бедности по доходам должен быть установлен на уровне 60% от национального медианного дохода (с ежегодным пересмотром).

Но все также понимают, что социальное исключение является понятием более широким, нежели бедность, и информацию о доходах необходимо дополнить непосредственным измерением масштабов депривации и исключения. Всего к настоящему времени разработано 18 подобных индикаторов; предполагается, что все они сопоставимы и позволяют проводить сравнения между странами ЕС.

Такой расширительный подход важен для всех стран, поскольку он позволяет выявлять проблемы внутри отдельных сообществ даже в тех странах, где был достигнут низкий уровень относительной бедности по доходам. Он также может оказаться особенно важным для стран, где по каким-либо причинам доходы населения снизились. Например, медианный доход может не измениться, если в стране сократились доходы бедных, тогда как доходы не бедных не изменились или выросли; очевидно, что в этом случае для прояснения положения бедных необходимы другие индикаторы.

Новый аспект проблемы возник в связи с вступлением в ЕС десяти стран, которые значительно беднее, чем прочие члены ЕС (рис. 1). Уровень бедности по доходу в недавно вступивших в ЕС странах сравним со средним по ЕС; однако жизнь за чертой бедности в экономически слаборазвитой стране гораздо ближе к состоянию абсолютной депривации, когда нет возможности удовлетворить даже базовые потребности. Поэтому общенациональные индикаторы депривации необходимы и беднейшим странам в составе расширенного ЕС.

В Европе пока очень мало широко используемых индикаторов, позволяющих следить за масштабами бедности и социального исключения среди детей. Как показано в данной работе, эта информация жизненно необходима любому правительству. Поэтому в настоящее время обсуждаются возрастные границы, устанавливаемые при измерении бедности и социального исключения, а также возможности введения специальных индикаторов для молодых возрастов.

В то же время в данной работе отмечается, что процедура измерения и контроля за бедностью не должна стать чересчур сложной. Некоторые страны-члены ЕС уже заявили о том, что многочисленность рекомендованных индикаторов не позволяет получить четкое представление ни об изменениях в благополучии населения, ни о результатах проводимой политики. Таким образом, предстоит еще многое сделать для формирования создания небольшого числа удобных индикаторов, позволяющих оценивать успехи в борьбе с бедностью, принимать политические решения и формировать бюджет. Начало этому положено тем фактом, что задача борьбы с детской бедностью получила одно из первых мест в «Повестке дня социальной политики» ЕС. Но в действительности достижения неоднозначны: некоторые страны-члены ЕС сделали устранение бедности и социального исключения явным политическим приоритетом, другие только начинают обращаться к этому вопросу, а некоторые еще не признали его серьезность.

Источник: см. с. 105.

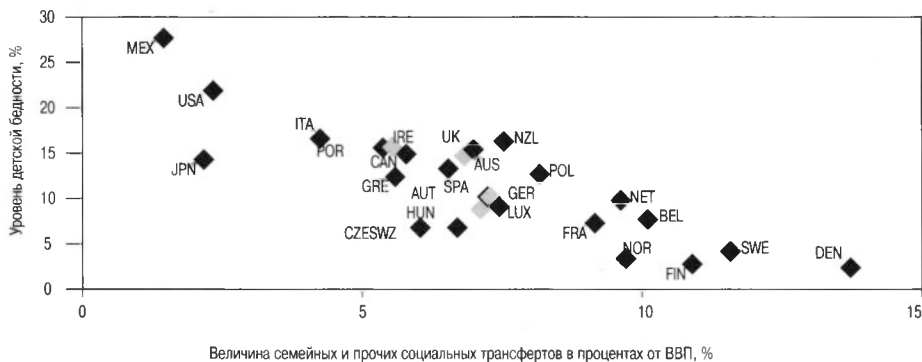
составляют 25,4 и 26,6%, однако в Великобритании действия государства сокращает этот показатель на 10%, а в США — только на 5 проц. п.

В целом, разные страны различаются по уровню детской бедности, возникающей из действия неконтролируемых рыночных сил, с коэффициентом 3 (приблизительно от 10 до 30%). После вмешательства государства различия в уровнях бедности резко увеличиваются и достигают примерно девяти раз (приблизительно от 3 до 28%). Отсюда следует, что различия в государственной политике в странах-членах ОЭСР определяют большую часть различий в детской бедности.

Налоги и социальные трансферты

Оценки уровня бедности до и после получения государственной помощи могут преувеличивать ее воздействие, поскольку если получение помощи

Рисунок 9. Социальные трансферты на экономическую поддержку семьи

Каждая точка на графике обозначает соотношение уровня детской бедности (рис. 1) и величины государственных социальных трансфертов в отдельной стране. К социальным трансфертам отнесены пособия многодетным семьям, пособия по нетрудоспособности и болезни, предоставление услуг служб по дневному уходу за детьми и страхование по безработице. Государственные расходы на здравоохранение и образование не включены.

от государства не предполагается, многие семьи, несомненно, будут пытаться самостоятельно увеличить свои доходы. Но они могут и недооценить эффект государственной помощи: бедность — явление более широкое, чем то, которое измеряется уровнем дохода на определенный момент времени, и получение государственной помощи может приносить чувство защищенности, успокоение и придавать способность пережить временную потерю доходов без чрезмерных психологических и материальных затруднений.

С учетом этого на рис. 9 уровень детской бедности в каждой из стран соотнесен с объемом государственной помощи на поддержку семьи: это могут быть пособия многодетным семьям, пособия по нетрудоспособности и болезни, предоставление услуг центров по дневному уходу за детьми, страхование по безработице, содействие в трудоустройстве и другие формы социальной поддержки.

Совершенно очевидно, что чем большая доля ВВП направляется на эти цели, тем ниже распространение бедности. Ни в одной из стран-членов ОЭСР, направляющих на подобные социальные расходы 10% и более процентов ВВП, уровень детской бедности не превышает 10%. И ни в одной из стран, направляющих на эти цели менее 5% ВВП, уровень детской бедности не опускается ниже 15%. (Единственным исключением является Япония, где фактический объем трансфертов оказывается гораздо выше в силу того, что в некоторых случаях социальную помощь предоставляют работодатели.)

Конечно же, следует ожидать, что в странах, перераспределяющих большую часть национального дохода, распределение по доходам более равномерно, а уровень относительной бедности ниже. Однако рис. 9 говорит о большем. Во-первых, он показывает отсутствие однозначной связи между объемом государственной помощи и уровнем детской бедности. Десять из 26 рассмотренных стран ОЭСР направляют на социальные трансферты примерно одинаковые доли ВВП (от 7 до 10%), но детская бедность колеблется от 3,4% в Норвегии до более чем 15% в Новой Зеландии и Великобритании. В определенной степени это объясняется тем, что в разных странах государственная помощь распределяется по-разному, в различных контекстах и с разной степенью ориентации на конкретные

Таблица 2. Изменения в структуре государственных расходов на социальные нужды в 1990-х гг.

	Социальные трансферты (доля в ВВП, %)		Изменение за период 1990-х гг. (проц. п.)	Вклад отдельных направлений расходования средств в общее изменение объема социальных трансфертов			
	1999	2000		Поддержка пожилого населения	Здоровье	Семья	Другое
2а. Страны, где доля социальных расходов увеличилась							
Швейцария	17,9	25,4	7,5	3,65	1,47	0,14	2,2
Польша	15,5	21,9	6,4	4,67	-0,61	-0,87	3,2
Португалия	13,9	20,5	6,6	3,57	2,12	0,16	0,8
Мексика	3,8	9,9	6,1	5,29	0,63	-0,05	0,2
Турция	7,6	3,2	5,6	3,13	1,72	-0,14	0,9
Япония	11,2	16,1	4,9	2,95	1,49	0,17	0,3
Германия	22,8	27,2	4,4	1,44	1,47	0,25	1,2
Австралия	14,2	18,6	4,4	1,94	0,95	1,38	0,1
Чехия	17,0	20,3	3,3	1,26	1,67	-0,87	1,2
Исландия	16,4	19,7	3,3	1,09	0,80	0,06	1,3
Греция	20,9	23,6	2,7	1,21	1,32	0,26	-0,1
Корея	3,1	5,6	2,5	0,81	0,86	0,05	0,8
Австрия	24,1	26,0	1,9	0,77	0,15	0,30	0,7
Великобритания	19,5	21,3	1,8	1,01	0,85	-0,16	0,0
Франция	26,6	28,3	1,7	1,07	0,50	0,08	0,1
2б. Страны, где изменение доли социальных расходов составило менее 1%							
США	13,4	14,2	0,8	-0,11	1,10	-0,09	-0,1
Италия	24,8	25,6	0,8	1,72	-0,37	-0,12	-0,5
Испания	19,5	19,9	0,4	0,85	0,09	0,17	-0,7
Бельгия	26,9	26,7	-0,2	0,70	-0,41	-0,05	-0,4
Финляндия	24,8	24,5	-0,3	0,44	-1,32	-0,17	0,8
Дания	29,3	28,9	-0,4	-0,33	-0,15	0,41	-0,4
2в. Страны, где доля социальных расходов сократилась							
Канада	18,6	17,3	-1,3	0,53	-0,32	0,18	-1,7
Норвегия	24,7	23,0	-1,7	-0,77	0,05	0,30	-1,3
Люксембург	21,9	20,0	-1,9	-1,49	-0,88	1,15	-0,6
Швеция	30,8	28,6	-2,2	0,48	-0,40	-1,69	-0,6
Новая Зеландия	21,9	19,2	-2,7	-2,40	0,42	-0,35	0,4
Ирландия	18,6	13,6	-5,0	-1,93	0,26	-0,01	-3,3
Нидерланды	27,6	21,8	-5,8	-1,81	0,10	-0,49	-3,7

В таблице показано изменение доли социальных трансфертов в ВВП в 1990-х гг. В правом столбце совокупные социальные представлены в структуре различных направлений трансфертов. Столбец «Другое» характеризует объем социальной поддержки населения трудоспособных возрастов, включая расходы на финансирование программ помощи нетрудоспособным и безработным, программ по обеспечению жильем и рабочими местами, а также другие трансферты. Государственные расходы на образование не включены.

цели. Поэтому соотнесение расходов на социальные нужды и уровней детской бедности, как это сделано на рис. 9, не может использоваться в качестве простого способа расчета какое увеличение социальных расходов необходимо для снижения детской бедности до заданного уровня в той или иной стране. Но этот метод может показать и показывает, что соотношение

между расходами на социальное обеспечение и уровнем детской бедности зависит не только от объема государственной помощи, но и от способа и выбранных приоритетов ее распределения. И некоторым странам удается получить за свои деньги больше, чем другим.

Ощутимое сокращение

Как изменились за последние годы характер распределения государственной помощи и стоящие за ним приоритеты?

На *табл. 2* представлена попытка ответить на этот вопрос по 28 странам, по которым имеются данные, на основе дезагрегации суммы расходов на социальное обеспечение на различные статьи. В целом в 1990-х гг. более половины стран увеличили долю ВВП, направляемую на социальные нужды (некоторые — очень значительно). Однако если рассмотреть структуру этого прироста, то обнаруживается, что в большей части дополнительные расходы были направлены на выплату пенсий и в систему здравоохранения. В странах, где расходы на социальное обеспечение увеличились более чем на 1 проц. п. за десять лет, их средний прирост несколько превышает 4 проц. п. (*табл. 2а*). Однако на расходы, связанные с поддержкой семьи и детей, пошла очень незначительная часть этого прироста (0,05 проц. п.). Видимо, старение населения, повышение расходов на здравоохранение и рост ожиданий в отношении последнего поглотили почти все дополнительные социальные расходы, с которыми были готовы мириться избиратели. За 1990–2000 гг. в пяти странах общий объем расходов на помощь детям и семье в реальности сократился (хотя в Великобритании ситуация с тех пор, похоже, изменилась к лучшему). Только в Австралии произошло существенное увеличение доли социальных расходов, направляемых на помощь детям и семьям.

Среди стран с незначительным или нулевым приростом в общем объеме расходов на социальные нужды (*табл. 2б*), только применительно к Швеции можно говорить о приоритете в пользу помощи детям и семьям. В пяти других странах этой группы государство снизило долю расходов на помощь семьям, чтобы сбалансировать рост расходов на выплату пенсий и, как в случае США, на систему здравоохранения.

В семи странах-членах ОЭСР, где зафиксировано сокращение общего объема социальных расходов (*табл. 2в*), доля расходов на поддержку детей и семей увеличилась или осталась на прежнем уровне (за исключением Швеции, где общее снижение социальных расходов было достигнуто в основном за счет сокращения объема помощи семьям).

Подобный структурный анализ дает некоторое представление о том, как в данный период изменялись политика и приоритеты правительств стран ОЭСР. Однако и его следует воспринимать с осторожностью. Например, повышение государственных расходов на выплату пенсий связано не только с государственными приоритетами, но и со старением населения. Улучшить положение детей могут и другие виды социальных расходов государства помимо тех, которые непосредственно связаны с поддержкой детей и семьи: например, расходы на предоставление бесплатных или субсидируемых государством медицинских или транспортных услуг также могут быть материально выгодны семьям с детьми. Кроме того, эти цифры не отражают воздействие налоговых льгот и скидок, с помощью которых правительства некоторых стран ОЭСР пытаются помочь малообеспеченным семьям.

Вставка 8. Детская бедность в Германии

Сегодня уровень детской бедности в Германии выше, чем десять лет назад.

Хотя картина 1990-х гг. осложняется объединением Германии, за последние годы очевидно существенное повышение уровня бедности. По данным на территории бывшей ФРГ с 1989 г. по 2001 г. уровень детской бедности более чем удвоился (с 4,5 до 9,8%). На территории бывшей ГДР показатель еще выше — 12,6%. Во всей стране в 2001 г. уровень детской бедности составил более 10%.

В Германии риск бедности для детей выше, чем для взрослых. В 2001 г. бедность угрожала каждому десятому живущему в Германии ребенку; доля взрослых, проживающих в домохозяйствах без детей, в группе риска была значительно ниже (8,8%). Десять лет назад ситуация была иной: уровень детской бедности мало отличался от уровня бедности всего населения.

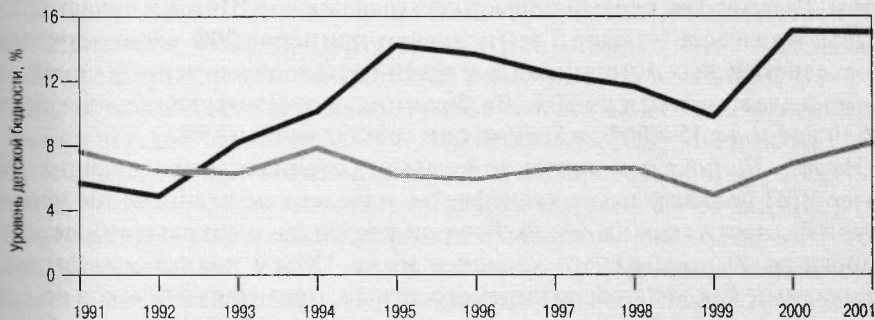
Хотя на риск бедности влияет множество факторов, особое значение имеет статус гражданства. Как показано на рис. 10, на протяжении 1990-х гг. уровень относительной детской бедности в домохозяйствах, глава которых — гражданин Германии, существенно не увеличился. Напротив, в домохозяйствах, глава которых не является немецким гражданином, уровень детской бедности вырос почти в три раза (от 5% в начале десятилетия до 15% в 2001 г.).

В целом можно сказать, что чем меньше срок пребывания в стране, тем выше вероятность бедности. Уровень бедности среди детей «приезжих рабочих» — предыдущего поколения иммигрантов — выше, чем у немецких граждан, но ниже, чем среди детей тех, кто не имеет немецкого гражданства. Самый высокий уровень детской бедности отмечен среди недавних иммигрантов (начиная с 1995 г. он составляет более 15%, а в 1996 г. достиг 20%).

Источники: см. с. 105.

Рисунок 10. Бедность и статус гражданства в Германии

Величина семейных и прочих социальных трансфертов в процентах от ВВП, %

Светло-серая линия показывает, как в течение 1990-х гг. изменялся уровень детской бедности в домохозяйствах, главой которого является гражданин Германии. Черная линия иллюстрирует изменения уровня бедности детей, живущих в семьях, глава которых не имеет немецкого гражданства.

Приоритеты при распределении помощи по возрастным группам

К правительствам часто обращаются с требованием продемонстрировать результаты влияния принимаемых бюджетных решений на положение детей. Большинство правительств медлит с обнародованием этих сведений, но не в связи с желанием что-либо скрыть, а потому, что ситуация и в самом деле неясна. Влияние политических и бюджетных решений на положение самых юных членов общества опосредовано семьей и зависит от того, как родители или опекуны реагируют на стимулы и как распределяются ресурсы внутри семьи. Таким образом, объявление о том, что некая часть государственных расходов направлена на борьбу с детской бедностью, еще не означает, что положение бедных детей действительно улучшится. И наоборот, дети могут выиграть от таких государственных программ и расходов, которые не направлены непосредственно на борьбу с детской бедностью.

В нашем анализе, подробности которого опубликованы в другой работе [Corak, Lietz, Sutherland, 2005], эта проблема отчасти снимается за счет разделения эффектов, которые политика налогообложения и распределения трансфертов оказывает на разные возрастные группы (использовано моделирование на микроданных Eucomod, подробно описанное в *Источниках на с. 105*).

Результаты показаны на *рис. 11*, где по 15 странам по состоянию на 2001 г. для каждой возрастной группы приводится объем выплачиваемых налогов и получаемых трансфертов, представленных в долях располагаемого дохода. (Для расчета объема выплачиваемых налогов и получаемых трансфертов для детей мы предположили, что во всех домохозяйствах доходы и налоговые обязательства равномерно распределяются между членами семьи.) Например, ребенку в домохозяйстве, где живут три поколения родственников, «приписана» доля каждой получаемой пенсии. Следовательно, опосредующая роль семьи и различия в структуре семьи и условиях жизни учтены, но с допущением, что все члены домохозяйства получают равную часть его ресурсов.)

Таким образом, эти графики позволяют посмотреть на картину с точки зрения вопроса, является ли помощь детям национальным приоритетом, что следует из структуры государственного бюджета каждой отдельной страны. Рассмотрим первый пример: два графика для Швеции показывают, что дети в возрасте младше 5 лет получают примерно 30% своих «доходов» из государственных источников, а у детей из малообеспеченных семей эта доля повышается почти до 80%. Во Франции соответствующие показатели приближаются к 15 и 60%, в Греции они составляют 5 и 15%.

На *рис. 11а* показана ситуация в четырех странах, направляющих 10% и более ВВП на социальные трансферты, нацеленные на снижение уровня детской бедности (как на *рис. 9*). Все они преуспели в сокращении детской бедности до 10-процентного уровня и ниже. Объем получаемых выплат, оцениваемый как доля располагаемого дохода, примерно одинаков во всех возрастных группах и лишь немного повышается для лиц старше 65 лет, поскольку в этом возрасте они начинают получать пенсионные выплаты (которые следует рассматривать как сочетание государственной помощи и принудительных сбережений). Во всех странах за исключением Бельгии структура государственных бюджетов показывает более высокий объем помощи детям до 18 лет. Более того, акцент на помощи молодым становится еще заметнее, если посмотреть на часть населения с низкими доходами. Во всех четырех странах преимущество максимально у детей дошкольного возраста и снижается по мере приближения к 18 годам.

На *рис. 11б* тот же метод применен к 6 странам Евросоюза с промежуточным уровнем расходов на социальные нужды, которые направляют на трансферты с целью укрепления экономической безопасности семьи от 7 до 10% ВВП. Несмотря на относительно схожие объемы социальных трансфертов, уровни детской бедности в этих странах существенно различаются — от 7,3% во Франции до 15,4% в Великобритании (*рис. 1*). Таким образом, различия в уровне детской бедности, возможно, являются результатом различий в системе приоритетов в ходе выбора направлений социальных расходов, а не общего их объема.

Например, обнаруженные различия между Францией и Великобританией иллюстрируют решения и компромиссы, принимаемые правительством. Французская система налогообложения и трансфертов не создает

особого положения ни одной из возрастных групп до тех пор, пока не начинает проявляться эффект от получения пенсий. Напротив, система налогообложения и трансфертов в Великобритании благоприятствует маленьким детям и особенно детям из малообеспеченных семей. Тем не менее уровень детской бедности в Великобритании вдвое выше, чем во Франции, и это говорит о том, что проблема Великобритании — не в том, что государство уделяет вопросу недостаточно внимания, а в том, что малообеспеченные родители получают слишком большую часть своих доходов от государства и слишком малую от оплачиваемой занятости.

Это обозначает ключевую проблему: прибегая к узкоспециализированным расходам, государство направляет ограниченные ресурсы на помощь наиболее нуждающимся, но может оказаться, что выигрыш от перехода с получения пособий к оплачиваемой занятости невелик. Так возникает «ловушка бедности»; попадание в нее снижает шансы семьи самостоятельно выбраться из бедности. Поэтому в некоторых случаях выплаты в рамках системы социального обеспечения могут способствовать распространению длительной безработицы и поощрять культуру бедности, для устранения которой они предназначены. Универсальная социальная помощь, хотя и представляется более затратной, позволяет обойти эту ловушку.

Наконец, на *рис. 1в* аналогичный анализ проведен для пяти стран (Греции, Ирландии, Италии, Португалии и Испании), которые выделяют на социальные трансферты наименьшую долю ВВП. Во всех этих странах государство играет гораздо меньшую роль в защите малообеспеченных семей и уровни детской бедности здесь превышают 10%. Как показано на графиках, государственные ресурсы, доступные малообеспеченным, сосредоточены в группах старших возрастов и в группе тех, кому 50–59 лет. Например, в Португалии пособия составляют более половины располагаемого дохода людей старше 40 лет, и эта доля увеличивается с возрастом. Исключением в этой группе стран является Ирландия, где малообеспеченным детям достается более 70% дохода от государственной помощи.

Общая черта остальных четырех стран южного Средиземноморья, несомненно, состоит в слабом участии государства в защите малообеспеченных групп. Можно утверждать, что в этих странах основные обязательства по поддержанию экономической безопасности несет не государство, а семья и местное сообщество, но такое положение дел нельзя принимать как данность. Изменения в семейной жизни и на рынках труда сегодня оказывают сильное влияние на все страны и вполне возможно, что традиционные сети социальной поддержки уже перестанут справляться со своими задачами, в то время как система государственной поддержки будет недостаточно развита.

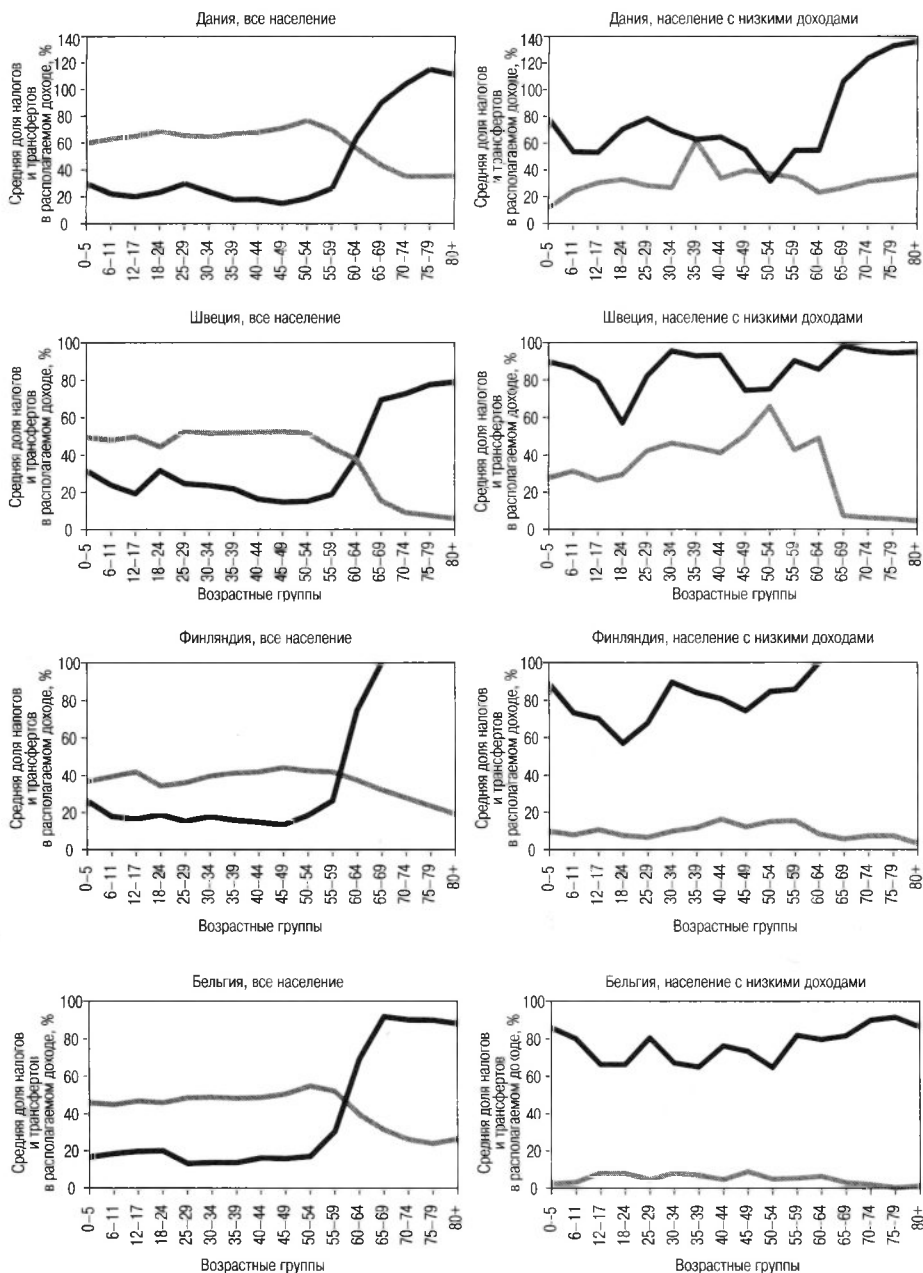
В Ирландии картина иная. По уровню детской бедности (15,7%) Ирландия располагается рядом с Португалией (15,6%) в самом низу рейтинга. Однако в этой стране основной задачей в период устойчивого экономического роста было предотвращение роста неравенства доходов и увеличение медианного дохода. Уровень бедности, рассчитанный по доле медианного дохода, будет продолжать расти до тех пор, пока группы с низкими доходами не начнут получать равную долю благ от экономического роста. В этих условиях адекватным решением представляется проведение более активной политики по обучению необходимым навыкам и созданию возможностей для родителей с низкими доходами.

Рисунок 11. Объемы доступных детям материальных ресурсов

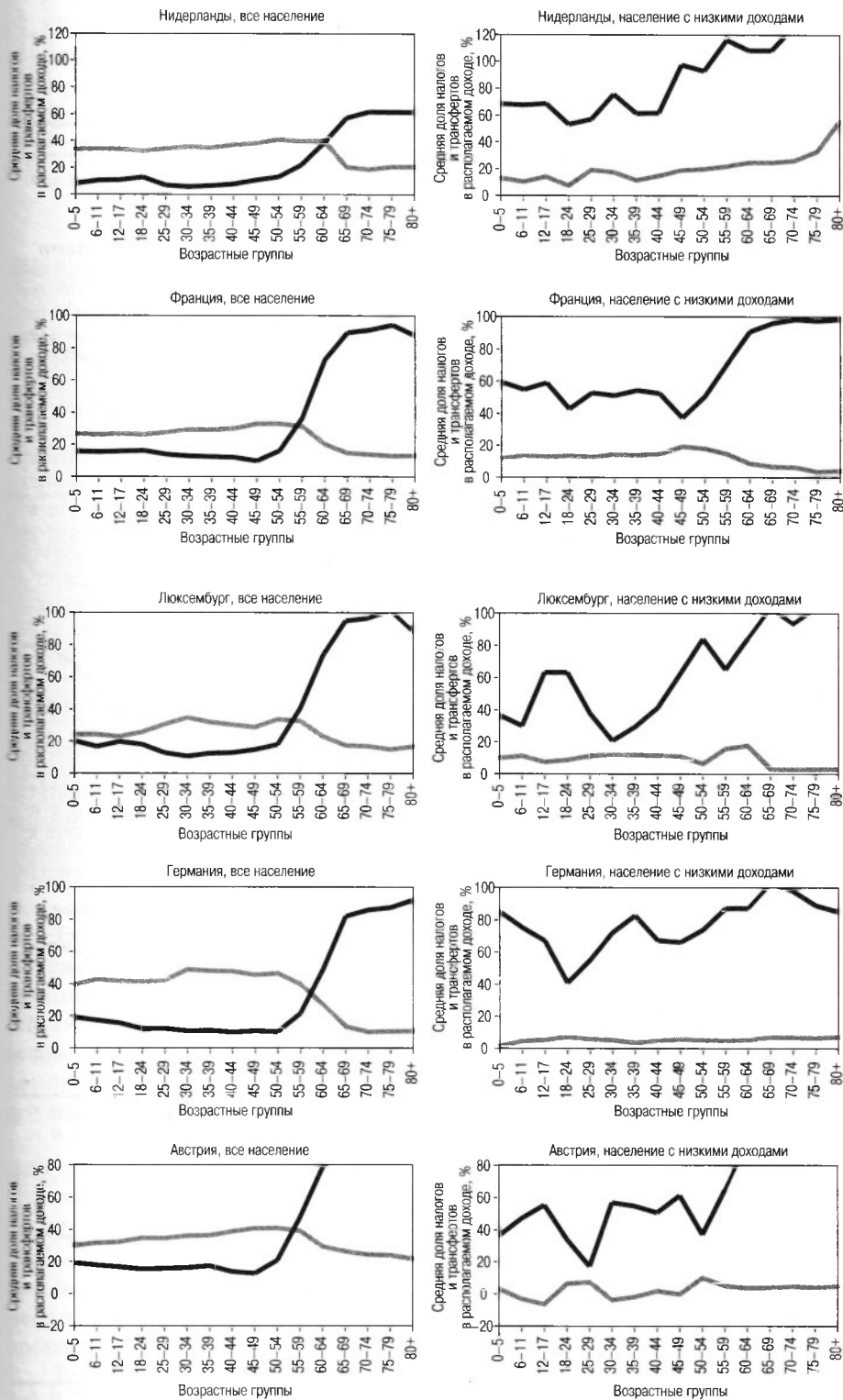
Группа графиков показывает распределение налогов и трансфертов между различными возрастными группами в 15 странах ЕС. Налоги и трансферты оценены в долях располагаемого дохода для каждой возрастной группы в общей численности населения (график слева) и в населении с низкими доходами (определенными как доходы ниже 50% медианного дохода).

11а. Распределение налогов и трансфертов между возрастными группами в странах с высокими социальными расходами

116. Распределение налогов и трансфертов между возрастными группами в странах с умеренными социальными расходами

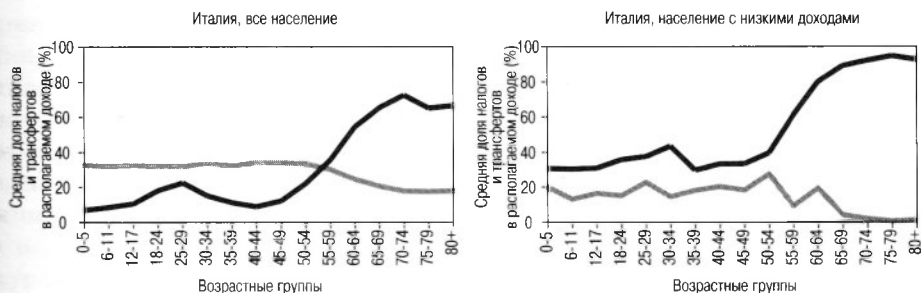

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ: ДЕТИ

11в. Распределение налогов и трансфертов между возрастными группами в странах с низкими социальными расходами.

Вставка 9. Относительная бедность — относительно чего?

Если бедность определяется в относительных терминах, то каким должно быть наилучшее основание для сравнения? Нужно ли привязывать границу бедности к медианному доходу в отдельных странах либо к медианному доходу в ОЭСР или ЕС в целом? Или определение бедности должно быть приближено к местным условиям региона, города или сообщества, где живет ребенок?

Все эти способы могут быть реализованы на практике, и все они дадут разные результаты. Например, если взять за основу средний доход по Сицилии, а не по Италии в целом, то уровень детской бедности в Сицилии сократится более чем наполовину. Аналогично, если бы уровень детской бедности в Нью-Джерси — богатейшем штате США — определялся относительно доходов этого штата, а не по стране в целом, то полученная оценка увеличилась бы более чем наполовину.

Хотя можно утверждать, что люди живут в сообществах и сравнивают себя со своим окружением, столь же верно и обратное: влияние современных СМИ таково, что люди легко могут сравнить свое положение с жизнью в других странах. Например, недовольство экономическими условиями в бывшей ГДР вызвано, скорее всего, переориентацией на западногерманские стандарты жизни, а не ухудшением условий на территории Восточной Германии. Дети повсеместно сталкиваются с одними и теми же стилями жизни, одежды и способами развлечений. Все это влияет на уровень относительной бедности. И конечно же, подобные сравнения сегодня могут делать и дети Африки, Азии, Латинской Америки.

И хотя можно привести доводы в пользу и расширения, и сокращения базы для сравнения, все же на практике наиболее распространенной единицей сравнения остается отдельная страна: в пределах нее происходит сбор статистических данных для сравнительного анализа, реализуется та или иная политика, изыскиваются и расходуются ресурсы.

Источник: см. с. 105.

Таким образом, результаты нашего исследования не позволяют говорить о существовании универсальных (удачных или неудачных) способов формирования государственного бюджета. Вместо этого показано совокупное воздействие политики налогообложения и трансфертов на положение различных возрастных групп населения. Это позволяет политикам оценить принимаемые компромиссные решения, сравнить свою страну с другими членами ОЭСР и попытаться понять достигнуто: ли желаемое? И можно ли добиться большего?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние несколько лет правительства многих стран ОЭСР выразили озабоченность ситуацией с детской бедностью, а некоторые страны обязались принять меры к ее сокращению. Но достигнутые результаты оказались неоднозначными. О борьбе с бедностью стали больше говорить, однако уровень детской бедности также повысился.

Результаты анализа, представленного в данной работе, позволяют сформулировать ряд принципиальных рекомендаций относительно борьбы с детской бедностью в богатых странах.

Во-первых, для начала необходимо решительно взяться за проблему принятия порога детской бедности и мониторинга ее уровня, что позволит формулировать цели политики, следить за ходом ее реализаций и оценивать результаты. Все это только начинает реализовываться в ряде стран-членов ОЭСР. Существуют определенные технические трудности, однако они не должны стать ловушкой, из которой нет выхода. Обобщая опыт, накопленный в странах-членах ОЭСР, данная работа предлагает базовые принципы самых эффективных способов борьбы с детской бедностью.

Обобщим предложенные правительствам рекомендации:

- дать определение детской бедности относительно медианного уровня доходов и следить за ее уровнем;
- прямо контролировать масштабы материальной депривации, используя адекватные для каждой отдельной страны индикаторы;
- установить временные рамки достижения целей для постепенного сокращения бедности и приступить к формированию общественного мнения о необходимости достижения этих целей; для большинства стран-членов ОЭСР реалистичной целью могло бы стать сокращение детской бедности до уровня ниже 10%;
- правительство в момент прихода к власти должно принять предельный уровень детской бедности, основанный на уровне медианного дохода, и взять обязательства, что ни при каких обстоятельствах он не будет превышен;
- привлечь внимание исследователей и политиков к *взаимодействию* крупных социальных сил — семьи, рынка и государства, от которых зависит экономическое благополучие детей;
- открыто признать, что уровень детской бедности зависит от приоритетов, заложенных в структуре государственного бюджета, а также в политике налогообложения и предоставления льгот. И хотя бывает нелегко оценить долю государственных расходов, направляемых на защиту детей от бедности, в ряде случаев заявленные обязательства по сокращению детской бедности оказываются не обеспеченными необходимыми ресурсами. Некоторые страны-члены ОЭСР увеличили расходы на социальные нужды, но доля расходов на борьбу с детской бедностью сократилась. А там, где расходы на социальные нужды снижались, сокращение затрат на поддержку детей и семей было непропорционально велико.

Принцип «главное — детям»

При выборе временных и ресурсных приоритетов государственной политики есть множество возможных направлений. И поэтому аргументы в пользу борьбы с детской бедностью необходимо повторять снова и снова. Основное обязательство государства должно состоять в том, чтобы защищать слабых и оберегать будущее. Дети — и то, и другое. Защита детей от самых уродливых проявлений бедности в раннем возрасте, когда развивается молодой организм и формируется характер, является одновременно как признаком цивилизованного общества, так и средством решения многих актуальных проблем, которые влияют на качество жизни в экономически развитых странах.

Смысл Конвенции ООН о правах ребенка состоит в принципе «главное — детям»: это призыв к обществу уделять наибольшее внимание и направлять максимум ресурсов на то, чтобы оградить детей от ошибок, неудач и превратностей мира взрослых. Во все времена, и в благополучные, и в

тяжелые, необходимо соблюдать право детей на получение материальных благ, необходимых для обеспечения их физического и умственного развития, а также для участия в жизни общества, членами которого они являются. Соблюдение этого права не должно зависеть ни от экономической конъюнктуры, ни от решений находящегося в данный момент у власти правительства, ни от проводимой политики. Именно это означает принцип «главное — детям». И сокращение уровня детской бедности — едва ли не самый значимый и легко измеримый показатель того, как близко развитые страны приближаются к этому идеалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Blank R.* Evaluating Welfare Reform in the United States // *Journal of Economic Literature*. 2002. Vol. 40. P. 1105–1166.
2. *Corak M., Lietz C., Sutherland H.* The impact of tax and transfer systems on children in the European Union. UNICEF Innocenti Research Paper No. 2005-04.
3. Government of Canada. Hansard. November 24, 1989.
4. *Mayer S.* Parental income and children's outcomes. Ministry of Social Development. Wellington. NZ. 2002.
5. www.unicef.org/irc и www.unicef-irc.org

ИСТОЧНИКИ. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Введение

Рис. 1 и *2* основаны на четырех источниках. Данные по большинству стран взяты из Люксембургского исследования доходов [Luxembourg Income Study (LIS), Key Figures. URL: www.lisproject.org/keyfigures.htm по состоянию на 8 июня 2004]. Сведения о Дании, Швейцарии, Чехии, Греции, Испании, Португалии, Ирландии и Новой Зеландии предоставлены Отделом социальной политики Директората по занятости, труду и социальным вопросам Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) при содействии М. Пирсона и М. Мира д'Эрколь. Эти данные приводятся в работе: [d'Ercole M. M., Förster M. Income distribution and poverty in OECD countries in the second half of the 1990s. — Paris: OECD, Directorate for Employment, Labour and Social Affairs, 2005]. Данные по Австралии предоставлены Центром исследований социальной политики университета Нового Южного Уэльса при содействии Б. Брэдбери. Данные по Франции предоставлены Direction des Statistiques Démographiques et Sociales of INSEE (Национальный институт статистики и экономических исследований) при содействии П. Шевалье [P. Chevalier] и К. Бруньо [C. Bruniaux] из Conseil de l'Emploi, des Revenus et de la Cohésion sociale.

Использованная во всех расчетах методология опубликована на сайте Люксембургского исследования доходов и основана на учете общего дохода домохозяйства после выплаты налогов и получения трансфертов, пересчитанного как эквивалентный индивидуальный доход, в качестве шкалы

эквивалентности использован квадратный корень от числа членов домохозяйства. Граница низких доходов установлена на уровне 50% медианного дохода всего населения страны.

Уровни бедности, показанные на *рис. 1*, относятся к следующим годам: 2001 (Швейцария, Франция, Германия, Новая Зеландия), 2000 (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция, Чехия, Люксембург, Япония, Австралия, Канада, Португалия, Ирландия, Италия, США), 1999 (Венгрия, Нидерланды, Греция, Польша, Великобритания), 1998 (Мексика), 1997 (Бельгия, Австрия) и 1995 г. (Испания). На *рис. 2* показаны изменения уровней детской бедности начиная с 1991 и 1992 гг., за исключением Бельгии (с 1988 г.), Германии (с 1989 г.) и Австралии (с 1993–1994 гг.).

Измерение уровня детской бедности

Подробное описание использованных в этом разделе данных и их анализа см.: [Corak M. Principles and practicalities in measuring child poverty. UNICEF Innocenti Working Paper No. 2005-01. URL: www.unicef.org/irc, www.unicef-irc.org]. Общий обзор опыта различных стран по измерению уровня бедности и постановке конкретных задач приведен также: [Estimer l'évolution récente de la pauvreté. — Paris: Un dossier du Conseil de l'Emploi, des Revenus et de la Cohésion Sociale (CERC), 2002. URL: www.cerc.gouv.fr]. Дополнительные сведения о способах измерения уровня бедности в Великобритании и Ирландии см.: [Nolan B., Whelan C. Resources Deprivation, and Poverty. — Oxford: Oxford University Press, 1996]. Также использована работа [Nolan B. The Meaning and Measurement of Child Poverty: Recent UK and Irish Experience. Unpublished note prepared for the UNICEF Innocenti Research Centre Experts Meeting, 2004]. Обсуждение вопросов измерения уровня бедности в Ирландии доступно по адресу www.combatpoverty.ie/downloads/publications/FactSheets/Factsheet_MeasuringPoverty.pdf. Сведения по Новой Зеландии приводятся по [New Zealand's Agenda for Children. Ministry of Social Development, 2002. URL: www.msd.govt.nz]. Дополнительные ссылки на источники по Канаде, Евросоюзу, США и Великобритании, использованные при написании вставок, приведены на с. 105.

Международные сравнения

Полное описание использованных в этом разделе данных и результатов исследования см.: [Chen W., Corak M. Child Poverty and Changes in Child Poverty. UNICEF Innocenti Working Paper No. 2005-02. URL: www.unicef.org/irc и www.unicef-irc.org]. Из этой работы взяты *рис. 3–5*, составленные на основе данных Люксембургского исследования доходов, за исключением Германии: данные Немецкого социально-экономического панельного исследования приводятся по работе [Corak M., Fertig M., Tamm M. A portrait of child poverty in Germany', UNICEF Innocenti Working Paper No. 2005-03. URL: www.unicef.org/irc и www.unicef-irc.org].

Детерминанты бедности

Табл. 1 и рис. 6–7 основаны на расчетах по данным Люксембургского исследования доходов, приведенных в работе [Chen W., Corak M. Child Poverty and Changes in Child Poverty. UNICEF Innocenti Working Paper No. 2005-02. URL: www.unicef.org/irc и www.unicef-irc.org]. В этой работе приводится также подробное описание данных и результатов анализа, использованных в этом разделе.

Процентное изменение уровня доходов и объема социальных трансфертов (*табл. 1*) рассчитано только для тех индивидов, которые сообщили о получении каких-либо поступлений или трансфертов. При расчете относительного вклада изменений в демографической ситуации, на рынке труда и в [объеме и распределении] социальных трансфертов в изменение уровней детской бедности (*табл. 1 и рис. 6–7*) взаимодействие данных факторов не учитывалось. По сути, подобные оценки относительного вклада различных факторов в изменение уровня бедности должны рассматриваться как иллюстрация и отправная точка для дальнейшего изучения.

Основные источники сведений о роли реформы социальной политики в США — см: [*Blank R. Evaluating Welfare Reform in the United States // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40. P. 1105–1166*] и [*Blank R. Selecting Among Anti-Poverty Policies: Can an Economist be Both Critical and Caring? // Review of Social Economy. 2003. Vol. 61. P. 447–469*]. Неденежные индикаторы благополучия малообеспеченных детей обсуждаются в работе [*Jencks C., Mayer S., Swingle J. Who has benefited from economic growth in the United States since 1969? The case of Children // What Has Happened to the Quality of Life in the Advanced Industrialized Nations? / Ed. by E. Wolff. Edward Elgar Publishing, 2004*].

Ресурсы государства для помощи детям

Полное описание использованных в этом разделе данных и результатов исследования см.: [*Corak M., Lietz C., Sutherland H. The impact of tax and transfer systems on children in the European Union. UNICEF Innocenti Research Paper No. 2005-04. URL: www.unicef.org/irc и www.unicef-irc.org*].

В *рис. 8* использованы данные Люксембургского исследования доходов; определения и методология совпадают с использованными при составлении *рис. 1*: уровень низких доходов определен в терминах 50% от национального медианного дохода в соответствующий период, шкала эквивалентности рассчитана как квадратный корень от размера домохозяйства. Кроме того, в *рис. 9* использованы данные предварительной версии базы данных ОЭСР о социальных расходах [OECD Social Expenditure database, 2004. URL: www.oecd.org/els/social/expenditure]. Эти же данные использованы в *табл. 2*.

Данные *рис. 11* рассчитаны на основе EUROMOD — модели налогов и выгод [taxbenefit model], охватывающей 15 стран, входивших в состав Евросоюза до мая 2004 г. На основе данных по каждой из 15 стран EUROMOD позволяет рассчитать располагаемый доход каждого домохозяйства в выборке, используя симуляционные уровни налогов и трансфертов. Затем результаты объединяются, что позволяет репрезентировать все население страны.

EUROMOD выступает основным инструментом при изучении воздействия структуры государственного бюджета на [положение] детей в работе [*Corak M., Lietz C., Sutherland H. The impact of tax and transfer systems on children in the European Union. Op. cit.*], послужившей источником данных для *рис. 11а–11в*. Используемые базы данных перечислены ниже. Поскольку они содержат информацию, собранную на протяжении 1993–2000 гг., все данные приведены к ценам и доходам 2001 г. При построении симуляционной модели мы ориентировались на государственную политику образца середины 2001 г.

Во всех случаях предполагается, что действуют правовые нормы и издержки по достижению согласия равны нулю. Таким образом, в расчетах не

учитываются ни ситуации неполучения [положенных] выплат, ни уклонение от уплаты налогов. В некоторых странах (например, в Греции) использование EUROMOD приводит к переоценке объема собираемых налогов; в других странах (например, в Великобритании и Ирландии) — к переоценке размера выплат нуждающимся. Понятно, что этот эффект сильнее выражен в странах, где велика роль подобных выплат.

Результаты расчетов, приведенные на *рис. 11а–11в*, позволяют оценить объем налоговых обязательств домохозяйств и размер получаемых ими выплат, учитывая возраст каждого члена семьи. Предполагается, что доходы, налоги и получаемые выплаты распределяются между членами домохозяйства (так что, например, ребенок получает часть пенсии, выплачиваемой живущей вместе с ним бабушке или дедушке). Налоги (включая налоги на доходы, страховые взносы наемных работников и самозанятых) и выплаты (включая государственные пенсии) выражены в долях располагаемого дохода домохозяйства. Следует отметить, что в данных по Швеции агрегирование доходов проведено для семейной ячейки (одного человека или пары, а также детей до 18 лет), а не для домохозяйства. Данные по другим странам позволяют использовать более широкое понятие домохозяйства, объединяющее всех людей, живущих в одном помещении и ведущих совместное хозяйство. То обстоятельство, что в Швеции многие молодые люди в возрасте 18–24 лет живут вместе с родителями и их собственные доходы невелики, отражен на *рис. 11а* как низкий уровень налоговых поступлений от этой группы.

Население «с низкими доходами» определяется как члены домохозяйств с эквивалентными доходами ниже 50% медианных доходов; для расчета использовано симуляционное распределение располагаемых доходов домохозяйств, рассчитанное с помощью EUROMOD. На *рис. 11а–11в* налоги и выплаты показаны для всего населения и отдельно для малообеспеченных семей в 15 странах. В некоторых странах — особенно в странах с низким уровнем бедности или небольшим населением — недостаточный объем выборки не позволяет получить статистические значимые оценки для отдельных возрастных групп. (В особенности это относится к Бельгии, Дании, Ирландии, Люксембургу и Нидерландам.) Тем не менее в целом возрастной профиль распределения налогов и выплат представляется достоверным.

Программа EUROMOD создана и поддерживается силами консорциума 45 сотрудников 18 организаций в разных странах Евросоюза. В данной работе использована версия программы, разработанная в рамках проекта MICRESA (Микроанализ социальной ситуации в Европе), финансируемого по программе Европейской комиссии «Увеличение человеческого потенциала» (SERD-2001-00099). Исследование получило грантовую поддержку от Фонда Нулфилда в Великобритании. В модели EUROMOD использованы микроданные из 12 различных источников по 15 странам: это предоставленная Евростатом пользовательская база данных Европейской панели домохозяйств (European Community Household Panel, ECHP); австрийская версия ECHP, предоставленная Междисциплинарным центром сравнительных исследований в социальных науках; Панельное исследование бельгийских домохозяйств (Panel Survey on Belgian Households, PSBH), предоставленное университетами Льежа и Антверпена; Исследование распределения доходов, предоставленное статистической службой Финляндии; Исследование семейных бюджетов (Enquête sur les Budgets Familiaux, EBF), предоставленное INSEE; открытая версия Немецкого социально-экономического па-

нельного исследования (German Socio Economic Panel Study, GSOEP), предоставленная Немецким институтом экономических исследований (DIW) в Берлине; Исследование жизни в Ирландии, предоставленное Институтом экономических и социальных исследований; Исследование доходов и богатства/имущественной обеспеченности домохозяйств (Survey of Household Income and Wealth, SHIW95), предоставленное Банком Италии; Социально-экономическая панель Люксембурга (Socio-Economic Panel for Luxembourg, PSELL-2), предоставленная CEPS/INSTEAD; Социально-экономическое панельное исследование (Socio-Economic Panel Survey, SEP), предоставленное службой статистики Нидерландов при посредстве Нидерландской организации по научно-исследовательской работе (Научном статистическом агентстве); Исследование распределения доходов (Income Distribution Survey), предоставленное службой статистики Швеции; Исследование расходов семей (Family Expenditure Survey, FES), полученное через Архив данных от Службы национальной статистики Великобритании (ONS). Права на данные FES принадлежат правительству Великобритании и используются с его разрешения. Ни ONS, ни Архив данных не несут ответственности за результаты анализа и интерпретацию представленных в этой работе данных. Аналогичное ограничение ответственности действует в отношении остальных упомянутых выше источников данных и предоставивших их организаций. Модель EUROMOD непрерывно совершенствуется и обновляется, и представленные здесь результаты являются рабочими и не окончательными.

Страна	Основной источник данных для EUROMOD	Начало сбора данных о доходах
Австрия	Австрийская версия Европейской панели домохозяйств (Волна 5)	за год, 1998
Бельгия	Панельное исследование бельгийских домохозяйств	за год, 1998
Дания	Европейская панель домохозяйств (Волна 2)	за год, 1994
Финляндия	Исследование распределения доходов	за год, 2001
Франция	Бюджет семьи	за год, 1993/1994
Германия	Немецкое социально-экономическое панельное исследование	за год, 2000
Греция	Европейская панель домохозяйств (Волна 3)	за год, 1995
Ирландия	Исследование жизни в Ирландии	за месяц, 1994
Италия	Исследование доходов и богатства/имущественной обеспеченности домохозяйств	за год, 1995
Люксембург	Социально-экономическая панель Люксембурга (PSELL-2)	за год, 2000
Нидерланды	Социально-экономическое панельное исследование	за год, 1999
Португалия	Европейская панель домохозяйств (Волна 3)	за год, 1995
Испания	Европейская панель домохозяйств (Волна 7)	за год, 1999
Швеция	Исследование распределения доходов	за год, 1997
Великобритания	Исследование расходов семей	за месяц, 2000/2001

Дополнительные сведения о модели EUROMOD см.: [Immervoll H., O'Donoghue C., Sutherland H. An Introduction to EUROMOD. EUROMOD Working Paper EM0/99. 1999. URL: www.econ.cam.ac.uk/dae/mu/publications/emwp0.pdf; Mantovani D., Sutherland H. Social Indicators and other Income Statistics using the EUROMOD Baseline: a Comparison with Eurostat and National Statistics. EUROMOD Working Paper EM1/03. 2003. URL: www.econ.cam.ac.uk/dae/mu/publications/emwp103.pdf; Sutherland H. EUROMOD // Microsimulation in Government Policy and Forecasting / Ed. by A. Gupta, V. Kapur. Elsevier, 2000. P. 575–580]. Также о EUROMOD см.: [URL: www.econ.cam.ac.uk/dae/mu/emod.htm].

Вставка 2. Конвенция о правах ребенка: обязательства перед детьми

Полный текст Конвенции ООН о правах ребенка доступен по адресу www.unicef.org. Также использована работа [Hodgkin R., Newell P. Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. Fully revised edition, New York: United Nations Children's Fund, 2002 (разделы о статьях 4 и 27). Точная формулировка статей 4 и 27 следующая.

Статья 4

Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в настоящей Конвенции. В отношении экономических, социальных и культурных прав государства-участники принимают такие меры в максимальных рамках имеющихся у них ресурсов и, в случае необходимости, в рамках международного сотрудничества.

Статья 27

1. Государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка.

2. Родитель и/или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка.

3. Государства-участники в соответствии с национальными условиями и в пределах своих возможностей принимают необходимые меры по оказанию помощи родителям и другим лицам, воспитывающим детей, в осуществлении этого права и, в случае необходимости, оказывают материальную помощь и поддерживают программы, особенно в отношении обеспечения питанием, одеждой и жильем.

4. Государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения восстановления содержания ребенка родителями или другими лицами, несущими финансовую ответственность за ребенка, как внутри государства-участника, так и из-за рубежа. В частности, если лицо, несущее финансовую ответственность за ребенка, и ребенок проживают в разных государствах, государства-участники способствуют присоединению к международным соглашениям или заключению таких соглашений, а также достижению других соответствующих договоренностей.

Вставка 3. Бедность и доходы

Использованы следующие работы: [Corak M. Principles and practicalities in measuring child poverty. UNICEF Innocenti Working Paper No. 2005-01. URL:

www.unicef.org/irc, www.unicef-irc.org; The State of the World's Children Report, UNICEF, 2005. URL: www.unicef.org].

Вставка 4. Великобритания: пока все хорошо

Основана на результатах исследования, приведенных в работе [Sutherland H. Poverty in Britain: the impact of government policy since 1997. A projection to 2004-5 using microsimulation. Microsimulation Research Note MU/RN/44, Microsimulation Unit, University of Cambridge, 2004. URL: <http://www.econ.cam.ac.uk/dae/mu/publications/murn44.pdf>]. Текст речи премьер-министра с заявлением о намерении правительства устранить детскую бедность, а также работы разных авторов, комментирующих различные аспекты этого вопроса, помещены в книге [Ending Child Poverty / Ed. by R. Walker. The Policy Press, Bristol, 1999]. Определение бедности, используемое правительством Великобритании, описано в работе [Measuring child poverty. Department for Work and Pensions, 2003. URL: www.dwp.gov.uk/consultations/consult/2003/childpov/final.asp]. Опираясь на понятие материальной депривации, «депривация взрослых» оценена по тому, насколько семья обладает или может себе позволить иметь подходящие жилищные условия (достаточное отопление жилья, поддержание жилья в надлежащем состоянии, мебель и такую бытовую технику, как холодильник или стиральная машина), осуществлять определенные социальные практики (проводить выходные вне дома и не у родственников в течение недели, приглашать друзей или родных в гости раз в месяц), владеть активами (иметь некоторое количество карманных денег и регулярно делать сбережения), а также иметь надлежащую одежду (две пары всепогодной обуви для каждого взрослого). Депривация детей измерена с помощью девяти индикаторов, один из которых оценивает жилищные условия (достаточное количество спальных мест с тем, чтобы у всех детей разного пола старше 10 лет была своя комната). Прочие индикаторы оценивают участие в социальных практиках и включают ежегодный недельный отдых всей семьей вне дома, занятие плаванием не менее раза в месяц, наличие хобби или досуговой деятельности, посещение друзей дважды в месяц, наличие игрушек и другого инвентаря для проведения досуга, празднование знаменательных событий в жизни ребенка, участие в совместных играх с другими детьми не менее раза в неделю для детей дошкольного возраста, участие в поездках и походах с классом не менее раза в полугодие для школьников. Ход общественных слушаний описан в работе: [Measuring child poverty consultation: preliminary conclusions. Department for Work and Pensions, 2003. URL: <http://www.dwp.gov.uk/consultations/consult/2003/childpov/index.asp>].

Вставка 5. США: пересмотр границы бедности

В США существует обширная литература по вопросам определения бедности. В этой вставке (и в основном тексте) использованы следующие работы: [Measuring Poverty: A New Approach / Ed. by C. Citro, R. Michael. — Washington: National Academy Press, 1995; Fisher G. An Overview of Developments since 1995 Relating to a Possible New U.S. Poverty Measure. 1999; Fisher G. Is There Such a Thing as an Absolute Poverty Line over Time? 1995; Short K., Garner T. A Decade of Experimental Poverty Thresholds 1990 to 2000. 2002; все работы доступны по адресу URL: www.census.gov/hhes/poverty/povmeas/papers]. Отдельная ссылка сделана к работе: [An Open Letter on Revising the Official Measure of Poverty. Conveners of the Working Group

on Revising the Poverty Measure, August 2, 2000. URL: www.ssc.wisc.edu/irp/rovmeas], а также к отчету экспертной группы Национальной академии наук США и Национального научно-исследовательского совета США от 1995 г. [Measuring Poverty: A New Approach. Op-cit].

Вставка 6. Канада: дети все еще ждут

Описание и обзор индикаторов низкого дохода, разработанных службой статистики Канады, приведены в работе [Skuterud M., Frenette M., Poon P. Describing the Distribution of Income: Guidelines for Effective Analysis. Catalogue No. 75F0002MIE, No. 010. Statistics Canada, 2004]. Краткое описание первых результатов оценки численности малообеспеченных с помощью показателя потребительской/рыночной корзины доступно по адресу: [URL: www.hrsdc.gc.ca/en/cs/comm/news/2003/030527.shtml], подробности составления набора благ и услуг представлены в работе [Hatfield M. Constructing the Revised Market Basket Measure. Ottawa: Human Resources Development Canada, 2002]. Цитаты, приведенные в тексте, взяты из этих источников. Обязательство правительства Канады «принять меры к устранению детской бедности к 2000 г.» опубликовано в [Government of Canada, Hansard, November 24, 1989]. Высказывание правительства о том, что «невозможно с уверенностью сказать, насколько количество детей с низкими доходами, измеренное с помощью показателя потребительской/рыночной корзины, больше или меньше, чем было до 2000 г.» опубликовано по адресу [URL: www.hrsdc.gc.ca/en/cs/comm/news2003/030527.shtml].

Вставка 7. Европа: детская бедность и социальное исключение

Список из 18 основных индикаторов, используемых в ЕС, доступен по адресу в Интернет [URL: europa.eu.int/comm/employment_social/news/2002/jan/report_ind_en.pdf]. В него вошли дополнительные индикаторы на базе уровня доходов, такие как распределение доходов, продолжительность пребывания в группе с низкими доходами, уровень доходов, при котором человек живет ниже 60-процентного порога бедности. Также используются другие индикаторы, отражающие ситуацию на рынке труда и в обществе: уровень хронической безработицы, количество людей, проживающих в домохозяйствах без работающих членов семьи, количество людей, покинувших школу раньше срока и не продолжающих обучение, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, состояние здоровье по самооценке опрошенных. Описание их разработки см.: [Atkinson T. et al. Social Indicators: The EU and Social Inclusion. — Oxford University Press, 2002]. Основания для принятия 60-процентной границы в качестве критерия низких доходов обсуждаются в: [Recommendations on Social Exclusion and Poverty Statistics. Eurostat Task Force. Paper presented to the 26–27 November Meeting of the EU Statistical Programme Committee, 1998].

Подробнее о положении детей в ЕС см.: [Hoelscher P. A thematic study using transnational comparisons to analyse and identify what combination of policy responses are most successful in preventing and reducing high levels of child poverty], финальная версия которой представлена в качестве доклада Европейской комиссии [Joint Report on Social Inclusion summarizing the results of the National Action Plans for Social Inclusion (2003–2005). COM(2003)773 final. Brussels. 2003. P. 6.]. О детской бедности в Европе см.: [URL: europa.eu.int/comm/employment_social/social_protection_committee/spc_report_july_2003_en.pdf].

Вставка 8. Детская бедность в Германии

Более подробный анализ детской бедности в Германии, результаты которого использованы в данной вставке, приводится в книге [Corak M., Fertig M., Tamm M. A portrait of child poverty in Germany. UNICEF Innocenti Working Paper No. 2005-03. URL: www.unicef.org/irc, www.unicef-irc.org].

Вставка 9. Относительная бедность — относительно чего?

Обсуждение основано на работе [Rainwater L., Smeeding T., Coder J. Poverty Across States, Nations and Continents. Working Paper for the 1999 LIS Child Poverty Conference. URL: <http://lissy.ceps.lu/CPCConf/agnd.htm>].

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта работа написана Петером Адамсоном преимущественно на основе результатов исследований М. Корака. Редактор — А. Райт. П. Адамсон и А. Райт — сотрудники Исследовательского центра UNICEF Innocenti. На момент окончания работы над этим проектом М. Корак был внештатным научным сотрудником Исследовательского центра UNICEF Innocenti, в настоящее время он — директор отдела исследований семьи и труда/занятости в статистической службе Канады. Также в работе широко использовались материалы четырех исследований, три из которых написаны совместно с Х. Сатерлэнд (в тот момент сотрудник секции микросимуляции на кафедре прикладной экономики Кембриджского университета, в настоящее время работает в Институте социальных и экономических исследований в университете Эссекса), К. Лиц (сотрудник кафедры прикладной экономики Кембриджского университета), В. Чен (сотрудник отдела исследований семьи и труда/занятости в статистической службе Канады), М. Фертиг и М. Тамм (Институт экономических исследований Рейн-Вестфалия, Эссен). Х. Сатерлэнд помогала комментариями и советами. Проект поддержали Немецкий национальный комитет UNICEF, Швейцарский национальный комитет UNICEF, Люксембургское исследование доходов и грант Фонда Нулфилда. Управление и контроль за деятельностью Исследовательского центра UNICEF Innocenti осуществляли М. Пэйс (директор), Д. Паркер (заместитель директора), Е. Джесперсен (руководитель секции мониторинга социальной и экономической политики), Г. Фахт (отдел политики и планирования UNICEF, ранее был руководителем секции мониторинга социальной и экономической политики Исследовательского центра UNICEF).

Ряд людей оказали значительное содействие в проведении исследования и в получении данных (однако они ни в коей мере не несут ответственности за то, каким образом эти данные были использованы [в этой работе]). Благодарим М. Пирсона и М. д'Эрколь (дирекция ОЭСР по вопросам занятости, труда и социальным вопросам), предоставивших сведения и рекомендации по расчету уровней детской бедности и государственных расходах в странах ОЭСР.

Комментарии, указания, информацию и помощь разного рода предоставили П. Алкемейд (Люксембургское исследование доходов), Т. Аткинсон (Колледж Нулфилда, Оксфорд), К. Бантинг (Школа политических исследований университета Квинс, Кингстон), А. Бьоркклунд (Шведский инсти-

тут социальных исследований университета Стокгольма), Р. Бланк (Школа государственной/публичной политики Д.Р. Форда Мичиганского университета), Б. Бредбери (Центр социальных исследований университета Нового Южного Уэльса), Д. Бредшоу (отдел социальной политики университета Йорка), К. Брюньо (Совет по занятости, доходам и социальному согласию (CERC)), П. Шевалье (Национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE)), К. Колан (INSEE), М. Долле (CERC), Г. Эппин-Андерсен (профессор политических и социальных наук университета Помпо Фабра), Б. Голтье (CERC), Т. Гарнер (Бюро статистики труда США), Т. Хелениак (Исследовательский центр UNICEF Innocenti), П. Холешер (кафедра прикладных социальных наук университета Стирлинга), М. Джантти (кафедра экономики и статистики университета Або Академи, Турция), Т. Крутен (Люксембургское исследование доходов), Н. Лежендр (INSEE), М. Ливи Бакки (кафедра статистики университета Флоренции), С. Майер (Школа исследований государственной/публичной политики Харриса Чикагского университета), Д. Миклрайт (кафедра социальной статистики университета Саутгемптона), Б. Нолан (Институт экономических и социальных исследований, Дублин), Д. Редмонд (Исследовательский центр UNICEF Innocenti), К. Шмидт (Институт экономических исследований Рейн-Вестфалия, Эссен), Т. Смидинг (Центр исследований политики университета Сиракуз); К. де Томбе (Люксембургское исследование доходов) и Д. Вейнберг (Бюро переписей США).

Дизайн и оформление Р. Крейга и Г. Писли (mccdesign). Административную поддержку в Исследовательском центре UNICEF осуществляла С.И. Бруши.

СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ФАКТЫ И ОБЪЯСНЕНИЯ

Е.М. Андреев, к. ф.-м. н.

Д.А. Жданов, д-р философии

В.М. Школьников, к. геогр. н.

Max Plank Institute for Demographic Studies, Rostock, Germany

ВВЕДЕНИЕ

Термин *mortality reversal* означает обратное движение, или регресс смертности. Он появился в мировой демографической литературе в 1990-х гг. и был призван подчеркнуть исключительность ситуации, когда рост уровня смертности в стране наблюдается в течение ряда лет. В последние десятилетия XX в. повороты смертности отмечались в ряде стран, расположенных в Африке к югу от Сахары, а также почти во всех странах Центральной и Восточной Европы и бывших республиках СССР. Падение продолжительности жизни в некоторых расположенных к югу от Сахары странах Африки началось 10–20 лет назад в результате эпидемии ВИЧ/СПИД. Рост смертности взрослых мужчин начался в бывших социалистических странах и республиках СССР намного раньше — примерно в середине 1960-х гг.

Таблица 1. Снижение продолжительности жизни мужчин в возрасте 15 лет ($e(15)$) в некоторых странах Восточной Европы

Страны	Начало снижения		Конец снижения		Снижение, лет
	Год	$e(15)$, лет	Год	$e(15)$, лет	
Болгария	1964	57,8	1997	53,8	4,0
Белоруссия	1964	57,9	2005*	48,7	9,0
Венгрия	1966	56,1	1993	50,7	5,4
Бывшая ГДР	1963	56,0	1980	55,1	0,8
Латвия	1964	54,9	1994	45,5	9,4
Литва	1964	56,5	1994	49,0	7,5
Польша	1966	55,5	1991	52,6	2,9
Россия	1964	52,9	2005*	45,0	7,9
Румыния	1974	56,2	1996	52,5	3,7
Словакия	1964	56,5	1990	52,8	3,7
Украина	1964	56,9	2005*	48,6	8,3
Чехия	1961	54,8	1990	53,7	1,1

Источники: The Human Mortality Database (HMD), <http://www.mortality.org/> и расчет на основе WHO Mortality Data Base <http://www.who.int/whosis/en/>. Год начала роста — последний год, в который продолжительность жизни не уменьшалась, год окончания роста — последний год, в который продолжительность жизни уменьшалась.

*Для Белоруссии, России и Украины — взят последний год, за который имеются данные.

Важно подчеркнуть, что повышение смертности в бывшем СССР и Восточной Европе наблюдалось в основном у мужчин в возрасте старше 15 лет, в то время как детская смертность в основном продолжала снижаться.

В Белоруссии, Латвии, России и Украине этот рост распространился и на женщин, но рост женской смертности не был столь значительным.

Как следует из *табл. 1*, к концу 1990-х гг. некогда многочисленная группа стран с регрессом смертности сократилась до трех стран. В остальных 9 представленных в *табл. 1* странах и регионах рост смертности либо сменился быстрым и устойчивым снижением (бывшая ГДР, Чехия, Польша, Словакия), либо снижение сопровождается некоторыми колебаниями уровня, либо идет еще не столь долго, чтобы признать его окончательным, но рост смертности, безусловно, прекратился.

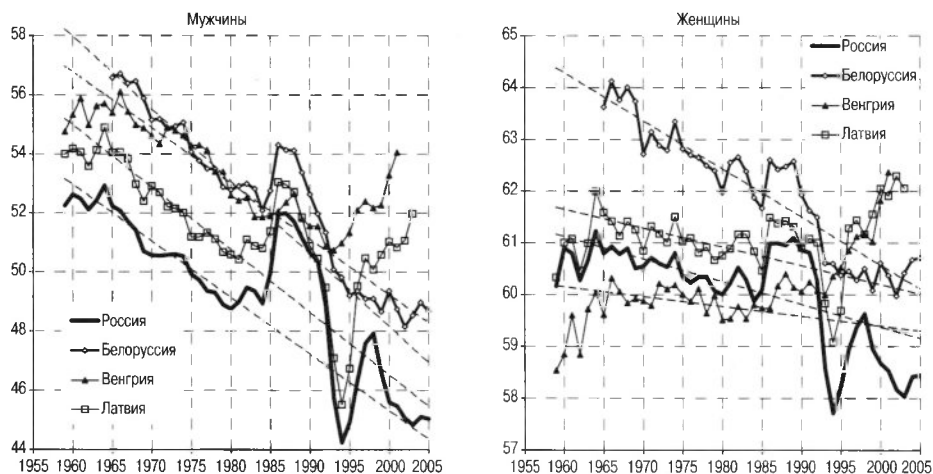
В этой статье мы предпринимаем еще одну попытку объяснить рост смертности в России, и поэтому наше внимание будет сконцентрировано на главной проблеме Российской смертности — смертности взрослых.

1. ФАКТЫ: ДВА ПЕРИОДА РОСТА СМЕРТНОСТИ

В России, как и в других постсоветских странах, история роста смертности распадается на два периода — до и после 1985 г. До 1985 г. рост смертности в России проходил почти равномерно, то несколько ускоряясь при эпидемиях гриппа [Андреев Е.М., Бирюков В.А., 1998. С. 73–77], то ненадолго замедляясь, в ответ на попытки ограничить потребление алкоголя в начале 1970-х и в 1980-х гг. (*рис. 1*).

Начавшаяся в мае 1985 г. антиалкогольная кампания сопровождалась беспрецедентным ростом продолжительности жизни и мужчин, и женщин. В 1986–1987 гг. в России были зафиксированы самые высокие уровни продолжительности жизни мужчин — 64,8 года, а в 1989 г. женщин — 74,5 лет¹. В 1988–1989 гг. рост смертности взрослых возобновился.

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в возрасте 15 лет в России, Белоруссии, Венгрии и Латвии после 1959 г.

Примечание: Пунктирные линии на графике — экстраполяция тренда 1965–1984 гг. — рассчитаны с опорой на эти годы с помощью стандартной функции TREND (Excel 2003).

Период после антиалкогольной кампании отличается тем, что рост смертности взрослых проходил на фоне ее резких колебаний. До 1992 г. он шел медленно, также как в 1980-е гг., в 1992–1994 гг. резко ускорился, и в 1994 г.

¹ Здесь и далее приводятся данные НМД.

была зафиксирована самая низкая продолжительность жизни после 1959 г. в России — 57,4 и 71,1 лет у мужчин и у женщин, соответственно. Затем продолжительность жизни вновь выросла и в 1998 г. составила 61,2 и 73,1 года соответственно. Затем произошло новое падение: в 2003 г. продолжительность жизни мужчин равнялась 58,5, а женщин — 71,8 лет, и новый очень небольшой рост до 58,9 и 72,5 лет в 2005 г. Отметим еще раз, что все эти колебания проходили на фоне устойчивого снижения смертности детей и были целиком связаны с динамикой смертности в возрастах старше 15 лет.

Для сравнения на *рис. 1* представлены тренды ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет еще для трех стран той же группы, Белоруссии, Венгрии и Латвии. Каждая из этих стран по своему интересна для сравнения с Россией. В 1970–1980-е гг. смертность в Венгрии была самой высокой среди стран Восточной Европы, не входивших в СССР. Латвия имела самую высокую смертность и самый высокий процент русскоязычного населения среди стран Балтии. Наконец в Белоруссии смертность была самой низкой среди стран бывшего СССР. В 1985 г. в России, Латвии и Белоруссии прошла масштабная антиалкогольная кампания, а в Венгрии ничего подобного не было. В то же время в начале 1990-х гг. Венгрия, Латвия и Россия прошли (с разной степенью успешности) через болезненные рыночные преобразования, а в Белоруссии во многом продолжал существовать государственный патернализм советского типа. С 1965 по 1984 г. продолжительность жизни 15-летних мужчин в этих странах сократилась на 3,3–4,5 лет, в то время как в западных странах выросла на 2–3 года.

Первый раз сходство нарушается в 1985 г., когда в России, Белоруссии и Латвии рост смертности прекратился, и продолжительность жизни увеличилась под действием антиалкогольных мер, а в Венгрии рост смертности продолжился и продолжался еще в течение 9 лет.

Второе нарушение сходства динамики произошло после 1991 г., поскольку ухудшение ситуации в Белоруссии было заметно меньше, чем в Латвии и России. В Белоруссии продолжительность жизни 15-летних мужчин упала в 1994 г. по сравнению с 1990 г. на 2,8 года, а в Латвии и России — на 5,4 и 6,4 лет, соответственно. Причем рост продолжительности жизни в период антиалкогольной кампании в Белоруссии был такой же, как в Латвии: максимальное увеличение по сравнению с 1984 г. составило 2,2 лет, а в России больше — 3,1 лет. Это наводит на мысль, что более медленный рост смертности в Белоруссии в 1992–1994 гг. можно связать с отсутствием кардинальных социально-экономических реформ, которые проходили в это время в Латвии и России. Зато в Белоруссии, в отличие от России и Латвии, не было и серьезного улучшения ситуации в середине 1990-х гг.

В 1993 г. в Венгрии начался рост продолжительности жизни и, таким образом, появилось и стало нарастать отставание Белоруссии, Латвии и России от Венгрии

Наконец в 1998 г. появились новые различия между странами: в то время как в Белоруссии и России снижение продолжительности жизни продолжилось, в Латвии она после 1998 г. стала увеличиваться. Таким образом, к началу 2000-х гг. отмечаются выраженные различия между Венгрией и Латвией с одной стороны и Белоруссией и Россией с другой. Невольно приходит на ум грустная сентенция Н.С. Лескова: «Отсюда судьба их начала сильно разниться»².

² Лесков Н.С. Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе) (1881). Напомним, «они» это — Левша и Полшкипер, приплывшие в Петербург из Англии на корабле, где на протяжении всего многодневного пути пьянствовали. Англичанина Полшкипера успешно вылечили в посольском доме, а Левша умер в Обухвинской больнице, «где неведомого сословия всех умирать принимают».

В России, несмотря на разнонаправленную динамику смертности общие итоги изменений, за 1965–1984 гг. и 1984–2005 гг. очень близки (табл. 2): с 1965 по 1984 г. продолжительность жизни мужчин в возрасте 15 лет сократилась на 3,29 лет, а с 1984 по 2005 г. — на 3,88 лет. У женщин с 1965 по 1984 г. продолжительность жизни сократилась на 0,91, а с 1984 по 2005 г. — на 1,42 лет. В обоих случаях второй период оказался еще менее благоприятным, чем первый, что вылилось в дополнительную потерю 0,59 и 0,52 лет продолжительности жизни для мужчин и женщин соответственно. Как видно из табл. 2, главные потери продолжительности жизни и в первом, и во втором периодах связаны с болезнями системы кровообращения и внешними причинами.

Основные отличия между периодами 1965–1984 гг. и 1984–2005 гг. связаны с динамикой смертности от туберкулеза: если в 1965–1984 гг. смертность сокращалась, то в 1984–2005 гг. она интенсивно росла. Существенно возросли также во втором периоде потери от убийств и преднамеренных повреждений и, особенно, от повреждений без уточнения их случайного или преднамеренного характера. Весьма вероятно, что значительная часть последних — на самом деле убийства. Если распределить смерти от повреждений неустановленного характера пропорционально между убийствами и самоубийствами, то потери от убийств у мужчин составят 0,69 лет, а у женщин — 0,21 лет. Кроме того, окажется, что смертность мужчин от самоубийств выросла (потери 0,2 года), а смертность женщин почти не изменилась.

Говоря о причинах роста смертей, квалифицированных как повреждения без уточнения их случайного или преднамеренного характера, уместно напомнить, что уже в начале 1990-х гг. существенно ослабло давление на врачей со стороны статистических органов, стремящихся минимизировать неопределенные диагнозы³. Не трудно увидеть, как последовательно росло в 1990-е гг. число умерших с диагнозами «другие болезни сердца», «другие болезни органов дыхания» и уже упомянутые «повреждения без уточнения их случайного или преднамеренного характера». Следует также подчеркнуть несовершенство российского законодательства, которое возлагает на врача определение или, по крайней мере, запись в свидетельство так называемой внешней причины при травмах и отравлениях. Очевидно, что во многих случаях только следственные органы или суд могут установить, было ли причиной смерти преднамеренное насилие или несчастный случай. Отсюда и рост числа неустановленных повреждений.

Уместно напомнить также, что в 1999 г. в системе учета причин смерти произошли серьезные изменения. Российская статистика смертности перешла на Международную номенклатуру болезней, травм и причин смерти десятого пересмотра (МКБ-10). С начала 1999 г. врач, установивший причину смерти, не просто делал запись в медицинском свидетельстве о смерти, но и сам осуществлял кодирование причины на основе полного кода МКБ-10. Таким образом, возникла возможность существенно точнее кодировать причину смерти. Если до 1999 г. использовалось примерно 200 кодов, то в 1999 г. стали доступно более 10 000 кодов. Очевидно, что это само по себе не могло не увеличить многообразие диагнозов.

³ С распадом СССР органы статистики перестали выполнять контролирующие функции.

Таблица 2. Декомпозиция изменения продолжительности жизни в возрасте 15 лет между 1965 и 1984 и 1984 и 2005 гг. по основным группам причин смерти, лет

Причина смерти	Мужчины				Женщины			
	1965–2005 г.	1965–1984 г.	1984–2005 г.	Разность	1965–2005 г.	1965–1984 г.	1984–2005 г.	Разность
Все причины	-7,18	-3,29	-3,88	-0,59	-2,33	-0,91	-1,42	-0,52
Инфекционные болезни	0,15	0,45	-0,30	-0,74	0,18	0,29	-0,11	-0,40
в т.ч. туберкулез	0,13	0,42	-0,29	-0,71	0,13	0,25	-0,11	-0,36
Новообразования	0,10	0,03	0,08	0,05	0,28	0,20	0,08	-0,11
в т.ч. злокачественные новообразования: желудка и кишечника	0,46	0,30	0,16	-0,14	0,43	0,26	0,18	-0,08
трахеи, бронхов, и легких	-0,18	-0,18	0,00	0,19	0,05	0,02	0,03	0,01
другие новообразования	-0,17	-0,09	-0,08	0,01	-0,20	-0,08	-0,12	-0,04
Болезни системы кровообращения:	-3,52	-1,80	-1,72	0,09	-1,61	-0,96	-0,65	0,32
в т.ч. гипертоническая болезнь	-0,02	0,02	-0,04	-0,07	-0,20	-0,11	-0,08	0,03
ишемическая болезнь сердца	-1,94	-1,45	-0,49	0,96	-0,35	-0,47	0,12	0,59
сосудистые поражения мозга	-0,50	-0,34	-0,16	0,19	-0,60	-0,46	-0,14	0,32
другие болезни системы кровообращения	-1,06	-0,04	-1,02	-0,99	-0,46	0,08	-0,54	-0,62
Болезни органов дыхания:	-0,42	-0,20	-0,22	-0,02	0,39	0,24	0,15	-0,09
в т.ч. острые респираторные инфекции, грипп, пневмония	-0,46	-0,08	-0,38	-0,30	-0,04	0,09	-0,13	-0,22
Болезни органов пищеварения:	-0,55	-0,16	-0,40	-0,24	-0,54	-0,12	-0,42	-0,30
в т.ч. циррозы печени	-0,39	-0,11	-0,29	-0,18	-0,39	-0,06	-0,33	-0,26
Внешние причины:	-2,79	-1,50	-1,29	0,20	-1,05	-0,56	-0,49	0,07
в т.ч. автотранспортные несчастные случаи	-0,03	-0,13	0,10	0,23	-0,08	-0,08	-0,01	0,07
самоубийство и самоповреждение	-0,26	-0,36	0,10	0,46	0,01	-0,09	0,09	0,18
убийство и преднамеренное повреждение	-0,52	-0,13	-0,39	-0,26	-0,18	-0,08	-0,10	-0,02
повреждения без уточнения их случайного или преднамеренного характера	-0,73	-0,15	-0,58	-0,43	-0,22	-0,06	-0,16	-0,10
Другие причины	-0,14	-0,10	-0,03	0,07	0,02	0,01	0,01	0,00

Примечание: Метод расчета см. Андреев, 1982. Данные за 1999–2005 гг. пересчитаны в соответствии с Краткой номенклатурой причин смерти 1981 г., модифицированной в 1988 г. (основанной на 9-й ревизии МКБ). Случаи смерти от других и неустановленных причин смерти, включая старость без упоминания о психозе и симптомы и неточно обозначенные состояния, пропорционально распределены между всем другими причинами смерти (подробнее см. Милле и др., 1996).

Такие же причины обусловили уменьшение вклада ишемической болезни сердца при одновременном росте вклада других болезней сердца. В 2005 г. Росстат впервые выделил в итоговых таблицах причин смерти диаг-

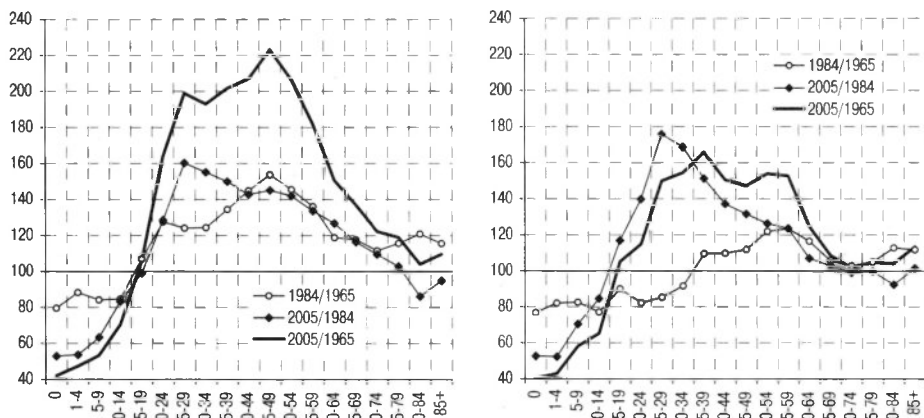
ноз «алкогольная кардиомиопатия», оказалось, что смерти от этой причины составляют 34% смертей мужчин от прочих болезней системы кровообращения и 19% смертей женщин. Среди всех смертей от болезней системы кровообращения в возрасте до 60 лет алкогольная кардиомиопатия составила 12% смертей и у мужчин, и у женщин. К сожалению, числа умерших от алкогольной кардиомиопатии за 1999–2004 г. не рассчитывались, а до 1999 г. вообще недоступны.

Ранее статистика учитывала только четыре чисто алкогольные причины смерти: алкоголизм хронический, острый алкогольный психоз, алкогольный цирроз печени и случайное отравление алкоголем. Потери продолжительности жизни мужчин из-за повышения смертности от этих причин в первый и второй период составили 0,32 и 0,29 лет, соответственно, а женщин — 0,16 и 0,21 лет. С 2005 г. их стало 7, добавились упомянутая выше алкогольная кардиомиопатия, дегенерация нервной системы, вызванная алкоголем и хронический панкреатит алкогольной этиологии. В 2005 г. число умерших от семи причин было в 1,68 раза больше, чем от четырех, как для мужчин, так и для женщин, и составило 9% всех смертей. В то же время, как отмечали многие исследователи, далеко не все смерти, вызванные чрезмерным потреблением алкоголя, относятся к рубрикам, включающим слово «алкоголь». Наиболее известный пример — цирроз печени, многие смерти от алкогольного цирроза регистрируются как смерти от других форм цирроза, поэтому в *табл. 2* объединены все формы цирроза в одну причину смерти.

Возвращаясь к *табл. 2* отметим, что у женщин (в отличие от мужчин) рост смертности от циррозов в 1984–2005 гг. был намного более значительным, чем в 1965–1984 гг. По темпу роста смертности от этой причины женщины обогнали мужчин.

На *рис. 2* представлены возрастные особенности роста смертности в России. Как видно, основной рост смертности концентрируется в наиболее активных возрастах 25–59 лет. В этом интервале возрастные интенсивности смертности мужчин выросли более чем в 2 раза, а у женщин — в 1,5 раза.

Рисунок 2. Относительное изменение возрастных показателей смертности с 1965 по 1984 г. и с 1984 по 2005 г. в %

Еще одна тема, которая обсуждается при сравнении роста смертности до и после 1991 г., это проблема роста неравенства перед лицом смерти [Иванова, Семенова, 2004]. К сожалению, реально мы располагаем лишь немноги-

ми данными о дифференциации смертности в России. Причем эти данные в сумме дают достаточно противоречивую картину. Например, различия в продолжительности жизни мужчин и жизни последовательно увеличивались в течение всего периода роста смертности, различия в продолжительности жизни между городскими поселениями и сельской местностью у мужчин сначала заметно увеличились, а потом уменьшились, а у женщин равномерно росли, наконец межрегиональные различия по продолжительности жизни также увеличились (табл. 3).

Таблица 3. Различия в продолжительности жизни в возрасте 15 лет по полу, месту жительства и региону, лет

Параметры	1965 г.	1984 г.	2005 г.	1984–1965 гг.	2005–1984 гг.
Различие по полу	8,95	11,25	13,53	2,30	2,27
Различие между городом и селом					
Мужчины	0,93	2,68	2,18	1,75	-0,50
Женщины	-0,71	0,42	1,56	1,13	1,14
Межрегиональные различия по формуле Валконена**					
Мужчины	1,35*	1,42	2,77	0,07	1,35
Женщины	0,89*	1,04	1,61	0,15	0,57

*Оценка за 1969–1970 гг.

**Использована предложенная Валконеном формула [Vallin, Meslé, Valkonen, 2001, p. 196], в нашем случае она выглядит так $AD = \sum P'_{15+} |e'_{15} - \bar{e}_{15}|$, где e'_{15} — продолжительность жизни в возрасте 15 лет в регионе i , P'_{15+} — численность населения региона i в возрасте 15 лет и старше, а $\bar{e}_{15} = \sum e'_{15} P'_{15+} / \sum P'_{15+}$ — средневзвешенная продолжительность жизни в стране.

Данные о смертности в различных социальных группах населения России были получены при переписях населения 1979 и 1989 гг. Анализ этих данных представлен в книге «Неравенство и смертность в России» (2000). Позже в архиве были найдены уникальные данные о профессиональной смертности по причинам смерти в городском населении 17 регионов России в 1970 г. [Андреев, Харьков, Школьников, 2005]. Наконец, мы смогли оценить смертность по образованию в России в 1998 г., последний год, когда органы ЗАГС фиксировали образование умершего [Shkolnikov et al., 2006].

Представленная ниже табл. 4 показывает динамику продолжительности жизни в возрасте 20 лет в 17 регионах России, для которых разрабатывались данные о смертности в зависимости от характера труда в России (по данным НМД), и оценку вклада отдельных социально-демографических групп в эту динамику.

Проведенный ранее анализ [Андреев, Харьков, Школьников, 2005] свидетельствует, что население 17 регионов составляет около 25% всего населения и практически не отличается от населения России ни по доле занятых, ни по их структуре. Регионы также не отличаются от России в целом по продолжительности жизни, а общие тенденции смертности совпадают с общероссийскими. Поэтому мы сочли возможным распространить сделанные выводы на всю Россию. Как следует из табл. 3, рост смертности в 1970–1979 гг. в основном был вызван ростом смертности занятых физическим трудом и незанятых, что в условиях СССР было эквивалентно нетрудоспособности. Смертность занятых умственным трудом не росла в 1970–1979 гг. и снижалась в период антиалкогольной кампании, правда, ее снижение внесло меньший вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни, чем смертность занятых физическим трудом в 1979–1989 гг.

Таблица 4. Разложение изменения продолжительности жизни в возрасте 20 лет в городском населении 17 регионов России⁴ на компоненты, обусловленные смертностью разных социальных групп в 1970–1989 гг., лет

Период (годы)	Продолжительность жизни		Общее изменение за период	В т.ч. за счет смертности в возрасте 20–59 лет	За счет изменения смертности			За счет структуры занятости населения	За счет смертности в возрастах 60 лет и старше
	в начале	в конце			занятых		незанятых		
	периода				умственным трудом	физическим трудом			
Мужчины									
1970–1979	46,31	44,91	–1,40	–1,12	0,01	–0,87	–0,52	0,26	–0,27
1979–1989	44,91	46,65	1,74	1,40	0,32	0,99	0,10	–0,01	0,34
Женщины									
1970–1979	55,82	55,32	–0,50	–0,24	0,10	–0,29	–0,43	0,38	–0,26
1979–1989	55,32	56,24	0,92	0,57	0,15	0,36	–0,05	0,11	0,35

На 1989–1998 гг. анализ можно продолжить только по данным об образовании. Как видно, тенденция сохранилась: снижение продолжительности жизни практически связано с возрастными до 60 лет и почти полностью определяется ростом смертности менее образованных категорий населения (табл. 4). Отметим, что в табл. 4 зафиксирован небольшой вклад в снижение продолжительности жизни роста смертности мужчин с высшим образованием. Это произошло, несмотря на то, что продолжительность жизни в этой группе росла во все периоды (табл. 5), и связано с небольшим повышением смертности в этой группе в более молодых возрастах.

Как видно из табл. 5 разрыв в продолжительности жизни в возрасте 20 лет между группами с высшим образованием и неполным средним образованием и ниже к 1998 г. увеличился драматически и достиг у женщин 11, а у мужчин — 14,3 лет. При этом речь идет отнюдь не о маленьких и маргинальных группах населения. По переписи 2002 г. в России было 35,5 млн человек (33% населения) в возрасте 20 лет и старше с неполным средним и более низким образованием и 19,4 млн человек (18% населения) с высшим. То есть речь идет об огромном разрыве в продолжительности жизни между огромными массами населения.

К сожалению, из-за отсутствия статистических данных невозможно оценить продолжительность жизни в зависимости от образования до 1979 г. и после 1998 г. Сведения о смертности по занятиям позволяют анализировать лишь смертность в рабочем возрасте, поэтому нельзя оценить продолжительность жизни работников физического или умственного труда после выхода на пенсию. Нельзя и ответить на вопрос, продолжился ли после 2000 г. рост неоднородности населения в отношении продолжительности жизни, наблюдавшийся в 1990-е гг.

⁴ 17 регионов, по которым имеются данные за 1970 г.: Ленинградская, Ивановская, Нижегородская (тогда Горьковская), Воронежская, Волгоградская, Самарская (тогда Куйбышевская), Ростовская, Пермская, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская, Иркутская, Свердловская области; Краснодарский (включая современную территорию Республики Адыгея) и Приморский края; Татарская и Башкирская республики.

Таблица 5. Разложение изменения продолжительности жизни в возрасте 20 лет в России на компоненты, обусловленные смертностью разных образовательных групп в 1979–1998 гг., лет

Период (годы)	Продолжительность жизни		Общее изменение за период	В т.ч. за счет смертности в возрасте 20–59 лет	За счет изменения смертности имеющих образование			За счет образовательной структуры населения	За счет смертности в возрастах 60 лет и старше
	в начале	в конце			Высшее	Среднее	Неполное среднее и ниже		
	периода								
Мужчины									
1979–1989	44,27	46,51	2,24	1,84	0,15	0,60	0,31	0,79	0,40
1989–1998	46,51	43,33	-3,18	-2,55	-0,11	-1,76	-1,29	0,62	-0,63
Женщины									
1979–1989	55,21	56,25	1,04	0,67	0,07	0,19	0,06	0,35	0,37
1989–1998	56,25	54,83	-1,42	-0,84	0,01	-0,57	-0,60	0,32	-0,58

Таблица 6. Продолжительность жизни по уровню образования в возрасте 20 лет в России в 1979–1998 гг., лет

Годы	Все население	В группах с образованием			Отличие от группы «высшее образование»	
		высшее	среднее	неполное среднее и ниже	среднее	неполное среднее и ниже
Мужчины						
1979	44,27	50,56	44,97	42,57	-5,60	-8,00
1989	46,51	52,52	47,43	43,26	-5,09	-9,26
1998	43,33	53,02	43,16	38,70	-9,85	-14,31
Женщины						
1979	55,21	57,62	55,79	54,39	-1,83	-3,23
1989	56,25	60,43	58,22	54,26	-2,20	-6,16
1998	54,83	61,90	56,32	50,92	-5,58	-10,98

2. ПОПЫТКИ ОБЪЯСНЕНИЯ

В чем причина сорокалетнего роста смертности в России, почему, в отличие от стран Запада, а с недавнего времени и многих стран Восточной Европы, этот рост продолжается до сих пор? Этот вопрос ставился неоднократно. Ниже рассмотрены известные нам попытки установить причины роста смертности взрослых в России.

Проделанный выше анализ показал не только различия, но и несомненное сходство двух периодов роста смертности в 1965–1984 гг. и в 1984–2005 гг., что заставляет искать некие общие факторы для всего периода 1965–2005 гг. В то же время должны быть учтены и особенности второго периода: реванш инфекционных болезней, резкое увеличение числа убийств и рост социального неравенства перед лицом смерти, отражающей усиление социального расслоения общества.

Ограничимся поиском прямых объяснений, то есть поиском факторов, непосредственно влияющих на уровень смертности. Для этого рассмотрим

влияние на смертность поведенческих и культурных факторов, таких как курение, употребление алкоголя, питание, а также загрязнение среды, социально-психологический стресс и деятельность системы здравоохранения. На наш взгляд, это практически полный перечень факторов первого уровня, которые могут претендовать на объяснение сорокалетнего роста смертности в России.

Несомненно, не меньшую роль в динамике смертности играют и причины причин. Но попытки перепрыгнуть через первый уровень объяснений всегда малопродуктивны и грешат спекулятивностью.

В конечном итоге, здоровье и смертность человека в первую очередь зависят от его статуса здоровья и вполне конкретных обстоятельств жизни. Но в начале в соответствии с предложенной схемой рассмотрим, как на здоровье россиян отражаются события российской истории, происшедшие до 1965 г.

2.1. Эхо прошлого

Одним из первых объяснить рост смертности в России историческими факторами попытался М.С. Бедный [1979, с. 121–122]. Он отметил заметный рост смертности в СССР в возрастах 50 и старше связал его с тем, что именно в начале 1970-х гг. 50-летний рубеж перешагнули когорты, пережившие трудные годы Великой Отечественной войны в самом активном возрасте. Одновременно он пишет и об ослабленном здоровье поколений, родившихся в годы войны. Несколько позже, уже в годы антиалкогольной кампании [Бедный, 1987, с. 169], объясняя разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин, он пишет: «Нельзя сбрасывать со счета и то, что здоровье миллионов мужчин оказалось серьезно подорвано войнами, а многих тысяч других — неумеренным употреблением алкогольных напитков и курением. Мужчины чаще, чем женщины, страдают от травматизма и иных неблагоприятных производственных факторов».

Непросто отделить влияние на сегодняшнее здоровье россиян современных условий от последствий исторических событий, влияющих на индивидуальное состояние здоровья и аккумулирующихся на протяжении всей жизни [Leon, 2001]. Но в настоящее время люди, пережившие драматические события XX в., являются селективной группой, прошедшей через критические обстоятельства голода и войны во время раннего детства [Anderson, Silver, 1989]. В обследовании, проведенном в Санкт-Петербурге, было установлено, что бывшие блокадники имеют более высокое кровяное давление и повышенный риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний [Spargen et al., 2004].

Связь между неблагоприятными обстоятельствами в детстве и смертностью в старших возрастах особенно сильна для таких болезней, как рак желудка, риск которого повышается вследствие инфицирования бактерией *Helicobacter pylori*, что чаще случается в детском возрасте. Впрочем, влияние жизненного пути также прослеживается в случае рака легких, смертность от которого является индикатором пропорции курильщиков в населении с лагом в 40 лет между началом курения и максимальной долей смертей. Когортный анализ смертности от рака легких показывает высокий процент курящих среди российских мужчин, достигших совершеннолетия в послевоенный период и, в особенности, во время войны [Shkolnikov et al., 1999a]. Заболеваемость раком молочной железы сегодня частично объясняется историей рождений и грудного вскармливания [Leon, 2001; Davey

Smith et al., 2001; Silva and Beral, 1997]. Возможно также, что определенные обстоятельства, сыгравшие свою роль в начале жизни, обуславливают сегодняшний уровень заболеваемости раком простаты среди взрослых мужчин [Leon, 2001].

В докладе D. Vägerö (2006) приведены факты, подтверждающие, что не только экстремальный голод, как во время Ленинградской блокады, но и длительное недоедание вообще могут вести к росту смертности от сердечно-сосудистых заболеваний как в когортах переживших голод, так и в последующих поколениях. Важно учесть, что недостаток еды испытывало большинство населения России в период Великой Отечественной войны и голода 1947 г., в мирное время систематически недоедали заключенные ГУЛАГа и т.д. Однако пока не ясно как количественно оценить влияние на современную смертность случаев недоедания в прошлом. Кроме того, казалось бы, влияние недоедания на современную смертность должно убывать со временем, а рост смертности в России устойчиво продолжается.

Итак, современная смертность в определенной степени связана с событиями прошлого. Такие явления, как высокий в недавнем прошлом, уровень заболеваемости раком желудка и его последующее снижение, рост распространения рака молочной железы и повышенный уровень смертности от него в когортах начала 1930–1940-х гг. могут быть, по крайней мере частично, объяснены влиянием жизненных траекторий и даже исторических событий. Однако рост смертности в России лишь в малой степени зависит от этих причин. Их влиянием можно в какой-то степени объяснить медленные изменения смертности между 1960 и 1990 гг., но их явно недостаточно, например, для объяснения колебаний смертности в период после 1984 г. и ее ускоренного роста в 1980-е гг.

2.2. Курение

Во всех индустриальных странах важнейшая причина преждевременной смертности — курение. Как показали данные «Программы липидных клинических исследований» (далее LRC⁵) за 1970–1990-е гг., влияние курения на дожитие в России такое же, как и в других странах. Исследования А. Дева и В. Школьников (2000) выявили в России 12-летний разрыв в продолжительности жизни между некурящими мужчинами и выкуривающими 20 и более сигарет в день. По данным LRC, курение связано с повышенным риском заболевания раком легких, ишемической и цереброваскулярной болезнями, т.е. и в этом смысле Россия полностью соответствует мировым закономерностям. Мы уже отмечали повышенную смертность от рака легких у российских мужчин, куривших в более молодых возрастах.

Сразу после окончания войны производство табака снизилось. Распространенность курения среди мужчин, достигших совершеннолетия в это время, также существенно ниже. Ситуация опять изменилась в середине 1950-х, когда Н.С. Хрушев существенно повысил приоритет производства товаров народного потребления, выросло и производство сигарет, и курение получило большее распространение.

По имеющимся оценкам, в 1980-х и 1990-х гг. в России курило 55–60% взрослых мужчин [McKee et al., 1998]. Во время Великой Отечественной войны были приложены все усилия, чтобы снабдить сигаретами Красную

⁵ От английского «Lipid Research Clinics Program», исследовательская программа, начатая в 1970-х гг. в США в целях снижения риска ишемической болезни сердца. В соответствии с советско-американским соглашением, в 1975–1977 гг. в России было начато аналогичное исследование.

армию. Сталиным даже был издан специальный приказ по увеличению производства табака в Абхазии для снабжения всех участников Сталинградской битвы [Seebag-Montefiore, 2003].

Вопреки мировой тенденции число курящих людей в странах бывшего СССР быстро увеличивалось в 1990-х гг. Причем содержание вредных веществ в продаваемых в России сигаретах, как правило, выше, чем в западных образцах [Prokhorov, 1997]. В 1990-е гг. российские границы открылись для транснациональных табачных компаний. Парадоксально, но их агрессивная маркетинговая политика связала курение с западным образом жизни, в то время как в реальности на западе ведется активная антитабачная кампания, и уровень курения вдвое ниже, чем в России. На территории России было значительно расширено табачное производство, что является весомым фактором для противодействия антитабачной политике [Gilmore, McKee, 2004]. В результате число курящих среди мужчин к концу 1990-х гг. возросло до 60–65% [Zohoori et al., 2002]. Но наиболее значимым изменением последнего десятилетия стало увеличение числа курящих женщин, бывшее раньше традиционно низким [Gilmore et al., 2004].

Анализ мужской смертности в Ижевске в возрасте от 20 до 55 лет показал, что высокое распространение курения и связанный с ним риск сердечно-сосудистых заболеваний повышают уровень смертности в этой группе на 41% [Shkolnikov, Meslé, Leon, 2002]. Примерно такой же результат — 45% — был получен Peto et al. (1994).

Таким образом, курение в прошлом может вызвать постепенное повышение смертности от рака легкого и сердечно-сосудистых болезней. Стабильность смертности от рака легкого в 1990-е гг. не позволяет предположить, что курение может быть главной причиной роста смертности в России и может объяснить колебания смертности после 1985 г. и, в особенности, резкий рост в 1990-х гг.

2.3. Алкоголь

Даже не беря в расчет связь со смертностью, невозможно отрицать влияние алкоголя на российское общество. Существуют описания последствий перепоя на Руси еще в XIII в. [McKee, 1999], а русские политики и гигиенисты конца XIX — начала XX в. обсуждали проблему пьянства как весьма тревожную (см., например, [Сикорский, 1899] и [Чельшов, 1912]).

Причин, почему алкоголь играет такую роль в жизни России, много. Это и климатические условия, при которых пшеница гораздо более доступна, чем виноград, и, соответственно, культура питания основана на потреблении крепких спиртосодержащих напитков, а не вина. Холодные и длинные зимы снижают социальную активность и выводят употребление алкоголя на первый план. В этом отношении Россия не уникальна. Все североевропейские страны в прошлом испытывали те же проблемы [Willner, 1997, 2001].

Но есть и факторы, связанные с политикой правительств. В царской России монополия на продажу и производство водки давала треть всех доходов. Очевидно, никто не хотел прерывать этот финансовый поток. На короткое время ситуация изменилась, с 1914 до 1926 г., когда действовал запрет на производство и продажу крепких спиртных напитков. Но доходы от продажи водки были столь привлекательны, что Сталин, нуждавшийся в средствах для индустриализации страны, в 1926 г. отменил все ограничения. В обществе, не производящем, в общем-то, потребительских товаров, это оказалось одним из немногих средств реального обращения денег. Так

продолжалось до 1980-х гг., когда стало уже невозможно игнорировать негативное влияние алкоголя на экономику страны и здоровье населения. Пришедший к власти Горбачев наряду с гласностью и перестройкой ввел антиалкогольную кампанию.

Исторические причины и социально-психологические факторы обуславливают высокое потребление алкоголя в России. Официальная статистика не учитывает нелегальное производство, а также ставшее теперь вполне легальным домашнее производство алкоголя для собственного потребления, поэтому дает заниженную оценку потребления алкоголя. По неофициальным оценкам, истинный уровень составляет 12–15 л чистого этанола в год на человека [Немцов, 2003; Nemtsov, 2002; Trembl, 1997; Simpura, Levin, 1997]. Алкоголь сыграл исключительно важную роль в резких колебаниях продолжительности жизни в период антиалкогольной кампании и после ее прекращения, т.е. начиная с 1985 г. [Shkolnikov et al., 1998; Avdeev et al., 1998; Cockerham, 1999; Андреев, 2002].

Разрушающий эффект от потребления алкоголя в России связан не только с количественными характеристиками, но и со способом потребления [Trembl, 1997; Nemtsov, 2002]. Например, жители средиземноморских стран пьют алкоголь (вино) ежедневно, как правило, во время еды. В России то же недельное количество алкоголя, но в виде напитка значительно большей крепости потребляется за один раз [Carlson, Vägerö, 1998]. Такой тип потребления в англоязычной литературе получил название *binge drinking* или *episodic heavy drinking*, что означает потребление в течение одного застолья (или другого короткого периода времени) значительного количества алкоголя. На русский язык этот термин переводят как *потребление ударных доз алкоголя*. По данным одного из проведенных в России исследований [Bobak et al., 1999], 31% мужчин хотя бы один раз в месяц выпивает как минимум 250 г водки одновременно (и эта оценка скорее всего занижена).

Новейшая классификация причин смерти содержит несколько десятков позиций, которые напрямую связаны с алкоголем, в России учитывается лишь семь причин (см. главу 1), из них наибольший вклад в общее число умерших вносят три главные причины: алкогольные отравления — 1,8% (4,4% в возрасте 50–59 лет); алкогольная кардиомиопатия — 1,7% (4,0% в возрасте 50–59 лет) и алкогольная болезнь (цирроз) печени — 0,7% (1,6% в возрасте 50–59 лет). Кроме того, известно, что алкоголь влияет на смертность от целого ряда хронических болезней, включая болезни сердца, сосудистые поражения головного мозга и т.д. В российской медицине появился специальный термин — хроническая алкогольная интоксикация [Нужный, 1998], которая ведет «к специфическому развитию априори не связанной с алкоголем патологии» и делает больного особенно уязвимым, повышая риск смерти от болезней системы кровообращения или пневмонии в относительно молодых возрастах. Этот клинический вывод подтверждается результатами антиалкогольной кампании, которые позволяют предположить, что влияние потребления алкоголя распространяется и на заболеваемость туберкулезом. Учитывая угнетенную иммунную систему алкоголиков, эта связь выглядит достоверной.

Потребление алкоголя повышает риск смерти от внешних причин [Meslé et al., 1994]. Во многих случаях, например, при управлении транспортным средством, опьянение создает повышенный риск для окружающих. В работе о смертности от убийств по регионам России прослежена четкая географическая связь между повышенным числом убийств и потреблением

алкоголя [Pridemore, 2002]. Около 70% убийц и их жертв находятся в состоянии алкогольного опьянения [Chervyakov et al., 2002]. Что касается смертности мужчин рабочего возраста, то, по данным прошедшего в Ижевске второго обследования семей [Леон, 2006; Leon, 2007], опасное злоупотребление алкоголем может быть причиной 4 из 10 смертей мужчин в возрасте 25–54 года.

Антиалкогольная кампания сопровождалась значительным снижением смертности от болезней системы кровообращения. Данный факт противоречит мнению, что алкоголь снижает риск сердечно-сосудистых заболеваний при любом уровне потребления [Murray, Lopez, 1996, pp. 307–308]. Более позднее и тщательное исследование [Britton, McKee, 2000] показало, что регулярное умеренное потребление действительно оказывает защитное влияние. Чрезмерное же потребление алкоголя в ударных дозах дает противоположный эффект, что связано с различным воздействием алкоголя на целый ряд физиологических показателей, включая метаболизм липидов, свертываемость крови и чувствительность миокарда [McKee, Britton, 1998]. Подобный эффект был обнаружен и в других странах, где распространено единовременное чрезмерное потребление алкоголя [Mäkelä et al., 1997; Evans et al., 2000]. Особенно риск возрастает при потреблении особо крепких напитков [Леон, 2006]. Видимо, поэтому рост смертности в 1992–1993 гг. был особенно интенсивным: после окончания антиалкогольной кампании в свободную продажу поступила не только водка, но и питьевой спирт с концентрацией чистого этанола выше 70%.

Предположение, что связь между потреблением алкоголя и смертностью от сердечно-сосудистой патологии может быть следствием неправильной классификации смертей от алкогольного отравления, возможно, не лишено оснований, так как родственники умершего нередко предпочли бы видеть иной диагноз в свидетельстве о смерти. Однако исследование, основанное на данных судебно-медицинской экспертизы, показало, что хотя у значительной части мужчин в возрасте от 20 до 55 лет в Удмуртии, умерших согласно официальному диагнозу от сердечно-сосудистых заболеваний, наблюдалось повышенное содержание алкоголя в крови, оно, однако, было явно недостаточным для отравления алкоголем [Shkolnikov et al., 2002].

Дальнейшая работа с тем же массивом данных позволила найти доказательства связи чрезмерного единовременного потребления алкоголя и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний уже на индивидуальном уровне [Shkolnikov, Chervyakov et al., 2004].

Несколько эпидемиологических исследований, пытавшихся объяснить высокую смертность от сердечно-сосудистой патологии в СССР и России традиционными факторами риска, такими как холестерин, курение, артериальное давление, потерпели неудачу [Vikherst et al., 1986; Ginter E., 1995; Dennis et al., 1993; Kristenson, Kucinskiene, 2002; Averina et al., 2003]. Исследование [Nilssen et al., 2005] выявило исключительно высокий уровень гамма-глутаминтрансферазы (биомаркер потребления алкоголя) у мужчин и женщин в возрасте 18–75 лет. При этом 75% мужчин и 77% женщин были классифицированы как опасно злоупотребляющие алкоголем по критерию AUDIT [Saunders et al., 1993].

Все это еще раз подчеркивает важность нетрадиционных выводов Britton и McKee (2000) о связи ударных доз алкоголя и сердечно-сосудистой смертности, в которую весьма вероятно вносят свой вклад такие факторы, как психологический стресс и неадекватная медицинская помощь.

Итак, алкоголь прямо и опосредованно играет главную роль в колебаниях смертности в России после 1984 г. Естественно возникает вопрос: почему в России так пьют? Это вопрос для последующего обсуждения.

2.4. Питание

Отсутствие полноценных данных о питании населения СССР в послевоенный период, вплоть до середины 1980-х гг. заставляет думать, что информации о питании населения СССР была еще более закрыта, чем данные о смертности. Скорее всего, дело в том, что проблема обеспечения населения СССР продовольствием оставалась острой до самого его распада. Напомним, что в 1964 г. СССР начал импортировать зерно, и объем импорта систематически возрастал, а последняя продовольственная программа СССР на период до 1990 г. была принята 24 мая 1982 г.

Как и в случае с алкоголем, исследования по бывшему СССР открыли новые грани влияния питания на здоровье. Связь между структурой питания (долей белков, жиров и углеводов в потребляемых продуктах) и болезнями хорошо известна. Липиды играют существенную роль в объяснении межиндивидуальной вариации сердечно-сосудистых заболеваний. Диеты с большим количеством жира и низким содержанием углеводов вредны для сердечно-сосудистой системы. В России потребление хлеба и картофеля уменьшалось с 1960-х до середины 1980-х гг., в то время как потребление мяса, яиц и молока увеличивалось. К концу 1980-х гг. потребление жира было выше, чем в рекомендациях Всемирной организации здравоохранения на 10–15% [Kisseleva, 1998].

Либерализация цен привела к тому, что в начале 1990-х гг. потребление более дорогих мясомолочных продуктов было частично замещено картофелем и хлебом. Однако к середине 1990-х гг. количество калорий, получаемых за счет жиров, вернулось к норме. В течение 1990-х гг., несмотря на рост бедности, серьезного недостатка в общей калорийности питания не наблюдалось [Popkin et al., 1997].

Количество потребляемых калорий и структура питания — только часть проблемы. Необходимо рассматривать весь энергетический баланс, учитывая физические нагрузки и расход энергии. Недостаточная подвижность россиян ведет к увеличению числа людей с ожирением [Palosuo et al., 1995].

Особо выделяется проблема качества питания, наличия микроэлементов и витаминов [Paniccià, 2000]. Так, Прохоров (2002) связывает высокий уровень анемии детей и беременных женщин с недостаточным потреблением свежих фруктов и овощей. Отметим, что, по новейшим данным, высокая доля овощей и фруктов в диете является защитным фактором против сердечно-сосудистых заболеваний и некоторых видов рака [Lock et al., 2005].

Собранные факты говорят о том, что недостатки питания могли оказывать влияние на базовый уровень смертности, но не являются серьезной причинной ее роста в 1990-е гг.

2.5. Недостаточное медицинское обслуживание

Критика советской системы здравоохранения стала уже общим местом в современной демографической литературе, и нет смысла повторять известное. Отметим лишь несколько важных моментов.

Созданная в СССР система медицинской помощи населению оказалась достаточно эффективным средством борьбы с инфекционными и ана-

логичными традиционными болезнями. Напомним, что основные успехи в борьбе со смертностью были достигнуты после Второй мировой войны и благодаря вакцинации и внедрению новых медикаментозных методов лечения. Начало прогресса было связано с использованием импортных сульфаниламидов и антибиотиков. Производство отечественных аналогов было начато позже [Воспроизводство населения СССР, 1983, с. 76]. Отметим еще одну особенность: на Западе снижение смертности от большинства инфекций, в том числе туберкулеза, произошло до создания эффективных лекарственных препаратов для лечения заболеваний за счет улучшения питания и благосостояния [McKeown, Record, Turner, 1975].

Несвободная от недостатков, система позволяла всему населению получать доступ к базовым медицинским услугам [Field, 1957]. Советская система первичной медицинской помощи в 1978 г. была даже признана образцом для развивающихся стран на прошедшей в Алма-Ате конференции Всемирной организации здравоохранения [Banerji, 2003]. Но слабости системы начали проявляться в 1960-х гг. [Field, 2002] и стали быстро нарастать в результате прежде всего недостаточного финансирования, которое сократилось с 6% ВВП в 1960-х гг. до 3% в 1980-х гг. [Field, 1994].

Система представляла собой сеть медицинских учреждений с иерархической системой больниц и специализированными всесоюзными институтами в Москве и нескольких крупных городах. Главную роль при этом играли поликлиники и участковые врачи, отвечающие за участки с населением около 1700 взрослых или 1200 детей. Параллельно существовали специализированные амбулаторные диспансеры (туберкулезные, кожно-венерологические, онкологические и т.д.) и дублирующие специализированные ведомственные структуры (поликлиники и больницы министерств обороны, путей сообщения и др.) и медсанчасти крупных предприятий. Постепенно оказалось, что параллельные структуры лучше финансируются и лучше оснащены, чем основная медицинская сеть.

В то же время основная сеть постепенно становилась все менее и менее эффективной и неспособной отреагировать на ухудшающееся состояние здоровья населения [Wyon, 1996]. К 1990 г. около половины стационаров, в основном небольших и находящихся в поселках и малых городах, не были обеспечены горячей водой и душевыми, а 15% не имели водопровода [Cassileth, Vlassov, Chapman, 1995]. Особенно неблагоприятной ситуация была в сельской местности. Зарплата медицинских работников в учреждениях Минздрава (в основном женщин) была на 30% ниже средней по стране. Врачи зачастую были вынуждены выполнять множество элементарных процедур из-за недостатка среднего медицинского персонала. Особенно плохо был организован уход за больными, количество обслуживающего среднего медперсонала на одного больного было вполтину меньше, чем на Западе.

В то время как западная система здравоохранения совершенствовалась вместе с развитием фармакологии и техники, советское здравоохранение продолжало бороться за существование. Использовалось большое количество малоэффективных, но недорогих методов лечения, включая радио-, электро- и светотерапию. Действительно эффективные технологии были труднодоступны отчасти из-за существовавшего на западе запрета на передачу СССР технологий, имеющих двойное назначение. В области фармакологии страна целиком зависела от импорта лекарств, в основном из стран Восточной Европы и Индии. Производство современного медицинского оборудования и медикаментов внутри страны было слабо развито.

Рубеж, достигнутый советской системой здравоохранения в 1980-х гг., был далеко позади западного уровня, позволяющего существенно снизить смертность от хронических болезней [Field, 1990]. Так, обследование MONICA⁶ показало, что в России последствия инфаркта миокарда значительно тяжелее, чем где-либо в развитых странах [Tunstall-Pedoe et al., 1999].

С середины 1960-х гг. число смертей, устранимых при эффективной и своевременной медицинской помощи, постоянно снижалось на западе и оставалось неизменно высоким в России и других советских республиках. В конце 1990-х гг. эти смерти объясняли до 20% отставания России от Запада по продолжительности жизни у мужчин и 25% у женщин [Andreev et al., 2003].

Начавшиеся в 1991 г. рыночные реформы сделали теоретически возможным доступ к современным лекарствам и медицинским технологиям, но экономический кризис сделал их финансово недоступными для большинства населения. В 1994 г. расходы на здравоохранение были на 10% ниже, чем в 1990 [Davis, 1997; Shapiro, 1997]. Несмотря на относительно успешное введение новой системы финансирования здравоохранения, основанной на обязательном медицинском страховании, в 1990-е гг. каждый десятый россиянин такой страховки не имел [Balabanova, Falkingham, McKee, 2003].

Провозглашенная реформа организации системы здравоохранения так и не была доведена до конца, а при существовавших уровнях финансирования вообще вряд ли была возможна [Human Development Report 1995, p. 34–35]. Результатом стало резкое ослабление системы [Tulchinsky, Varavikova, 1996]. Именно в это время на фоне продолжающегося роста уровня неинфекционной заболеваемости Россия столкнулась с новыми угрозами и вызовами, такими как нечувствительный к антибиотикам туберкулез [Coker, 1996] и ВИЧ/СПИД [Kelly, Amirhanian, 2003]. Новые угрозы характеризуются беспрецедентным уровнем сложности. Хронические неинфекционные болезни, например диабет, затрагивающий различные системы, требуют совместных усилий целого ряда медицинских специалистов. То же можно сказать и о комплексных инфекционных заболеваниях, например СПИДе или лекарственно-устойчивых формах туберкулеза. Не совсем понятно, чем современное российское здравоохранение сможет ответить на эти угрозы [Coker, Atun, McKee, 2004].

В начале 2000-х гг. в условиях бурного роста цен на энергоносители и резкого улучшения финансового положения России можно было ожидать существенного улучшения финансирования системы здравоохранения. Однако, по оценкам экспертов, государственные расходы на здравоохранения в 2004 г. остались на уровне 1997 г. [Бесстремьянная, Шишкин, 2005]. В условиях недостаточного государственного финансирования растут расходы населения на оплату медицинской помощи. Доля средств населения в финансировании здравоохранения выросла с 11% в 1994 г. до 35% в 2004 г. В отличие от стран Западной Европы, где система медицинского страхования покрывает основную часть расходов на лекарства, оплата медикаментов в России при лечении на дому почти целиком возложена на население, а в последние годы на население постепенно перекладывается и оплата медикаментов при лечении в стационаре [Шишкин и др., 2004, с. 106–112]. Существует весьма ограниченный список «жизненно необходимых и важнейших лекарственных

⁶ Проект ВОЗ MONICA — мониторинг тенденций заболеваемости и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний — проводился в нескольких странах, включая Россию в 1984–1985 гг. и охватил мужчин и женщин в возрасте 35–64 лет.

ных средств, изделий медицинского назначения и расходных материалов», предоставляемых пациентам стационаров бесплатно. В него входят не более 4% присутствующих на рынке лекарственных средств. Но даже этими лекарствами пациенты стационаров полностью не обеспечиваются.

Однако положение амбулаторных больных много хуже. В России лишь отдельные категории населения получают бесплатные лекарства при амбулаторном лечении. В 2005 г. в процессе монетизации льгот численность обладателей права на бесплатные лекарства, как и перечень предоставляемых лекарств, заметно сократились. Поразительно, что монетизация льгот выдается за либеральный проект и предусмотренные Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ уравнивательные денежные выплаты в замен льгот (включая бесплатные лекарства), рассматривается как справедливая и рыночная мера. По странной логике авторов проекта монетизации, само западное медицинское страхование с его идеей солидарности можно считать неправильным: еще бы, ведь все платят в зависимости от доходов, а получают в зависимости от потребностей.

Сегодня многие надежды связываются с национальным проектом «Здоровье». Собственно говоря, направление проекта «Обеспечение населения высокотехнологичной медицинской помощью» — именно то, чего, по мнению экспертов, сегодня не хватает российской системе здравоохранения и что может оказать реальное влияние на смертность населения от болезней системы кровообращения. Однако представляется, что масштабы проекта явно недостаточны для решения проблемы. В конечном итоге, 70% средств по национальному проекту предполагается истратить на направление «Развитие первичной медико-санитарной помощи», т.е. по существу на латание существующей системы первичной помощи, о развале которой мы уже писали выше.

Сравним ситуацию в России в 1990-х гг. с тем, что одновременно происходило в странах Восточной Европы. Подробный анализ снижения смертности в Чехии показал, что очень важную (если не решающую) роль в нем сыграло изменение отношения к здоровью и прогресс здравоохранения [Rychtařikova, 2004]. Снижение смертности происходило в основном за счет сокращения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в средних и старших возрастах. По времени этот процесс совпадает с существенным увеличением расходов на медицину с 5% от ВВП в 1990 г. до 7,4% в 2001 г. За счет роста самого ВВП Чехии и увеличения доли расходов на медицину стало возможно резко увеличить использование бета-блокаторов, блокаторов кальциевых каналов, препаратов, снижающих уровень липидов в крови, и других современных лекарств. Интенсифицировалось хирургическое лечение за счет аортокоронарного шунтирования, пересадки клапана и ангиопластики. Получили ускоренное развитие неинвазивные методы хирургического лечения, значительно снижающие травматичность операций. Одновременно с этим незначительно увеличилось потребление алкоголя и курение, а в диете растительное масло частично заменило животные жиры. Таким образом, стиль жизни существенно не изменился, а прогресс в здравоохранении стал важнейшей составляющей снижения смертности в Чехии.

Весьма вероятно, что аналогичная ситуация наблюдалась и в других странах Восточной Европы, переживших резкое снижение смертности в 1990-х гг. Во всех этих странах особенно существенно снизился уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в возрасте старше 65 лет. При этом масштаб снижения смертности колеблется от 20% в Венгрии до

40% в Словении⁷. И всюду это происходило на фоне внедрения новых, более эффективных, средств лечения и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний и роста расходов на здравоохранение. К началу 2000-х гг. в Чехии, Венгрии, Польше и Словении расходы на здравоохранение составляли 6–9% ВВП, в то время как в России они составляли всего 2,9%⁸.

Сорок лет недофинансирования и особенно последние 15 лет развития рынка в условиях «дикого» рынка во многом подорвали российскую систему здравоохранения, которая, напомним еще раз, ранее сыграла огромную роль в снижении смертности в России. Трудно количественно оценить в какой мере состояние медицинской помощи ответственно за рост смертности в России, но несомненно, что в немалой.

2.6. Психологический стресс как реакция на коммунизм и «шоковые» рыночные преобразования

Советская идеология всегда ставила интересы государства выше интересов личности. Люди призывались приносить свои жизни в жертву коммунизму и соревнованию с Западом. Ценность человеческой жизни для государства была крайне мала, и это четко отразилось как на приоритетности здоровья населения, так и на трендах смертности [Shkolnikov, Meslé, 1996]. Казалось бы, государство брало на себя заботу о человеке с момента рождения и до самой смерти, предоставляя дешевую еду, жилье, транспорт, бесплатную медицинскую помощь и образование. Качество этих бесплатных благ, однако, было невысоко. Хотя формально все было доступным, получение многих благ было связано с длительными очередями (в магазинах, лечебных учреждениях, на железнодорожных вокзалах), а в очереди за жильем семьи стояли годами и десятилетиями. Последнее обстоятельство, правда, до некоторой степени сглаживалось жестким институтом прописки. Государственный патернализм порождал пассивность, люди верили, что государство поможет в беде. Одно из последствий такой политики — возникновение идеи, что человек сам мало что может сделать для своего здоровья [Nazarova, 2000].

В 1950–1960-х гг. постепенно нарастали чувство разочарования, осознание утопичности коммунистической идеологии, о чем свидетельствуют события в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.). Восточная Европа, друг и союзник, была не рада реальному социализму. С первыми трещинами в «железном занавесе» в 1960–1970-х гг. советские люди осознали, насколько уровень жизни в СССР отличается от западного уровня жизни. По данным неопубликованных опросов, в это время растет разочарование в коммунистической системе [Service, 1997] и размываются социальные нормы и ценности [Макага, 1994]. Окольски, видимо, одним из первых в 1991 г., еще до распада СССР высказал гипотезу [Okolski, 1993], что простое сравнение жизни на Востоке и на Западе и разочарование в коммунистической идее могли сами по себе стать причиной серьезного психологического стресса и в конечном итоге роста смертности. Напомним, что начало роста смертности в России совпало по времени со снятием Н.С. Хрущева и отказом от лозунга построения коммунизма в СССР к 1980 г.

Крушение иллюзий обострилось ростом коррупции, достигшей уровня правящей элиты, вследствие чего люди все более отчуждались от государства и официальных институтов.

⁷ Речь идет об изменении стандартизованных коэффициентов смертности. Расчет по данным HFA-MDB: http://www.euro.who.int/InformationSources/Data/20011017_1.

⁸ Данные HFA-DB <http://www.euro.who.int/HFADB>.

Люди были ограничены во многих сторонах жизни. Не было законной возможности увеличить свой доход, и почти некуда было потратить полученные средства. Официально-бюрократические организации типа комсомола и пионерии заняли место общественных организаций, свободно развивающихся на Западе. В целом, у людей было мало возможностей для самореализации. Постепенно ослабевала связь между выполненной работой и получаемым вознаграждением [Siegrist, 2000], что также вело к психологическому стрессу. Мужчины в наиболее активном рабочем возрасте, особенно неженатые, оказались наиболее уязвимой группой [Watson, 1995].

Николас Эберстад [Eberstadt, 1981], который, кстати, одним из первых охарактеризовал рост смертности в СССР как долговременный и очень важный процесс, следующим образом объясняет психологический кризис эпохи развитого социализма. По его мнению, советский патриотизм всегда ассоциировался с самопожертвованием ради высоких целей, и это качество эффективно эксплуатировалось сталинской системой. Преемники Сталина попробовали соединить систему полного государственного контроля над всеми аспектами жизни страны с экономическими стимулами. Но в 1970-х гг. эта попытка провалилась. Российские люди осознали, что тяжелая работа не приближает их к коммунизму, а лишь в незначительной степени способствует улучшению их жизненных стандартов. Это понимание и привело к распространению пессимизма, деморализации и отчуждению от государства.

Распад СССР, либерализация цен, начало перехода к рынку сопровождались небывалым в мирное время ростом смертности. Более семидесяти лет государственного социализма сделали российское общество абсолютно не готовым к плохо спланированной и управляемой «шоковой» либерализации начала 1990-х гг. Внезапный для большинства коллапс системы был неизбежно травматичным.

Начавшиеся экономические реформы усилили тенденции роста смертности, так как население оказалось неподготовленным к новым социально-экономическим реалиям [Shapiro, 1995]. Минимальная продолжительность жизни была зафиксирована в 1994 г., а ее максимальное годовое падение — в 1993 г. Однако рост смертности был неравномерным по территориям. Регионы, где переходные процессы шли быстрее, оказались в худшей ситуации [Cognia, Paniccià, 2000]. Там особенно резко увеличилась смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, травм и насильственных смертей [Walberg et al., 1998].

Слабость многих государственных институтов усиливала растущую неуверенность. Нарастала эрозия социальных норм и связей [Bobak et al., 2000; Rose, 2000], а также закона и правопорядка. Одним из проявлений этого был резкий рост числа убийств. Одновременно расширился круг социальных групп, вовлеченных как в качестве преступников, так и в качестве их жертв [Chervyakov et al., 2002]. Как реакция на окружающий хаос и неуверенность в будущем росло число наркоманов среди молодежи.

К концу 1990-х гг. в России сложилось сильно расслоенное общество очень малым числом запредельно богатых людей и большим количеством людей, находящихся за чертой бедности, внизу социальной пирамиды.

Учитывая время, когда происходили особенно резкие скачки смертности — 1992 г. (после начала реформ) и 1999 г. (после финансового кризиса 1998 г.) — психологический стресс как объяснение происходящего кажется весьма правдоподобным. Тем не менее прямые доказательства связи между стрессом и здоровьем пока не особенно сильны.

Исследование, выполненное в России М. Бобаком и соавт. (1998), на основе репрезентативной национальной выборки зафиксировало сильную связь между низкой оценкой способности контролировать собственную жизнь и низкой самооценкой здоровья и плохим физическим статусом. Однако не ясно, в какой степени самооценка здоровья мужчин рабочих возрастов влияет на риск насильственной или внезапной смерти, которые и определили оба подъема смертности в 1990-х гг. Другое исследование в Новосибирске выявило тесную корреляцию между соотношением трудозатраты—заработок и депрессией [Pikhart et al., 2004]. Исследование в Таганроге выявило зависимость между повышенным употреблением алкоголя у мужчин и тяжелым финансовым положением семьи и семейными проблемами [Carlson, Vägerö, 1998]. Возможно, однако, что большее значение имеет обратная связь. Исследование в Удмуртии показало зависимость между преждевременной смертностью мужчин в возрасте 20—55 лет и некоторыми показателями психологического стресса [Школьников, Червяков и др., 2000]. К сожалению, информация о стрессе, испытанном умершими, в этом исследовании была получена от третьих лиц и может быть искаженной.

По мнению Кокерхама и соавт. (2006), основанном на исследовании, недавно проведенном в Белоруссии, Казахстане, России и Украине, влияние стресса на уровень смертности происходит прежде всего через поведенческие реакции. В частности, у женщин серьезные психосоциальные потрясения не ведут к потреблению алкоголя. В силу высокого уровня социальной ответственности (необходимость заботиться о семье, детях и т.д.) женщины обычно ограничиваются курением. Напротив, у мужчин подобные потрясения часто приводят к пьянству.

В целом, психосоциальный стресс мог внести свой вклад в рост смертности, однако величину этого вклада и конкретные механизмы прямого или опосредованного влияния стресса на здоровье и продолжительность жизни еще предстоит изучить.

2.7. Техногенное загрязнение

Начало роста смертности в СССР по времени совпало с периодом интенсивного развития химии полимеров, но и до этого проблема загрязнения природной среды стояла очень остро. Скорее всего, известный обзор Фешбаха и Френдли (1992) не лишен преувеличений, но негативное влияние техногенных загрязнений на состояния здоровья и смертность несомненно. Существует обширная литература по этой теме, особенно применительно к населению отдельных территорий с очень высокими уровнями загрязнения или рабочим определенных отраслей экономики. В то же время расхожим стало утверждение, что рост смертности 1990-х гг. произошел на фоне спада производства и, следовательно, в целом существенного сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу и окружающую среду. Но, к сожалению, очень многие виды загрязнений остаются опасными достаточно долгое время после прекращения выбросов.

И все же факт снижения промышленных выбросов в 1990-е гг. позволяет думать, что так называемый экологический фактор не был главной причиной роста смертности. Кроме того, рост смертности не затронул детские возрасты и в меньшей мере коснулся пожилых. Наконец, рост смертности в 1990-е гг. был связан с такими причинами смерти, в которых достаточно трудно усмотреть экологическую составляющую.

3. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снижение продолжительности жизни в СССР началось в 1965 г. Сначала и статистики, и ученые предполагали, что это временное явление и через год-два ситуация нормализуется. Когда стало понятно, что рост смертности — долговременное явление, публикацию статистических данных о смертности населения СССР и союзных республик запретили. С 1973 по 1986 г. публиковались лишь суммарные числа умерших и общие коэффициенты смертности. Однако это не помешало западным исследователям понять, что эпидемиологическая ситуация в СССР ухудшается. По существу, от информации о росте смертности прежде всего оградили население СССР.

В современном российском обществе существует странная уверенность в том, что до 1991 г. в России все было благополучно и, несмотря на обширные статистические публикации, многие ученые и политики настаивают на том, что рост смертности — проблема последнего пятнадцатилетия. Эта вера чрезвычайно облегчает и объяснение причин этого роста, и выбор способа его преодоления. Но, как мы видели, проблема значительно глубже.

Мы попытались дать систематическое описание трендов смертности и суммировать научные объяснения российского кризиса здоровья, известные на данный момент. На уровне фактов видно, что главный рост смертности в России связан с мужчинами рабочего возраста, с группами с низким образовательным уровнем. На уровне причин смерти наибольший вклад в рост внесли сердечно-сосудистые заболевания в старших рабочих возрастах, внешние и алкогольные причины смерти в более молодых возрастах. Наиболее четко прослеживается связь смертности с опасным потреблением алкоголя и психологическими стрессами, причем два эти фактора, возможно, тесно связаны между собой.

Попытка М.С. Горбачева решить алкогольную проблему в 1985 г. одним ударом в силу многих причин не могла быть успешной. Но нельзя ожидать снижения смертности в России без антиалкогольной политики. Идеально было бы понять и устранить саму причину пьянства. Без этого борьба с алкоголем будет, как говорят врачи, симптоматическим лечением, которое применяется при неотложном лечении до установления точного диагноза и позволяет в ряде случаев продлить жизнь пациента до установления основной причины заболевания.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г. Амартия Сен назвал смертность ключевым критерием успешности развития страны [Sen Amartya, 1995]. Смертность является отражением способности общества к трансформации имеющихся экономических ресурсов в наиболее важный продукт — здоровье нации. Простой индикатор смертности часто может сказать больше об уровне и направлении развития общества, чем сложные макроэкономические показатели.

Следуя этой логике, можно заключить, что социально-экономическое развитие России во второй половине XX в. и в первое пятилетие XXI не было успешным. Корень проблемы в том, что в российском коммунистическом и посткоммунистическом обществе здоровье человека имеет крайне низкий приоритет, что отражается и в низком уровне расходов на здравоохранение и другие социальные нужды, и в явной неготовности власти к разумной антиалкогольной и антитабачной политике.

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson B., Silver B. Patterns of the cohort mortality in the Soviet Population. *Population and Development Review* 1989; 15, pp. 471–501.
- Andreev E.M., Nolte E., Shkolnikov V.M., et al. The evolving pattern of avoidable mortality in Russia. *International Journal of Epidemiology* 2003, pp. 32, 437–446.
- Avdeev A., Blum A., Zakharov S., et al. The reactions of a heterogeneous population to perturbation. An interpretative model of mortality trends in Russia. *Population: An English Selection* 1998; 10 (2), pp. 267–302.
- Averina M., Nilssen O., Brenn T., et al. High cardiovascular mortality in Russia cannot be explained by the classical risk factors. The Arkhangelsk Study 2000. *European Journal of Epidemiology* 2003; 18, pp. 871–878.
- Balabanov D., Falkingham J., McKee M. Winners and losers: The expansion of insurance coverage in Russia in the 1990s. *American Journal of Public Health*. 2003; 93, pp. 2124–2130.
- Banerji D. Reflections on the twenty-fifth anniversary of the Alma-Ata Declaration. *International Journal of Health Services*. 2003; 33, pp. 813–818.
- Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., et al. Socioeconomic factors, material inequalities, and perceived control in self-rated health: cross-sectional data from seven post-communist countries. *Social Science and Medicine*. 2000; 51, pp. 1343–1350.
- Bobak M., McKee M., Rose R., et al. Alcohol consumption in a national sample of the Russian population. *Addiction* 1999; 94, pp. 857–866.
- Bobak M., Pikhart H., Hertzman C., et al. Socioeconomic factors, perceived control and self-reported health in Russia. A cross-sectional survey. *Social Science and Medicine* 1998; 47, pp. 269–279.
- Britton A., McKee M. The relationship between alcohol and cardiovascular disease in Eastern Europe: explaining the paradox. *Journal of Epidemiology and Community Health* 2000; 54, pp. 328–332.
- Carlson P., Vägerö D. The social pattern of heavy drinking in Russia during transition: evidence from Taganrog 1993. *European Journal of Epidemiology* 1998; 8, pp. 280–285.
- Cassileth B.R., Vlassov V.V., Chapman C.C. Health care, medical practice, and medical ethics in Russia today. *Journal of the American Medical Association* 1995; 273 (20), pp. 1569–1573.
- Chervyakov V.V., Shkolnikov V.M., Pridemore W.A., et al. The changing nature of murder in Russia. *Social Science & Medicine* 2002; 55, pp. 1713–1724.
- Cockerham, W. C. Health and Social Change in Russia and Eastern Europe. — NY: Routledge, 1999.
- Cockerham W.C., Hinotea B.P., Abbott P. Psychological distress, gender, and health lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine. *Social Science and Medicine* 2006; 63, pp. 2381–2394.
- Coker R. Control of tuberculosis in Russia. *Lancet* 1996; 358, pp. 434–435.
- Coker R.J., Atun R.A., McKee M. Health care system frailties and public health control of communicable disease on the European Union's new eastern border. *Lancet* 2004; 363, pp. 1389–1392.
- Cornia G.A., Panicià R. The transition mortality crisis: evidence, interpretation and policy responses. In: *The mortality crisis in transitional economies*. Ed. G.A. Cornia, R. Panicià. — Oxford: Oxford University Press, 2000, pp. 3–37.
- Davey Smith G., Gunell D., Ben-Shlomo Y. Life-course approaches to socio-economic differentials in cause-specific mortality. In: *Poverty, Inequality, and Health*. Ed. D.A. Leon, G. Walt. — Oxford: Oxford University Press, 2001, pp. 88–124.
- Davis C. Economic transition, health production and medical system effectiveness in the former Soviet Union and Eastern Europe. *Paper prepared for the Project Meeting on Economic Shocks, Social Stress and the Demographic Impact*. April 17–19 1997, Helsinki.

- Dennis B.H., Zhukovsky G.S., Shestov D.B., et al. The association of education with coronary heart disease mortality in the USSR Lipid Research Clinics Study. *International Journal of Epidemiology* 1993; 22, pp. 420–427.
- Eberstadt N. The health crisis in the USSR. *The New York Review*. February, 19. 1981.
- Evans C., Chalmers J., Capewell S., et al. «I don't like Mondays» day of the week of coronary heart disease deaths in Scotland: study of routinely collected data. *British Medical Journal* 2000; 320, pp. 218–219.
- Field M. Postcommunist medicine: morbidity, mortality, and the deteriorating health situation. In: *The Social Legacy of Communism*, Ed. J. Millarand S. Wollchik. — NY—Cambridge: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1994, pp. 178–195.
- Field M.G. Doctor and Patient in Soviet Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957.
- Field M.G. Noble purpose, grand design, flawed execution, mixed results: Soviet socialized medicine after seventy years. *American Journal of Public Health*. 1990; 80, pp. 144–145.
- Field M.G. The Soviet legacy: the past as prologue. In: McKee M., Healy J., Falkingham J. *Health care in central Asia*. Buckingham: Open University Press, 2002.
- Gilmore A, McKee M. Moving east: how the transnational tobacco companies gained entry to the emerging markets of the former Soviet Union. Part I: Establishing cigarette imports. *Tobacco Control* 2004; 13, pp. 143–150. Part II: An overview of priorities and tactics used to establish a manufacturing presence. *Tobacco Control* 2004; 13, pp. 151–160.
- Gilmore A.B., Pomerleau J., McKee M., et al. Prevalence of smoking in eight countries of the former Soviet Union: results from the Living conditions, Lifestyles and Health study. *American Journal of Public Health*. 2004; 94 (12), pp. 2177–2187.
- Ginter E. Cardiovascular risk factors in the former communist countries. Analysis of 40 European MONICA populations. *European Journal of Epidemiology* 1995; 11, pp. 199–205.
- Human Development Report 1995. Russian Federation. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Kelly J.A., Amirkhanian Y.A. The newest epidemic: a review of HIV/AIDS in Central and Eastern Europe. *International Journal of sexual transmitted diseases and AIDS*. 2003; 14, pp. 361–371.
- Kisseleva N.G. Nutrition. Annex 7.3. In: *Inception Report: Preventive Health Care*. Tacis-project, Annexes, Volume II. Moscow. 1998.
- Kristenson M., Kucinskiene Z. Possible causes of differences in coronary heart disease mortality between Lithuania and Sweden: the LiVicordia Study. In: *Heart Disease: Environment, Stress, and Gender*. Ed. by G. Weidner, M. Kopp, M. Kristenson. Amsterdam: IOS Press, 2002, pp. 328–340.
- Leon D. A., Saburova L., Tomkins S., et al. Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia: The Izhevsk Family case-control study of men aged 25–54 years, 2003–2005. *Lancet* 2007 [in press].
- Leon D.A. Common threads: underlying components of inequalities in mortality between and within countries. In: *Poverty, Inequality, and Health*. Ed. D.A. Leon, G. Walt. — Oxford: Oxford University Press, 2001, pp. 58–87.
- Lock K., Pomerleau J., Causser L., et al. The Global Burden of Disease due to low fruit and vegetable consumption: implications for the global strategy on diet. *Bulletin of the World Health Organization* 2005; 83, pp. 100–108.
- Makara P. Policy implications of differential health status in Eastern Europe: the case of Hungary. *Social Science and Medicine* 1994; 39, pp. 1295–1302.
- Mäkelä P., Valkonen T., Poikolainen K. Estimated numbers of deaths from coronary heart disease «caused» and «prevented» by alcohol: an example from Finland. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs* 1997; 58, pp. 455–463.
- McKee M., Britton A. The positive relationship between alcohol and heart disease in eastern Europe: potential physiological mechanisms. *Journal of the Royal Society of Medicine* 1998; 91, pp. 402–407.
- McKee M. Alcohol in Russia. *Alcohol Alcoholism* 1999; 34, pp. 824–829.

- McKee M., Bobak M., Rose R., et al. Patterns of smoking in Russia. *Tobacco Control* 1998; 7, pp. 22–26.
- McKeown T., Record R.G., Turner E.D. An interpretation of the decline of mortality in England and Wales during the Twentieth Century. *Population Studies* 1975; 29 (3), pp. 391–422.
- Meslé F., Shkolnikov V.M., Vallin J. Brusque montée des morts violentes en Russie. *Population* 1994; 3, pp. 780–790.
- Murray C.J.L., Lopez A.D. Quantifying the burden of disease and injury attributable to ten major risk factors. In: Murray, C.J.L., Lopez, A.D., Eds. *The Global Burden of Disease: A Comprehensive Assessment of Mortality and Disability from Diseases, Injuries and Risk Factors in 1990 and Projected to 2020*. — Boston: Harvard School of Public Health on behalf of the World Health Organization and the World Bank, 1996, pp. 295–324.
- Nazarova I. Self-rated health and occupational conditions in Russia. *Social Science and Medicine* 2000; 51, pp. 1375–1385.
- Nemtsov A.V. Alcohol-related human losses in Russia in the 1980s and 1990s. *Addiction* 2002; 97, pp. 1413–1425.
- Nilssen O., Averina M., Brenn T., et al. Alcohol consumption and its relation to risk factors for cardiovascular disease in the north-west of Russia: the Arkhangelsk study. *International Journal of Epidemiology* 2005; 34, pp. 781–788.
- Okolski M. East-West mortality differentials. In: A. Blum J.-L. Rallu (Ed.), «Demographic Dynamics», *European Population. Materials of European Population Conference*, Vol. 2, Paris, October 21–25, 1991, pp. 165–189. — Paris: John Libbey/INED, 1993.
- Palosuo H., Zhuravleva I., Uutela A., et al. Perceived Health, Health-Related Habits and Attitudes in Helsinki and Moscow: A Comparative Study of Adult Populations in 1991. A10/1995. — Helsinki: National Public Health Institute, 1995.
- Paniccià R. Transition, impoverishment, and mortality: how large an impact? In: *The mortality crisis in transitional economies*. Ed. G.A. Cornia, R. Paniccià. — Oxford: Oxford University Press, 2000, pp. 105–126.
- Peto R., Lopez A.D., Boreham J., et al. *Mortality from smoking in developed countries*. — Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Pikhart H., Bobak M., Pajak A., et al. Psychosocial factors at work and depression in three countries of Central and Eastern Europe. *Social Science and Medicine* 2004; 58, pp. 1475–1482.
- Popkin B.M., Zohoori N., Kohlmeier L., et al. Nutritional risk factors in the former Soviet Union. In: *Bobadilla, J.-L., Costello, C. and Mitchell, F., (Eds.) Premature Death in the New Independent States*, Washington DC: National Academy Press, 1997, pp. 314–334.
- Pridemore W.A. Vodka and violence: alcohol consumption and homicide rates in Russia. *American Journal of Public Health* 2002; 92, pp. 1921–1930.
- Prokhorov A. Cigarette smoking and priorities for tobacco control in the Newly Independent States. In: J.-L. Bobadilla, C.A. Costello, and Faith Mitchell Eds., *Premature Death in the New Independent States*. National Academy Press, 1997, pp. 275–286.
- Rose R. How much does social capital add to individual health? A survey study of Russians. *Social Science and Medicine* 2000; 51, pp. 1421–1435.
- Rychtarikova J. The case of Czech Republic. Determinants of the recent favourable turnover in mortality. *Demographic Research* 2004. Special collection 2, Article 5.
- Saunders J.B., Aasland O.G., Babor T.F., et al. Development of the Alcohol Use Disorder Identification Test (AUDIT): WHO Collaborative Project on early detection of persons with harmful alcohol consumption-II. *Addiction* 1993, pp. 1–25.
- Seebag-Montefiore S. Stalin. The court of the red Tsar. — London: Weidenfeld & Nicholson, 2003.
- Sen Amartya. Mortality as an Indicator of Economic Success and Failure, Innocenti Lecture, UNICEF, Florence, Italy, March 1995; republished in *Economic Journal* 1995, 1998; 108 (446), pp. 1–25.
- Service R. *A history of twentieth century Russia*. — London: Allen Lane, 1997.

- Shapiro J. The Russian mortality crisis and its causes. In: *Economic Reform at Risk*. Ed. A. Aslund. — London, 1995, pp. 149–178.
- Shapiro J. Russian health care policy and Russian health. In: *Russian Political Development*. — London: Macmillan, 1997.
- Shkolnikov V., Andreev E., Begun A. Gini coefficient as a life table function. *Demographic Research* 2003; 8, Article 11.
- Shkolnikov V.M., McKee M., Chervyakov V.V., et al. Is the link between alcohol and cardiovascular death among young Russian men attributable to misclassification of acute alcohol intoxication? Evidence from the city of Izhevsk. *Journal of Epidemiology and Community Health* 2002; 56, pp. 171–174.
- Shkolnikov V.M., Meslé F. Russian epidemiological crisis as mirrored by mortality trends. In: *J. DaVanzo Ed. Russia's Demographic «Crisis»*. — Santa Monica, CA: RAND, 1996. pp. 113–162.
- Shkolnikov V.M., Cornia G.A., Leon D.A., et al. Causes of the Russian Mortality Crisis: Evidence and Interpretations. *World Development* 1998; 26, pp. 1995–2011.
- Shkolnikov V.M.; Andreev E.M., Jasilionis, D., et al. The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s *Journal of Epidemiology and Community Health* 2006; 60, 875–881.
- Shkolnikov V.M.; Meslé F., Leon D.A. Premature circulatory disease mortality in Russia: population- and individual-level evidence In: Weidner, G. (Ed.). *Heart disease: environment, stress and gender*. — Amsterdam: IOS Press, 2002, pp. 39–68.
- Shkolnikov V.M., Chervyakov V.V., McKee M., et al. Russian mortality beyond vital statistics: Effects of social status and behaviours on deaths from circulatory disease and external causes — a case-control study of men aged 20–55 years in Udmurtia, 1998–1999. *Demographic Research* 2004. Special Collection 2, Article 4.
- Shkolnikov V.M., McKee M., Vallin J., et al. Cancer mortality in Russia and Ukraine: validity, competing risks, and cohort effects. *International Journal of Epidemiology* 1999; 28, pp. 19–29.
- Siegrist J. Place, social exchange and health: proposed sociological framework. *Social Science and Medicine* 2000; 51, pp. 1283–1293.
- Silva I.D.S., Beral V. Socioeconomic differences in reproductive behaviour. In: Kogevinas M., Pearce N., Susser M., Boffetta P. (Eds.). *Social Inequalities and Cancer*. Agency for Research on Cancer 1997, pp. 285–308.
- Simpura J, Levin B. (Eds.). *Demystifying Russian Drinking. Comparative Studies from the 1990s Research Rep 85*. — Helsinki: Gummerus Kirjapaino OY, 1997.
- Sparen P., Vagero D, Shestov D.B., et al. Long term mortality after severe starvation during the siege of Leningrad: prospective cohort study. *British Medical Journal* 2004; 328: 11.
- Treml V. Soviet and Russian statistics on alcohol consumption and abuse. In: *Bobadilla, J.-L., Costello, C. and Mitchell, F. (Eds.). Premature Death in the New Independent States*. — Washington DC: National Academy Press, 1997, pp. 220–238.
- Tulchinsky T.H., Varavikova E.A. Addressing the epidemiological transition in the former Soviet Union: strategies for health system and public health reform in Russia. *American Journal of Public Health* 1996; 86, pp. 220–238.
- Tunstall-Pedoe H., et al. Contribution of trends in survival and coronary-event rates to changes in coronary heart disease mortality: 10-year results from 37 MONICA Project populations. *Lancet* 1999; 353, pp. 1547–1557.
- Vallin J., Meslé F., Valkonen T. Trends in mortality and differential mortality (Population studies No. 36). *Council of Europe Publishing* 2001, 332 p.
- Vägerö D. Hunger as a factor in the health of Russians in the 20th and 21st century. Presentation on International Seminar *Mortality in countries of the former USSR. Fifteen years after break-up: change or continuity?* Kiev, 12–14 October 2006.
- Vikhert A.M., Tsiplenkova V.G. Cherpachenko N.M. Alcoholic cardiomyopathy and sudden cardiac death. *Journal of the American College of Cardiology* 1986; 8, pp. 3A–11A.
- Walberg P., McKee M., Shkolnikov V., et al. Economic change, crime and Russian mortality crisis: a regional analysis. *British Medical Journal* 1998; 317, pp. 312–318.

- Watson P. Explaining rising mortality among men in Eastern Europe. *Social Science and Medicine* 1995; 41, pp. 923–934.
- Willner S. The Impact of Alcohol Consumption on Excess Male Mortality in Nineteenth and Early Twentieth-Century Sweden. *Hygiea Internationalis* 2001; 2, pp. 45–70.
- Willner S. D et svaga könet? *Kön och vunendödlighet i 1800-talets Sverige* [Более слабый пол? Пол и смертность взрослых в Швеции девятнадцатого века]. *Linköping Studies in Arts and Science*, 1997.
- Wyon J.B. Deteriorating health in Russia — a place for community-based approaches (comment). *American Journal of Public Health* 1996; 86, pp. 321–323.
- Zohoori N., Henderson L., Gleiter K., et al. Monitoring Health Conditions in the Russian Federation: The Russia Longitudinal Monitoring Survey 1992–2001. *Report submitted to the U.S. Agency for International Development*. Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, North Carolina, 2002.
- Андреев Е.М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни. *Вестник статистики*. 1982; 9, с. 42–48.
- Андреев Е.М. Возможные причины колебаний продолжительности жизни в России в 90-е годы. *Вопросы статистики*. 2002; 11, с. 3–15.
- Андреев Е.М., Бирюков В.А. Влияние эпидемий гриппа на смертность в России. *Вопросы статистики*. 1998; 2, с. 73–77.
- Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л. Проблемы женской смертности в России в последние десятилетия. *Вопросы статистики*. 2005; 2, с. 46–53.
- Андреев Е.М., Харьковская Т.Л., Школьников В.М. Изменение смертности в России в зависимости от занятости и характера труда. *Народонаселение*. 2005; 3, с. 68–81.
- Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. — М.: Статистика, 1979, 223 с.
- Бедный М.С. Демографические процессы и здоровье населения. В: *Общественные науки и здравоохранение* / Отв. ред. И.Н. Смирнов. — М.: Наука, 1987, с. 163–171.
- Бесстремьяна Г.Е., Шишкин С.В. Доступность медицинской помощи. В кн.: *Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность* / Рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ-ВШЭ, 2005, с. 110–130.
- Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Волкова и А.Г. Вишневого. — М. 1983.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. Серия «Новая история». 601 с.
- Деев А.Д., Школьников В.М. Неоднородность смертности: анализ индивидуальных данных. В кн.: *Неравенство и смертность в России*. — М.: Сигнал, 2000, с. 70–73.
- Иванова А.Е., Семенова В.Г. Новые явления российской смертности. *Народонаселение*. 2004; 3, с. 85–93.
- Леон Д., Школьников В.М., Андреев Е.М. и др. Исследование семей г. Ижевска. Основные факты и выводы. Отчет — март 2006 г. Неопубликованная рукопись.
- Милле В., Школьников В., Эртриш В. и др. Современные тенденции смертности по причинам смерти в России 1965–1994. — М. 1996, 103 с.
- Прохоров В.В. и др. Здоровье. В кн.: *Население России 2001. Десятый ежегодный демографический доклад*. — М.: Книжный дом «Университет», 2002, с. 70–98.
- Немцов А.В. Алкогольная смертность в России, 1980–1990-е годы. — М. 2001, 56 с.
- Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. — М. 2003, 136 с.
- Неравенство и смертность в России / Под ред. В.М. Школьниковой, Е. М. Андреева, Т.М. Малевой; Московский Центр Карнеги. — М.: Сигнал, 2003, 123 с.
- Нужный В.П. Проблема алкогольной болезни. В кн.: *Алкогольная болезнь*. — М.: ВИНТИ. Сер. «Медицина». 1998. № 6. С. 1–7.
- Сикорский И.А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России: Стат. исследование по официальным источникам. — Киев: Типо-лит. И.Н. Кушнеров и К^о, 1899, 96 с.

Фешбах М., Френдли-мл. А. Экоцид в СССР: Здоровье и природа на осадном положении. — М.: Издательско-информационное агентство «Голос», 1992, 307 с.

Чельшов М.Д. Речи М.Д. Чельшова, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам: Издание автора, СПб. 1912; VIII, 786 с.

Шишкин С.В., Бесстремьянная Г.Е., Красильникова М.Д., и др. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет. — М.: Независимый институт социальной политики, 2004.

Школьников В.М., Червяков В.В. и др. Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. — М.: ПРООН, 2000, 192 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ¹

Ф. Свячны, Federal Institute for Population Research, Wiesbaden, Germany
Перевод А. Смолиной. Под ред. Т.М. Малевой, В.Т. Веденеевой

В недавно опубликованном докладе «Миграции во взаимосвязанном мире» Глобальная комиссия по международной миграции ООН исследует тему международной миграции и приходит к выводу, что «рост масштабов и объемов международных миграций» [GCIM, 2005: 1] будет продолжаться и в будущем. В этой связи комиссия рекомендует: «Необходимо признать усиление той роли, которую играют мигранты в содействии развитию и сокращению бедности в странах своего происхождения, также как их вклада в процветание стран, в которые они въезжают» [GCIM, 2005: 4].

В данной статье исследуется влияние миграции на изменение демографической ситуации в индустриально развитых и развивающихся странах. Предметом анализа являются масштабы и прогнозы ООН масштабов международной миграции и ее влияния на демографическое развитие регионов-доноров и регионов-реципиентов. Подобное разделение регионов на принимающие и отдающие, свойственное традиционной модели миграции исключительно как движения населения из развивающихся стран в индустриально развитые, остается общепринятым, хотя в макроперспективе эта модель уже не соответствует балансу миграционных потоков крупных регионов (континентов), поскольку сегодня по количеству иммигрантов (среди которых сравнительно большая доля беженцев) развивающиеся страны уже почти сравнялись с развитыми. По отношению к общей численности населения миграционный отток из развивающихся стран остается на уровне 0,5%, тогда как миграционный баланс в индустриально развитых странах составляет 2% и, предположительно, этот рост продолжится.

Влияние иммиграции на демографическую ситуацию в развитых странах более очевидно, чем последствия эмиграции из развивающихся стран. На примере модельных расчетов Отдела народонаселения ООН в настоящей статье показано влияние миграции на изменение численности населения, медианный возраст и другие характеристики населения в индустриальных и развивающихся странах, а также в Северной Америке и Европе. В следующем разделе статьи анализируются изменения доли старших возрастов в общей численности населения Германии, основанные на расчетах Федерального статистического комитета в сравнении с оценками Отдела народонаселения ООН. В заключение сопоставляется предполагаемое влияние миграции, рассчитанное по модели «замещающей миграции» ООН, на демографические процессы в США, Японии, Франции и Германии.

¹ Перевод публикации: Swiaczny, Frank (2006): Internationale Wanderung als globales Phänomen und seine Auswirkungen auf den demographischen Wandel in den Industrieländern. In: Haug, Sonja/Swiaczny, Frank (Hg.): Neue Zuwanderergruppen in Deutschland. Vorträge der 7. Tagung des Arbeitskreises Migration — Integration — Minderheiten der Deutschen Gesellschaft für Demographie (DGD) in Zusammenarbeit mit dem Soziologischen Institut der Universität Erlangen in Erlangen am 25. November 2005. Materialien zur Bevölkerungswissenschaft Bd. 118 [http://www.bib-demographie.de], Wiesbaden: BiB, S. 127–157 с разрешения автора и издателя.

1. МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Связь международной миграции и демографических изменений вытекает из «основного демографического уравнения», в соответствии с которым естественное движение населения в каждом году складывается из сальдо рождений и смертей и миграционного сальдо, дифференцированного по возрасту и полу. В глобальном масштабе миграционные сальдо взаимно уравновешиваются, но в региональном — чем меньше конкретный регион, тем сильнее влияние миграции на демографические процессы. Особую остроту приобретает вопрос о влиянии миграции на тенденции естественного движения населения в развитых странах, прежде всего в Европе, где рождаемость близка или даже ниже уровня, необходимого для воспроизводства репродуктивного населения, что в перспективе ведет к увеличению в его составе доли старших возрастов. В связи в этом имеет смысл обсудить вопрос, является ли миграция, а если да, то в каком объеме, решением проблем, вызванных в развитых странах демографическими изменениями. Для этого рассмотрим различные демографические показатели. Соотношение трудоспособного населения с еще или уже нетрудоспособным и его воздействие на системы социального обеспечения может быть проанализировано на основе коэффициентов демографической поддержки и демографической нагрузки [см.: Bongaarts, 2004]. Для характеристики рынка труда представляет интерес количество трудоспособных индивидуумов в общей численности населения и, принимая во внимание связанную с возрастом населения способность к инновациям (т.е. способность претворять в жизнь новое), в качестве вспомогательного индикатора могут быть использованы возрастная структура или возрастная медиана [см.: Swiaczny, 2005].

Если проанализировать корреляцию между показателями чистой миграции и интервал баланса естественного прироста населения, то очевидны два существенных вывода [см.: часть 3]. Сначала эмиграционное сальдо в основных регионах-донорах в сравнении с балансом естественного прироста населения относительно невелико. Это касается как развивающихся стран в целом, так и наименее развитых стран в частности². Наблюдения показывают, что это характерно и для крупных регионов: в Африке, Азии, а также в Латинской Америке и странах Карибского бассейна эмиграционный баланс составляет незначительную величину, тогда как естественный прирост населения в этих регионах все еще обеспечивает заметный рост его численности. В главных регионах-реципиентах ситуация складывается совершенно иначе. Для индустриальных стран Европы, Северной Америки и Океании миграционный прирост имеет существенное значение. Например, согласно модельным расчетам ООН, негативное сальдо рождений и смертей в Европе уже сейчас компенсируется за счет миграционного притока, так что в начале нового тысячелетия там наблюдался небольшой прирост населения, сменившийся незначительным спадом. Если прогнозы ООН относительно объемов миграционного прироста, построенные исходя из сегодняшнего уровня миграции и действующих моделей миграционной политики [Swiaczny, 2005: 51], оправдаются, то к 2050 г. рост отрицательного сальдо естествен-

² ООН различает индустриальные или развитые (DCs) и развивающиеся (LDCs) страны, последние в свою очередь включают в себя подгруппу наименее развитых стран (LLDCs).

ного прироста населения в Европе больше не сможет компенсироваться за счет иммиграции.

Второй вывод, следующий из анализа корреляции миграционного сальдо и сальдо естественного прироста населения, состоит в том, что в настоящее время нет связи между обоими компонентами естественного движения населения, то есть страны с минимальным или отрицательным сальдо естественного прироста населения имеют иммиграционный прирост, а страны с высоким положительным сальдо естественного прироста — эмиграционный отток. Существуют страны с отрицательным сальдо естественного прироста населения и положительным эмиграционным сальдо и страны с высоким положительным сальдо естественного прироста населения и положительным миграционным сальдо [Schulz, Swiaczny, 2005]. Естественный рост численности населения или его сокращение и старение, очевидно, не являются — и это также показывают результаты исследований миграций [например, Baehr, 2004; Haug, 2000a, 2000b; Massey et al., 1993] — достаточными факторами, приводящими в действие механизм миграций. Миграция происходит там, что вытекает и из классической, и из новой теории миграции [Haug, 2000b], где есть разница между уровнем и условиями жизни (также в более широком смысле), где существуют миграционные сети³ и оппортунистические структуры⁴ [см.: также Swiaczny 2002, 2003]. В контексте дискуссии об управлении международными миграционными потоками и решения проблем, возникающих по причине сокращения численности и старения населения, нельзя априори исходить из того, что «демографический вакуум» сам по себе достаточно привлекателен, чтобы инициировать иммиграцию, и что возможности миграции в решении экономических и общественных проблем, порожденных демографическими изменениями, безграничны. Позитивная роль миграции, которая признается в отчете *Глобальной комиссии по международной миграции ООН* на основе анализа демографических изменений в индустриальных странах, должна быть дополнена следующим вопросом и зависит от ответа на него: как и при каких обстоятельствах миграция может рассматриваться в качестве фактора экономического и социального роста как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов? [см.: Lucas, 2004; UN, 2004]. В этой статье, однако, мы опустим этот сложный вопрос и сосредоточимся исключительно на статистическом описании международной миграции в сравнении с демографическими изменениями и модельными расчетами ООН по этой теме.

2. МИГРАНТЫ И БЕЖЕНЦЫ

Для глобальных сравнений анализ международной миграции и демографического развития принимающих регионов и стран, в которых население состоит из мигрантов, имеет многочисленные ограничения, обусловленные имеющимися в нашем распоряжении статистическими данными [см.: например, Burgers, Engbersen, 1996; часть «Источники данных» в конце статьи].

Так, в дополнение к модельным расчетам *Отдела народонаселения ООН*, которые являются единственным сопоставимым международным

³ *Migration networks*, или мигрантские сообщества, оказывающие поддержку тем, кто хочет мигрировать (*Прим. переводчика*).

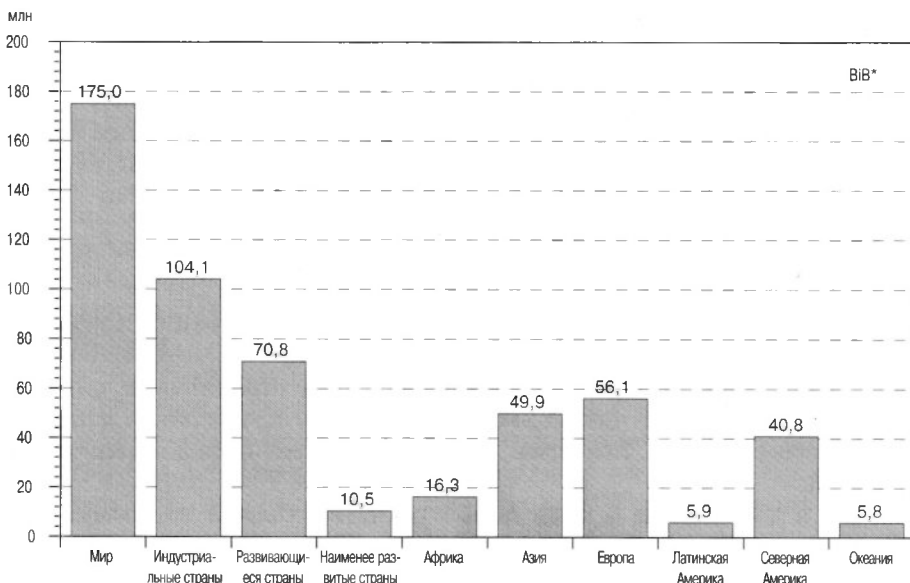
⁴ Структуры, делающие миграцию возможной в принципе и дающие для нее необходимые возможности (*Прим. переводчика*).

источником для анализа демографических последствий международной миграции, не опубликованы никакие данные о миграционных потоках по странам-донорам и странам-реципиентам. Более того, модельные расчеты основываются на предположениях, описывающих международные миграционные события в их нынешнем состоянии как неизменные до окончания всего горизонта модельных расчетов [см. часть 3]. К тому же данные по мигрантам в статистике ООН базируются на различных показателях: частично на данных о национальности, частично о стране рождения [UN, 2002, 2004].

Для стран-членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (OECD) доклад Системы постоянного наблюдения за миграцией (SOPEMI Report), в котором фиксируются миграционные потоки и постоянно проживающее население, различает иностранцев и лиц, рожденных за границей, по национальности или по месту рождения. Правда, эти данные не являются ни однородными (например, они по-разному представляют информацию по странам-донорам и странам-реципиентам), ни равно репрезентативными для всех стран, поскольку не по всем странам имеются полные данные. К тому же самые свежие данные относятся к разным временным периодам, а сами временные ряды представлены с разной полнотой [см.: OECD, 2005; для Европы также Council of Europe, 2004].

По оценкам Мирового доклада о миграции (World Migration Report), представленным Отделом народонаселения ООН, в 2000 г. 175 млн человек жили как мигранты за пределами стран их происхождения (рис. 1, UN, 2002). Это эквивалентно 2,9% от всего населения мира (рис. 3). Из них около 16 млн, или 9,1% мигрантов, — беженцы (рис. 2, 3). Мигранты распределяются следующим образом: 104 млн (60%) проживают в развитых (индустриальных) странах, 60 млн (35%) — в развивающихся странах и 10 млн (6%) — в наименее развитых странах (рис. 1, 4).

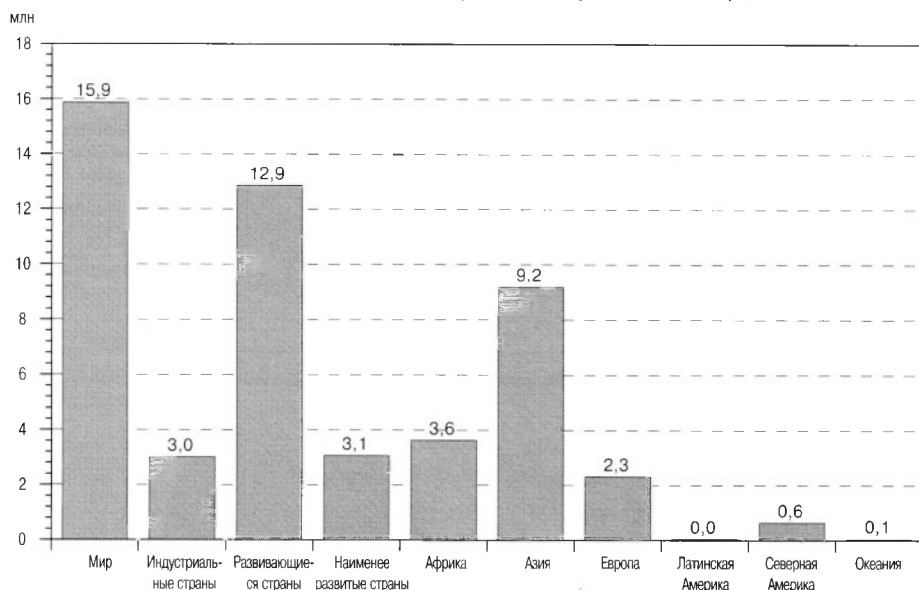
Рисунок 1. Мигранты в 2000 г. по регионам-реципиентам, млн чел.

Источник: UN, 2002.

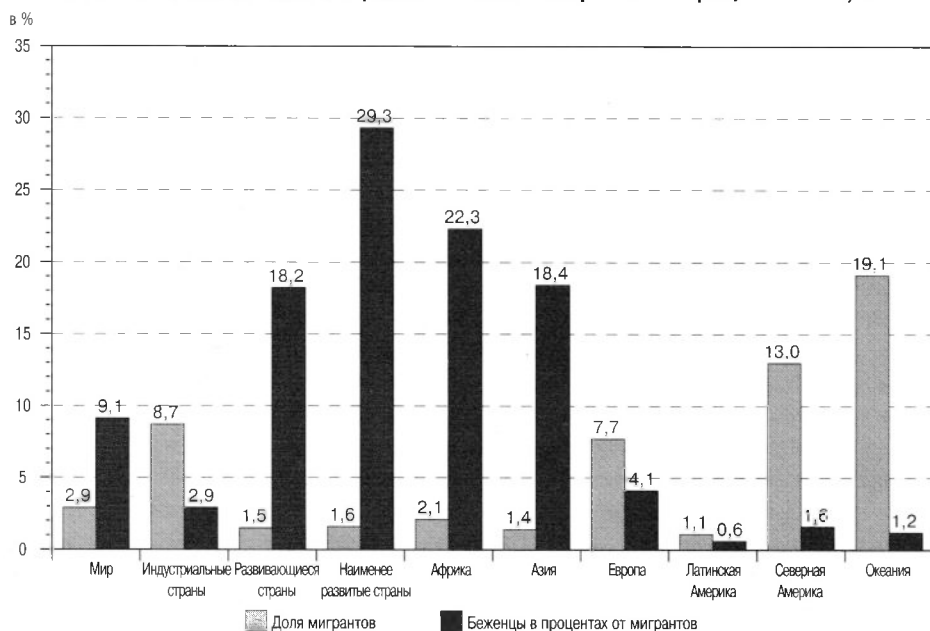
* Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung (BiB).

Рисунок 2. Беженцы в 2000 г. по регионам-реципиентам, млн чел.

Источник: UN, 2002.

Рисунок 3. Доля мигрантов по отношению ко всему населению и доля беженцев по отношению ко всем мигрантам в 2000 г. по регионам-реципиентам, %

Источник: UN, 2002.

Как и следовало ожидать, в процентном соотношении в развитых странах значительно больше мигрантов, чем составляет их доля в общей численности населения мира. В случае беженцев вырисовывается другая картина. Большинство из них в 2000 г. проживало в развивающихся странах. Наименее развитые страны в свою очередь принимают в абсолютном выражении большее число беженцев, чем индустриальные страны. Доли распределяются следующим образом: 19% приходится на индустриальные страны, 62% на

Рисунок 4. Доля мигрантов (слева) и беженцев (справа) в 2000 г. по уровню развития страны, %

Источник: UN, 2002.

Рисунок 5. Доля мигрантов (слева) и беженцев (справа) в 2000 по регионам, %

Источник: UN, 2002.

развивающиеся страны и 19% на наименее развитые страны (рис. 4). Из 100 мигрантов беженцами являются 3% в индустриальных странах, 19% в развивающихся странах и 29% в наименее развитых странах (рис. 3)⁵.

Если рассматривать региональное распределение, то в 2000 г. большинство мигрантов проживало в Европе (56 млн, или 32%), в Азии (50 млн, или 29%) и в Северной Америке (41 млн, или 23%). Наибольшее число беженцев проживало в Азии (9,2 млн, или 58%). За Азией следуют Африка (3,6 млн, или 23%) и Европа (2,3 млн, или 15%) (рис. 1, 2, 5). По доле от всего населения мигранты наиболее заметно представлены в Океании (19%), Северной Америке (13%) и Европе (8%). Среди них беженцы составляют самую большую часть в Африке (22%), Азии (18%) и Европе (4%) (рис. 3). Подводя итоги статистического обзора, можно сказать, что большинство мигрантов проживает в индустриально развитых странах, прежде всего в Европе и Северной Америке, и именно там их удельный вес в общей численности населения самый высокий. В развивающихся и наименее развитых странах мигранты составляют очень небольшую долю населения: 2,1% в Африке и еще меньше в других регионах. В случае с беженцами ситуация выглядит иначе. Из них в 2000 г. около 80% проживало в развивающихся и в наименее развитых странах, особенно в Азии и в Африке, где их доля составляла примерно 1/5 от всей численности мигрантов.

Таблицы 1 и 2 подтверждают, что иммиграция, если оставить в стороне вопрос об ее уровне или принадлежности к тому или иному крупному региону, в настоящее время больше не является феноменом индустриальных стран. Как по абсолютному числу мигрантов, так и по их относительной доле в общей численности населения, рядом с индустриальными странами в числе лидеров можно найти также развивающиеся страны и страны, находящиеся на стадии перехода от развивающихся к индустриально развитым.

⁵ Другие источники информации по миграции: IOM, 2005; UN, 1997, 2004; UNFRA, 1996, 2004; UNDP, 2005.

Таблица 1. Страны с самым большим числом мигрантов в 2000 г.

№	Страна	Численность населения, тыс. чел	Мигранты, тыс. чел	Мигранты, в %
1	США	283 230	34 988	12,4
2	Россия	145 491	13 259	9,1
3	Германия	82 017	7349	9,0
4	Украина	49 568	6947	14,0
5	Франция	59 238	6277	10,6
6	Индия	1 008 937	6271	0,6
7	Канада	30 757	5826	18,9
8	Саудовская Аравия	20 346	5255	25,8
9	Австралия	19 138	4705	24,6
10	Пакистан	141 256	4243	3,0
11	Великобритания	59 415	4029	6,8
12	Казахстан	16 172	3028	18,7
13	Гонконг	6860	2701	39,4
14	Республика Берег слоновой кости	16 013	2336	14,6
15	Иран	70 330	2321	3,3
16	Израиль	6040	2256	37,4
17	Польша	38 605	2088	5,4
18	Иордания	4913	1945	39,6
19	Объединенные Арабские Эмираты	2606	1922	73,8
20	Швейцария	7170	1801	25,1

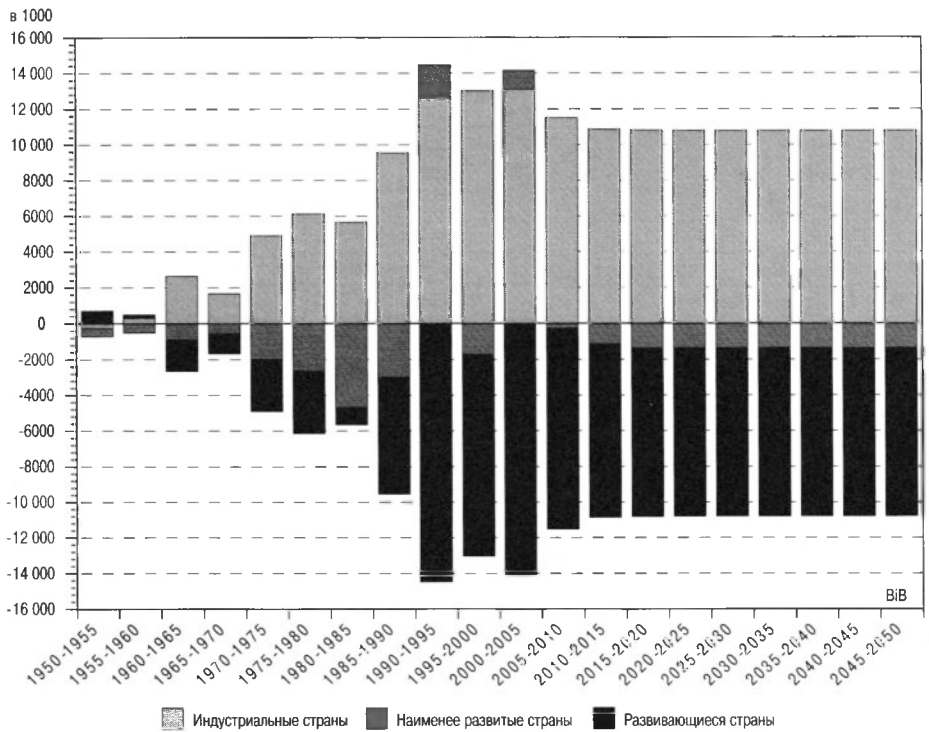
Источник: UN, 2002.

Таблица 2. Страны с самой высокой долей мигрантов в общей численности населения

№	Страна	Численность населения, тыс. чел	Мигранты, тыс. чел	Мигранты, в %
1	Объединенные Арабские Эмираты	2606	1922	73,8
2	Кувейт	1914	1108	57,9
3	Палестина	3191	1665	52,2
4	Иордания	4913	1945	39,6
5	Гонконг	6860	2701	39,4
6	Израиль	6040	2256	37,4
7	Сингапур	4018	1352	33,6
8	Саудовская Аравия	20 346	5255	25,8
9	Швейцария	7170	1801	25,1
10	Австралия	19 138	4705	24,6
11	Канада	30 757	5826	18,9
12	Казахстан	16 172	3028	18,7
13	Республика Берег слоновой кости	16 013	2336	14,6
14	Украина	49 568	6947	14,0
15	США	283 230	34 988	12,4
16	Франция	59 238	6277	10,6
17	Нидерланды	15 864	1576	9,9
18	Буркина-Фасо	11 535	1124	9,7
19	Австрия	8080	756	9,4
20	Литва	3696	339	9,2
20	Барбадос	267	25	9,2

Источник: UN, 2002.

Рисунок 6. Нетто сальдо миграционных потоков по уровню развития в 1950–2050 гг.

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant.

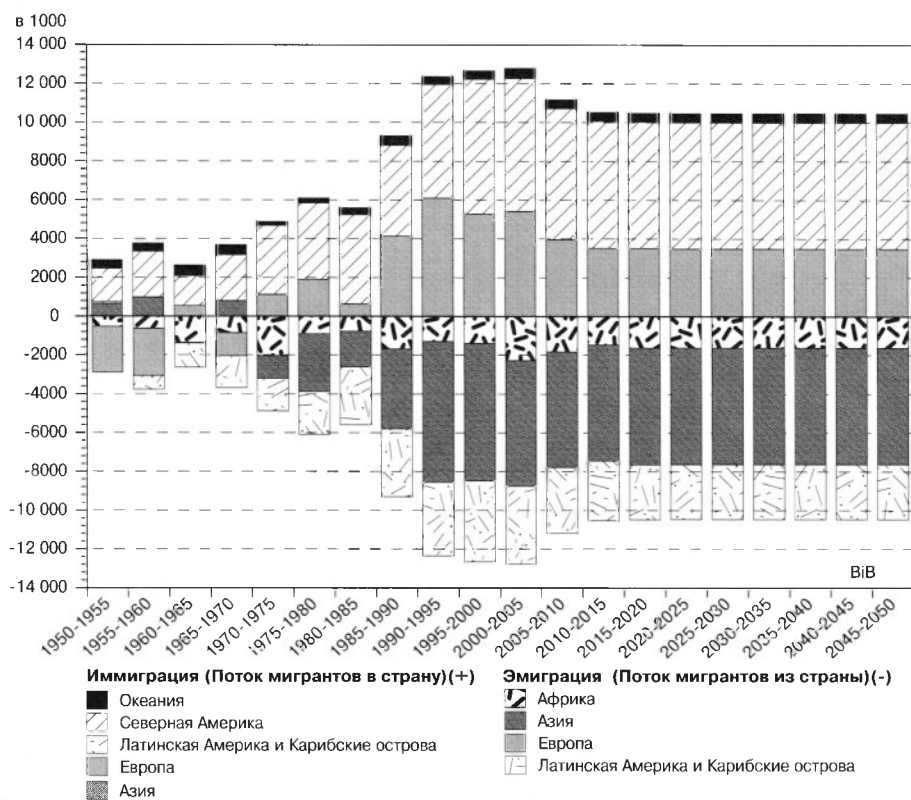
3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Динамические ряды, представленные *UN World Population Prospects*, показывают, что с начала 1960-х гг. (в 1950-х гг. миграционное сальдо было еще невелико и к тому же обусловлено последствиями Второй мировой войны) миграция почти исключительно была направлена из развивающихся стран в индустриальные [см.: Ваehr, 1995; Salt 1989]⁶. Только к началу 1990-х гг. и в первые пять лет нового тысячелетия наименее развитые страны столкнулись с растущими потоками иммиграции, которые были следствием исключительных событий, приведших к массовой миграции беженцев и реэмиграции. Если рассматривать эмиграцию, то с 1950-х гг. в наименее развитых странах наблюдаются значительные эмиграционные сальдо в абсолютном выражении. Время от времени, например, в начале 1980-х гг., эмиграция из развивающихся стран происходила в основном из самых отсталых стран этой группы. Правда, ООН в своих модельных расчетах предполагает, что в будущем только небольшая абсолютная доля иммиграционного потока пойдет из наименее развитых стран [см.: King, 1995; Mammeu, 2001; Salt, 2003 и рис. 6].

В региональном разрезе основным направлением иммиграции ранее была Северная Америка и в несколько меньшем объеме Океания — классические регионы иммиграции. Напротив, Европа, которая в 1950-е гг. все еще испы-

⁶ Это следствие выбранного для анализа масштаба, поскольку миграционные потоки внутри развивающихся стран или внутри крупных регионов не становятся явными, несмотря на то, что находят свое отражение в статистике миграции [см. часть 2].

Рисунок 7. Нетто сальдо миграционных потоков по континентам в 1950–2050 гг.

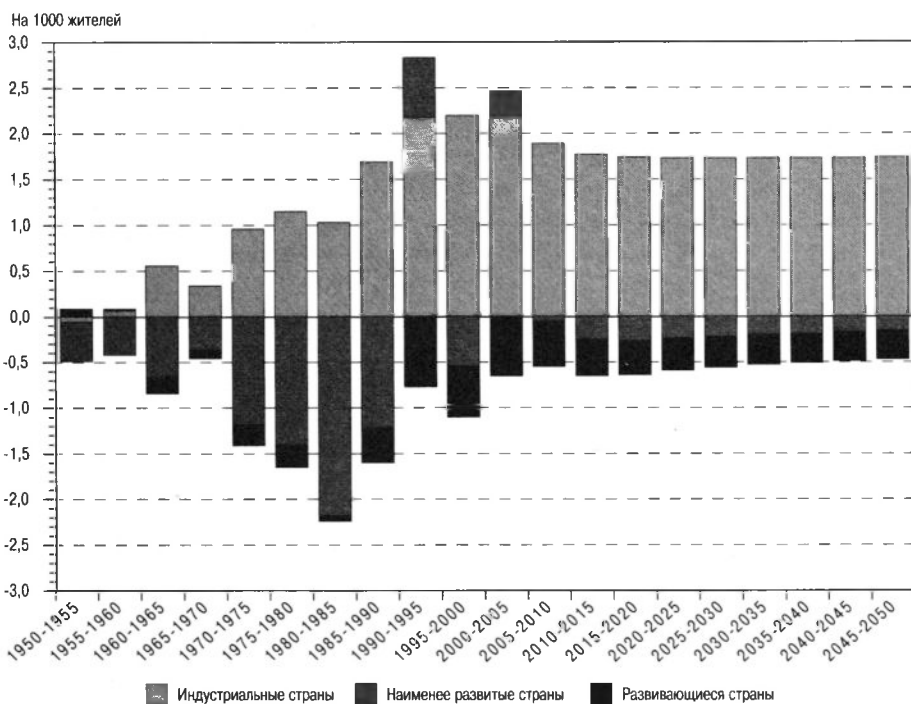

Источник: UN World Population Prospects 2004 Revision, Medium Variant.

тывала последствия Второй мировой войны, а в первой половине 1970-х гг. столкнулась с прекращением притока гастарбайтеров, была регионом эмиграции. Только во второй половине 1980-х гг. миграция в Европу принимает значительный по глобальным меркам объем и к началу 1990-х гг. объединяет Европу, в том числе и за счет приема большого числа беженцев — почти половины от всего мирового иммиграционного потока. ООН предполагает, что в перспективе на Европу будет приходиться около 1/3 всей иммиграции. Что касается эмиграции в Африке, то там с 1950-х гг. установилось постоянство в оттоке населения, составляющее около 2 млн человек. Отток населения из Латинской Америки и стран Карибского бассейна начался во второй половине 1950-х гг. и впоследствии существенно увеличивался в объеме. Время от времени на этот регион приходится более половины эмиграционных потерь, и прогнозы ООН исходят из небольшого снижения объема эмиграции, который наблюдается в настоящее время. Эмиграция из Азии началась только в 1970-х гг. и впоследствии также значительно увеличилась в объеме. По предположениям ООН, в будущем более половины эмиграционных оттоков также будет приходиться на Азию (рис. 7).

Если проанализировать динамику миграционных сальдо, то долгое время наибольшие миграционные оттоки (более 2%) наблюдались в наименее развитых странах, за исключением уже упомянутых фаз, когда наблюдался реэмиграционный рост. С 1990-х гг., тем не менее, эмиграционное сальдо населения в развивающихся странах растет и в общей картине

Рисунок 8. Миграционное сальдо (на 1000 жителей) по уровню развития стран в 1959–2050 гг.

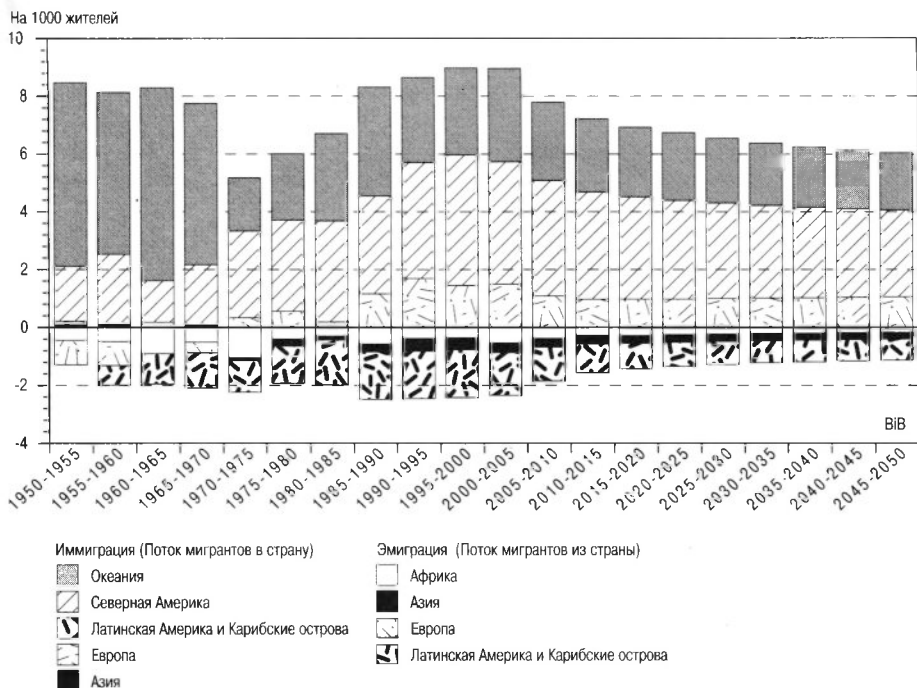

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant.

миграции становится определяющим. ООН исходит из того, что в будущем наименее развитые страны перестанут быть основным источником эмиграционных потоков. Что касается иммиграции в индустриально развитые страны, в период между 1990 и 2005 гг. ее уровень составлял более 2%; согласно прогнозным моделям в будущем этот показатель несколько снизится. В сравнении с показателями иммиграции в 1970–1985 гг., когда они составляли примерно 1%, объем миграционного нетто индустриальных стран значительно возрос (рис. 8).

Из данных по регионам-донорам и регионам-реципиентам видно, что эмиграционный баланс в Африке, Латинской Америке и странах Карибского бассейна, а также в Азии не достиг сколько-нибудь существенного уровня. Даже в периоды очень высоких абсолютных миграционных сальдо показатели миграционного прироста во всех регионах не достигают 2% и в будущем, по предположениям ООН, ни в одном из этих регионов не превысит 1%. В случае с иммиграцией, напротив, вырисовывается более разнобразная картина. В Океании чистая миграция в 1950–1970 гг. составляла около 6% и с тех пор стабилизировалась на более низком уровне — между 2 и 3%. В Северной Америке в 1950 г. чистая миграция росла и в настоящее время составляет примерно 4%; в будущем, по оценкам ООН, миграционный баланс в этом регионе немного снизится — до 3%. В Европе чистая миграция составляет более 1% лишь начиная с 1985 г., в настоящее время — 1,75%. Прогноз на будущее — 1%. Таким образом, становится ясно, что в перспективе на Европу и в абсолютном, и в относительном выражении, и из этого исходит Отдел Народонаселения ООН, придется лишь небольшая доля международной миграции (рис. 9).

Рисунок 9. Миграционное сальдо (на 1000 жителей) по континентам в 1959-2050 гг.

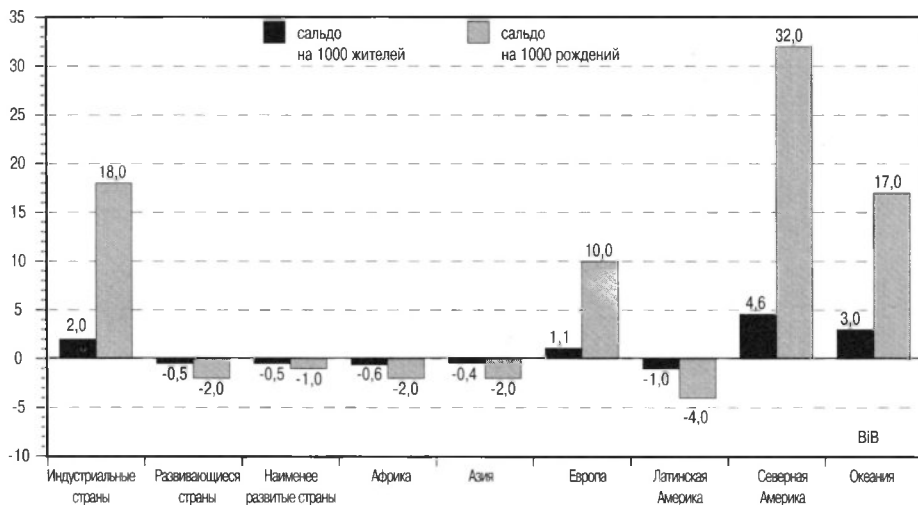
Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant.

4. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Для оценки демографических последствий международной миграции наряду с числом мигрантов и их доли в общем объеме населения имеет значение миграционное сальдо в сравнении с этим населением [см.: также Naub, 2002; Kelley, 2001; PRB, 2004 и *рис. 10*]. В индустриальных странах в 2000 г. оно равнялось примерно 2%. В развивающихся и наименее развитых странах наблюдался миграционный отток, который составлял около 0,5%. В региональном разрезе стабильное положительное миграционное сальдо имеют Северная Америка и Океания. Европа отличается только небольшим миграционным приростом, составляющим 1,1%. Похожий результат получается, если рассматривать миграционное сальдо в сравнении с показателями рождаемости в соответствующих регионах. Так, объем миграционного прироста в Северной Америке составляет примерно 32% от числа рождений, в Океании — 17%, в Европе — только 10%.

Это соотношение проявляется и во влиянии миграции на численность населения (*рис. 11*). Если за пятилетний период в 1995–2000 гг. эмиграция из Африки, Азии, Латинской Америки и стран Карибского бассейна составляет только незначительную часть от сальдо естественного прироста населения [см.: также Champion, 1994], то миграционный прирост и естественный рост населения в Северной Америке и Европе примерно равны, причем в Европе негативное сальдо естественного прироста населения компенсируется за счет миграционного прироста. Миграционный прирост в Океании, где наблюдается самый высокий уровень естественного прироста населения среди развитых регионов, в значительной степени обеспечивает самый высокий положительный ба-

Рисунок 10. Миграционное сальдо (на 1000 жителей и на 1000 рождений) в 2000 г. по регионам

Источник: UN, 2002.

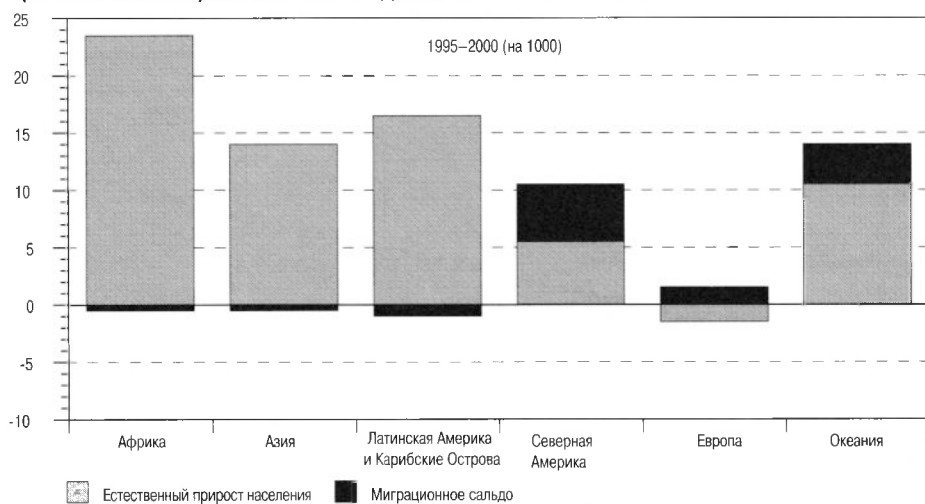
ланс прироста населения индустриально развитых регионов. По прогнозам до 2045–2050 гг. сальдо естественного прироста населения во всех регионах будет снижаться, лишь в Африке он будет более 10% (рис. 12). К концу горизонта модельных прогнозов ООН миграционные оттоки также составят только небольшую долю от естественного роста численности населения наименее развитых стран. В Северной Америке, по предположениям ООН, существующее соотношение между миграционным приростом и балансом естественного прироста населения сохранится, но на уровне куда более низком, чем в 1995–2000 гг. То же самое касается и Океании, где подобное соотношение также почти не меняется, однако по сравнению с Северной Америкой показатели общего баланса здесь будут значительно ниже. В Европе вследствие продолжающейся естественной убыли населения и из-за незначительного роста миграционного сальдо наблюдается ситуация, при которой миграционный прирост лишь незначительно сможет компенсировать снижение численности населения.

5. ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И СТАРЕНИЕ ПО МОДЕЛЬНЫМ РАСЧЕТАМ, ПРОВЕДЕННЫМ UN WORLD POPULATION PROSPECTS

Прогнозы уровня рождаемости, смертности и миграции, составленные для каждой страны в отдельности и выполненные в различных вариациях, строятся на основании модельных расчетов ООН. Прогнозы о масштабах миграции уже были представлены в разделе 3. Демографические прогнозы дополнены одним вариантом без учета миграции, который, правда, маловероятен и приводится лишь исключительно для демонстрации соотношения миграции и естественного движения населения. Варианты расчетов различаются прежде всего по показателям уровня рождаемости (СКР⁷ высокий, средний, низкий или неизменный) и ожидаемой продолжительности жизни (растущая или неизменная). При этом в мировом масштабе суммарный коэффициент рождаемости снижается в среднем с 2,49 детей на одну женщину

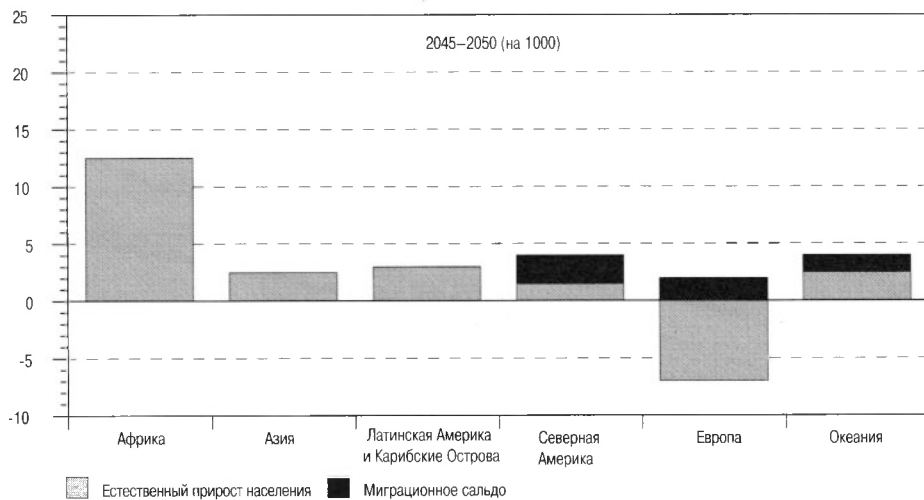
⁷ Суммарный коэффициент рождаемости (Прим. переводчика).

Рисунок 11. Влияние баланса естественного прироста населения и миграционного сальдо (на 1000 жителей) на естественное движение населения по континентам в 1995–2000 гг.

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant.

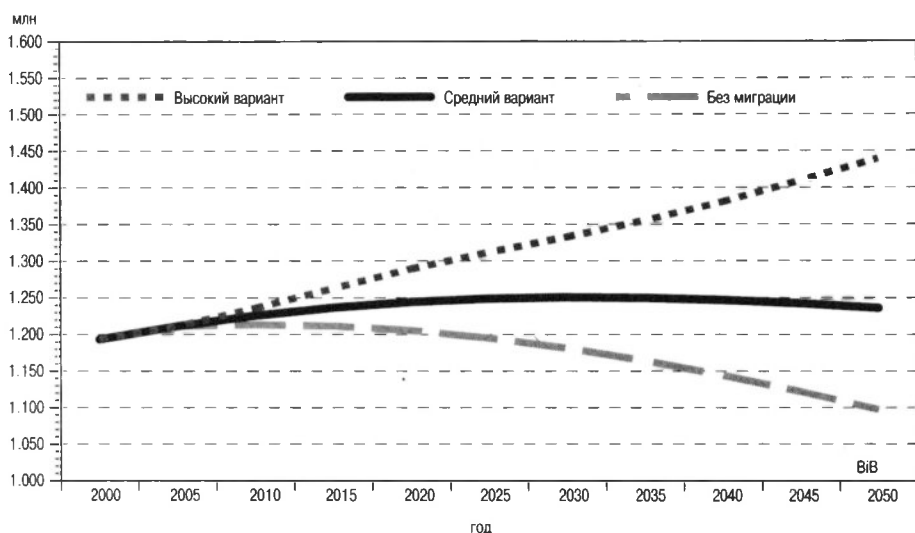
Рисунок 12. Влияние баланса естественного прироста населения и чистой миграции (на 1000 жителей) на естественное движение населения по континентам в 2045–2050 гг.

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant.

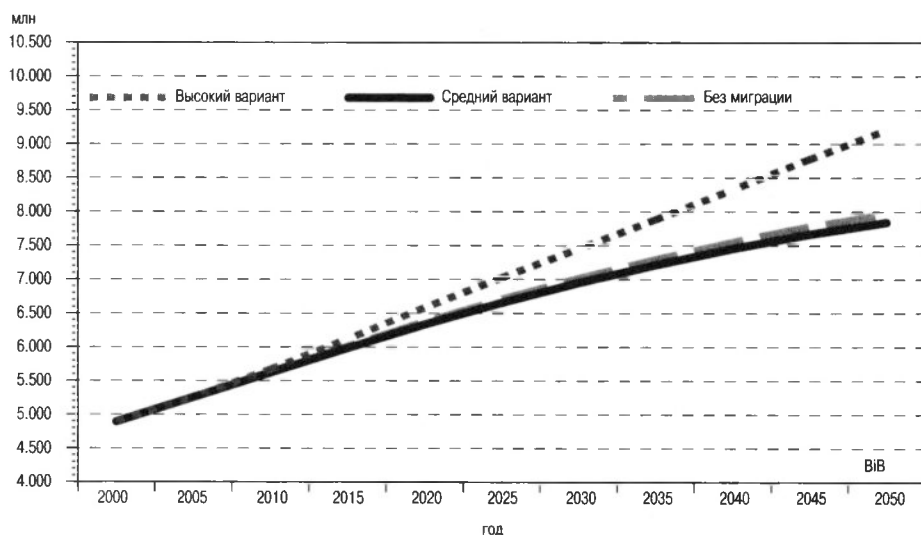
в 1995–2000 гг. до 2,05 в 2045–2050 гг. Изменения для индустриальных стран показывают повышение СКР с 1,55 до спрогнозированного показателя в 1,85, для развивающихся стран — снижение с 3,1 до 2,07, а для наименее развитых стран — спад с 5,36 до 2,57. В «высоком» и «среднем» вариантах учитывается разница, для каждой страны в отдельности, в 0,5 ребенка на одну женщину, неизменный вариант предполагает неизменный СКР, как в 2000–2005 гг. При интерпретации результатов расчетов надо учитывать, что в настоящее время в Европе в некоторых странах СКР значительно ниже показателей, принятых ООН в качестве прогноза будущего развития. Выход стран, имеющих сегодня низкий уровень СКР, на уровень показателей, принятый в расчетах ООН, оценивается как маловероятный [см.: например, ВиВ, 2005: 10–11]. Предпола-

Рисунок 13. Изменение численности населения индустриальных стран в соответствии с различными вариантами модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

Рисунок 14. Изменение численности населения развивающихся стран в соответствии с различными вариантами модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

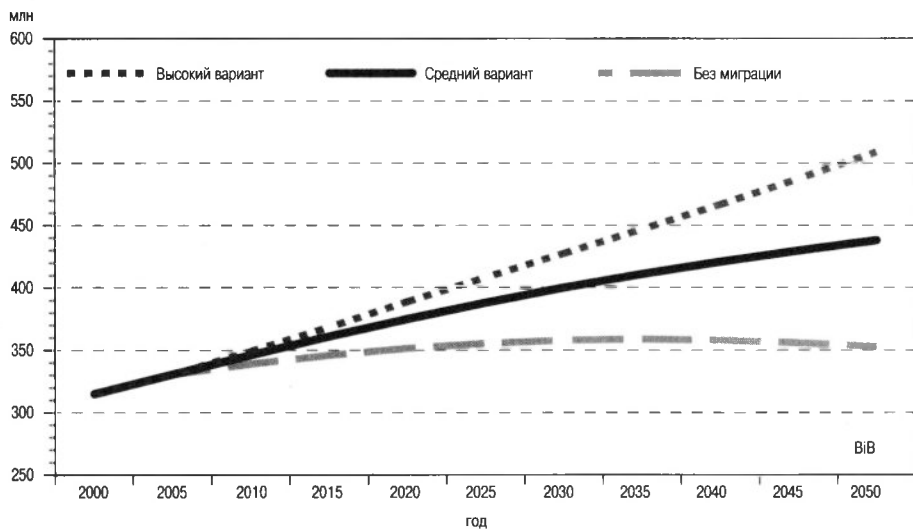

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

гается, что средняя продолжительность жизни в мире увеличится с 64,6 до 75,1 года, в индустриальных странах — с 74,8 до 82,1 лет, в развивающихся странах — с 62,5 до 74 лет и в наименее развитых странах — с 50,1 до 66,5 лет. Для прогноза средней продолжительности жизни используется вариант с постоянными показателями на 2000–2005 гг. (UN, 2005, подробные разъяснения в Schulz, Swiaczny, 2005 и Swiaczny, 2005). На рис. 13–20 представлены варианты изменения численности населения, медианного возраста и общего коэффициента демографической нагрузки для индустриальных и развивающихся стран, а также для Северной Америки и Европы. Здесь показаны «средние» варианты со средним СКР, увеличивающейся средней продолжительностью

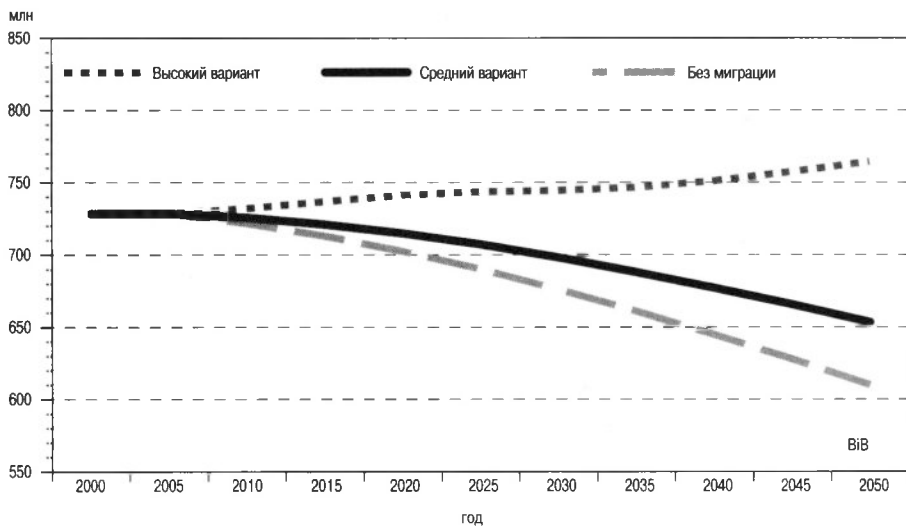

Рисунок 15. Изменение численности населения в Северной Америке в соответствии с различными вариантами модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

Рисунок 16. Изменение численности населения в Европе в соответствии с различными вариантами модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

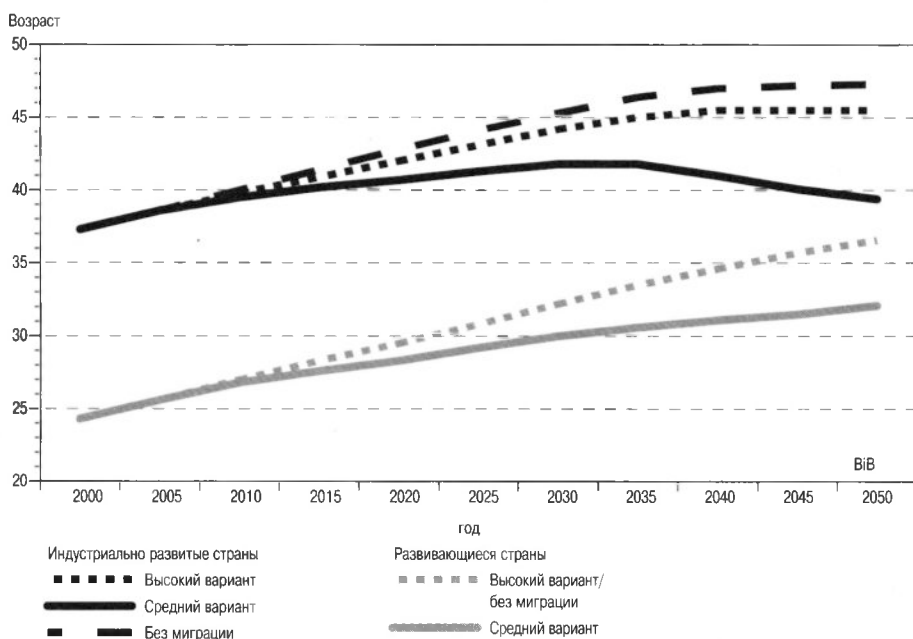

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

жизни и прогнозами миграции, которые уже были рассмотрены в *разделе 3*, а также «высокий» вариант с более высоким, на 0,5 детей, СКР (другие предположения идентичны среднему варианту) и вариант, идентичный «среднему» варианту без учета международной миграции. Сравнение этих двух вариантов со средним позволяет проанализировать влияние на рассматриваемые демографические показатели высокого СКР, а также миграции.

На *рис. 13* видно, что в индустриальных странах изменение численности населения в целом до 2045–2050 гг. при высоком СКР отклоняется от среднего варианта в сторону увеличения примерно вдвое, как и вариант, рассчитанный без учета миграции, отклоняется в сторону сокращения. В случае развиваю-

Рисунок 17. Медианный возраст населения индустриальных и развивающихся стран по различным вариантам модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

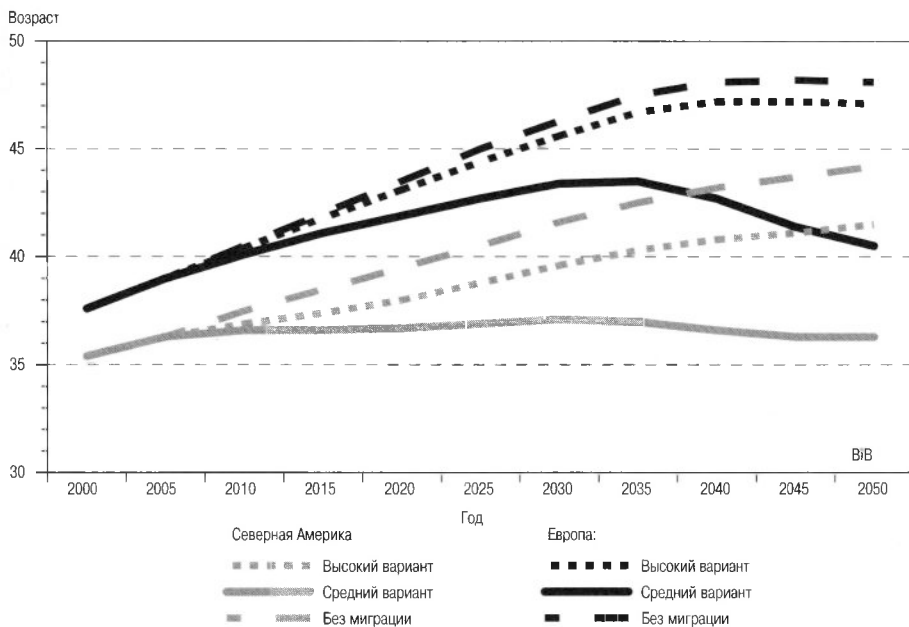

Источник: UN World Population Prospects, 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

щихся стран, напротив, средние варианты едва ли отличаются от варианта без учета миграции, тогда как более высокий СКР дает разницу в приросте населения до 2045–2050 гг. в 1 млрд чел. (рис. 14). Прогнозы изменения численности населения для Северной Америки и Европы различаются прежде всего тем, что по среднему варианту Европа без миграции будет переживать спад численности населения, тогда как Северная Америка — тоже без миграции — сначала еще будет иметь небольшой прирост численности населения, а к концу горизонта расчетов стабильную численность населения. В Европе более высокий СКР определенно будет проявляться сильнее, чем в Северной Америке. Там сумма отклонения между вариантом без миграции и средним вариантом больше, чем между средним и построенным с учетом высокого СКР. В Европе ситуация прямо противоположная (рис. 15, 16). Причина различного влияния высокого СКР и миграции заключается, согласно представленным прогнозам ООН, в структурных эффектах, вытекающих из возрастного состава населения [см.: UN Population Division, 2005: 17] и разных исходных уровней СКР.

Сопоставимая картина получается и при рассмотрении медианного возраста, в соответствии с которым население разделяется на две равновеликие группы (рис. 17, 18). В то время как в индустриальных странах по сравнению со средним вариантом прогноза медианный возраст без учета миграции в 2045–2050 гг. будет увеличиваться еще больше, соответствующие кривые для развивающихся стран не различаются [см.: UN, 1999; UN Population Division, 2002]. Как и в случае с изменением численности населения в целом, для медианного возраста более высокий СКР является фактором его снижения. В индустриальных странах медианный возраст при более высоком СКР до 2045–2050 гг. даже вновь опустится ниже отметки в 40 лет. Различия между Северной Америкой и Европой в значении медианного возраста в том, что Северная Америка по среднему варианту будет показывать более слабый его рост. В Европе отсут-

Рисунок 18. Медианный возраст населения в Северной Америке и Европе по различным вариантам модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

Источник: UN World Population Prospects 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

ствие миграции едва ли скажется на росте медианного возраста по сравнению со средним вариантом, но это вполне реально для Северной Америки. Более высокий СКР обеспечит Северной Америке почти постоянный медианный возраст, в Европе же, несмотря на то, что здесь предполагается более высокий (на 0,5 детей) СКР, медианный возраст сначала существенно повысится и после легкого спада в 2045–2050 гг. будет составлять более 40 лет.

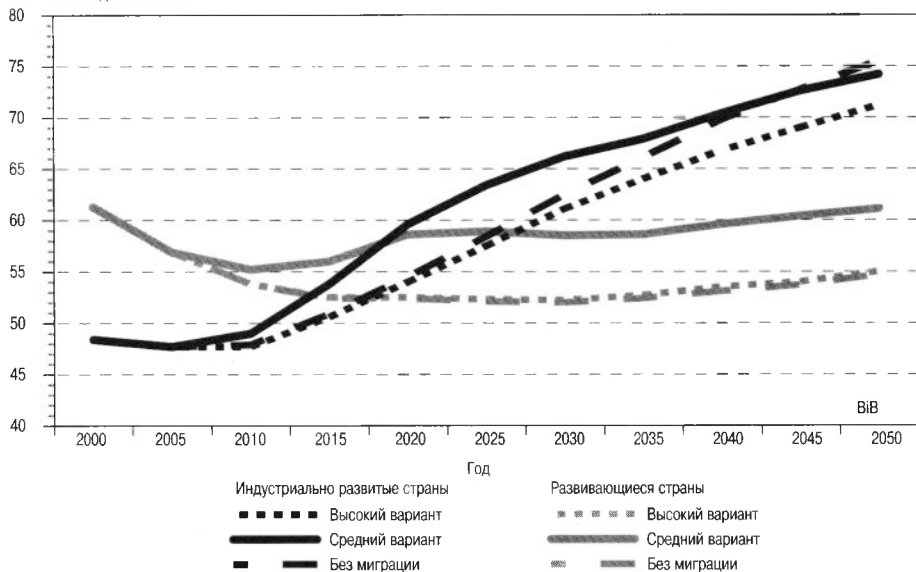
Более существенным является, тем не менее, анализ общих коэффициентов демографической нагрузки, которые в данном случае рассчитываются как отношение числа населения в нетрудоспособном возрасте (моложе 15 и старше 65 лет) к населению трудоспособного возраста 15–65 лет⁸. На рис. 19 видно, что показатель эффективности распределительной системы социального обеспечения⁹, в индустриальных странах лишь незначительно отличается от показателей в различных вариантах, и в любом случае он ухудшится по сравнению с сегодняшним показателем ниже отметки в 50 лет до показателя 2045–2050 гг. 70–75 лет. В силу высокой рождаемости, обеспечивающей значительный удельный вес молодых возрастов в общей численности населения, соответствующий показатель для развивающихся стран, находящийся на отметке старше 55 лет, в настоящее время еще сравнительно высок, но впоследствии по мере снижения СКР будет опускаться до значения моложе 55 лет и далее до конца горизонта прогнозирования не превысит его. Развивающиеся страны еще только вступают в фазу «демографических дивидендов» с U-образным изменением

⁸ Относительно участия в рабочей силе остается заметить, что общепринятые возрастные границы, составляющие возраст моложе 15 и старше 65 лет, надо рассматривать с оговоркой, так как не все люди в возрасте от 15 до 59–65 лет являются трудоспособными и зарабатывают [UN Population Division, 2005: 18]. Для обсуждения более дифференцированных возрастных групп см.: UN Population Division, 2005: 21–25.

⁹ Распределительная пенсионная система — это государственное пенсионное страхование, финансируемое за счет отчислений от заработков, при котором текущие расходы финансируются из взносов, а резервы не формируются; в английском «pay-as-you-go public pension program» (Прим. переводчика).

Рисунок 19. Коэффициент демографической нагрузки для индустриальных и развивающихся стран по различным вариантам модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

% от числа людей 15–65 лет

Источник: UN World Population Prospects 2004 Revision, Medium Variant, собственные расчеты.

коэффициента демографической нагрузки, где он достигает своего исторического минимума в тот период, когда индустриальные страны как раз переживают фазу его роста [см.: Bloom et al., 2003; UN Population Division, 2005: 5]. Для развивающихся стран более высокий СКР означает прежде всего, что минимум «демографических дивидендов» оказывается не таким значительным, как при более существенном сокращении СКР.

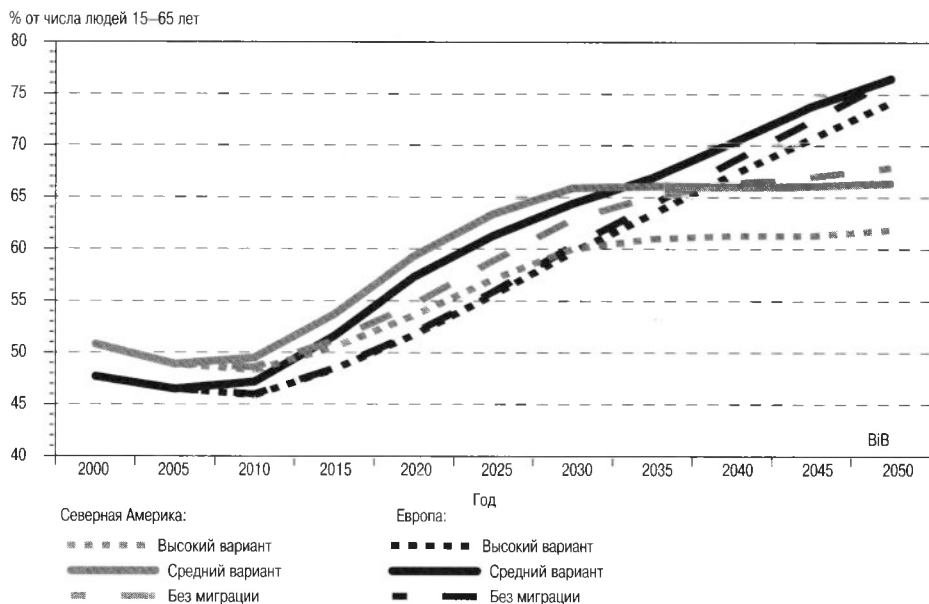
Динамика коэффициентов демографической нагрузки для Европы и Северной Америки демонстрирует типичный подъем в правой части U-образных кривых «демографических дивидендов», причем для Северной Америки по среднему варианту рост коэффициента демографической нагрузки прогнозируется на 5 пунктов ниже, чем без учета миграции или при более высоком СКР. Прогноз для Европы сопоставим с североамериканским, однако отклонения различных вариантов менее существенны. Но динамика «демографических дивидендов» для Северной Америки более благоприятна. По среднему варианту примерно с 2030 г. (а по другим вариантам примерно с 2035 г.) здесь вырисовывается явное замедление темпов роста коэффициента демографической нагрузки, тогда как в Европе он до конца рассматриваемого периода будет расти. В случае общих коэффициентов во всех вариантах с более высоким СКР более существенный рост обусловлен большим удельным весом детей и молодежи в общем коэффициенте.

В следующем разделе речь пойдет об изменении доли пожилых людей в общей численности населения Германии.

6. МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

В этом разделе на примере Германии детально анализируется влияние изменений показателей рождаемости, смертности и миграционных сальдо на демографические процессы. Будут сопоставлены различные варианты прогнозов расчетов *Федерального статистического ведомства* (2003)

Рисунок 20. Коэффициент демографической нагрузки для Северной Америки и Европы по различным вариантам модельных расчетов ООН в 2000–2050 гг.

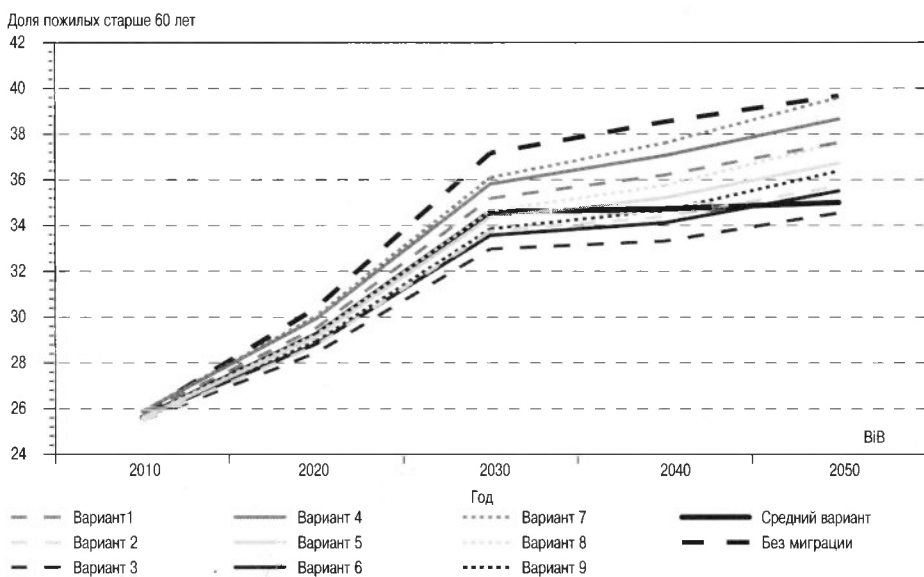
Источник: *UN World Population Prospects 2004 Revision, Medium Variant*, собственные расчеты.

и *UN Population Division* (2005) по доле населения в возрасте старше 60, а также 65 лет в населении в целом¹⁰. Это сравнение напрашивается, поскольку каждая из моделей имеет свои преимущества. Модельные расчеты Федерального статистического ведомства исходят (при девяти вариантах, в каждом из которых по три различных варианта прогноза смертности и миграции) из постоянного СКР, который составляет 1,4. В свою очередь модельные расчеты ООН в случае среднего варианта берут за основу примерно те же оценки продолжительности жизни (81 год для мужчин и 86,5 лет для женщин) и миграции (220 тыс. в год до 2010 г., потом 200 тыс. в год), так же, как и средней вариант соответствующего компонента расчета Федерального статистического ведомства (предполагаемая продолжительность жизни для мужчин 81,1 лет и 86,6 лет для женщин, миграционное сальдо иностранцев 200 тыс. в год и спад миграционного сальдо немцев с 80 тыс. до нуля до 2040 г.), но здесь за основу берется возрастающий до 1,85 СКР. При этом предлагаемый ООН вариант без учета миграции примерно соответствует варианту Федерального статистического ведомства, который учитывает незначительную миграцию, среднее повышение продолжительности жизни и растущий СКФ. При всех ограничениях сравнения, которые вытекают из принятых в расчетах различий, можно выявить, тем не менее, такие комбинации, которые ведут к минимизации темпов роста доли пожилых людей в общей численности населения.

Сравнение показывает, что по оценкам Федерального статистического ведомства при обоих возрастных цензах прогнозируются низкие по-

¹⁰ Доля пожилых людей от численности населения в целом была выбрана вместо доли от численности населения в трудоспособном возрасте (коэффициент нагрузки) потому, что именно она прямо показывает воздействия более высокой рождаемости, тогда как коэффициент нагрузки медленно — с отставанием в 15 лет реагирует на рост рождаемости.

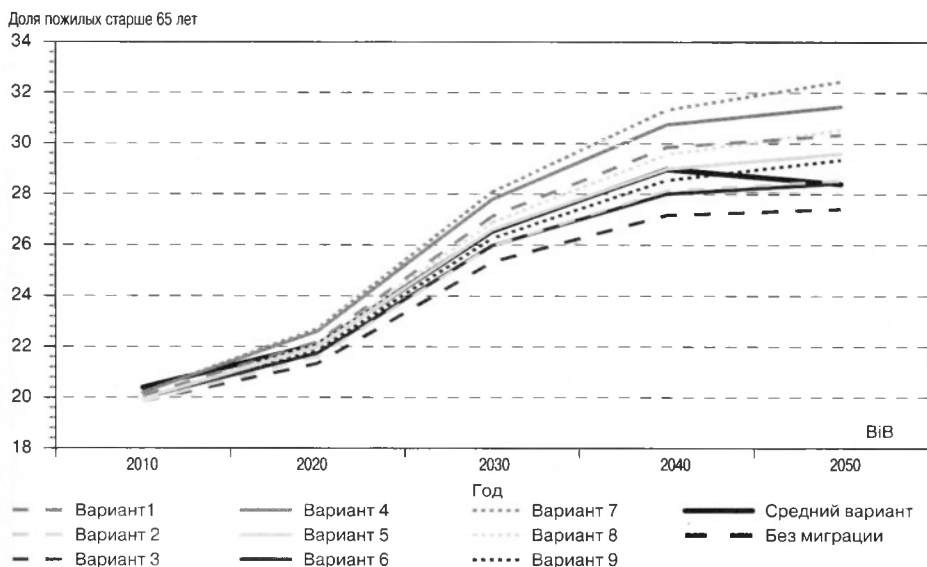
Рисунок 21. Доля пожилых людей старше 60 лет в общей численности населения в Германии в 2005–2010 — 2045–2050 гг.

Источник: Федеральное статистическое ведомство 2003 (варианты с 1 до 9) и UN World Population Prospects 2004 (средний вариант без миграции), собственные расчеты.

казатели продолжительности жизни (78,9 лет для мужчин и 85,7 лет для женщин к 2050 г.) и высокие уровни миграции (200 тыс. до 2010 г., потом 300 тыс. иностранцев в год), дающие в итоге благоприятные показатели: 34,6% при цензе в 60 лет и 27,4% при цензе в 65 лет. Соответственно самый высокий показатель демографического старения проистекает из прогноза о высоком приросте продолжительности жизни (82,6 и 88,1 лет) и низкой миграции (100.000 иностранцев) При этом доли лиц пожилого возраста составят 39,6% для возрастного ценза в 60 лет и 32,5% для 65 лет. Таким образом, чтобы в условиях распределительной пенсионной системы повышение пенсионного возраста с 60 до 65 лет привело к положительной динамике доли пожилых, требуется сочетание более высокой миграции и более медленных темпов повышения продолжительности жизни. Высокий уровень рождаемости, учитываемый ООН, ведет при сопоставимых вариантах к росту в 35,0% вместо 36,7%, при доле пожилых после 60 лет, и к 28,4% вместо 29,6% при доле пожилых людей после 65 лет. Если сравнивать прогнозы ООН без учета миграции с прогнозами Федерального статистического ведомства с учетом незначительной миграции, то получается, что более высокая рождаемость без миграции дает примерно такую же высокую долю пожилых, как и СКР в 1,4%. Таким образом, для Германии можно утверждать, что доли пожилых при высоком СКР и медленном повышении продолжительности жизни при прочих равных ведут примерно к одинаковому результату. Неблагоприятное изменение доли пожилых с возрастной границей в 65 лет в сторону уменьшения остается при этом ниже показателя благоприятного варианта с возрастной границей в 60 лет [см.: Dorbritz, 2004]. Но прежде всего надо констатировать тот факт, что относительно фактического исходного уровня демографические воздействия миграции на изменение доли пожилых людей в общей численности населения очень незначительны.

Рисунок 22. Доля пожилых людей старше 65 лет в общей численности населения в Германии в 2005–2010 — 2045–2050 гг.

Источник: Федеральное статистическое ведомство 2003 (варианты с 1 до 9) и UN World Population Prospects 2004 (средний вариант без миграции), собственные расчеты.

Эта общую взаимосвязь подтверждают и оценки ООН 1998 г. по поводу вклада различных факторов в процесс старения населения. В индустриальных странах наиболее значимым фактором является исходная возрастная структура населения, затем следует повышение продолжительности жизни. Растущая рождаемость и приросты от миграции оказывают незначительное влияние на увеличение доли пожилых людей. (Например, рост доли населения в возрасте старше 60 лет в период между 2000 и 2050 гг.: +12,9%, из них –1,7% рождаемости, +4% смертности, –2,2% миграции и +12,8% возрастной структуры населения. UN Population Division, 2005: 17.)

7. МОДЕЛЬНЫЕ РАСЧЕТЫ ООН ПО ЗАМЕЩАЮЩЕЙ МИГРАЦИИ

В 2001 г. Отдел народонаселения ООН дополнительно к модельным расчетам *World Population Prospects* предложил целый ряд модельных расчетов, которые в сравнении со средним вариантом с учетом (вариант 1) и без учета (вариант 2) миграции на основании данных 2000 г. имеют целью показать изменения в определенных демографических параметрах. В итоге третий вариант этих целевых расчетов, основанный на пятилетии 1995–2000 гг., дает постоянную общую численность населения; четвертый вариант — постоянную численность населения в возрасте от 15 до 64 лет; пятый вариант — отношение возрастной группы 15–64-летних к возрастной группе 65-летних и старше (индекс поддержки с порога 65 лет) в пределах не меньше чем 3, и шестой вариант — постоянный индекс поддержки с границей в 65 лет, который в каждой стране имеет различный исходный уровень. Рассчитанные на основе этих сценариев иммиграционные сальдо для США, Японии, Германии и Франции для периода с 1995–2000 гг. по 2045–2050 гг. представлены в табл. 3.

Таблица 3. Прогнозы замещающей миграции для сценариев I–VI для США, Японии, Германии и Франции с 1995–2000 по 2045–2050, в тыс. в год (модельные расчеты ООН)

Период	I	II	III	IV	V	VI
США						
1995–2000	760	0	0	0	0	37
2000–2005	760	0	0	0	0	–13
2005–2010	760	0	0	0	0	3620
2010–2015	760	0	0	0	0	10741
2015–2020	760	0	0	833	0	14869
2020–2025	760	0	0	1322	0	17751
2025–2030	760	0	0	1007	6063	14715
2030–2035	760	0	49	161	2916	7369
2035–2040	760	0	301	–203	0	5748
2040–2045	760	0	441	–37	0	13570
2045–2050	760	0	486	512	0	30144
Итого в 1995–2050	41800	0	6384	17967	44892	592757
Япония						
	I	II	III	IV	V	VI
1995–2000	0	0	0	231	0	5990
2000–2005	0	0	0	517	0	5674
2005–2010	0	0	27	818	341	6224
2010–2015	0	0	234	1056	4871	7831
2015–2020	0	0	387	483	2094	3854
2020–2025	0	0	459	200	204	2335
2025–2030	0	0	473	407	303	5895
2030–2035	0	0	472	707	1151	12766
2035–2040	0	0	472	1070	3255	20543
2040–2045	0	0	464	745	3162	20776
2045–2050	0	0	440	465	3588	18811
Итого в 1995–2050	0	0	17141	33487	94837	553495
Германия						
	I	II	III	IV	V	VI
1995–2000	240	0	130	176	0	1398
2000–2005	240	0	215	417	0	3251
2005–2010	200	0	268	334	0	1879
2010–2015	200	0	286	294	0	806
2015–2020	200	0	301	578	1056	2081
2020–2025	200	0	325	740	2100	3347
2025–2030	200	0	357	896	2837	5646
2030–2035	200	0	399	747	2103	6462
2035–2040	200	0	422	287	0	4718
2040–2045	200	0	432	213	0	4016
2045–2050	200	0	431	360	0	4096
Итого в 1995–2050	11400	0	17838	25209	40481	188497
Франция						
	I	II	III	IV	V	VI
1995–2000	40	0	0	0	0	842
2000–2005	30	0	0	0	0	333
2005–2010	20	0	0	0	0	219
2010–2015	10	0	0	179	0	1934
2015–2020	5	0	0	207	0	1988
2020–2025	0	0	0	182	783	1937
2025–2030	0	0	6	155	1064	2002
2030–2035	0	0	42	113	811	2046

Таблица 3. Окончание

Период	I	II	III	IV	V	VI
2035–2040	0	0	70	117	546	2204
2040–2045	0	0	86	54	0	2057
2045–2050	0	0	91	86	3	3196
Итого в 1995–2050	525	0	1473	5459	16037	93794

I: Средний вариант *UN Population Prospects 2000* — ревизия; II: Средний вариант *UN Population Prospects 2000* — ревизия без миграции; III: Постоянная общая численность населения; IV: Постоянная общая численность населения возрастной группы 15–64-летних; V: соотношение 15–64-летних к 65-летним и старше не меньше чем 3; VI: Постоянное соотношение 15–64-летних к 65-летним и старше

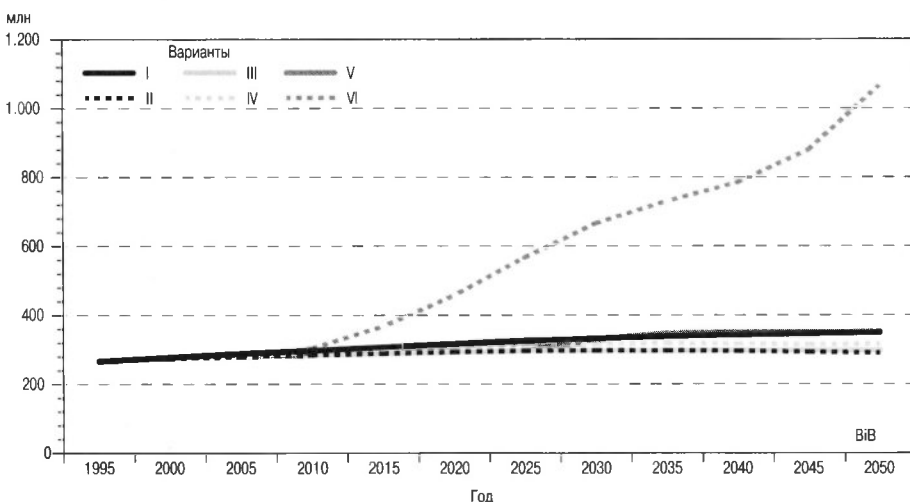
Источник: UN, 2001: 114сс, 118сс, 126сс и 142сс.

Следует обратить внимание на то, что расчеты по модели «замещающей миграции» не претендуют на отражение реальных миграционных процессов. Прогнозы сильно упрощены, чтобы облегчить межстрановой сравнительный анализ. При этом, например, модели строятся на упрощенном допущении, что структура миграции по возрасту и полу соответствует нынешней структуре миграции в классические страны иммиграции (например, в США), а при анализе рождаемости исходят, как правило, из заведомо более низкого ее уровня в принимающей стране, то есть предполагают допущения, которые, скажем, для Европы почти неправдоподобны. Кроме того, из расчетов следует, что иммиграция смоделирована таким образом, что в среднем сценарии заданные показатели для вариантов с третьего по шестой будут реализованы в каждый из пятилетних периодов. Это предопределяет существенные колебания необходимых иммиграционных сальдо, приведенных в *таблице 3*. Таким образом, из модельных расчетов по «замещающей миграции» принципиально невозможно получить данные о возможных типах «демографически оптимизированного» управления иммиграцией для компенсации демографических изменений в индустриальных странах. В силу этих предположений и методики модельных расчетов показатели иммиграции определенно выше, чем дали бы расчеты, имеющие своей целью снижение иммиграции при одновременной оптимизации положительного миграционного влияния на демографическую динамику.

Рисунки 23–30 показывают изменение общей численности населения и коэффициентов демографической нагрузки в США и Японии, Германии и Франции в 1995–2050 гг. по шести различным вариантам модельных расчетов для модели «замещающей миграции». Как видно из *табл. 3*, очень высокие иммиграционные сальдо, которые были бы необходимы для поддержания коэффициента поддержки на постоянном уровне, в IV варианте для всех стран дают очень высокий рост численности населения до 2050 г. В итоге показатели численности населения в 2050 г. таковы, что сценарий, согласно которому коэффициент поддержки остается неизменным, абсолютно нереалистичен. В других сценариях показатели численности населения для США не слишком различаются и дают максимальный рост численности населения в пределах около 350 млн — по V варианту (+32%). Другими словами, средний вариант UN Population Prospects и V вариант, в котором коэффициент поддержки не ниже 3, практически идентичны. Сценарии, предполагающие более низкую иммиграцию, дают в итоге для США по самому неблагоприятному второму варианту, т.е. без учета миграции, коэффициент поддержки 2,57.

Для Японии V вариант ведет почти к удвоению численности населения до 229 млн (+82%). Без иммиграции коэффициент поддержки снизит-

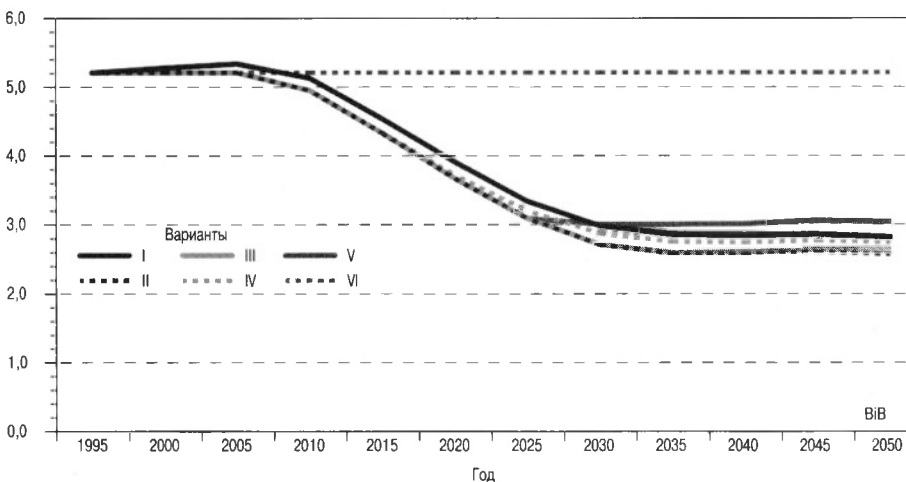
Рисунок 23. Общая численность населения по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для США в 1995–2050 гг.

*Миграционные предположения по сценариям с I по VI; ср.: табл. 3.

Источник: UN, 2001: 142сс.

Рисунок 24. Коэффициент поддержки по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для США в 1995–2050 гг.

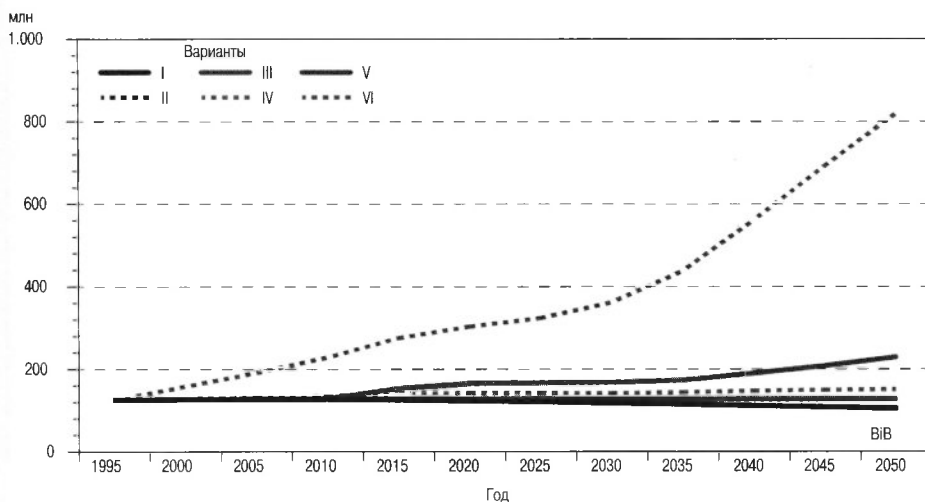
*Миграционные прогнозы по сценариям с I по VI, ср.: табл. 3.

Источник: UN, 2001: 142сс.

ся до 1,7 (варианты I и II). Если иммиграционный приток составит 17 млн (III вариант), этот показатель упадет до 2,1; при иммиграционном притоке 33 млн (IV вариант) — до 2,2, и по V варианту, предполагающему коэффициент поддержки 3, была бы необходима иммиграция, составляющая 95 млн, то есть примерно по 1,7 млн в среднем для 1995–2050 гг.

Для Германии по среднему варианту ООН варианты I и II, с учетом без учета миграции соответственно, дают спад численности населения 2050 г. с 82 млн до 73 или до 59 млн жителей. Варианты III, IV и V, предусматривающие объем иммиграции соответственно 18, 25 и 40 млн человек и обеспечивающие в 1995–2050 гг. миграционный прирост соответственно в 320 тыс., 460 тыс. и 740 тыс. человек в год в среднем, в итоге обеспечива

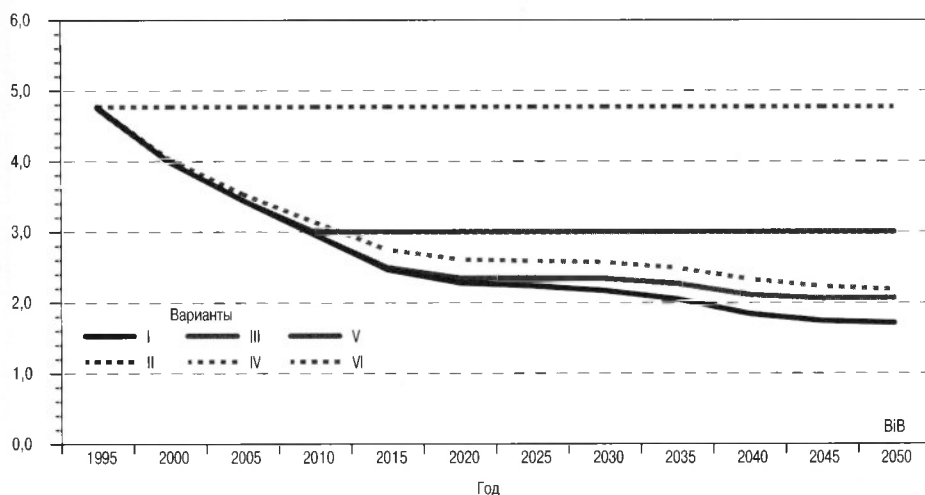
Рисунок 25. Общая численность населения по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для Японии в 1995–2050 гг.

*Миграционные предположения по сценариям с I по VI; ср.: табл. 3.

Источник: UN, 2001: 126 сс.

Рисунок 26. Коэффициент поддержки по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для Японии в 1995–2050 гг.

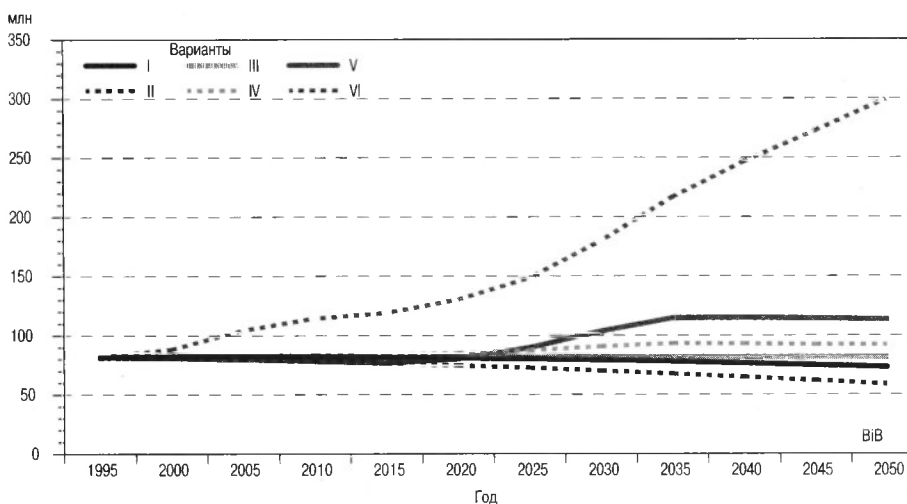
*Миграционные предположения по сценариям с I по VI; ср.: табл. 3.

Источник: UN, 2001: 126 сс.

показатели численности населения от 92 до 113 млн жителей. При этом коэффициенты поддержки составляют 2,3, 2,4 и 3,1. Без миграции этот показатель упал бы до 1,8.

Для Франции средние варианты ООН, с миграцией и без нее (варианты I и II), а также вариант III приводят к росту численности населения соответственно от 59 до 61 млн человек в 2050 г. против 58 миллионов в 1995 г. Коэффициент поддержки снижается в этих вариантах модельных расчетов примерно до 2,3. Варианты IV и V с коэффициентом поддержки в 2,5 или 3 показывают значения общей численности населения в 67 или 83 млн жителей (+17%, или 41%). Сценарии для Франции прогнозируют более низкие по сравнению с Германией миграционные сальдо, составляющие 5,5, или 16 млн мигрантов.

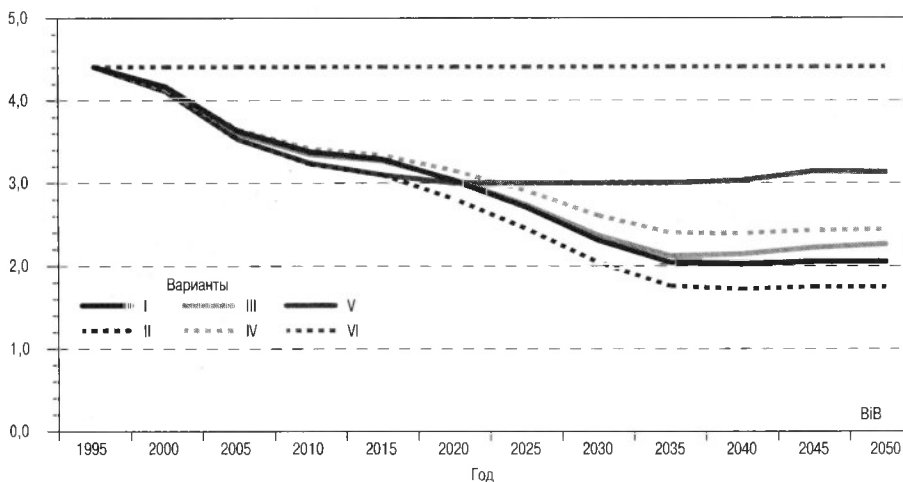
Рисунок 27. Общая численность населения по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для Германии в 1995–2050 г.

*Миграционные прогнозы по сценариям с I по VI; ср.: табл. 3.

Источник: UN, 2001: 118 сс.

Рисунок 28. Коэффициент поддержки по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для Германии в 1995–2050 г.

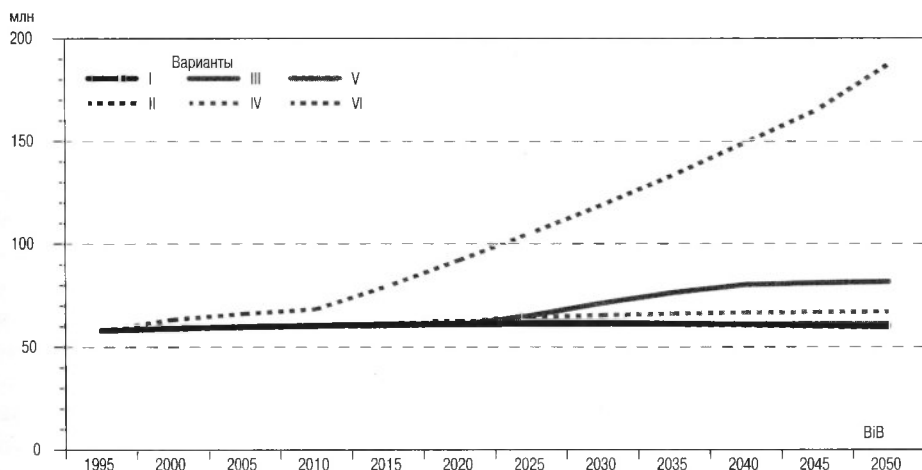

*Миграционные прогнозы по сценариям с I по VI; ср.: табл. 3.

Источник: UN, 2001: 118 сс.

Межстрановые сравнения показывают, что США и Франция — страны со сравнительно высоким СКР, который, по предположениям ООН, снизится до 1,85, даже без учета миграции, а также с миграцией примерно нынешнего уровня (варианты I и II) — будут иметь небольшой прирост численности населения. При этих условиях коэффициенты поддержки там снизятся к 2050 г. до 2,6–2,8, или до 2,3. Для сохранения постоянной численности трудоспособного населения необходима иммиграция, которая в случае США даже меньше, чем предполагается по среднему варианту ООН (вариант I). Для Франции требуется примерно 5,5 млн мигрантов, то есть миграционный прирост должен составлять не менее 207 тыс. человек в год в 2015–2020 гг. Для США коэффициент поддержки при этих условиях снизится до 2,7, что чуть хуже, чем в сред-

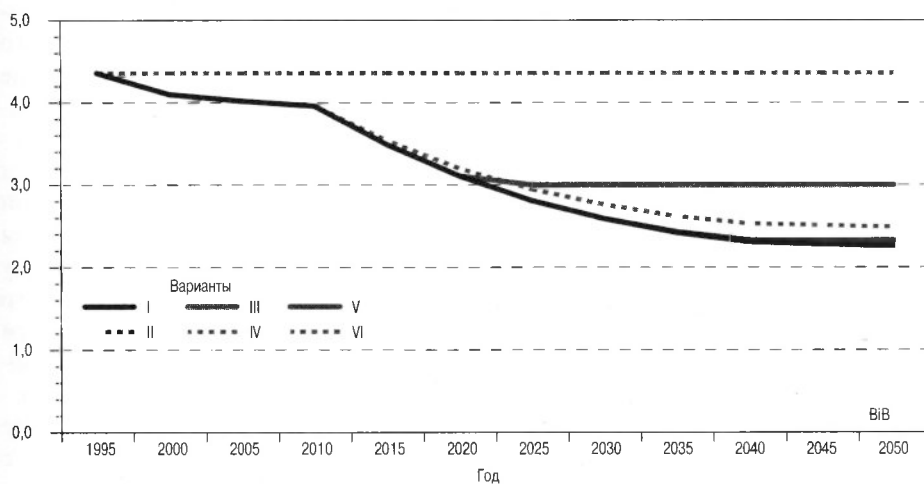
Рисунок 29. Общая численность населения по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для Франции в 1995–2050 гг.

*Миграционные прогнозы по сценариям с I по VI; ср. табл. 3.

Источник: UN, 2001: 114 сс.

Рисунок 30. Коэффициент поддержки по сценариям I–VI* модельных расчетов ООН по замещающей миграции для Франции в 1995–2050 гг.

*Миграционные прогнозы по сценариям с I по VI; ср. табл. 3.

Источник: UN, 2001: 114 сс.

варианте I, а для Франции — до 2,5, что чуть лучше, чем в среднем варианте I. В Германии и Японии, а это страны уже долгое время имеющие низкий СКР, численность населения снизится по I и II вариантам: в Германии с 82 до 73 млн (–10%) или до 59 млн (–28%); в Японии с 125 до 105 млн (–16%). Коэффициент поддержки сократится в Германии до 2,1 или 1,8, а в Японии до 1,7. В варианте III эти показатели достигнут в Германии 2,3 и в Японии 2,1, с общим миграционным приростом, составляющим 18 или 17 млн. В IV варианте с постоянной численностью трудоспособного населения коэффициент поддержки в обеих странах, составляющий соответственно 2,4 и 2,2, ниже сопоставимых показателей США и Франции, правда, при нереальных иммиграционных сальдо, составляющих 40 или 95 млн мигрантов, и ростом численности населения по сравнению с 1995 г., составляющим 10 или 25 млн жителей.

Экспертная группа Отдела народонаселения ООН в 2005 г. приходит к выводу, что при падении рождаемости старение населения неизбежно и не следует рассчитывать, что миграции приостановят процесс старения населения (UN Population Division, 2005: 15/16).

8. ОБОБЩАЮЩИЕ ВЫВОДЫ

В статье отмечено, что международная миграция характерна не только для индустриальных стран. Независимо от оценки экономических и общественных последствий эмиграции для стран-доноров, которые являются здесь объектом для обсуждения, прогнозные расчеты Отдела народонаселения ООН показывают, что демографические последствия эмиграции для развивающихся стран не очень существенны. И динамика численности населения, и медианный возраст, и коэффициент демографической поддержки в развивающихся странах едва ли изменятся, если в модельных расчетах на перспективу не учитываются миграционные потери. Для развивающихся стран прежде всего имеет значение величина СКР, на основе которого стоят оценки снижения рождаемости в будущем. Медленное снижение СКР дает существенный дополнительный рост численности населения, более умеренный рост медианного возраста и менее выраженные демографические дивиденды.

Для индустриальных стран более высокий, по сравнению со средним вариантом модельного расчета, СКР приводит к еще более быстрому росту населения, а без миграции — к сокращению его численности. Для медианного возраста более высокий СКР дает к концу горизонта прогнозов увеличение доли молодых возрастных групп в общей численности населения, а без миграции — ускорение процесса демографического старения. В случае с коэффициентом демографической нагрузки, напротив, рассмотренные варианты почти не отличаются друг от друга, и этот коэффициент явно растет. Между Северной Америкой и Европой различия в прогнозах выражаются в том, что миграция для Северной Америки по сравнению с Европой ведет к более значительному отклонению прироста общей численности и медианного возраста от среднего варианта, чем более высокий СКР, который для Северной Америки в среднем варианте находится ближе, чем в Европе, к уровню, необходимому для сохранения численности трудоспособного населения. Кроме того, в отношении коэффициента нагрузки Северная Америка якобы переживает в среднем варианте самый минимальный прирост, меньший, чем в вариантах без миграции или с более высокой рождаемостью, что является следствием такого уровня рождаемости, который обеспечивает сохранение популяции и соответствующей возрастной структуры населения. Германия демонстрирует сравнимые с другим индустриальными странами показатели. Германия, как и Япония, уже в течение десятилетий демонстрирующие низкую рождаемость, имеет такую возрастную структуру населения, которая в будущем обеспечит очень высокий удельный вес лиц старше 60 или 65 лет в структуре населения и приведет к быстрому росту коэффициента демографической нагрузки. В отличие от США и Франции расчеты ООН по модели «замещающей миграции» показывают, что для Германии (как и для Японии) требуются более высокие объемы иммиграции для оптимизации коэффициента демографической поддержки. Повышение рождаемости, которая в долгосрочной перспективе обеспечила бы улучшение ситуации, в более краткосрочной перспективе ведет к росту общего коэффициента нагрузки.

Подводя итоги можно заключить, что статистические данные и представленные модельные расчеты доказывают тесную взаимосвязь основны

демографических компонентов. Чем сильнее и, прежде всего, чем быстрее снижается рождаемость, тем более явно проявляется U-образное изменение коэффициента зависимых «демографических дивидендов». Возрастная структура населения, находящаяся под влиянием демографических событий прошлого, в силу демографической инертности заметно влияет на изменение численности населения в будущем. Подъем «демографических дивидендов» в конце периода не может быть полностью компенсирован за счет нового подъема рождаемости, а также за счет иммиграции. Следующий за падением рождаемости беспрецедентно низкий коэффициент демографической нагрузки является прямым результатом этого спада, но не устойчивым изменением. При введении полностью распределительной пенсионной системы в этот период не были учтены представленные в данной работе закономерности, согласно которым «демографические дивиденды» представляют собой всего лишь ограниченный во времени промежуток благоприятного соотношения численности трудоспособного и нетрудоспособного населения.

Вызовы, которые обусловлены ограниченностью временного горизонта «демографических дивидендов» и неизбежным старением населения в странах с низкой рождаемостью, ставят перед индустриальными и еще больше перед развивающимися странами серьезные задачи (UN Population Division, 2005: 35). «Процесс быстрого старения населения формирует новые вызовы адаптации общества к беспрецедентной ситуации и требует формирования артикулированной социальной политики ослабления и выравнивания [последствий этого демографического процесса] в различных сферах, включая здравоохранение и систему пенсионного обеспечения» (UN Population Division, 2005: 2–3).

ЛИТЕРАТУРА

- Bähr, J.* Internationale Wanderungen in Vergangenheit und Gegenwart // Geographische Rundschau. 1995; 47: 398–404
- Bähr, J.* Bevölkerungsgeographie. 4. Aufl. — Stuttgart: UTB, 2004.
- Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung (BiB).* Ergebnisse der Population Policy Acceptance Study (DIALOG-PPAS). — Wiesbaden: BiB, 2005.
- Bloom, D.E., Canning, D., Sevilla, J.* The Demographic Dividend. — Santa Monica. Rand. 2003.
- Bongaarts, J.* Population Aging and the Rising Cost of Public Pensions // Population and Development Review. 2004; 30 (1): 1–23.
- Burgers, J., Engbersen, G.* Globalisation, Migration, and Undocumented Immigrants // New community. 1996; 22: 619–635.
- Champion, A.G.* International Migration and Demographic Change in the Developed World // Urban Studies. 1994; 31: 653–677.
- Dorbritz, J.* Demographische Trends und Hauptergebnisse der deutschen Population Policy Acceptance Study (PPAS) // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 2004; 29 (3–4): 315–328.
- Global Commission on International Migration (GCIM).* Migration in an Interconnected World. — NY: GCIM, 2005.
- Haub, C.* Dynamik der Weltbevölkerung 2002. — Berlin: Balance Verlag, 2002.
- Haug, S.* Klassische und neuere Theorien der Migration. MZES Arbeitspapiere, H. 30. — Mannheim: MZES, 2000a.
- Haug, S.* Soziales Kapital und Kettenmigration. Schriftenreihe des Bundesinstituts für Bevölkerungsforschung, Bd. 31. — Wiesbaden: Leske + Budrich, 2000b.
- Kelley, A.C.* The Population Debate in Historical Perspective // Birdsall, Nancy et al. (Hrsg.): Population Matters. — Oxford—NY: Oxford, 2001: 24–54.

- King, R. European International Migration 1945–1990 // King, R. (Hrsg.): Mass Migration in Europe. — Chichester u.a.: Wiley, 1995: 19–39.
- Lucas, R.E.L. International Migration Regimes and Economic Development. Third Coordination Meeting on International Migration. UN Population Division 27–28. Oct. 2004. — NY: UN, 2004.
- Mammey, U. Europa im Fokus internationaler Migration // Geographische Rundschau. 2001; 53: 32–38.
- Massey, D.S. et al. Theories of International Migration. In: Population and Development Review. 1993; 19: 431–466.
- Population Reference Bureau (PRB). Transition in World Population // Population Bulletin. 2004; 59 (1).
- Salt, J. A Comparative Overview of International Trends and Types, 1950–1980 // International Migration Review. 1989; 23: 431–456.
- Salt, J. Current Trends in International Migration in Europe. — Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2003.
- Schulz, R., Swiaczny, F. Bericht zur demographischen Lage in der Welt 2005 // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 2004; 30 (4) (in Vorbereitung).
- Swiaczny, F. Internationale Migration — Der Mittelmeerraum als Quell- und Zielgebiet: Gastarbeiterwanderung und illegale Immigranten. In: Massala, Carlo (Hrsg.): Der Mittelmeerraum — Brücke oder Grenze? Schriften des Zentrums für Europäische Integrationsforschung, Bd. 48. — Baden-Baden: Nomos, 2002; 74–109.
- Swiaczny, F. Aktuelle Trends der internationalen Wanderung in die Industrieländer // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 2003; 28 (2–4): 243–262.
- Swiaczny, F. Aktuelle Aspekte des Weltbevölkerungsprozesses. Materialien zur Bevölkerungswissenschaft, H. 117. Wiesbaden: BiB, 2005 [online: www.bib-demographie.de]
- UN Population Division. The Diversity of Changing Population Age Structures in the World. UN Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structure. UN Population Division 31. August bis 28. September 2005. — NY: UN, 2005.
- UN Population Division. World Population Ageing 1950–2050. — NY: UN, 2002.

Источники данных

- Со времени выхода в свет данной статьи появились новые источники данных, имеющие отчасти более детальные сведения. См.:
- UN Population Division [<http://www.un.org/esa/population/unpop.htm>];
- Statistisches Bundesamt [<http://www.destatis.de>].
- Council of Europe. Recent Demographic Developments in Europe. — Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2004.
- IOM. World Migration 2005. — Geneva: IOM, 2005.
- OECD. Trends in International Migration 2004. — Paris: OECD, 2005.
- Statistisches Bundesamt (StBA). Bevölkerung Deutschlands bis 2050. 10. koordinierte Bevölkerungsvorausberechnung. — Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2003.
- UN, 1997. World Population Monitoring 1997: Issues of International Migration and Development. — NY: UN, 1997.
- UN, 1999: World Population Monitoring 1999: Population Growth, Structure and Distribution. — NY: UN, 1999.
- UN, 2001: Replacement Migration. Is it a Solution to Declining and Ageing Populations? — NY: UN, 2001.
- UN, 2002: International Migration Report 2002. — NY: UN, 2002.
- UN, 2004: World Economic and Social Survey 2004. International Migration. — NY: UN, 2004.
- UN, 2005: World Population Prospects. The 2004 Revision. Highlights und CD-ROM. — NY: UN, 2005.
- UNFPA, 1996: Migration, Urbanization and Development: New Directions and Issues. — Dordrecht: Kluwer, 1996.
- UNFPA, 2004: Weltbevölkerungsbericht 2004. — Hannover: DSW, 2004.
- UNDP, 2005: Human Development Report. — NY: UN, 2005.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЮАР В 1994—2006 гг.

Ю.С. Скубко, к. э. н.

Г.В. Шубин, к. и. н.

Центр исследований юга Африки Института Африки РАН

Ликвидация системы апартеида («раздельного развития рас», а по существу расовой дискриминации и сегрегации) в результате достигнутого в 1994 г. политического компромисса завершила период длительной международной политической и экономической изоляции Южно-Африканской Республики. Это изменение политической системы стало возможно только потому, что стороны-участники конфликта (господствующее белое меньшинство и национально-освободительные движения угнетенного большинства) пошли на существенные уступки друг другу, достигнув национального примирения¹. Таким образом, потенциал ведущей в экономическом отношении страны Африки, единственной на континенте страны с развитой рыночной экономикой, с 1994 г. мог быть задействован для преодоления огромного социального неравенства между различными расово-этническими группами южноафриканского населения, улучшения условий и качества жизни ранее угнетенного черного большинства.

Этому способствуют сохраняющаяся пока устойчивость институтов политической демократии (успешное проведение уже трех свободных общенациональных нерасовых выборов: в 1994, 1999 и 2004 гг.) и гражданского общества, климат национального примирения, уважения к гражданским свободам, сравнительная подконтрольность и не очень высокая, по африканским меркам, коррумпированность бюрократии², а также реальная независимость судопроизводства при достаточно высоком уровне развития экономики (ВВП на душу населения — 3,6 тыс. долл. США в 2005 г., что соответствует показателям среднеразвитых стран) и инфраструктуры, — положение совершенно уникальное для Африки. Все эти элементы вызревали в государстве (и здесь надо отдать ему должное) хоть и не всеобщего, а ограниченного в основном белым населением благоденствия, сформировавшегося на основе внутреннего колониализма и апартеида в XX в., но чем-то напоминавшего античные рабовладельческие демократии.

Вместе с тем, несмотря на значительную активизацию государственной социальной политики и расширение ее ресурсной базы, изменения в социальной сфере в ЮАР идут достаточно медленно и болезненно. Южная Африка остается страной с резко поляризованной социальной структурой и, несмотря на энер-

¹ Для характеристики бережно сохраняемого климата национального примирения в ЮАР достаточно привести следующий пример. В 2006 г. умер мирно доживавший свой век в демократической ЮАР «южноафриканский Пиночет», бывший президент Питер Бота, осуществлявший в 1980-е гг. жестокие репрессии (сравнимые с чилийскими) в рамках режима чрезвычайного положения, в последней попытке спасти режим апартеида. Нынешний президент ЮАР и лидер воевавшего с Ботой Африканского национального конгресса Табо Мбеки объявил национальный траур и приказал похоронить экс-президента со всеми государственными почестями, что было встречено обществом с полным пониманием.

² Согласно «Международному индексу коррупции 2005», ЮАР занимала 49-е место среди 159 стран с индексом коррумпированности в 4,5 из 10 возможных.

гичные усилия политического руководства, направленные на исправление существующих дисбалансов в общественном устройстве (только на образование здесь тратится около 20% бюджетных средств, или 6% ВВП) и ускорение экономического роста, здесь, как отмечает российский африканист Л.А. Демкина, происходит такое явление, как «сползание в состояние развивающейся страны», проявляющееся в росте безработицы, увеличении неформального сектора экономики и криминализации общественной жизни [Л.А. Демкина, 2006. С. 140].

Следует особо подчеркнуть, что правительство во главе с Африканским национальным конгрессом (АНК) унаследовало тяжелейшие проблемы, связанные с формированием в Южной Африке в течение длительного периода колониализма особого типа, когда высокоразвитая метрополия и слабо развитая колония сосуществуют в единой стране. Одной из таких проблем является неподготовленность подавляющего большинства африканской части южноафриканского населения к «полноценному участию и вхождению в современное общество (экономику, политику и социальную сферу), обусловленная всем предыдущим колониально-расистским порядком» [Л.А. Демкина, 2006. С. 140].

Здесь уместно заметить, что симптомы «вползания в третий мир» наблюдаются не только в ЮАР или, скажем, посткоммунистических государствах бывшего СССР с их социальной неустойчивостью, массовой безработицей, пауперизацией значительных, в том числе средних слоев населения, неадекватностью систем социальной защиты и образования, бегством квалифицированных кадров и капиталов и т.п., но и, хотя пока еще в значительно меньшей мере, в ряде вполне еще недавно считавшихся благополучными высокоразвитых стран Запада (вспомним прошлогоднюю волну насилия и вандализма во Франции), которым бывшие колонии «мстят», «переезжая» легально и нелегально на их территорию и образуя многомиллионные и быстро растущие иммигрантские общины, отягощенные всеми социально-экономическими проблемами депрессивных регионов Африки, Азии и Латинской Америки.

Возвращаясь к проблемам ЮАР, отметим серьезные трудности переживаемые ее экономикой в переходный период. С одной стороны, южноафриканская экономика, опирающаяся на свои богатейшие минеральные ресурсы начиная со Второй мировой войны быстро развивалась, завершая процесс индустриализации, за счет импортозамещающих технологий (до какого-то определенного времени импортозамещение стимулировали и международные санкции против режима апартеида) и, обладая обширной ресурсной базой, способна была сравнительно легко переносить экономические кризисы. Это стало одной из основных причин ее сравнительной устойчивости и в постапартеидный период, в частности в последние двенадцать лет. Но, с другой стороны, с исчерпанием резервов для экстенсивного роста постепенно накапливались «факторы торможения» развития. Нарастивание производства и экспорта высокотехнологичными отраслями обрабатывающей промышленности стало сдерживаться как низкой квалификацией основной (африканской) части рабочей силы, так и ужесточившимися с каждым годом международными санкциями. Снижился приток иностранных инвестиций. Повлияло и то, что главным экспортным товаром долгое время являлось золото, добыча которого в связи с истощением золотоносных пластов и падением мировых цен сокращалась, а себестоимость его добычи делала во многих случаях эксплуатацию шахт нерентабельной.

Проблемы в экономике обострились еще в 1970-е гг., когда после нескольких десятилетий быстрого экономического развития, подъем сменился застоем. Стала расти безработица, среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в 1974–1998 гг. не превышали 1,5%, при этом население возрастало, по

меньшей мере, на 2,5% ежегодно (в последнее десятилетие этого периода прирост населения снизился до 2% в год, что более чем «компенсировалось» возросшей нелегальной иммиграцией) [South Africa Foundation Review, 1994. P. 2.]. Не удалось избежать значительного роста инфляции и увеличения внешнего долга.

Политическое урегулирование в 1994 г. способствовало определенному экономическому оздоровлению: резко уменьшилось число забастовок, капитал перестал бояться национализации, менеджмент и предприниматели убедились, что в ближайшие годы им ничего не грозит, поскольку незыблемость частной собственности была прописана отдельной строкой в конституции новой ЮАР, исчезли панические настроения, и капиталовложения перестали, по крайней мере прежними темпами, «убегать» из страны. Было устранено большинство экспортных барьеров, в первую очередь с главным внешнеторговым партнером ЮАР — Европейским экономическим сообществом. Заработали механизмы регионального сотрудничества и началась экспансия южноафриканского капитала в Африку. Но наконец-то наступивший в первые годы XXI в. экономический подъем сказался на положении лишь 15–20% населения. Что же касается уровня и качества жизни основной массы черного африканского большинства, то тут, несмотря на значительное увеличение социальной помощи государства, положение было и остается крайне неблагоприятным на фоне сравнительно благополучных макроэкономических показателей по стране в целом (в текущем десятилетии среднегодовые темпы прироста ВВП превышают 3%, причем в последние четыре года составляют около 5%). Около 45% населения остается за чертой бедности (в основном африканцы). Не могли не сказаться на качестве жизни в стране беспрецедентный рост преступности и пандемия СПИДа (по этим незавидным показателям Южная Африка также держит первенство).

Неравенство в доходах в Южной Африке было одним из самых значительных в мире, что усугубляло социальную напряженность в стране и способствовало криминализации общества. На 10% населения в 1990-е гг., как и в 1970-е, приходилось свыше 50% национального дохода. Коэффициент Джини, используемый в международной практике как показатель неравенства в доходах (от нулевого неравенства до максимального, выражаемого единицей) в ЮАР в 1996 г. был равен 0,58 — выше показатель неравенства был только в Бразилии, хотя в 1970–1996 гг. пятнадцатикратный разрыв между средними доходами белого и черного жителей ЮАР сократился всего лишь до девятикратного [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 2001. Vol. 14. January.].

Итак, новому правительству ЮАР досталось очень непростое наследство, обусловленное исторической спецификой ее развития (территориальная неразделенность метрополии и колонии и, соответственно, двухсекторная экономика) и для преодоления глубокого социально-экономического неравенства в стране после первых нерасовых выборов в 1994 г. была принята комплексная государственная Программа реконструкции и развития — PRP (Reconstruction and Development Program — RDP).

Из множества проблем, стоящих перед южноафриканским обществом, PRP выделяет четыре ключевых:

- удовлетворение первоочередных нужд населения;
- использование человеческих ресурсов;
- развитие экономики;
- демократизация государства и общества.

Главной из этих задач была признана первая. В Программе сделан упор на сокращение разрыва в уровне жизни между белыми и небелыми (африканцами, цветными и индийцами), увеличение социальной помощи бедней-

шим слоям населения и повышение качества жизни: решение острой жилищной проблемы, обеспечение доступа к медицинскому обслуживанию, образованию и даже, не в последнюю очередь, к сносной питьевой воде и электроснабжению. Намечались широкомасштабное строительство дешевых домов и электрификация черных поселков, в которых проживала большая часть населения страны, а также создание новых рабочих мест. Также предусматривалось значительно расширить доступ к образованию и медицинскому обслуживанию для большинства населения.

В задачи ПРР входило (в течение 5 лет):

- обеспечить 3 млн человек питьевой водой;
- электрифицировать 3 млн домов;
- построить 1 млн дешевых жилых домов [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 1996].

ПРР базировалась на стратегии основных нужд, ставшей приоритетной для многих стран третьего мира в последние десятилетия XX в. Для ЮАР, чья экономика была и остается в основном в руках белого меньшинства, такой переход был крайне необходим для возможно быстрого улучшения обусловленных апартеидом тяжелых условий существования черного населения. В этом была ценность ПРР и заслуга ее составителей — руководства АНК во главе с первым президентом демократической ЮАР Нельсоном Манделой.

Но все или почти все упиралось в проблему занятости черного населения, без хотя бы частичного разрешения которой сложно было содержать построенную или строящуюся инфраструктуру, поскольку безработному нечем платить за электричество и воду (крошечных пособий едва хватает на пропитание). Создание и содержание инфраструктуры требовало больших средств, а это было напрямую связано с ростом экономики.

Через полтора года с момента принятия в ноябре 1994 г. ПРР некоторые предварительные результаты ее осуществления были рассмотрены в исследовании «Южная Африка. Богатство, нищета и реконструкция», в котором особо отмечалось сохранение крайне большого числа бездомных. Реальный экономический рост происходил в тех отраслях, где почти не создавались новые рабочие места. Достижения оказались далеки от ожидаемых южноафриканцами, ведь одной из главных задач ПРР являлось быстрое увеличение числа рабочих мест [Ibid].

Таким образом, становилось ясно, что сам по себе экономический рост автоматически не вел к уменьшению безработицы, наоборот, количество рабочих мест сокращалось, поскольку современная экономика растет не за счет экстенсивного — количественного — роста рабочей силы, а за счет качества и увеличения производительности труда.

Зачастую деньги, выделенные на ПРР самим государством, по разным причинам не были израсходованы или ушли в песок. А на обещанную ранее финансовую помощь от развитых стран было мало надежд. Для примера: в 1995 г. правительство заявило, что ему обещали 7,5 млрд рандов, но из этой суммы лишь 2,7 млрд предоставили в качестве помощи или кредита под низкий процент, а остальную сумму — в виде займов под более высокий процент [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 1996]. Несмотря на многочисленные обещания, первый заем Всемирного банка для ЮАР на сумму 340 млн рандов для развития мелких и средних предприятий был получен только в 1997 г. [Bond P., 2000].

Иначе говоря, богатые развитые страны, чьи компании больше ста лет получали огромные прибыли от эксплуатации минеральных ресурсов и дешевой черной рабочей силы на юге Африки, не спешили оказать помощь в переустройстве экономики ЮАР и перераспределении доходов.

Следует особо подчеркнуть, что по ПРР все же были достигнуты определенные успехи в электрификации черных поселков, водоснабжении и детском здравоохранении. Но программа строительства дешевых домов первое время не выполнялась. В целом выполнение строительно-эксплуатационных задач ПРР вместо пяти лет растянулось на целое десятилетие, не принеся существенных прорывов в решении социальных проблем, но позволив избежать серьезных потрясений в обществе. К 2005 г. было построено более миллиона и электрифицировано 3,5 млн домов (2,9 млн наиболее бедных домохозяйств получают его бесплатно), 90% населения было обеспечено отвечающим санитарным нормам водоснабжением (3,9 млн наиболее бедных домохозяйств получили воду бесплатно), а строительство за десятилетие 65 тыс. новых классов позволило отказаться от «уроков в тени деревьев» [Budget speech 2006 by Minister of finance Trevor Manuel, 2006]. При этом Программа до самого недавнего времени не обеспечивала создания необходимого числа рабочих мест. Нарастание безработицы шло из двух источников: за счет молодежи, приходившей на рынок труда, и за счет сокращаемых рабочих и служащих государственных и частных компаний, уменьшавших тем самым издержки и увеличивавших прибыль и производство. А сравнительно низкий до последнего времени экономический рост, как уже говорилось, лишь способствовал увеличению армии безработных, перебивавшихся в лучшем случае случайными заработками и социальными грантами.

Руководителям страны в 1990-е гг. приходилось выбирать из двух зол — роста ВВП и одновременно внутренних цен или уменьшения инфляции за счет укрепления национальной валюты — ранда, но одновременно застоя в производстве. И они выбрали первое. В текущем десятилетии улучшение экономической конъюнктуры позволило обуздать инфляцию. В более широком контексте можно отметить, что руководству страны постоянно приходится делать выбор между требованиями широких масс африканского населения улучшить их положение и соображениями экономической целесообразности. Так, профсоюзное движение ЮАР, значительно более мощное и независимое, чем, например, в России, воспрепятствовало приватизации ряда государственных корпораций в ключевых отраслях экономики (она была проведена в очень урезанном виде), что повлекло бы, наряду с повышением эффективности их работы, значительное увеличение безработицы. В целом экономический курс постапартеидной ЮАР при всей своей социальной ориентированности характеризуется прагматичным сочетанием консервативных и интервенционистских мер, с большим искусством осуществляемых многолетним министром финансов Тревором Мануэлем.

Были приняты меры по оздоровлению экономики и повышению ее инвестиционной привлекательности: к началу текущего десятилетия уровень инфляции снизился с двузначных цифр до 3% в год, значительно уменьшился внешний долг, бюджет, ради ускорения развития и выполнения социальных программ, оставлен дефицитным, но в разумных пределах (до 4% ВВП в год), осуществлены налоговые реформы в целях стимулирования инвестиций и экспорта, снижен уровень бюрократического регулирования экономики (по оценкам Всемирного банка, ЮАР вошла в десятку стран с наиболее благоприятными условиями для бизнеса).

Интересно отметить, что за десять лет (с 1990 по 1999 г.) ЮАР существенно диверсифицировала свой экспорт. Так, на долю золота в 1990 г. приходилось 33,7% всего экспорта, а через девять лет этот показатель снизился до 16,3%. Промышленный экспорт за тот же период возрос с 9,2 до 23,6%. Основная причина (наряду с отменой международных санкций и снятием экспортных ограничений) — ослабление ранда, что оказывало существен-

ное влияние на рост ВВП в стране, поскольку слабый ранд содействовал экспорту [Sunday Times. 30 June 2000].

Во многом благодаря ослаблению ранда прирост производства шел практически во всех отраслях промышленности ЮАР, но темпы его оказались недостаточны для прекращения роста безработицы.

Позитивным моментом было то, что постепенно достигалось некоторое перераспределение доходов. Так, за 1990-е гг. общий доход африканцев вырос с 29,9 до 35,7% от совокупных доходов населения, в то время как доля белых снизилась с 59,9 до 51,9%. Правительство смогло существенно улучшить положение с электрификацией и водоснабжением в черных поселках и сделало первые шаги в решении жилищной проблемы, но не решалась самая жгучая проблема страны — безработица.

Хотя отведенные для выполнения ПРР сроки еще не вышли, к середине 1996 г. стало очевидно, что она не оправдала возлагавшихся на нее надежды, и фактически на смену ей пришла новая социально-экономическая стратегия — «Рост, занятость и перераспределение» (РЗП) (GEAR — Growth, Employment and Redistribution) [Growth, Employment and Redistribution. A Macroeconomic Strategy. 14 June 1996], предложенная АНК впервые 14 июня 1996 г. и через полтора года (в январе 1998 г.) одобренная и окончательно утвержденная правительством страны.

РЗП предусматривала (наряду с мерами по стимулированию деловой активности в целом) быстрое развитие мелкого и среднего производства, что должно было способствовать сокращению безработицы, повышению доходов самых обездоленных слоев и увеличению удельного веса черного предпринимательства не только в результате развития рыночных отношений, но и в результате государственной политики поощрения бизнеса представителей черного населения.

Одно из отличий РЗП от ПРР было в том, что в бюджетах конца 1990-х — начала 2000 гг. (т.е. после принятия РЗП) основное внимание уделялось диверсификации налогов на компании и одновременно шло смягчение налогового бремени для наименее обеспеченных слоев общества. Однако ЮАР долго не удавалось обеспечить достаточно высоких темпов роста ВВП (в том числе из-за неблагоприятной экономической конъюнктуры и мировых финансовых кризисов конца 1990-х гг.), а следовательно, и намеченного рассасывания безработицы, предусмотренных в РЗП сценарием ускоренного развития. Не была достигнута главная цель этой программы — прирост экономики до 6% в год и создание на этой основе начиная с 2000 г. ежегодно 400 тыс. новых рабочих мест [Growth, Employment and Redistribution. A Macroeconomic Strategy, L. 04.06.1996] (к намеченным показателям удалось приблизиться только в середине текущего десятилетия, когда прирост ВВП достиг 5%, а число ежегодно создаваемых рабочих мест — 350 тыс.). Вместе с тем продвижение вперед по намеченным социально-экономическим показателям было очевидным, значительно увеличился объем социальной помощи беднейшим слоям населения (социальные выплаты-гранты, в том числе детские пособия для детей до 14 лет, бесплатное детское питание, бесплатное медицинское обслуживание для осуществления которого было нанято большое число кубинских врачей, бесплатное водо- и электроснабжение в пределах минимальных норм, общественные работы для безработных и т.п.), что обеспечило правящей партии АНК стабильную поддержку свыше двух третей избирателей на выборах.

После ликвидации апартеида и отмены международных санкций темпы роста ВВП ЮАР стали постепенно увеличиваться. Однако только начиная с 1999 г. был стабильно достигнут запланированный в РЗП минимальный

прирост ВВП на уровне 3% [Черкасова И.В., 2000]. В 2004–2006 гг. темпы прироста ВВП составили уже около 5%, что оказалось все же недостаточно для рассасывания огромной безработицы. Совокупная безработица (с учетом отчаявшихся найти работу и не регистрирующихся в качестве безработных) выросла в 1994–2004 гг. с 31,5 до 42% экономически активного населения и только в 2005 г. несколько снизилась (до 40%) [Shared Interest – Investing in South Africa's Future. NY. 2007]. Впрочем, по оценкам экспертов, часть безработных фактически занята в так называемом неформальном секторе.

Проблема массовой хронической безработицы в ЮАР имеет еще один аспект, о котором не принято говорить в приличном обществе по причинам политкорректности. В стране существует многомиллионный слой хронически безработных африканцев (дело не в расовом аспекте — в ЮАР можно встретить и опустившихся цветных и белых, просто их гораздо меньше), которые не хотят и никогда не будут всерьез, напряженно работать. Во всяком случае, работать на шахты они не пойдут, туда возьмут других черных африканцев — неприспособленных и выносливых мигрантов из Мозамбика. Миллионы же южноафриканских люмпенов («порох» для возможных социальных взрывов) предпочитают жить на социальные подачки, время от времени участвуя в необременительных общественных работах (один из соавторов недавно имел возможность наблюдать мирный сон трудящихся во время работ по благоустройству Кейптауна). Государство сейчас имеет возможность (в 1990-е г. с финансами было сложнее) платить им пособия, строит для них бесплатные домики с бесплатной водой и электричеством, так что можно сколько душе угодно смотреть бесконечные «мыльные» сериалы. Они подрабатывают в неформальном секторе — в лучшем случае домашней прислужкой или подсобными рабочими без официальной регистрации, в худшем — участвуя в торговле наркотиками и мелком уличном рэкете, а то и в более серьезных преступлениях.

Снижение безработицы в последние годы связано и со снижением темпов прироста населения. Если в 1994–2004 гг. он составлял 2% в среднегодовом исчислении, то в последние годы снизился до 1%, что в первую очередь связано с возросшей смертностью от СПИДа и связанных с ним болезней (около половины общего числа смертей в 700 тыс. человек в 2004 г.; всего же в ЮАР ВИЧ-инфицированных, в основном это африканцы, больше, чем в любой другой стране мира, — около 6 млн человек, или свыше 11% населения; из 1,1 млн детей, ежегодно рождающихся в ЮАР, 30% имеют ВИЧ-позитивных матерей). В 2006 г. население ЮАР составило 47 млн человек, в том числе 78% черных, 9,6% белых, 8,9% цветных или метисов и 2,5% индийцев [Moyiga Nduru, 2007]. Предполагается, что в ближайшие годы оно начнет сокращаться из-за высокой смертности от СПИДа. Впрочем, некоторые эксперты считают, что пик смертности в ближайшие два-три года будет пройден (ожидается смерть от СПИДа еще 5–7 млн человек до 2010 г.), и она начнет снижаться. Правительство ЮАР с большим опозданием, практически только в текущем десятилетии, в течение которого число инфицированных удвоилось, стало выделять значительные средства на соответствующее лечение (антиретровирусные препараты), профилактику и разработку лекарств и вакцин. Пока же можно констатировать, что средняя продолжительность жизни в ЮАР за 12 постапартеидных лет снизилась с 64 до 43 лет, причем для женщин в возрасте 20–39 лет смертность только в 1997–2004 гг. утроилась, а для мужчин возрастной группы от 30 до 44 лет — удвоилась [Report on South Africa Mortality conditions, 2006].

Приведем некоторые показатели, характеризующие социальную сферу ЮАР в 2004–2005 гг. по данным международных справочников:

Показатели	Мужчины	Женщины
Ожидаемая средняя продолжительность жизни, годы	43,3	42,2
Средний срок «доживания» в 60 лет, годы	14	18
Средний (медианный) возраст, годы	23,3	25,0
Возраст выхода на пенсию, годы	65	60
Среднедушевые затраты на здравоохранение, в долл. США		669
Совокупные затраты на здравоохранение в % к ВВП		8,4
Среднее число рождений на 1 женщину		2,2

Источники: CIA World Factbook 2006; United Nations Population Division, DESA 2006; WHO World Health Report 2006.

Как свидетельствуют приведенные цифры, общую довольно благополучную картину нарушает катастрофически снизившаяся средняя продолжительность жизни.

Довольно печальное положение сложилось с трудоустройством получивших образование черных южноафриканцев. Так, в 1999 г. лишь 28% выпускников традиционно «черных» университетов находили работу сразу по их окончании, по сравнению с 65% выпускников традиционно «белых» университетов (уровень образования в университетах для черных весьма низок). При этом африканцев с дипломами, не получивших работу в частном секторе, трудоустраивает государство, а все более значительное число белых специалистов уезжает. В 1994–2001 гг. свыше 17 тыс. занятых в НИОКР научно-технических работников, в основном белых, покинули страну (переселялись, за редким исключением, в пять стран: Англию, Канаду, США, Австралию и Новую Зеландию) [www.scidev.net/News/02/02/2007].

Нехватку высококвалифицированных кадров белых специалистов не удалось компенсировать привлечением представителей ранее дискриминированных расово-этнических групп (среди которых подавляющее большинство составляют выпускники второсортных вузов со степенями не выше бакалавра и магистра). Даже при полной отмене «цветного барьера» потребуются десятилетия, чтобы возместить издержки целой эпохи дискриминации, создать культурно-образовательную среду для формирования значительного слоя творческой интеллигенции из числа африканского и других групп небелого населения. Механическая передача руководящих должностей в госаппарате, государственных компаниях, учреждениях науки, культуры и здравоохранения полуобразованным выходцам из ранее дискриминированных расово-этнических групп («цветной барьер наоборот») не решает проблемы и подчас лишь усугубляет ситуацию.

В последние годы правительство ЮАР многое делает для преодоления наследия апартеида в сфере образования. На образование тратится не менее 20% бюджета (около 60 млрд рандов в год), причем расходы растут на 8–9% в год, опережая рост ВВП. В 21 университете, 15 технических институтах (техниконах) и множестве колледжей обучается свыше миллиона студентов. Хотя в 28 тысячах школ страны насчитывается около 12 млн учащихся, сохраняется 30-процентный уровень неграмотности среди населения старше 15 лет (почти исключительно африканцы), кроме того, от 6 до 8 млн взрослых функционально неграмотны. Среди белых жителей страны старше 20 лет законченное среднее, среднее специальное или высшее образование имеют 65%, для индийцев этот показатель составляет 40%, цветных — 17% и африканцев — только 14%. На момент перехода власти в 1994 г. к представителям черного большинства свыше 90% ученых и инженеров страны составляли белые. С тех пор положение если и изменилось, то скорее количественно, чем качественно. В 1990–2001 гг. доля научных публи-

каций представителей африканского, цветного и индийского населения страны выросла в совокупности лишь с 3,5 до 8% от их общего числа, т.е. оставалась ничтожно малой — менее одной десятой части [South Africa's National Research and Development Strategy. The Government of the Republic of South Africa, 2002].

Одной из причин высокого уровня безработицы в стране являлся и является массовый наплыв в ЮАР нелегальных иммигрантов. Это обстоятельство все более усиливало конкуренцию, особенно в неформальном секторе экономики, со стороны нелегальных иммигрантов из сопредельных африканских стран, в частности Мозамбика, чья экономика сильно пострадала от гражданской войны. И меры по их высылке не спасали положения (в условиях многомиллионной безработицы), хотя общее число нелегальных иммигрантов, депортированных в свои страны из ЮАР постоянно росло: в 1992 г. оно составило 82,6 тыс. человек [Citizen. 13.05.1993], а в 1997 г. — уже 176,4 тыс. [Star. 30.06.1998].

Точное число этих «нелегалов», согласных работать за мизерную зарплату и жить в трущобах, установить невозможно, но наиболее частая оценка — 2–3 млн, причем 70% их из Мозамбика и 25% из Зимбабве [Ibid. 06.12.1996].

Как это ни парадоксально звучит, но ЮАР, задыхавшаяся от безработицы, роста преступности и экономических проблем, с точки зрения жителей других африканских стран является просто страной изобилия, «молочных рек и кисельных берегов» [Mercury. 11.09.1998] (как и Россия, например, для жителей Таджикистана). По данным полиции, 14% всех преступлений в стране совершали иммигранты.

В среднем годовой доход южноафриканца составлял в 1996 г. 2900 американских долларов, что было в 10 раз меньше, чем, например, в США³. Но при этом доход южноафриканца был в 36 раз выше дохода жителя Мозамбика. Для сравнения — американец был в семь раз богаче мексиканца; соответственно никакими препонами невозможно было остановить бегство рабочей силы в США из Мексики [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 1996. P. 133–134].

Соответственно, из-за увеличения числа иммигрантов усиливалась волна ксенофобии в ЮАР. Мелких торговцев-иностранцев часто оскорбляют и избивают. Хотя самих южноафриканцев мало привлекает тяжелый и опасный шахтерский труд, нередки нападения на шахтеров-мозамбикцев. Вместе с тем целые отрасли экономики, к примеру сельское хозяйство (сезонные рабочие), просто не могут выжить без дешевых рабочих рук иммигрантов. Раньше во всех бедах черные жители ЮАР обвиняли апартеид, а сейчас во многих случаях — иностранцев. Нелегальная иммиграция будет продолжаться, пока Южная Африка будет оставаться оазисом относительного благополучия в море нищеты [Ibid. P. 133–134].

В 1990-е гг. происходила быстрая африканизация государственного аппарата и госсектора экономики. Похожий процесс проходил в 1930-е гг., когда весь госсектор и государственная бюрократия перешли в руки буров-африканеров.

При этом большинство бюрократических мест после 1994 г. стали занимать не просто черные южноафриканцы: чиновники усиленно комплектовали госаппарат своими соплеменниками (не представителями своих народностей, а именно соплеменниками, т.е. близкими и дальними родст-

³ Хотя тема расовых отношений в США и выходит за рамки данной работы, стоит упомянуть, что АНК, неоднократно призывая черное население ЮАР не роптать по поводу своего бедственного положения, ссылаясь на то, что афро-американцы получали в семь-восемь раз меньше белых жителей США, т.е. примерно во столько же раз меньше, как черные в ЮАР по сравнению с белыми южноафриканцами. Единственное серьезное отличие — африканцы в ЮАР гораздо хуже обеспечены муниципальным жильем.

венниками — членами одного племенного клана). Так что вместо довольно коррумпированного белого (африканерского) государственного аппарата был создан не менее продажный черный государственный аппарат.

Представители различных африканских племен в госаппарате ЮАР, по свидетельствам очевидцев, часто не уживаются друг с другом, что пока выразилось в подсиживании «черных братьев», в интригах, но если положение в стране дойдет до социального взрыва, то нельзя исключить кровопролитные межплеменные и межклановые столкновения.

От преступности страдает значительная часть населения страны (по количеству смертей от огнестрельных ранений ЮАР занимает первое место в мире), прежде всего жители центральной провинции Хаутенг. Преступность же в деловой столице ЮАР Йоханнесбурге является одной из высочайших в мире — передвигающемуся по городу туристу лучше не покидать автомобиля [Business Day. 25.05.1996]. При этом преступления не всегда являются обычной уголовщиной. Так, сотни людей в ЮАР ежегодно убивают якобы за колдовство. Услугами знахарей пользуется большинство африканского населения. Высок уровень сексуального насилия, в том числе по отношению к несовершеннолетним: среди африканцев бытует поверье, что секс с малолетней девочкой излечивает от СПИДа [Ежедневный бюллетень ИТАР—ТАСС. 18.06.1996].

Местная пресса справедливо отмечала, что в 1990-е гг. уголовное насилие стало составной частью жизни в ЮАР. Здесь совершалось огромное число убийств, разбоев и других преступлений [Citizen. 27.01.1997]. На 100 тыс. человек населения в 1996 г. в ЮАР было совершено 45 убийств (5,5 в среднем в мире) [Heribert Adam et al. Comrades in Business. Post-Liberation Politics in South Africa. Tafelberg. RSA. P. 90].

«Мы живем в опасном обществе, — писала газета „Citizen“. Преступность вышла из-под контроля. Гнев людей все увеличивается, и все может кончиться анархией» [Citizen. 30.01.1997]. Причиной данного явления стала не только огромная безработица среди черного населения, но и ослабление карательного аппарата государства, связанное со сменой режима. Исчезла неотвратимость наказания.

По данным полиции, в стране на почти 2 млн владельцев приходилось более 3,76 млн единиц оружия⁴, выданного по лицензии, и, по оценке, — около 4 млн единиц огнестрельного оружия находилось на руках у населения нелегально⁵. Процветает «индустрия страха» (сигнализация в домах, пуленепробиваемые окна и автомобильная сигнализация).

⁴ Mail&Guardian. 23.09.2005. Правительство в последние годы резко ограничило выдачу лицензий на оружие и ужесточило наказания за его нелегальное приобретение. Чем же себя защищать в таком случае законопослушным гражданам — идти покупать оружие на черном рынке, чтобы защититься от вооруженных преступников и получить до 15 лет тюрьмы за нелегальное хранение и применение оружия? Как работать, к примеру, таксисту, водителю грузовика или маршрутного такси?

⁵ Владельцы оружия были уверены, что главная цель нового закона — разоружить большинство владельцев огнестрельного оружия (Mail&Guardian. 06.01.2005). Белые южноафриканцы в частных разговорах прямо обвиняли власти в том, что они делают это сознательно для облегчения будущих «экспроприаций» у белых. Этому же способствовало, по их мнению, и решение распустить к 2009 г. отряды преимущественно белых армейских резервистов (коммандос) численностью до 50 000 человек и охрану сельской местности перепоручить полиции и без того перегруженной работой (Business Day. 21.12.2005). А если учесть что в Мозамбике по некоторым оценкам было до 4,5 млн единиц огнестрельного оружия, а в Анголе — 4 млн, то соседние страны легко поделятся его «излишками» с ЮАР в случае обострения обстановки в стране. Поэтому мечи, боевые топоры, копыя (ассегаи) и арбалеты стали вытеснять огнестрельное оружие в качестве средств самозащиты. Особенно стали популярны арбалеты для защиты частной собственности от нападения преступников (MIGnews.com. 17.03.2005).

Молодежь (лица с 14 до 35 лет) в 1998 г. составляла 39% населения. Обстоятельства (огромная безработица и ограниченная доступность образования — чуть более 10% черных выпускников школ поступали в университеты) — заставляли многих искать себе занятие вне рамок закона [Sowetan. 13.05.1998]. Только по официальным данным, 85% южноафриканских школьников пользовались наркотиками, в первую очередь марихуаной, по производству которой ЮАР занимает первое место в мире [Citizen. 27.06.1997].

Однако следует отметить, что преступность, и прежде захлестывавшая черные пригороды, отчасти стала лишь более заметной, поскольку ранее полиция занималась патрулированием и предотвращением преступлений прежде всего в белых районах. С отменой расовой сегрегации большинство бывших «белых» районов стали также небезопасными для жизни.

Таким образом, рост населения являлся одной из причин сохранения значительного разрыва в доходах в зависимости от цвета кожи. Другой существенной причиной был, как уже отмечалось, крайне низкий образовательный уровень черного населения. В 1996 г. лишь 20% черных (по сравнению с 70% белых) имели законченное среднее, среднее специальное или высшее образование [Business Day. 04.12.1996].

Статистика эмиграции тревожила: ЮАР в конце 1990-х гг. покидало ежегодно около 30% выпускников инженерных факультетов, при этом здесь на один миллион жителей приходилось 35 инженеров, по сравнению с 220 в Австралии и 600 в Японии [Business Day. 30.05.1997].

Стоит отметить и тот факт, что от 80 до 90% будущих эмигрантов желали порвать всякие экономические связи с ЮАР (продать недвижимость и изъять капиталовложения)⁶. Кроме того, 57% хотели бы отказаться от южноафриканского гражданства [McDonald D.A., Crush J. Destinations Unknown. Perspectives on the Brain Drain in Southern Africa (Africa Institute of South Africa), 2002. P. 35–36].

Политику правительства страны, направленную на выдавливание белых профессионалов из ЮАР, не поддерживало в 1999 г. 83% белого населения⁷, но лишь 20% черных придерживались той же точки зрения, поскольку, как они полагали, эта политика приносит большие преимущества именно черному населению [McDonald D.A., Crush J. Destinations Unknown. Perspectives on the Brain Drain in Southern Africa (Africa Institute of South Africa), 2002. P. 40].

Такое поведение властей противоречило официально провозглашенным целям РЗП, в которой красной нитью проводилась мысль об усовершенствовании южноафриканской экономики с учетом интересов всех слоев общества.

По неофициальной статистике, приводимой в ноябре 2003 г., эмиграция из ЮАР возрастала ежегодно на 30–40% и до 800 тыс. южноафриканцев уже проживало в Англии и 80 тыс. только в одном австралийском городе Перте [Business Day. 05.11.2003].

⁶ Однако по официальным данным за декабрь 2005 г. 77% эмигрантов из ЮАР сохраняли те или иные вложения в ЮАР, в том числе 69% из них сохраняли банковские счета и 32% имели недвижимость в стране. При этом 81% из них якобы собирались в будущем вернуться в ЮАР. Но причинами невозвращения были: высокий уровень преступности — 44%; более низкий, чем в развитых странах уровень жизни, африканизация и усиление экономической власти черных — 19% и безработица — 15% (Business Day. 06. 12. 2005). Вместе с тем многие уехавшие хотели бы вернуться по очень простой причине — сравнительно невысокие зарплаты в ЮАР позволяют не только хорошо жить, но и нанимать прислугу, чего мало кто может себе позволить в других странах. К тому же белые как были, так и остаются во многом экономическими хозяевами страны.

⁷ Это выразилось в «добровольно-принудительном» выходе на раннюю пенсию, ограничениях в приеме на работу (как в государственном секторе, так и в частных компаниях) и на учебу, а также в отсутствии карьерного роста, что побуждало к эмиграции. В итоге на место грамотных специалистов в подавляющем большинстве своем приходят недоучки.

Проще говоря, проходило «выдавливание» белых профессионалов отовсюду и их замена преимущественно на черных, что было практически неизбежно с учетом давления «низов». Соответственно эмиграция возрастала. Но оставался открытым вопрос: к чему приведет со временем замена грамотных специалистов на некомпетентных? «Сейчас правительство спохватилось: нехватка квалифицированных кадров стала очевидной и на производственном уровне. Под личным руководством вице-президента Пумзиле Мламбо-Нгуки началась кампания по возвращению уехавших, облегчен процесс выдачи виз приезжающим на работу высококвалифицированным иностранцам. Но массового движения назад пока не видно» [Шубин. Г.В., 2006. С. 207–208].

Правительство предавало в частные руки некоторые крупные государственные корпорации (углехимическую САСОЛ, сталелитейную ИСКОР и др.), чтобы получить дополнительные средства в бюджет страны. Но черное население крайне негативно относилось к приватизации предприятий, поскольку это увеличивало безработицу. Так, в результате приватизации ряда компаний до 200 тыс. человек потеряли работу [Шубин Г.В., 2006. С. 207-208].

В конце 1990-х гг., да и сегодня, белые, составляющие 12% всего населения страны, по-прежнему контролируют экономику. Это не помешало президенту Мбеки в 1999 г. заявить, что к 2014 г. черные жители ЮАР будут владеть большей частью акций⁸ в рамках кампании «Экономическая власть черным» (Black Economic Empowerment). Понятно, что это намерение не вдохновило белых, контролировавших по-прежнему свыше 70% всей земли и доминировавших в промышленности, туризме и банковской сфере (контролировали 95% добычи алмазов и т.п.). Но и здесь в последние годы происходят определенные сдвиги: так, в начале 2001 г. черные владели 5,8% газовой промышленности, а через год — уже 14% [New York Times, 13. 11. 2002].

Вхождение значительного числа черных южноафриканцев в предпринимательские круги можно считать одним из важнейших социальных последствий произошедшего в середине 1990-х гг. демонтажа политической системы апартеида. Если в середине 1980-х гг. численность африканской буржуазии ЮАР, включая мелких предпринимателей, оценивалась в 60–70 тыс. человек [Скубко Ю.С., 1985. С. 166], то к середине текущего десятилетия она достигла 1 млн человек, что составляет четверть общего числа предпринимателей [Демкина Л.А., 2006. С. 141]. Таким образом, «разделительная черта между бедными и богатыми перестала с завидной точностью совпадать с расово-этническим делением общества, как это было в недалеком прошлом» [Демкина Л.А., 2006. С. 141]. Доходы черной элиты в ЮАР увеличились только в 1996–2001 гг. вдвое, достигнув 13,5 млрд рандов [Ежедневный бюллетень ИТАР–ТАСС. 23. 03. 2001]. К группе населения с самыми высокими доходами в начале текущего десятилетия принадлежало 65% белых, 45% индийцев, 17% цветных и 10% семей африканцев [Sunday Times, 27. 04. 2003].

«Они, эти дети революции 1994 года, одеваются убийственно дорого и безвкусно, покупают самые роскошные автомобили и сорят деньгами так,

⁸ Процесс передачи акций черным жителям страны позднее был сильно скорректирован по времени в сторону увеличения срока — 26% всех акций за десять лет, до 2014 г. Но все это предполагалось сделать по рыночной стоимости за счет специального фонда, создаваемого горнодобывающими компаниями, откуда черные предприниматели и будут брать деньги на покупку акций. Другими словами, акции «белых» компаний новая черная элита будет приобретать за специально выделенные данными компаниями деньги. Это обогатит лишь достаточно узкий круг «новых черных», но не улучшит финансового положения нуждающегося черного большинства. Что же касается цифры 26%, то она появилась отнюдь не случайно — этот процент дает возможность заблокировать любые важные решения горнодобывающих компаний изнутри.

как будто завтра не наступит» [www.thewe.cc 19.01.2007]. Не правда ли, очень похоже на российских нуворишей, причем скорее в уходящем варианте времен бандитского передела 1990-х гг.? Во всяком случае, в ЮАР в 2005 г. было продано, главным образом черным покупателям, свыше 565 тыс. автомобилей, годовой прирост составил 26% [www.thewe.cc 19.01.2007]. Наряду с наиболее дорогими иномарками, значительная доля продаж приходится на производимые в ЮАР автомобили марки БМВ, печально известные в России 1990-х как «боевая машина вымогателей».

По данным за 2003 г., из 1 млн ежегодно заканчивавших средние учебные заведения продолжали обучение не более 185 тыс. (включая дальнейшую учебу в техникумах). Из оставшихся 80%, т.е. 800 тыс., приходивших на рынок труда, только 29% черных южноафриканцев могли рассчитывать найти работу по сравнению с 50% цветных, 70% индийцев или 75% белых [Ibid. 26.04.2004].

В 2002 г. 70% безработных в стране были моложе 35 лет⁹. Иными словами, из 16 млн молодежи работу имели лишь 4,8 млн человек, а 6,4 млн являлись безработными или перебивались случайными заработками. При этом даже из имевших формальную занятость 50% получали за свой труд менее 500 рандов в месяц, а в целом 70% работающих получали менее 1 тыс. рандов в месяц. И лишь 2–4% имели заработки свыше 3 тыс. 500 рандов в месяц [Business Day. 04.03.2003].

Однако АНК считал, что положение обездоленного большинства населения страны по многим показателям улучшалось, и ссылался на данные переписи населения от 2001 г., официально озвученные лишь в конце 2003 г. Так, с 1996 по 2001 г. число лиц, не получивших никакого образования, уменьшилось с 19 до 18%, а число лиц, закончивших школы, увеличилось с 16,3 до 20,4%. Также с 6 до 8% возросло число лиц с высшим образованием. Но что тревожило, в 2001 г. имели высшее образование 30% белых, около 15% индийцев, 5% цветных и чуть более 5% черных. За пять лет, с 1996 по 2001 г., число семей, живших в мало-мальски обустроенных поселениях, увеличилось с 57,5 до 63,8%, а число живших в неформальных поселениях, т.е. трущобах, возросло лишь на 0,4% (точные цифры не назывались). До 85% южноафриканцев имели доступ к питьевой воде (включая колонки и колодцы), но 6,5% использовали речную или родниковую воду. При этом за тот же период число семей, использовавших электричество для освещения, увеличилось с 58 до почти 70% в 2001 г. Но для обогрева жилищ и приготовления пищи стали использовать электричество 49% (было 44,5%). 20% семейств использовали дрова для приготовления пищи¹⁰ и 25% для обогрева жилищ. И почти 23% населения для освещения жилого помещения использовали свечи.

Одновременно увеличилось, с 29 до 42%, число семей, имевших телефоны или сотовые телефоны (около 50% в 2006 г.). 73% семей имели дома радио, почти 54% — телевизор, более 51% — холодильник и 8,6% — компьютер, однако последний имели только 2% африканских семей по сравнению с 46% белых семей. К 2006 г. почти 10% населения страны стали пользователями интернета [www.thewe.cc 19.01.2007].

О некоторых успехах, достигнутых в области здравоохранения и других областях, говорилось в интервью Ронни Касрилса, министра водных ресурсов и лесного хозяйства в конце 2001 г.:

⁹ Даже по сильно заниженным официальным данным, в конце 2005 г. 52% всей южноафриканской молодежи в возрасте от 16 до 25 лет не имели работы (Mail&Guardian. 18.11.2005).

¹⁰ По другим данным на 2001 г. 12 млн жителей ЮАР, преимущественно в сельских районах, готовили пищу и обогревали свои жилища с помощью дров (South Africa Yearbook. 2000/2001. P. 107).

«Мы ввели бесплатное медицинское обслуживание для беременных женщин и детей до 6 лет. У нас теперь все дети охвачены начальным образованием, и ученики первых классов получают бесплатные завтраки. Раньше размер пенсии у черных южноафриканцев был 200 рандов (один ранд менее четырех рублей) — в два раза меньше, чем у белых. Сейчас все пенсионеры Южной Африки получают по 500 рандов. Мы ввели детские пособия, строим дороги, больницы в сельской местности. Можно бесконечно долго рассказывать о наших делах. Но главное, что мы сделали — мы вернули людям чувство собственного достоинства и уверенность в будущем»¹¹.

Правительство страны немало сделало для облегчения положения нуждающихся граждан, для чего, к примеру, с 1994 по 2003 г. увеличило ассигнования на здравоохранение, образование, социальные пособия, водоснабжение, электроснабжение и строительство жилья с 52,9% бюджета до 58,3%. Другого выхода не было, ведь в 2003 г. 5 млн южноафриканцев (включая 70 тыс. «белых бедняков») жили на один американский доллар в день, и было необходимо выдавать пособия нуждающимся (около 40% взрослого населения были безработными) в размере хотя бы 100 рандов (15 американских долларов) в месяц на человека, поскольку социальная и расовая напряженность в стране нарастала [Mail&Guardian. 25. 06. 2004].

В целом, можно констатировать, что средства для выполнения, пусть с некоторым опозданием, всех своих обязательств по улучшению социальной инфраструктуры у южноафриканского государства (в отличие от подавляющего большинства других стран континента) имеются.

Экономический подъем последних лет, а также подготовка и проведение в 2010 г. в ЮАР чемпионата мира по футболу позволяют предположить, что благоприятная рыночная конъюнктура и ресурсы для гашения возможных очагов социального возгорания в ближайшие годы сохранятся (известно, что, например, последний чемпионат мира в Германии позволил сократить безработицу в этой стране на четверть миллиона человек). Долгосрочные перспективы менее очевидны.

Можно предположить несколько путей развития событий в ЮАР или их комбинации. Упомянем некоторые из них в порядке убывания вероятности:

1. Неизбежное замещение преимущественно черными (и частично цветными) кадрами «теплых» мест в государственном аппарате и государственном секторе экономики, формирование черного среднего класса («среднего» по сравнению с морем черной безработной и полубезработной бедноты, недовольство которой гасится различными социальными подачками). Соответствующая замена персонала в частных компаниях — в тех случаях, когда замена ключевого персонала не приведет к банкротству. И новая черная бюрократия, и средний класс будут всеми силами удерживать своих соплеменников от революций и потрясений, а экономическая власть в стране, во все большем объеме, станет переходить к черному большинству. Это наиболее реальный на сегодняшний день вариант дальнейшего развития событий.

2. Постепенное сосредоточение абсолютного большинства белого, цветного и индийского населения на побережье Атлантики и Индийского океана и вынужденная уступка черному большинству остальных районов страны. Быстрое перераспределение в пользу нуждающихся безземельных африканцев нетоварных и низкотоварных сельскохозяйственных угодий.

¹¹ Интервью Ронни Касрилса, министра водных ресурсов и лесного хозяйства, члена Центрального Комитета Компартии Южной Африки. SA Embassy Newsletter. Ежемесячный бюллетень посольства ЮАР в Москве. № 6. Ноябрь/декабрь 2001.

Умеренный экономический рост в 3–5% в год. Поэтапное уменьшение безработицы и одновременное сокращение черного населения (в первую очередь из-за эпидемии СПИДа и других опасных инфекционных болезней) и приспособление промышленности и сельского хозяйства к этим новым условиям. Процветание туризма и ряда отраслей экономики, в том числе горнодобывающей, за счет высоких мировых цен на сырье.

3. Почти повсеместная эмиграция наиболее квалифицированных и опытных кадров всех расово-этнических групп, резкое уменьшение промышленного производства, африканизация всего и вся. Превращение страны в крайне неустойчивое государственное образование с сильными внутренними трениями между различными этническими группами черного населения (в первую очередь зулусами и коса) при одновременном создании возле портов Салданья, Кейптаун, Мосселбей, Дурбан и Порт-Элизабет небольших независимых (если не де юре, то де факто) анклавов с преимущественно цветным, индийским, белым и черным населением.

В таком случае город Порт-Элизабет станет вотчиной (а возможно и официальной столицей) независимого государства коса, а ныне индийский по населению город Дурбан — вотчиной зулу (если последние смогут вытеснить оттуда или подчинить индийцев). Кейптаун и порты Салданья и Мосселбей, вероятно, станут «цветными» и отчасти — «белыми».

4. Насильственный или добровольно-принудительный передел земельной, движимой и недвижимой собственности и раздача ее нуждающимся безземельным, безработным и бездомным. Принудительная национализация промышленности (при подобном раскладе произойдет в дальнейшем постепенный переход наиболее лакомых кусков захваченной движимой и недвижимой собственности и объектов промышленности в руки новой черной элиты). Эмиграция практически всех квалифицированных кадров как белого, так и небелого населения. Распад или полураспад (при переходе товарного землевладения в руки мелких собственников) сельского хозяйства, сокращение производства и прекращение или резкое уменьшение экспорта сельскохозяйственных продуктов. Голод и развал промышленности, бегство капитала. Вооруженные столкновения между различными этническими группами черного населения после «окончательного изгнания поработителей». Непрерывающаяся гражданская война, развал страны на независимые Косаленд, Квазулуленд, Сотоленд, Каледленд (государство цветных) и вооруженные столкновения с пограничными странами. Полная разруха по сценарию Сомали, Либерии или Демократической Республики Конго с непредсказуемыми последствиями не только для сопредельных государств, но и для развитых стран, по-прежнему в немалой степени зависящих от южноафриканского стратегического сырья. Данный вариант развития событий в силу сравнительно благополучного финансово-экономического положения страны и заинтересованности внешних сил в сохранении доступа к ее ресурсам пока что наименее вероятен.

Во всяком случае ЮАР как уникальный сплав развитого и развивающегося миров, остается своего рода полигоном, на котором обкатываются сценарии дальнейшего явно не бескризисного развития региона и, в какой-то мере, человечества, особенно в части взаимодействия между богатым и дряхлеющим «Севером» и догоняющим и алчущим более справедливого мирового порядка «Югом» планеты. Не последнюю роль в успехах и неудачах того или иного варианта развития страны сыграет социальная политика южноафриканского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Budget speech 2006 by Minister of finance Trevor Manuel. Pretoria. 2006.
2. Report on South Africa Mortality conditions. Pretoria. 2006.
3. South Africa's National Research and Development Strategy. The Government of the Republic of South Africa. — Pretoria, 2002.
4. Shared Interest — Investing in South Africa's Future. — NY. 2007.
5. *Bond P.* Elite Transition. From Apartheid to Neoliberalism in South Africa. — L. 2000. P. 160.
6. *Heribert Adam, Frederik Van Zyl Slabbert, Koniga Moodley.* Comrades in Business. Post-Liberation Politics in South Africa. Tafelberg. RSA. P. 90.
7. *McDonald D.A., Crush J.* Destinations Unknown. Perspectives on the Brain Drain in Southern Africa (Africa Institute of South Africa). — Pretoria. 2002. P. 35–36, 40.
8. *Moyiga Nduru.* Development South Africa: The Reality of Poverty is Everywhere. Johannesburg. 2007.
9. Africa Recovery. 2001. Vol. 14. January. P. 10.
10. Business Day. 25.05.1996.
11. Business Day. 04.12.1996.
12. Business Day. 30.05.1997.
13. Business Day. 04.03.2003.
14. Business Day. 05.11.2003.
15. Business Day. 06.12.2005.
16. Business Day. 21.12.2005.
17. Citizen. 13.05.1993.
18. Citizen. 27.01.1997.
19. Citizen. 27.06.1997.
20. Citizen. 30.01.1997.
21. Embassy Newsletter. Ежемесячный бюллетень посольства ЮАР в Москве. № 6. Ноябрь/декабрь 2001.
22. Growth, Employment and Redistribution. A Macroeconomic Strategy. 14 June 1996. P. 5–6, 9–10.
23. Mail&Guardian. 25.06.2004.
24. Mail&Guardian. 06.01.2005.
25. Mail&Guardian. 23.09.2005.
26. Mail&Guardian. 18.11.2005.
27. Mercury. 11.09.1998.
28. MIGnews.com. 17.03.2005.
29. New York Times. 13.11.2002.
30. South Africa Foundation Review. May-June. 1994. C. 2.
31. South Africa Yearbook. 2000/2001. P. 107.
32. South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction. Bergen. Norway. 1996. P. 10–11, 26–27, 133–134.
33. Sowetan. 13.05.1998.
34. Star. 06.12.1996.
35. Star. 30.06.1998.
36. Sunday Times. 30.06.2000.
37. Sunday Times. 27.04.2003.
38. *Демкина Л.А.* Некоторые аспекты социально-политического развития южноафриканского общества после 1994 г. — М. 2006. С. 140–141.
39. *Скубко Ю.С.* Новые явления в экономике ЮАР. — М. 1985. С. 166.
40. *Черкасова И.В.* Южная Африка: стратегия развития после ликвидации апартеида // Африка: новые тенденции в экономической политике. Сборник статей. Институт Африки РАН. — М.: Восточная литература. 2000. С. 186–200.
41. *Шубин. Г.В.* Проблемы развития демократической Южной Африки (1994–2006 гг.). — М. 2006. С. 207–208.
42. Ежедневный бюллетень ИТАР–ТАСС. 23. 03. 2001.
43. www.scidev.net/News/02/02/2007.
44. www.thewe.cc 19.01.2007; 26.04.2004.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА «АНАЛИЗ НАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ (EVENT HISTORY ANALYSIS)» С ПОМОЩЬЮ ПАКЕТА SPSS

А.Я. Бурдяк, магистр экономики, НИСП

Наблюдение за событиями и процессами, развивающимися во времени, неизбежно приводит к сопоставлению этих событий друг с другом, поиску закономерностей и попытке предугадать ход развития процессов. Первые примеры изучения смертности населения в зависимости от возраста датируются 1700-ми гг. [Hald A., 1990]. По мере развития науки разрабатывались разнообразные методы анализа наступления или ненаступления определенных событий, а появление мощной вычислительной техники расширило возможности исследователей в технической обработке информации. На современном уровне исследование процессов и событий, зависящих от времени, проводится в течение, по крайней мере, четырех десятилетий [Кокс Д., Льюис П., 1969. Кокс Д., Оукс Д., 1988] в медицине, демографии, технике, — и область применения подобных исследований расширяется. Модели для изучения длительности какого-либо процесса или времени нахождения в каком-либо состоянии встречаются в литературе под названием моделей «времени жизни» [Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А., 2004] благодаря их изначальному применению в медицине для исследования эффективности лекарственных препаратов при лечении смертельных недугов.

Эконометрические основы методов в данной статье представлены не будут, так как целью изложения является именно прикладной аспект. С теорией можно ознакомиться в учебниках эконометрики, например, по книге Greene [Greene W.H., 1997], содержащей практически все разделы современной эконометрики. Описание существующих типов моделей данного вида и некоторых примеров их применения сделано О. Савинцевой. Лекция по Event History Analysis была прочитана в Независимом институте социальной политики Л.И. Ниворожкиной. Широкому рассмотрению регрессионных методов исследования событий во времени посвящена книга D. Hosmer, S. Lemeshov [David W. et al., 1999], которая удачно объединяет описания нюансов выбора данных, определения и иллюстрации используемых статистических характеристик и интерпретации итоговых результатов моделирования. Курсы по Event History Analysis (другие названия *survival analysis*, *hazard analysis*, *duration analysis*, *failure-time analysis*) включены в программу обучения многих зарубежных университетов, конспекты лекций, задания по курсам и базы данных для выполнения практических заданий доступны в сети Интернет и являются хорошим методическим материалом для исследователей [Scheike Th.]. Недавно опубликована книга данных авторов по этой тематике [Torben Martinussen, Thomas Scheike, 2006]. Особого упоминания заслуживают лекции для социологов, которые читает профессор Кноук в университете Миннесоты [Knoke D.H.], — в его курсе изложение теоретических основ метода проводится в ракурсе практического примене-

ния к задаче исследования возраста первого вступления юношей и девушек в брачный союз. Исследование проводится на базе данных Национального ежегодного обследования молодежи 1979—1991 (National Longitudinal Survey of Youth), осуществляемого Государственным университетом Огайо при финансовой поддержке Министерства труда США.

Так как исследования длительности процессов и наступления событий широко применяются в различных областях, непосредственно не связанных с медициной или демографией, в дальнейшем для метода Event History Analysis будем использовать название Анализ наступления события (АНС), наиболее общее и не связанное с контекстом изучаемых явлений.

АНС проводится в демографических, экономических и социологических исследованиях на микро- и на макроуровнях. Наиболее распространенными примерами применения метода на микроуровне являются:

- возраст завершения образования;
- возраст вступления в самостоятельную жизнь;
- возраст первого вступления в брак;
- длительность супружества;
- возраст женщины на момент рождения ребенка (детей);
- длительность поиска работы;
- динамика повышений по службе;
- частота наступления страховых случаев;
- продолжительность срока службы оборудования в зависимости от условий эксплуатации.

Хотя исторически метод был сконструирован для исследования событий в жизни людей, он может применяться и для анализа хода слияний или закрытий предприятий, перехода на новые технологии, перерастания конфликтов в вооруженные, хода реформ власти или национальных революций.

С помощью метода АНС изучаются данные, протяженные по времени. Они могут быть собраны либо с помощью регулярно повторяющихся опросов одной и той же группы респондентов, либо в результате ретроспективных опросов. Анализируются цензурированные выборки — в модели учитываются и респонденты, для которых интересующее нас событие произошло, и те, для которых оно еще не случилось на момент последнего наблюдения или проведения опроса. В данной статье будет рассмотрен пример применения метода АНС, построенный на данных ретроспективного опроса EES¹.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТОДА

Дадим формальное определение: Анализ наступления события (АНС) (Event History Analysis) — *изучение зависимости риска наступления (или ненаступления) события от продолжительности пребывания объекта в группе риска, а также от ряда других характеристик объекта и внешних факторов, влияющих на этот риск.* Хотя из названия метода ясно, что изучается наступление некоторого события, опишем подробнее контекст, в котором применяется метод АНС. Ряд объектов (или респондентов) находится некоторое достаточно длительное время под наблюдением исследователя. Все они без исключения из так на-

¹ Обследование «Образование и занятость» (EES) было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Научного общества Макса Планка (Германия) весной 2005 г. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия).

зываемой группы риска, а это означает, что в любой момент с каждым из Объектов может произойти некоторое Событие, при наступлении которого Объект навсегда выбывает из группы риска. (Данное предположение отражает специфику раннего применения метода, разработанного для исследования эффективности лекарственных препаратов при лечении смертельных недугов.) Группа риска является целевой группой нашего исследования. Хорошей иллюстрацией применения метода в технике служит анализ срока службы лампочек накаливания: Объект (лампочка накаливания) находится в группе риска перегореть, и Событие (перегорание лампочки) наступает неизбежно, однократно и безвозвратно.

В пакете SPSS реализованы четыре инструмента для проведения анализа наступления событий: табличный метод (Life Tables), метод Каплана–Мейера (Kaplan–Meier Estimator), регрессия Кокса (Cox Regression) и регрессия Кокса с зависящими от времени объясняющими переменными (Cox Regression with Time Dependent Covariates). В данной работе рассматривается применение метода регрессии Кокса, которую еще называют моделью пропорциональных рисков (*proportional hazard regression model* Cox (1972), Марковские процессы (1960-е гг.)).

Несколько слов о теоретической основе метода. Регрессия Кокса, или модель пропорциональных рисков, — построение риска наступления события как функции, зависящей от времени, и оценка влияния каждой из независимых переменных на этот риск. Риск наступления события — функция от времени — измеряет правдоподобие наступления события в самом ближайшем будущем для тех, кто еще находится в группе риска. Риск наступления события равен предельному значению условной вероятности наступления события во временном промежутке $[t, t + dt]$ для объектов, еще оставшихся в группе риска на момент времени t , деленному на длину временного интервала dt . Риск — не вероятность, и он может быть больше единицы.

Базовые предположения метода АНС следующие:

(П1) линейность. Все объясняющие переменные влияют линейно на логарифм функции риска наступления События;

(П2) независимость объясняющих переменных. Все объясняющие переменные независимы. В случае присутствия взаимного влияния некоторых регрессоров, в модель должны быть дополнительно включены функции их взаимодействия;

(П3) риски пропорциональны. Риски наступления События для любых двух респондентов (или других объектов из группы риска) пропорциональны, и коэффициент пропорциональности не зависит от времени.

На основании предположений **(П1)–(П3)** выбрана функциональная форма модели: регрессия Кокса предполагает, что риск наступления события для i -того индивида имеет вид:

$$h_i(t) = h_0(t) \times \exp(\beta_1 X_{i1} + \beta_2 X_{i2} + \dots + \beta_p X_{ip}) \quad (1)$$

или

$$\ln h_i(t) = \ln h_0(t) + \beta_1 X_{i1} + \beta_2 X_{i2} + \dots + \beta_p X_{ip}, \quad (2)$$

где

$h_0(t)$ — «базовый» риск, общий для всех индивидов;

$X_1, \dots, X_p$ — независимые переменные, регрессоры;

$\beta_1, \dots, \beta_p$ — соответствующие коэффициенты.

Базовый риск $h_j(t)$ — риск наступления события для объекта из референтной группы (для которого все независимые переменные $X_1, \dots, X_p$ равны нулю). Коэффициенты $\beta_1, \dots, \beta_p$ отражают влияние каждой из независимых переменных (регрессоров) на функцию риска: при увеличении X_j на единицу и фиксированных значениях остальных регрессоров, риск наступления события возрастает в $\exp(\beta_j)$ раз. Необходимо подчеркнуть, что функциональная форма регрессии Кокса (1) отражает базовое предположение модели о пропорциональности рисков (ПЗ): отношение рисков наступления события для любых двух индивидов i и j остается неизменным со временем:

$$\frac{h_i(t)}{h_j(t)} = \frac{\exp(\beta_1 X_{i1} + \beta_2 X_{i2} + \dots + \beta_p X_{ip})}{\exp(\beta_1 X_{j1} + \beta_2 X_{j2} + \dots + \beta_p X_{jp})}, \quad (3)$$

то есть риски пропорциональны.

Инструмент регрессия Кокса не предполагает знания или оценок функций распределения переменных-участников модели.

По форме модель пропорциональных рисков похожа на логистическую регрессию, их реализации в пакете SPSS почти идентичны, обе они оцениваются методом максимального правдоподобия.

Метод АНС держится на трех китах: Объекты, События и Время. На языке социологических исследований это Люди (со всеми их характеристиками), События (вернее, одно на всех событие, вероятность наступления которого в жизни каждого человека мы изучаем) и Время (срок от момента попадания в группу риска до момента наступления события). Время — основа метода, оно должно быть определено точно и четко, может измеряться одной из стандартных хронометрических единиц (секундами, днями, месяцами, годами), единственной выбранной для проведения конкретного анализа.

Для применения метода АНС исследователь обязательно должен:

- 1) отобрать целевую группу (группу риска) Объектов для наблюдения;
- 2) узнать о каждом Объекте из целевой группы продолжительность нахождения в группе риска и исход наблюдения: либо наступление События, либо ненаступление События вплоть до завершения наблюдения;
- 3) выделить и собрать информацию о ряде других характеристик и свойств, предположительно влияющих на скорость или риск наступления События в биографии Объекта. Они могут быть постоянными или меняющимися во время наблюдения за Объектом.

Главная задача — изучить, как меняется риск наступления События в зависимости от того, как долго Объект уже находится в группе риска, а также определить насколько важными являются другие его характеристики и как каждая из них влияет на риск наступления события. В социологии наиболее часто используемыми характеристиками являются пол, возраст, регион проживания, состав семьи и пр. Широта выбора объясняющих переменных ограничена только возможностями сбора достоверной объективной информации: например, при изучении формирования предпочтений или склонностей человека важными факторами являются аналогичные характеристики его родителей, культурные традиции, другие особенности уклада жизни; для исследования надежности аппаратуры (ожидаемый срок службы) необходимо учесть сроки и условия предыдущей эксплуатации и т.п. Выбор в руках исследователя, он зависит от целей и задач проекта,

от возможностей и ограничений имеющихся данных и, самое важное, от хорошей интерпретируемости предполагаемых результатов.

ПРИМЕР ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА АНС

Перейдем к описанию примера применения метода АНС с помощью регрессии Кокса в пакете SPSS. Изучается длительность поиска работы молодыми специалистами на базе данных обследования EES (2005 г.), охватывающего 6455 респондентов². Объектами нашего исследования являются люди в возрасте старше 18 лет, 1948–1988 годов рождения (год рождения — переменная *ybrn*). В данном случае под Событием мы понимаем устройство респондента на работу. Целевую группу составляют только те респонденты, для которых в возрасте 16 лет обучение еще являлось основным занятием, затем они закончили обучение и через какое-то время основным их занятием стала работа. Таким образом, из анализа исключаются 642 респондента массива EES, которые уже не учились в 16-летнем возрасте, в группе риска остается 5813 человек, на наблюдении за которыми и строится анализ. Группа риска состоит из выпускников учебных заведений, которые не намерены больше учиться, а хотят работать. В данном случае Событие — устройство на работу: как только молодой специалист трудоустроился, он выбывает из группы риска. В случае «блуждания» Объекта между образованием и трудом, мы обязательно должны оговорить которое именно из его многочисленных трудоустройств мы будем учитывать: первое, последнее или первое после получения высшего образования. Так как метод основан на предположении о независимости респондентов друг от друга, повторное появление одного и того же объекта в группе риска НЕ ДОПУСКАЕТСЯ. Кроме информации о точном времени наступления События (или ненаступления) в жизни респондента до момента окончания наблюдения, мы обладаем знанием ряда характеристик о каждом Объекте, которые могут влиять на скорость наступления события. Эти характеристики могут быть как постоянными (пол, цвет кожи), так и меняться за время нашего наблюдения за Объектом (регион проживания, уровень образования, количество детей).

Как только респондент завершает образование, у него появляется шанс устроиться на работу, что в терминологии метода означает, что он попадает в группу риска быть подвергнутым Событию, и в этот момент мы включаем за ним наблюдение (включается счетчик времени, переменная *time* = 0 месяцев). В момент, когда респондент приступает к работе, наступает Событие: переменной *status* присваивается значение 1, сигнализирующее о наступлении события, счетчик времени останавливается, *time* равен количеству месяцев, прошедших с момента завершения обучения (когда был *time* = 0). Если на момент опроса выпускник так и не приступил к работе, счетчик времени тоже останавливается, а переменной *status* присваивается значение 0. В этом случае *time* равен количеству месяцев, прошедших с момента завершения обучения (когда был *time* = 0) до момента окончания наблюдения (момента опроса). Месяц в данном случае является наиболее адекватной единицей измерения времени. Конечно, итоговая картина была бы четче, если бы время поиска работы выражалось в неделях или днях, но имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют достичь такого совершенства.

² Обследование EES проводилось на базе выборки обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г.), охватило население в возрасте 19–55 лет из 32 регионов России и репрезентирует население указанных возрастов на национальном уровне.

Таким образом, мы сформулировали задачу и готовы применять метод АНС:

- Событие — трудоустройство молодых специалистов;
- Время — количество месяцев от окончания обучения до начала работы;
- Группа риска — те, кто учился после 16 лет (6455 — 642 = 5813 респондентов);
- Объясняющие переменные — возраст на момент окончания учебы, пол, год рождения.

Тонкости подбора данных. При построении данного примера намеренно взяты самые широкие из возможных группы респондентов. Так, можно было бы ограничиться рассмотрением, например, только выпускников в возрасте до 30 лет, или, например, не учитывать тех выпускников, кто не работал после выпуска по ряду объективных причин (армия, отпуск по уходу за детьми) либо учитывать, что они ищут работу только с момента исчезновения перечисленных причин. Углубление в детали, разбиение целевой группы на подгруппы, сравнения и выбор лучшего из возможных результатов — все эти цели постепенно достигаются в ходе дальнейшей работы над моделью, когда уже есть что улучшать и совершенствовать.

При построении модели сначала проверяем, насколько хорошо выполняются предположения метода (П1)–(П3), затем применяем его, интерпретируем и обобщаем результаты. Возможно, в ходе анализа задачу придется переформулировать, добавить новые переменные или подправить зависимости в модели.

На этапе предварительной работы с данными объясняющие переменные необходимо проверить на слабую взаимную коррелированность. Для переменных с интервальной или номинальной шкалой используется коэффициент корреляции Пирсона. Если, по крайней мере, одна из двух переменных имеет порядковую шкалу либо не является нормально распределенной, рассчитывается ранговая корреляция Спирмана. Сила связи двух переменных характеризуется абсолютной величиной коэффициента корреляции. Обычно считается, что значение до 0,2 — очень слабая корреляция, до 0,5 — слабая корреляция, до 0,7 — средняя корреляция, до 0,9 — высокая корреляция, выше 0,9 — очень высокая корреляция. Подробное описание

Рисунок 1. Корреляции (Correlations)

			AGEDU Возраст респондента, когда учеба перестала быть основным занятием	SEXN Пол	YBRN Год рождения
Spearman's rho	AGEDU Возраст респондента, когда учеба перестала быть основным занятием	Correlation Coefficient	1,000	,058(**)	-,067(**)
		Sig. (2-tailed)	.	,000	,000
		N	5813	5813	5813
	SEXN Пол	Correlation Coefficient	,058(**)	1,000	-,082(**)
		Sig. (2-tailed)	,000	.	,000
		N	5813	6455	6455
	YBRN Год рождения	Correlation Coefficient	-,067(**)	-,082(**)	1,000
		Sig. (2-tailed)	,000	,000	.
		N	5813	6455	6455

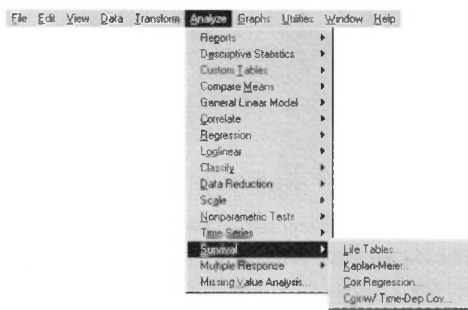
** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

методов обработки данных представлено в пособии по работе в SPSS [Бюль А., Цёфель П., 2005].

В нашем случае три независимых переменных возраст респондента, когда учеба перестала быть его основным занятием *agedu*, пол *sexn* и год рождения *ubrn* очень слабо коррелированы, все корреляции значимы на 1-процентном уровне, и, следовательно, все три указанных переменных одновременно могут быть использованы в качестве независимых переменных в регрессии. Результат корреляционного анализа представлен на *рис. 1*.

Пошагово проиллюстрируем применение метода с помощью SPSS. Для АНС в SPSS встроена процедура регрессии Кокса (Cox Regression) в рубрике Analyze/Survival (*рис. 2*). Запускаем ее.

Рисунок 2

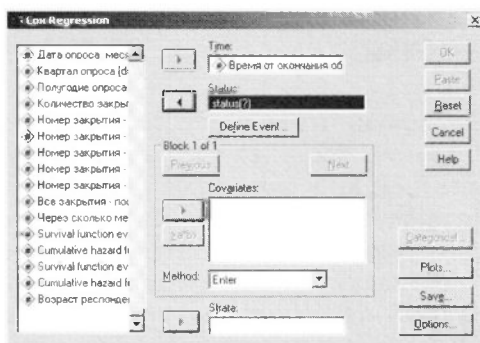

Появляется окно регрессии Кокса (*рис. 3*). Из списка всех переменных, отраженного слева, выбираем заранее подготовленную переменную времени в Time — в нашем случае это *time* «Время от окончания обучения до начала работы», которое измеряется в месяцах. Результатами анализа будут функция риска (шанса) найти работу и ее изменение в зависимости от продолжительности статуса незанятости после окончания образования. Риск меняется в той же временной шкале, что и *time* — ежемесячно.

Переменная в графе Status отражает наступление или ненаступление события на момент завершения наблюдения за данным респондентом. В нашем случае это переменная *status*, и ее построение было подробно описано выше. Следует поместить *status* в соответствующую графу (*рис. 3*).

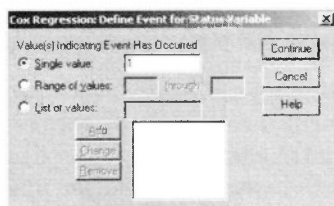
С помощью Define Event мы обязаны указать, какое именно из значений переменной *status* сигнализирует о наступлении события. В нашем

Рисунок 3

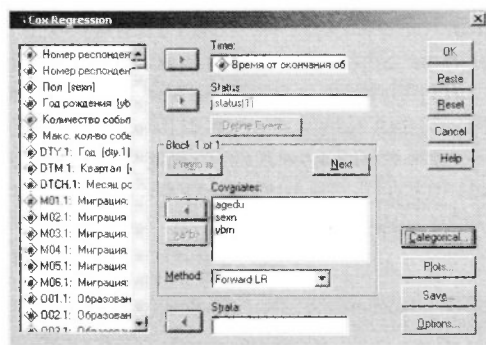
случае это значение $status = 1$, указываем это значение (рис. 4). Переменная, сигнализирующая о благоприятном/неблагоприятном исходе наблюдения, не обязана быть создана заранее в виде дамми-переменной со значениями 1 и 0. Сигналом о свершении события может служить интервал значений непрерывной переменной. Например, размер накоплений выше 100 тыс. рублей при страховании вкладов, или пробег автомобиля, например, 40 тыс. км до наступления первого страхового случая. Если мы хотим задать пороговые значения количественной переменной или список значений категориальной переменной статуса, сигнализирующих о наступлении события, вносим их в соответствующие ячейки.

Рисунок 4

Далее, из списка переменных переносим в Covariates все независимые переменные, влияние которых на риск (шанс) наступления события изучаем (рис. 5). Для расчета функции шанса трудоустройства мы используем возраст респондента на момент, когда образование перестало быть его основным занятием *agedu* (участники опроса, которые не учились после 16 лет или еще не завершили образования на время проведения опроса, не входят в группу риска и из анализа исключены); пол *sex* и год рождения *ybrn*. Год рождения включен в модель с целью обнаружения и оценки влияния межпоколенных различий.

Рисунок 5

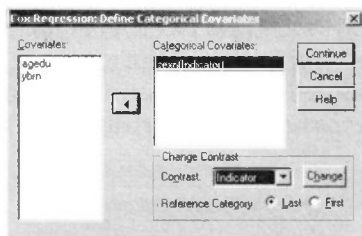

Для учета взаимосвязанных между собой факторов (высоко коррелированных друг с другом) доступен учет в качестве регрессора произведения двух переменных: выделяем из списка слева две переменных и нажимаем $>a*b<$. По умолчанию все независимые переменные считаются непрерывными. Если среди них есть категориальные переменные, то для каждой из них необходимо указать *Categorical...* и определить, которая из групп считается референтной (рис. 6). Так, указание для переменной *sex*, что референтная группа Last (в нашем случае это 2 «женский»), пересчи-

тывает переменную вида 1 «мужской»/2 «женский» в дамми-переменную со значениями 1 «мужской»/0 «женский». Та же процедура применяется к категориальным переменным имеющим множество значений. Например *level*, принимающая 7 натуральных значений от 1 до 7 с референтной группой *Last*, будет автоматически переделана в 6 дамми-переменных вида 1/0, эти новые шесть переменных будут включены в регрессию, и коэффициент при каждой из них будет указывать отличие группы респондентов с данным значением *level* от группы респондентов со значением *level* = 7.

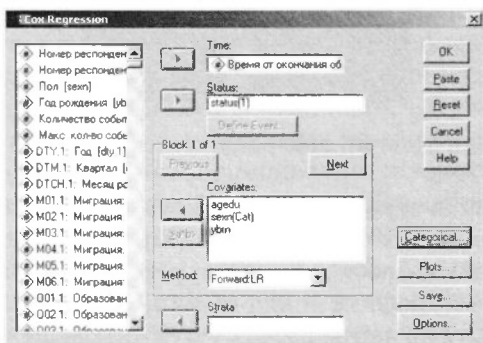
Рисунок 6

Вклады разных значений категориальной переменной не обязательно отличаются на единицу. Условное «расстояние» между категориями может быть представлено в модели другими функциями, предлагаемыми в Contrast.

Выбор метода. Предлагается три группы методов (*Method*) оценивания регрессии (рис. 7): метод ввода (*Enter*), пошаговый вперед (*Forward*) и пошаговый назад (*Backward*). Метод ввода оценивает регрессию сразу со всеми независимыми переменными из списка, выдает оценки всех коэффициентов и функцию правдоподобия. При пошаговом «вперед» в регрессию постепенно по одной на каждом шаге дополнительно вводятся независимые переменные в порядке убывания их объясняющей силы, регрессия каждый раз оценивается, и в случае неулучшения объясняющего качества регрессии процесс добора независимых переменных прекращается. При пошаговом методе «назад» мы стартуем с максимального набора объясняющих переменных, постепенно отбрасывая все лишнее и не ухудшая итоговую модель — процедура останавливается на шаге, когда уже остались только хорошо объясняющие функцию риска независимые переменные. Для оценки качества регрессии предлагаются различные статистические процедуры оценивания: тест максимально-

Рисунок 7

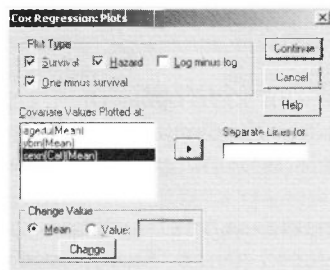
го правдоподобия, тест Вальда и тест Условных вероятностей. В нашем примере была использована пошаговая процедура *ForwardLR* постепенного добавления регрессоров с оценкой качества регрессии с помощью метода максимального правдоподобия (Likelihood Ratio), стандартная и наиболее используемая на первом шаге анализа.

На этом формулировка задачи завершена и по команде Paste в синтаксисе она фиксируется в следующем виде:

```
COXREG
time/STATUS=status(1)
/CONTRAST (sexn)=Indicator
/METHOD=FSTEP(LR) agedu sexn ybrn
/CRITERIA=PIN(.05) POUT(.10) ITERATE(20).
```

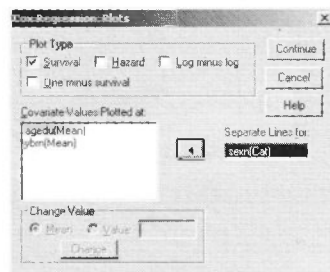
Одновременно с численным оценивая влияния независимых переменных на риск наступления события, можно определить результат графически — в процедуру встроены четыре вида графиков Plots (рис. 8):

Рисунок 8

По умолчанию график рисуется в точке, где каждая из независимых переменных равна своему среднему значению. Если нас интересует график для какого-то конкретного значения переменной, указываем его в *Change Value/Value*. Кроме того, вместо одной линии функции риска (или функции вероятности найти работу) мы можем нарисовать набор кривых для разных категорий. Например (рис. 9), выберем *Separate Lines for* для переменной пол.

Рисунок 9

Тогда в синтаксисе появится строка
/PATTERN BY sexn

И вместо графика вероятности не найти работу (по-другому она называется функцией «выживания» и равна вероятности того, что Событие не происходит) для всех респондентов, представленной на рис. 10, появятся две линии на графике — для мужчин и для женщин (рис. 11). Видим, что вероятность не найти работу у мужчин выше, чем у женщин.

Рисунок 10

Survival Function at mean of covariates

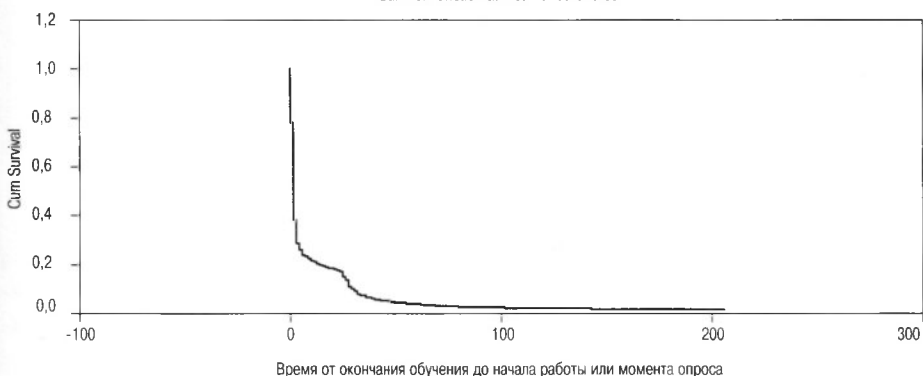
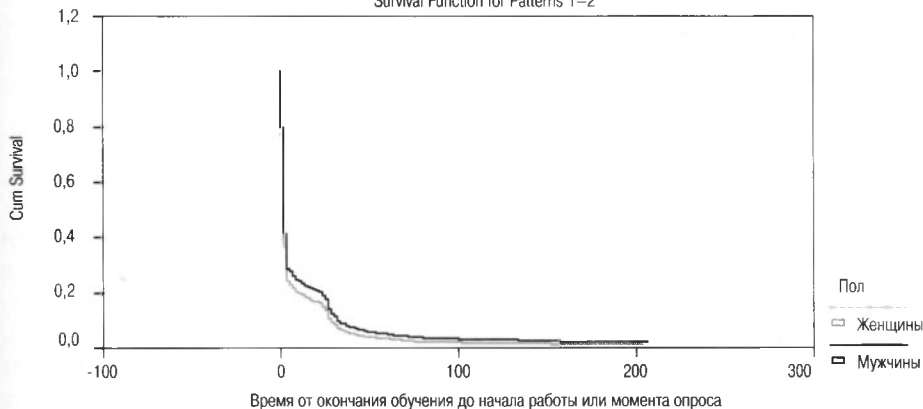

Рисунок 11

Survival Function for Patterns 1–2

Также из графика видно, что функции вероятностей пропорциональны — естественное следствие предположения модели АНС (ПЗ). Численное значение коэффициента пропорциональности, а также остальных параметров регрессии SPSS выдает отдельной таблицей Variables in the Equation (рис. 12). А универсальный критерий коэффициентов модели (Omnibus Tests of Model Coefficients) дает значения функции правдоподобия и критерия 2 для каждого из шагов регрессии. В нашем случае все коэффициенты модели значимы и их значения позволяют численно проинтерпретировать полученный результат. Возраст респондента, в котором он завершает образование и приступает к поиску работы — положительный фактор, каждый дополнительный год возраста молодого специалиста увеличивает его шанс трудоустроиться в 1,036 раз. Так как референтной группой переменной *sex* являются женщины (рис. 13), то отрицательность соответствующего коэффициента $-0,131$ указывает на то, что риск трудоустроиться после окончания образования для мужчин ниже, чем для женщин. $Exp(B)$ дает оценку коэффициента пропорциональности: риск мужчин в 0,877 раз ниже, чем риск женщин. Данный результат отражает распространенность явления отложенного трудоустройства женщин после получения образования, например, по причине рождения детей. А мужчина если не начал сразу работать, то и не трудоустраивается в дальнейшем. Более глубокие выводы требуют дальнейшего тщательного анализа имеющихся данных,

Рисунок 12

		B	SE	Wald	df	Sig.	Exp(B)
Step 1	YBRN	-,031	,001	552,052	1	,000	,970
Step 2	AGEDU	,037	,004	71,478	1	,000	1,038
	YBRN	-,029	,001	496,526	1	,000	,971
Step 3	AGEDU	,036	,004	65,820	1	,000	1,036
	SEXN	-,131	,029	21,181	1	,000	,877
	YBRN	-,029	,001	497,153	1	,000	,971

например, исследования других видов занятий, рождения детей и пр., а также рассмотрения полученных результатов в контексте работ других авторов по этой тематике — все это выходит за рамки данной методологической статьи.

Рисунок 13. Кодировка категориальных переменных (Categorical Variable Codings(b))

		Frequency	(1)
SEXN(a)	1=male	2210	1
	2=female	3603	0

a Indicator Parameter Coding

b Category variable: SEXN (Пол)

Переменная *ybrn* дает возможность сравнить между собой поколения. Отрицательность коэффициента указывает на то, что со временем трудоустроиться молодым специалистам становится все труднее. Так, за один год шансы трудоустроиться уменьшаются в 0,971 раз, а за десять лет — в 0,75 раз. То же самое можно выразить в терминах обратных величин: десять лет назад шанс трудоустроиться был в 1,34 раза выше (на 34% выше), чем сегодня. То, что трудоустроиться молодому поколению сложнее, чем это было раньше, — интуитивно ожидаемый результат, так как в условиях плановой экономики существовала строгая система распределения молодых специалистов и проводился контроль за их своевременным трудоустройством.

Оценки соответствующих коэффициентов, а также графики, приведенные в данном тексте, прорисованы для средних значений независимых переменных (рис. 14).

Рисунок 14. Средние значения независимых переменных (Covariate Means and Pattern Values)

	Mean	Pattern	
		1	2
AGEDU	19,634	19,634	19,634
SEXN	,380	1,000	,000
YBRN	1966,406	1966,406	1966,406

Наряду с графиками функций «выживания» для иллюстрации результатов могут использоваться и графики самой функции риска (рис. 15, 16). Поведение функции риска подтверждает сделанные выше выводы о влиянии пола, возраста и года рождения респондента на время поиска им работы. Выбор между функцией выживания и функцией риска зависит от предпочтений исследователя. Чтобы немедленно предоставить право выбора читателю, приведем графики функций риска.

Рисунок 15

Hazard Function at mean of covariates

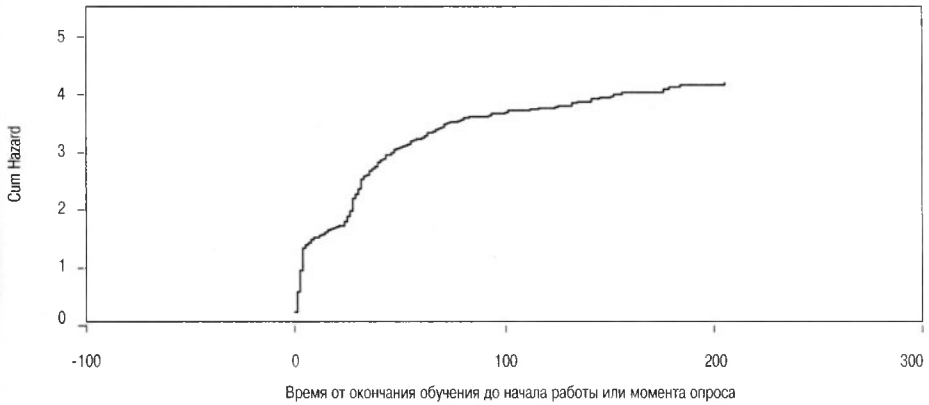
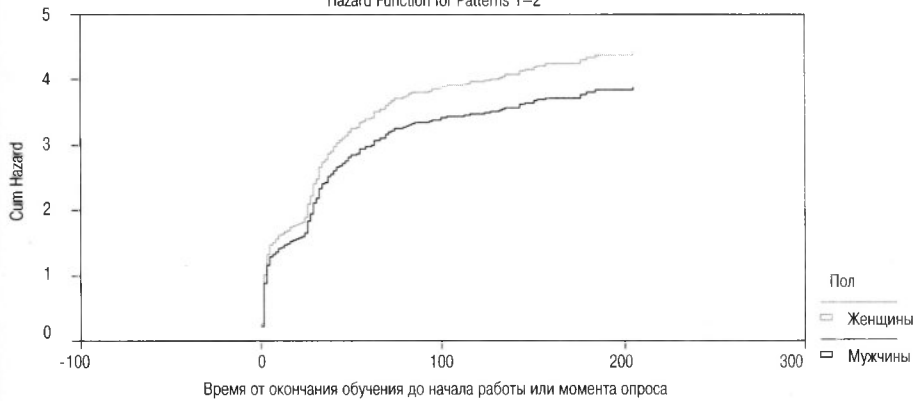

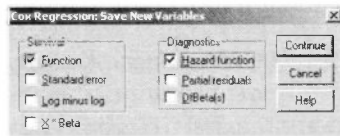
Рисунок 16

Hazard Function for Patterns 1–2

В регрессии Кокса в SPSS можно сохранить значения моделируемых функций (функции риска, вероятность выживания и пр.) для каждого респондента — предусмотрена опция Save, где можно выбрать какие именно значения мы хотим сохранить в массиве данных в качестве предсказанных моделью переменных (рис. 17).

Рисунок 17

Использование данной процедуры позволяет, например, изменить дизайн графиков с помощью других графических редакторов или сделать дополнительные, не предусмотренные самой процедурой регрессии Кокса в SPSS, расчеты.

Метод АНС — простой и удобный способ изучения риска наступления событий, численного оценивания зависимости этого риска от времени и других характеристик объекта и построения прогноза наступления событий. Понимание основных предпосылок и особенностей применения АНС, изложенных в статье, поможет проводить АНС, реализованный в SPSS и

других статистических программах. Данная методика имеет широкую область применения в демографических, экономических и социологических исследованиях, а также с успехом может использоваться на практике в работе страховых компаний и банков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *David W., Hosmer Jr., Lemeshov S.* Applied survival analysis : regression modeling of time to event data. — 1999.
2. *Greene W.H.* Econometric Analysis. 3rd edition. Prentice-Hall, Upper Saddle River. — New Jersey. 1997.
3. *Hald A.* A History of Probability and Statistics and Their Applications Before 1750. — NY: John Wiley & Sons, Inc., 1990.
4. *Knoke D.H.* Course on Event History Analysis, spring 2004, University of Minnesota. <http://www.soc.umn.edu/~knoke/>
5. *Martinussen T.* Introduction to statistics for time to event data, Royal Veterinary and Agricultural University <http://www.matfys.kvl.dk/~torbenm/DINA/survival>
6. *Martinussen T., Scheike Th.* Dynamic regression models for survival data // Springer. March 2006.
7. *Scheike Th.* Advanced survival analysis for biostatistical/statistical Ph.D.-students. Faculty of Medicine, University of Copenhagen; course Statistical analysis of survival data 2006 at the Department of Biostatistics. University of Copenhagen. <http://staff.pubhealth.ku.dk/~ts/>
8. *Бююль А., Цёфель П.* SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. — СПб.: ДиаСофтЮП, 2005.
9. *Кокс Д., Льюис П.* Статистический анализ последовательностей событий. — М.: Мир, 1969. *Кокс Д., Оукс Д.* Анализ данных типа времени жизни. — М.: Финансы и статистика, 1988.
10. *Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересекий А.А.* Эконометрика. Начальный курс: Учеб. / Изд. 6-е, перераб. и доп. — М.: Дело, 2004.
11. *Савинцева О.* Анализ длительностей до момента прекращения. <http://www.nsu.ru/ef/tsy/ecmr/durat/savinc/savinc.htm>

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО АРХИВА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Л.А. Хахулина, к. э. н., Аналитический центр Юрия Левады
Л.Б. Косова, к. т. н., НИСП

Проблема создания общедоступных архивов социологических данных обрела особую актуальность в конце сороковых годов XX в. В первую очередь, это было связано с огромным и поистине бесценным материалом, накопленным в ходе проведения возрастающего числа социологических исследований, пониманием того, что большие деньги, вложенные в получение этого материала, не должны пропасть. В то же время со стороны общества чувствовалась возрастающая потребность в доступе к подобной информации, желание непосредственно знать и анализировать живые фактографические данные, полученные в ходе социологических опросов. Пионерами в области архивирования выступили Институт Гэллапа и вновь организованный Ропер-центр, ставший хранителем и распространителем результатов исследований, проведенных Институтом Гэллапа.

В последующие три десятилетия система архивов активно развивалась в Америке и в Европе. К настоящему моменту архивы социологических данных, открытые для научного и экспертного сообщества, существуют практически во всех демократических обществах. Они объединены в международные союзы и организации и своей целью ставят создание единого информационного пространства, позволяющего пользователю получить релевантную информацию независимо от места ее физического хранения.

Первые попытки создания электронных архивов в Советском Союзе были предприняты в Институте социологии. В 1985 г. для накопления данных эмпирических социологических исследований и организации их хранения в виде, пригодном для многократного использования, был организован банк данных социологических исследований (БДСИ). Над его созданием работал целый ряд сотрудников Института социологии АН СССР, в том числе В.Г. Андреенков, А.В. Жаворонков, М.С. Косолапов, А.О. Крыштановский, О.М. Маслова, В.Н. Шипилов и др. В 1987 г. банк приобрел статус всесоюзного. В нем аккумулировали информацию социологических исследований, проводимых не только сотрудниками Института социологии АН СССР, но и другими социологическими центрами. В настоящее время банк формально утратил статус всесоюзного, но сохранил эмпирические данные широкого спектра исследований, проводимых в течение длительного периода практически во всех республиках бывшего СССР.

Значительные перемены в условиях, обеспечивающих развитие открытых электронных архивов социологических данных, произошли в конце 90-х годов XX в. К этому времени уже существовало достаточно социологических агентств, работающих по международным стандартам и получающих достоверную и важную информацию о жизни общества. Более того,

появились материальные средства — компьютеры, сети, программное обеспечение, облегчающие доступ к этой информации. И, наконец, возникли необходимые социальные условия, делающие возможным открытый доступ к информации о жизни общества. На фоне этих перемен в сентябре 2000 г. был создан Единый архив социологических данных (ЕАСД) при финансовой поддержке Фонда Форда.

Основная цель проекта — обеспечить свободный доступ научного и экспертного сообщества к результатам социологических опросов. Решение этой задачи важно не только для развития социальных наук в России, свободный доступ к достоверным и надежным данным — основа развития гражданского общества и демократии. Эта возможность одинаково важна и для ученых, и для студентов, и для средств массовой информации, и для исследовательских организаций. Жизнь в демократическом, открытом обществе невозможна без доступа к достоверной информации, отвечающей на самые актуальные вопросы общественной жизни, позволяющей исследователю понять и сделать понятными для широкой публики важнейшие процессы социальной трансформации. Проект был начат по инициативе АНО «Левада-центр», к нему присоединились ведущие исследовательские организации: Институт социологии РАН, Фонд «Общественное мнение», Институт комплексных социологических исследований, РОМИР, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, депонировавшие в архив результаты своих исследований.

С 2002 г. Единый архив существует и работает как специализированная программа в рамках Независимого института социальной политики. К настоящему моменту архив вырос по сравнению с пилотным этапом в 10 раз: в архиве хранится около 600 исследований. Расширился и круг депозиторов: к первоначальной шестерке отцов-основателей присоединились Московский центр Карнеги, Институт социально-экономического прогнозирования народонаселения (ИСЭПН РАН), Центр гуманитарных и политических исследований «Стратегия», Институт философии РАН, Комкон-2, Закавказский региональный исследовательский центр (CRRC), фонд ИНДЕМ. В настоящее время Единый архив начал работу по сбору результатов исследований получателями грантов благотворительных фондов.

Список депозиторов Единого архива социологических данных

Аналитический центр Юрия Левады
 Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
 Закавказский региональный исследовательский центр (CRRC)
 Институт комплексных социологических исследований
 Институт социально-экономического прогнозирования народонаселения (ИСЭПН РАН)
 Институт социологии РАН
 Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
 Институт философии РАН
 Комкон-2
 Московский центр Карнеги
 РОМИР
 Фонд ИНДЕМ
 Фонд «Общественное мнение»
 Центр гуманитарных и политических исследований «Стратегия»

Успешно развивается взаимодействие с пользователями архива. Если в 2003 г., когда начиналась отработка критериев оптимального взаимодействия с пользователями, было заключено 67 соглашений о передаче данных, то в 2006 г. их уже около 200. Особое внимание Единый архив уделяет сотрудничеству с высшими учебными заведениями, готовящими специалистов по социально-экономическим и политическим дисциплинам. ЕАСД стремится к тому, чтобы материалы архива использовались в учебном процессе в качестве эмпирической основы. Наиболее тесные и давние отношения у нас сложились с **Высшей школой экономики**, где использование материалов Единого архива в учебном процессе и для написания различного рода работ, от студенческих курсовых до диссертаций, стало нормой: каждый учебный поток обращается в архив за материалами.

В 2004 г. было начато сотрудничество с экономическим факультетом **Московского государственного университета**. В ходе серии семинаров были продемонстрированы возможности архива и достигнута договоренность о том, что данные Единого архива будут использоваться в ходе учебного процесса и для самостоятельной работы студентов.

Большая работа ведется с региональными университетами. Так, в **Омском государственном университете** данные Единого архива не только используются в учебном процессе, но и стали основой конкурса студенческих работ. Активно используются данные Единого архива в учебном процессе **Новосибирского государственного университета**. За прошедший год к нам обратились около 30 университетов из различных регионов России, среди них Алтайский государственный университет, Байкальский государственный университет экономики и права, Бурятский институт повышения квалификации работников образования, Волгоградский государственный университет, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Иркутский государственный университет, Казанский государственный технический университет, Нижегородский государственный университет, Новочеркасский политехнический университет, Пермский государственный университет, Российский государственный педагогический университет (Екатеринбург), Ростовский государственный педагогический университет, Саратовский государственный университет, Томский государственный университет, Украинский гуманитарный институт, Ульяновский государственный университет, Южно-Российский университет экономики и сервиса.

В настоящий момент каталог на сайте Единого архива включает в себя около 600 исследований, охватывающих 1975–2006 гг. Общая структура хранения представлена на *рис. 1*.

Раздел **«Повторяющиеся исследования»** включает опросы мониторингового типа, проведенные ведущими социологическими агентствами. Все исследования проведены по репрезентативным российским выборкам и включают в себя повторяющийся блок вопросов, что позволяет не только проследить динамику важнейших социально-экономических показателей, но и сопоставить методики различных исследовательских институтов.

В раздел **«Тематические исследования»** вошли опросы, посвященные изучению конкретных тем. Респонденты отвечали на вопросы о бедности и богатстве, безработице и занятости, государственных социальных про-

Рисунок 1

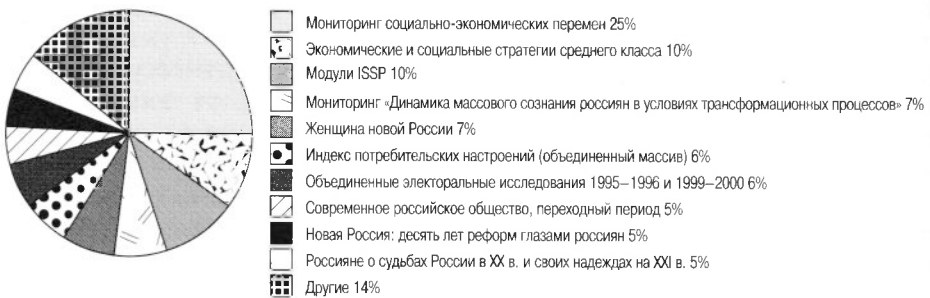
граммах, критериях достижения успеха, причинах различия в доходах, целях политики, удовлетворенности жизнью, национальных отношениях, экономической реформе.

В раздел **«Тренды»** вошли три объединенных базы данных, каждая из которых включает в себя материал, накопленный за много лет. Например, в базу **«Бюджеты времени сельского населения»** вошли данные за 1975–1999 гг. Это системное исследование советской и постсоветской деревни, посвященное изучению сдвигов в использовании времени при изменяющихся условиях жизни сельского населения. Исследование является лонгитудным относительно выборочной совокупности сельских поселений.

«Модули ISSP» — международное исследование (International Social Survey Programme), начатое в 1985 г. К настоящему моменту в нем участвует около 30 стран. Оно проводится по согласованной тематике и единой методике, что позволяет осуществлять межстрановые сравнения и отслеживать временную динамику. Россия присоединилась к странам-участницам в 1991 г.

Перечень всех исследований можно посмотреть на сайте: <http://sofist.socpol.ru>

Рисунок 2. Наиболее часто запрашиваемые Исследования
Единого архива социологических данных

Для удобства работы с данными, депонированными в Единый архив, разработана информационная система **«СОФИСТ»** (Система организации фактографической информации по социологической тематике), позволяющая:

- найти релевантную информацию;
- посмотреть анкету и описание исследования;
- в режиме on-line построить линейные распределения;
- проанализировать тренды;
- послать запрос на получение «сырых» данных.

Единый архив хранит данные в формате SPSS и передает их для исследовательской и преподавательской работы на безвозмездной основе.

Информационная система поддерживается на двух языках, русском и английском. К настоящему моменту на английский язык переведены анкеты около 400 исследований.

В 2005 г. Единый архив сделал важный шаг по внедрению международных стандартов в свою работу. Был освоен NESSTAR — программный комплекс, разработанный UK Data Archive и Norwegian Social Science Data Services специально для архивов социологических данных. Он позволяет не только разместить электронный каталог исследований в Интернет, но и обеспечивает возможность статистической обработки данных прямо на сайте. Пользователю нет необходимости устанавливать этот программный продукт на свой компьютер или перекачивать к себе данные. Все данные хранятся на сервере архива, конечные пользователи получают доступ к информации и программному обеспечению бесплатно в режиме on-line, что создает абсолютно новые возможности для преподавания социальных дисциплин в региональных университетах. Преподаватели и студенты могут анализировать данные Единого архива, размещенные в Интернет, непосредственно в ходе занятий, не осуществляя предварительного заказа данных и не тратя ресурсы на приобретение программ для статистического анализа.

В настоящий момент Единый архив — первый в России пользователь этого программного продукта, поэтому особое внимание уделяется его адаптации и популяризации. Чтобы сделать взаимодействие с пакетом более комфортным для российских пользователей, Единый архив провел работу по русификации интерфейса NESSTAR. Все файлы диалогов системы с пользователями были переведены, отлажены и вновь встроены в программный комплекс. Теперь система общается с пользователями на русском языке.

Рисунок 3. Пример постороения линейных распределений в режиме on-line

Исследование: Экспресс 2002—13					
Вопрос: Вы бы предпочли, чтобы у Вас и Ваших детей, внуков была возможность получать бесплатные медицинские услуги и бесплатное образование или чтобы у вас было достаточно денег для оплаты медицинских услуг и образования?					
		п	%	вал.%	кум.%
1	Возможность получать бесплатные медицинские услуги и образование	978	62	62	62
2	Достаточно денег для оплаты медицинских услуг и образования	547	35	35	97
3	Затрудняюсь ответить	54	3	3	100
	Всего	1580	100	100	

В 2007 г. Единый архив вступил как быстро развивающаяся программа, обладающая уникальной коллекцией социологических данных и растущим кругом пользователей. Перед нами стоят несколько важных задач, которые можно определить как просветительские, формирующие стандарты исследовательского поведения и собственно исследовательскую среду.

1. Работа Единого архива направлена на то, чтобы стать центром депонирования исследований, проведенных грантополучателями различных благотворительных фондов. Депонирование данных в архив повышает ответственность исследователя, понимающего, что результаты его работы станут публичными и контролируемыми со стороны научного сообщества, что непременно со временем скажется на уровне проводимых социологических исследований.

**ЖИТЬ НАСТОЯЩИМ, НО ВЗАЙМЫ:
КРЕДИТОВАНИЕ — НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Д.Х. Ибрагимова, к. и. н., НИСП

Одним из основных факторов роста потребительского оптимизма после кризиса 1998 г., помимо роста реальных доходов населения, стало увеличение потребительского кредитования, возможности получения которого существенно расширились, особенно начиная с 2003 г. Развитие потребительского кредитования создает, по сути, новую социальную реальность в России, поскольку значительная часть населения до сих пор попросту не могла себе позволить многие крупные покупки. Вплоть до 2001 г. покупательная активность на рынке товаров длительного пользования была характерна только для 18–20% российского населения. Иными словами, большинство респондентов стабильно отвечали, что им не приходилось в течение года, предшествующего опросу, делать крупные покупки. Однако в 2002 г. доля покупателей выросла в 1,5 раза (32%), а в 2005 г. эта цифра достигла 44%.

В списке приоритетных потребительских расходов в 2002–2006 гг. фигурируют СВЧ-печи, стиральные машины-автомат и т.д., т.е. товары, которые более обеспеченные слои населения уже приобрели или обновили в предшествующие годы, а менее обеспеченные благодаря ставшему доступным потребительскому кредиту делают это в последние годы. Получая доступ к кредитам, большая часть населения может быстрее повысить качество жизни. Тем более что в последнее время рынок кредитования становится все более и более благожелательным к заемщику: снижаются ставки процента, упрощаются схемы выдачи и т.д. Получить кредит на покупку широкой номенклатуры товаров (от бытовой техники до автомобиля) достаточно легко. Плюсы очевидны: увеличивается платежеспособный спрос, люди повышают качество жизни, финансовые институты, внимание которых к потребительскому сектору обусловлено как падением доходности альтернативных финансовых инструментов, так и ростом доходов населения, получают заманчивый инструмент для привлечения инвестиций.

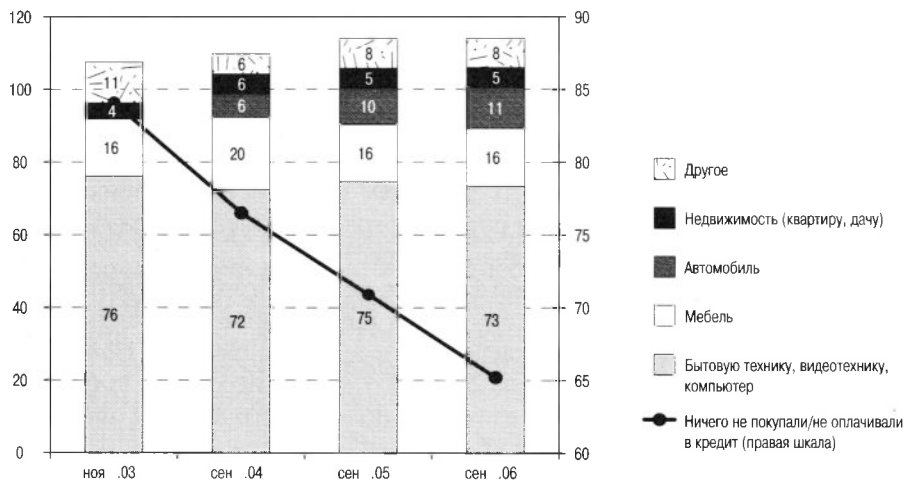
В 2004–2005 гг. был принят ряд законов, целью которых является обеспечение возможностей по упорядочиванию и дальнейшему развитию данного рынка. Первое изменение касается внесения поправок в Налоговый кодекс, вступивших в силу с начала 2005 г. Согласно внесенным поправкам физические лица освобождаются от уплаты подоходного налога с операций, связанных с кредитными картами в беспроцентный период. До конца 2004 г. согласно российскому законодательству заимствование у банка денежных средств без уплаты банку процентов в размере меньшем, чем 9% для случая кредитования в иностранной валюте или 3/4 ставки рефинансирования Центробанка, приводило к возникновению материальной выгоды у клиента, с которой он должен был уплатить подоходный налог. Данное ограни-

чение распространялось и на электронные расчетные средства. Введенные с начала 2005 г. поправки позволили банкам предоставлять льготный беспроцентный период в случае использования кредита через кредитную карту, т.е. банки смогли начать выпуск «полноценных» кредитных карт.

Другим важным изменением стало принятие закона о кредитных историях (№ 218-ФЗ, декабрь 2004). Принятие этого закона явилось завершением более чем пятилетней истории попыток по созданию кредитных бюро в России. Закон о кредитных историях был принят в декабре 2004 г., однако в полную силу он вступил с 1 сентября 2005 г. За более чем полугодовой инкубационный период предполагалось создать инфраструктуру для хранения кредитных историй заемщиков, а банки должны были определиться с выбором организации, которая будет осуществлять хранение кредитных историй их заемщиков. Кредитные бюро смогут предоставлять разного рода отчеты о кредитных операциях в зависимости от информации о потенциальном заемщике, вида предоставляемого кредита и от степени детализации, необходимой кредитору. Предоставление отчетов кредитным организациям должно повысить уровень надежности потенциальных заемщиков и, как следствие, безопасность предоставляемых кредитов. В целом, появление кредитных бюро должно оказать положительное влияние на развитие рынка кредитования, так как оно нацелено на существенное снижение издержек на оценку потенциального заемщика, а следовательно, снижение стоимости предоставляемых кредитов.

Согласно опросным данным¹, к концу 2006 г. около 40% населения имели опыт приобретения потребительских товаров в кредит, что в 1,5 раза больше уровня 2004 г. (рис. 1). При этом структура кредитов в течение четырех лет развития кредитования остается практически неизменной: 3/4 лиц, имеющих опыт кредитования, приобретали/оплачивали в кредит бытовую технику, аудио-, видеотехнику, компьютер и т.п., 16% — предметы мебели, 10% — автомобиль, а недвижимость — только 5,5% (1,9% в целом по выборке).

Рисунок 1. Приходилось ли Вам за последние 2 года покупать что-либо в кредит/брать кредит для приобретения чего-либо? (в % от числа покупавших в кредит)

¹ Здесь и далее (если не оговорено иное) под опросными данными подразумевается база данных, сформированная и постоянно пополняемая в ходе реализации мониторингового проекта «Индекс потребительских настроений», выполняемого в рамках НИСП, Фонда ИПН и Аналитического центра Ю. Левады.

Несмотря на создание основ функционирования рынка жилья, строительство и приобретение жилья с использованием рыночных механизмов пока доступны лишь ограниченному кругу семей — семьям с высокими доходами. Основными причинами низкого платежеспособного спроса на жилье являются неразвитость институтов долгосрочного жилищного кредитования, в том числе ипотечного, а также высокий уровень рисков и издержек. Исследования НИСП показывают, что если принимать во внимание ограничения по возрасту, реальную потребность в улучшении жилищных условий и ограничения в доступе к кредитным ресурсам, обусловленные теневыми схемами формирования доходов населения, то только 8–12% российских семей нуждаются в улучшении жилищных условий и смогут участвовать в ипотечном кредитовании. Следовательно, оценки, представленные в программе «Жилище», в соответствии с которыми предполагается, что 30% населения будет вовлечено в программу ипотечного кредитования, выглядят слишком оптимистичными. Они достижимы только либо при двукратном увеличении доходов населения или аналогичном снижении цен на жилье. Важно также подчеркнуть, что 5% населения будет присутствовать на рынке ипотеки не по причине плохих жилищных условий, а из-за отсутствия иных надежных инвестиционных ресурсов для населения. По данным банковской статистики, объем рублевых и валютных кредитов в совокупности, предоставленных населению на покупку жилья (в том числе и ипотечные кредиты), на 1 октября 2006 г. составил 262 млрд руб., или 14,4% от общего объема банковской задолженности².

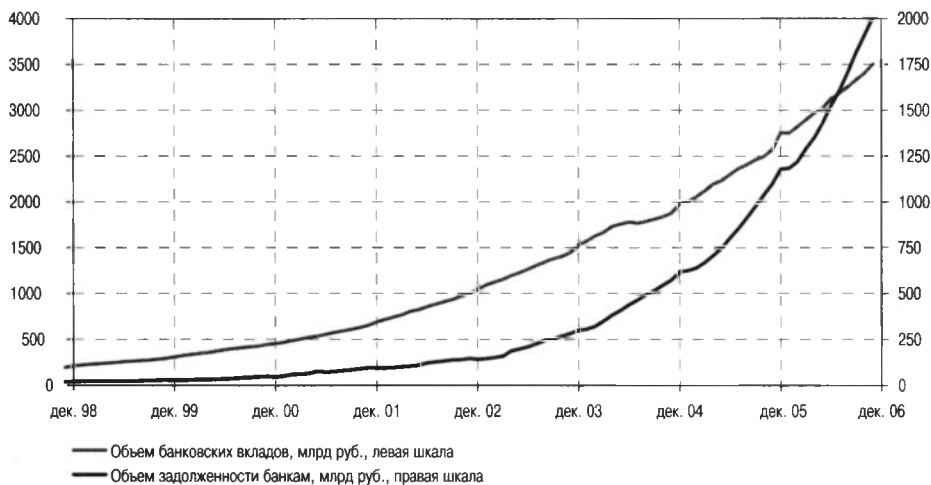
Весь же общий объем банковской задолженности (рублевой и валютной в совокупности), т.е. кредитный портфель населения только за 2006 г. увеличился в 1,8 раза, составив в ноябре свыше 2 трлн рублей (75 млрд долл.). За тот же период объем банковских депозитов возрос лишь в 1,4 раза, составив 3,5 трлн руб. (рис. 2). Хотя по соотношению общего объема кредитов и депозитов население пока не стало чистым заемщиком банковской системы³, продолжается процесс, когда прирост кредитного портфеля физическим лицам устойчиво превышает прирост депозитов. (Здесь надо понимать, что берет кредиты одна категория клиентов, а размещает средства, как правило, другая.) Можно говорить об очередном этапе в развитии банковской системы, характеризующегося тем, что, сохраняя доверие граждан (депозиты продолжают расти), банки смогли сделать доступными и популярными у населения и кредитные продукты. В то же время, можно говорить и о том, что в настоящее время происходит переход от сберегательной модели приобретения крупных покупок к кредитной, т.е. рост сбережений замещается возрастающими объемами полученных потребительских кредитов.

Такой рост объемов задолженности банкам отражает принципиально иную оценку населением условий для получения кредита. Если в 1998 г., согласно опросным данным, доля респондентов, считающих, что приобретение дорогостоящих товаров в долг не оправдано, более чем в 10 раз превышало долю лиц, одобряющих покупки в кредит, то к 2005 г. численность этих групп почти сравнялась. Соответствующий индекс же оценки благоприятности условий для использования кредита вплотную приблизился

² Необходимо отметить, что указанная цифра может быть чуть больше, так как известно, что часть кредитов, предоставляемых на потребительские нужды идет также на покупку жилья, но проследить их целевое назначение по статистике невозможно.

³ Такая ситуация была в III квартале 2005 г., по итогам которого население выступило чистым заемщиком, доверив банкам меньшую сумму, чем у них одолжили.

Рисунок 2. Динамика объемов депозитов и кредитного портфеля населения

к 100 пунктам⁴. Если сравнить оценку респондентами благоприятности условий для покупок товаров длительного пользования, формирования сбережений и использования кредита (динамика соответствующих индексов представлена на рис. 3), то можно отметить следующее. До 2002 г. динамика и абсолютный уровень этого индекса практически совпадали с динамикой и уровнем индекса благоприятности условий для формирования сбережений. Это было связано, в частности, с тем, что потребительский кредит был не развит и практически весь прирост задолженности населения формировался за счет ссуд на приобретение жилья, приобретение которого скорее соответствует накоплению сбережений, чем потребительским расходам. С 2003 г. в России началось бурное развитие именно потребительского кредита, в результате чего индекс благоприятности условий для использования кредита резко подтянулся к уровню индекса благоприятности покупок товаров длительного пользования и приобрел его же динамику.

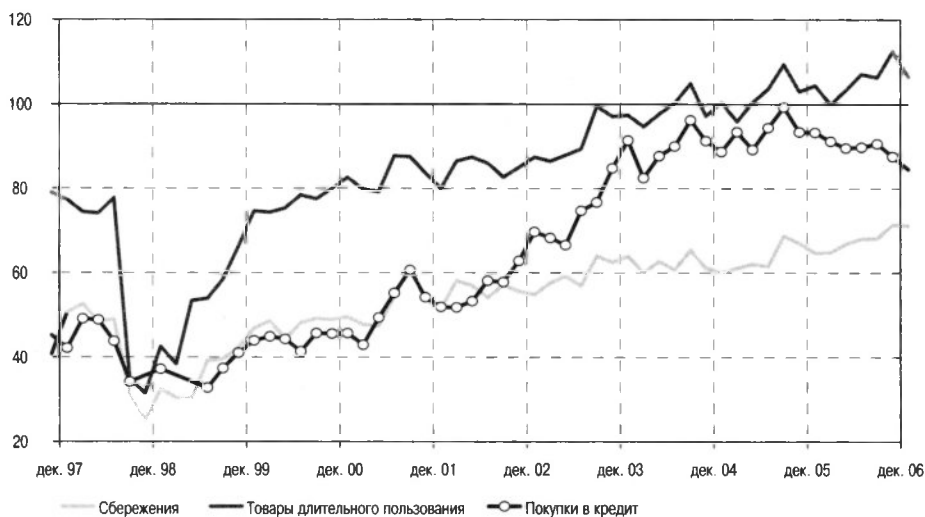
Использование кредита при покупке товаров длительного пользования разрывает типичную для переходного периода привязанность таких покупок к сбережениям. Начинают играть роль характерные для рыночных условий зависимости между ставками процента, сбережениями, кредитом и покупками товаров длительного пользования. Доля лиц, считающих, что условия для крупных покупок неблагоприятны из-за невыгодности условий кредита, в начале 2000 г. достигала 15%, к 2004 г. снизилась почти до 7%, причем основное падение произошло в 2000–2001 гг. Именно в это время ставки процента по кредитам населению уменьшились с 40 до 20% в год. После этого ставки менялись незначительно, и весь прирост задолженности населения был связан с ростом доступности.

Как видно из рис. 3, в 2006 г. оценки населением экономических условий для приобретения товаров в кредит, долг в целом остаются благоприятными, хотя их динамика в 2006 г., в отличие от всех предыдущих лет, стала приобретать немного ниспадающий характер. В среднегодовом выражении индекс целесообразности приобретения товаров в кредит в 2006 г. снизился на 2,7 пункта (с 93,1 до 90,4).

⁴ Индекс рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление негативных значений. Соответственно, диапазон значений индекса варьируется от 0 до 200.

Рисунок 3. Динамика индексов оценок благоприятности условий для сбережений, крупных покупок и использования кредита

Взглянем на социальный состав заемщиков. Как видно из *табл. 1*, треть лиц, получивших/оплачивавших что-либо в кредит, по своему уровню доходов относится к малообеспеченным слоям населения (респонденты 1–4 децилей). Кроме того, было бы ошибочно утверждать, что потребительское кредитование быстрее всего развивается в столице. Как показывают опросные данные, до 20% респондентов, указавших на наличие платежей по кредиту, проживает на селе, а порядка 40% — в малых городах. Различие проходит прежде всего в денежных суммах получаемых кредитов (на селе и в малых городах они более мелкие) и, соответственно, в структуре покупок по товарным группам. Более обеспеченные семьи чаще приобретают в кредит автомобиль, недвижимость (*табл. 2*).

Таблица 1. Социальный профиль респондентов, указавших на наличие расходов по потребительскому кредиту (% по столбцу)

Группы населения	Ноябрь 2003	Сент. 2004	Сент. 2005
В целом по выборке	15,9	23,5	33,2
Тип поселения			
Москва и Санкт-Петербург	6,1	9,4	8,3
Большие города	33,9	29,0	29,6
Малые города	38,4	41,9	45,4
Села	21,6	19,8	16,7
Доходные группы			
1–2 децили	16,5	13,4	18,3
3–4 децили	14,6	21,1	15,4
5–6 децили	16,5	13,0	21,1
7–8 децили	23,3	24,5	21,9
9–10 децили	29,0	27,9	23,4
Возрастные группы			
До 30 лет	40,1	40,8	40,0
30–55 лет	51,9	52,9	53,1
56 лет и старше	8,0	6,3	6,8

Однако более заметным фактором, дифференцирующим кредитное поведение, оказывается не денежный недостаток, а возраст потребителя. Наиболее восприимчивы к программам кредитования лица молодого возраста (до 30 лет). Они относятся к возможности приобретать в кредит как к норме, к обыденному факту, более того, потребительское заимствование становится для них неотъемлемой частью жизни. За последние два года делали какую-либо покупку в кредит около половины (46%) респондентов моложе 30 лет и только 12% респондентов старше 55 лет. При этом представители молодежи чаще приобретали в кредит автомобиль и недвижимость. Одновременно на ближайшие годы не планируют покупки в кредит 50% молодежи и свыше 3/4 респондентов старше 55 лет (табл. 2).

Таблица 2. Участие в кредитных программах людей разных возрастных и доходных групп (включены только респонденты трудоспособного возраста: женщины 16–55, мужчины 16–60), сентябрь 2006

Показатель	Доход			Возраст		
	Низкий (1-й квинтиль)	Средний (2-4 квинтили)	Высокий (5-й квинтиль)	до 30 лет	30-45 лет	46-55 лет
Фактическое участие						
За последние два года ничего не покупали/не оплачивали в кредит	59	57	58	54	56	61
Приобретали в кредит:						
Бытовую технику, аудио-, видеотехнику, компьютер и т.п.	32	31	31	34	34	28
Мебель	6	7	7	8	6	7
Автомобиль	1	6	7	9	3	4
Недвижимость (квартиру, дачу и т.п.)	0	3	3	2	3	3
Другое	4	3	2	3	4	4
Планы участия						
Не будут брать кредит	69	55	53	50	56	66
Собираются приобрести в кредит						
Бытовую технику, аудио-, видеотехнику, компьютер и т.п.	10	12	10	13	11	8
Мебель	5	5	5	5	6	6
Автомобиль	0	5	9	8	4	3
Недвижимость (квартиру, дачу и т.п.)	3	2	7	5	2	4
Другое	2	1	2	1	1	2
Не знают, будут ли покупать в кредит	13	23	19	23	23	16

Формирование и расширение слоя заемщиков отразилось и на динамике удельного веса расходов на обслуживание кредитов в денежных доходах населения, явившись одной из причин его увеличения. По данным Центра развития, по итогам первого полугодия 2006 г. расходы населения на выплату ежемесячных платежей по кредитам достигли 7% доходов населения, превысив расходы на уплату подоходного налога (5,4%), которые до этого момента были наиболее крупной статьёй обязательных расходов населения. Отношение платежей по обслуживанию кредитов к доходам в течение последних двух лет резко увеличилось, то есть фактическая долговая нагрузка

ка на население теперь всего в четыре раза ниже ее критического уровня, который достигается, когда уровень платежей по обслуживанию кредита составляет 30% доходов населения. Согласно данным опроса (сентябрь 2006 г.), 25% респондентов в течение последних двух месяцев тратили деньги на погашение кредита, т.е. имели непогашенную задолженность.

Другой причиной высокой доли платежей по обслуживанию кредитов в доходах населения является небольшой средний срок кредитования, который, начиная с 2004 г., практически не меняется, составляя 33–34 месяца.

Сохраняющийся высокий уровень процентных ставок (по данным «Бюллетеня банковской статистики», на конец октября 2006 г. средняя ставка по рублевым кредитам населению составляла 17,3% годовых), обусловленный ажиотажным спросом на кредиты и высокими рисками кредитования на расширяющемся рынке, объясняет высокую долю процентных платежей в расходах на обслуживание кредитов. По оценке Центра развития, эти процентные расходы практически сравнялись с доходами, получаемым населением в виде процентов по депозитам.

Несмотря на то, что общий уровень потребительского кредитования в России остается ниже, чем в развитых странах (отношение общего объема задолженности по кредитам к доходам в годовом выражении составляет 10% против 20–30% в странах «Большой семерки»), невысокий по сравнению с теми же странами уровень накопленных финансовых активов населения увеличивает риски, связанные с возможными неплатежами как для самого населения, так и для банковской системы. И самым главным из рисков является просроченная задолженность, темпы роста которой выше, чем объемов кредитного портфеля населения. Пока общая экономическая ситуация позволяет отечественной банковской системе обходить, нивелировать неплатежи в розничном кредитовании. Но опасность кризиса невозврата или, как его называют, кризиса плохих долгов в случае изменения общей конъюнктуры существует.

Жить настоящим, не откладывая на потом, увидел–купил — это, конечно, хорошо, но вследствие рекламной шумихи у потребителей складывается представление, что кредит — это легко, дешево и просто, тогда как на самом деле жить в кредит — значит жить дорого. И с этой точки зрения условия предоставления кредита для заемщиков у нас, как правило, не прозрачные. Ведь банки, давая кредит заемщику, не сообщают (в отличие от многих банков Европейского Союза), какую абсолютную сумму он в конечном итоге выплатит. Ему сообщают проценты за открытие счета, проценты по кредиту, стоимость обслуживания кредита и еще много чего, но в конечном счете заемщик точно не знает общую дополнительную стоимость, т.е. стоимость переплаты. Реальная ставка может быть выше официально заявленной в несколько раз. Центробанк недавно издал указание (которое начинает действовать с 1 июля 2007 г.), обязывающее раскрывать реальную эффективную ставку при потребительском кредитовании. Это, конечно, нужный шаг, но думается, чрезвычайно важно сделать и так, что когда человек приходит в банк, он обязательно мог получить информацию относительно абсолютных размеров того бремени, которое он на себя взваливает. Если вы взяли, допустим, 10 тыс. долл. в кредит, то должны знать, что через 2 года, купив какую-то вещь сейчас, вы возвратите, к примеру, 14 тыс. долл., из которых 4 тыс. — цена за пользование материальными благами здесь и сейчас, а не потом. Это будет способствовать и более трезвому осмыслению личных финансовых возможностей и перспектив их развития, и укрепле-

нию взаимного доверия, недостаток которого (как со стороны граждан к финансовым институтам, так и со стороны банков к населению) является одним из основных барьеров для развития российского финансового рынка. Недоверие банков к заемщику выражается в высоких процентных ставках, а причина недоверия заключается в отсутствии у нас кредитных историй. Банки страхуют свои потенциальные риски, повышая процентные ставки и перекладывая финансовое бремя на всех, в том числе и добросовестных заемщиков. Необходимо повышать открытость и прозрачность кредитных отношений — унифицировать форму договора по выработанным Центробанком правилам, законодательно установить четкие правила и ответственность за их неисполнение и для банков, и для заемщиков и т.д.

Развитие кредитования, безусловно, будет продолжаться, причем пока еще, вероятнее всего, экстенсивными методами, т.е. за счет вовлечения новых слоев населения. Это связано с тем, что если потребительский бум 2001–2002 гг. возник за счет относительно обеспеченных слоев, имевших тогда финансовую возможность сменить парк бытовой, аудио- и видеотехники, то в настоящее время с развитием кредитования в товарооборот вовлекаются и остальные слои населения, которые до сих пор не могли позволить себе товары, которые теперь можно приобрести по кредитной схеме. В нереализованных потребностях этих людей заложен потенциал для экстенсивного развития потребительского кредитования как нормального финансового инструмента, в том числе и инструмента социального взаимодействия. Подавляющее большинство россиян еще не пользовались кредитными продуктами. Но при этом далеко не все из них не пользовались кредитами в силу своей бедности. Многие состоятельные и платежеспособные граждане не готовы брать кредит, кредит для них неприемлем, они чего-то опасаются. И в этом случае повышение прозрачности в работе банков, в частности в условиях предоставления кредитов, будет являться определяющим.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — ЧТО МЫ О НЕЙ ЗНАЕМ И КАК ЕЕ ПОНИМАЕМ?

Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. —
М.: Российский государственный гуманитарный университет,
2005. — 442 с.

Л. Н. Овчарова, к. э. н., НИСП

В обсуждение проблематики социальной политики включается все большее число групп дискурсантов: политики, бизнесмены, ученые, эксперты-аналитики и рядовые граждане, и палитра мнений относительно ее целей и задач в современной России весьма широка. Эта книга своевременна и актуальна по многим причинам. В отличие от многочисленных работ, затрагивающих различные аспекты социальной политики, она в комплексе рассматривает основные идеи и теории, определяющие, как отмечено в предисловии, ядро исследуемого предмета. Согласно с автором в оценке того, что в период активного экономического реформирования в России решение социальных вопросов, как и разработка адекватной переменам политики были отложены «до лучших времен». Создание основных рыночных институтов, экономический рост последних семи лет и восстановление предреформенного уровня доходов позволяют сделать вывод о том, что эти «лучшие времена» уже наступили, и незавершенность социальных реформ может стать серьезным барьером на пути развития цивилизованных рыночных отношений. Значимость данной монографии в значительной степени определяется выбранным форматом рассмотрения феномена социальной политики: исторический экскурс по социальной проблематике и ее отражении в экономических и социологических концепциях. Кроме всего, данная книга, безусловно, относится к изданиям хрестоматийного и энциклопедического характера по отношению к рассматриваемому предмету.

Что нам предлагает автор? Во-первых, исторический экскурс по ступенькам и лабиринтам развития социальной политики в XVIII–XX вв., включая модели ее реализации в Великобритании, Германии и Франции. Другой ракурс этой темы представлен автором при рассмотрении роли и места социальной проблематики в экономических и социологических теориях, либеральной доктрине, концепциях социального государства и

государства всеобщего благосостояния. В связи с этим отдельно следует остановиться на двух вопросах, широко представленных в данной книге. Первый связан с либерализмом и социальной политикой. Автор наглядно показывает, что либеральная социальная политика — это, во-первых, не сокращение государственных социальных расходов, а смещение их в сторону бедных и уязвимых категорий населения, во-вторых, она предполагает некоторые минимальные социальные гарантии для всего населения. Качественная структура этих гарантий, будучи относительной во времени и в пространстве, должна быть гармонизирована с достигнутым уровнем экономического развития. Всем критикам неолиберальных социальных концепций рекомендую ознакомиться с данной книгой, чтобы понять, что либерализм — это иной, но сбалансированный подход к распределению социальных и экономических полномочий между рынками, государством, семьями и индивидами.

Вторая проблема, на которой хотелось бы заострить внимание — это концептуальное определение бедности в контексте социальной политики. Очевидно, что смещение приоритетов, по крайней мере социальной защиты, в сторону поддержки бедных слоев населения, обостряет проблему инструментального определения бедности и ее измерения. Автор рассматривает данную категорию преимущественно через призму социологических концепций и подходов, которые представлены в третьей главе монографии, хотя и обращается к отдельным ракурсам ее интерпретации в рамках экономических теорий. Экономисты, когда рассуждают о бедности, всегда обращаются к вопросам ее измерения в терминах линий бедности и показателей благосостояния, сопоставляемых с ней для определения уровня и глубины бедности. Так операционализировать бедность экономистов заставила именно социальная политика, требовавшая выделения бедных и уязвимых групп населения, и экономические модели интерпретации бедности отличаются от тех, которые представлены автором. В частности, речь идет об абсолютной, относительной и субъективной концепциях измерения бедности. Невозможно объять необъятное, поэтому автор еще в предисловии отмечает, что одна из целей книги — изменить утилитарные представления о социальной политике как о чем-то связанном только с экономикой и финансами. Действительно, в последние годы российская экономическая наука и социальная практика активно развились именно в этом направлении. Возможно, обилие публикаций по проблемам дифференциации доходов, прожиточного минимума, измерения благосостояния российских домохозяйств и позволило оставить данную проблему в стороне.

Самостоятельная глава посвящена проблематике государства всеобщего благосостояния, в которой особого внимания заслуживают разделы, о моделях социальной политики. Особенно интересной мне показалась авторское изложение идей Г. Эспинг-Андерсена и Н. Мэннинга относительно классификаций социальной политики в рамках концепции государства всеобщего благосостояния. В частности, Г. Эспинг-Андерсен выделяет три типа государства всеобщего благосостояния, которые по сути различаются моделями социальной политики: неолиберальный, социально-демократический, консервативно-корпоративистский. В основу данной классификации положены три параметра: уровень замещения рыночного распределения товаров и услуг нерыночными механизмами; неравенство в доходах и доступе к жизненно важным ресурсам; формы вмешательства

государства в распределение материальных благ. Н. Мэннинг, формируя типологию социальных политик, делает упор на модели управления и выделяет плюралистическую модель, корпоративную, марксистскую и модель элит. Многие авторы пытаются встроить в концепцию государства всеобщего благосостояния и социальную политику СССР, рассматривая ее как самостоятельный евразийский тип. Солидарна с позицией автора, изложенной в послесловии, что государство всеобщего благосостояния — это атрибут демократического гражданского общества и правового социального государства.

Особую ценность представляет последняя глава монографии, посвященная обобщению сходств и различий существующих моделей социальной политики, позволяющая провести сравнительный анализ шведской модели всеобщего благосостояния, политики «социальных трансфертов» в Дании, немецкой модели социального рынка, англосаксонских нелиберальных подходов и советской патерналистской модели. Автор очень осторожно пытается обозначить контуры современной социальной политики в России, которую я характеризую как политику «сокращения социальных расходов», не имеющую ничего общего с либеральной, и, тем более, нелиберальной социальной политикой. Ряд исследователей характеризуют ее как продолжение патерналистской советской политики, и такие заключения подкрепляются анализом изменений в законодательстве. Однако проблема в том, что патерналистские законы «О ветеранах», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «Государственной социальной помощи», не были подкреплены соответствующим финансированием, поэтому произошло сокращение (в начале рыночных реформ двукратное) не только реальных денежных доходов населения, но и доли социальных трансфертов в их общем объеме.

До настоящего времени отсутствие социальных приоритетов развития объяснялось необходимостью преодоления экономического кризиса и приоритетностью мер политики, обеспечивающих экономический рост. Динамика экономического развития последних семи лет свидетельствует о том, что мы вышли на траекторию роста ВВП и доходов населения. Последние три года социальная проблематика выдвигается в авангард научного и политического диалога, очередной раз стартовали масштабные модернизационные процессы в социальной сфере. Речь идет о реформе и межбюджетном перераспределении полномочий в сфере социальной защиты населения, социальной компоненте четырех Национальных Проектов и новой политики в отношении поддержки материнства и детства. Эта книга не предлагает рецептов по формированию современной социальной политики в России, но она позволяет специалистам практикам определить ее контуры на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта, предупреждает об опасности некоторых простых решений (типа перекалывания основных обязательств по социальной защите населения с федерального на региональный уровень, что приводит к росту уже достаточно высокого неравенства в доходах).

Прочитав эту книгу, понимаешь, что во всех странах потребности и риски примерно одинаковы, но не существует единой модели социальной политики для всех, даже если проблемы этих стран похожи, поэтому опыт других государств должен быть адаптирован к национальным практикам. В любом случае социальная политика гармонизирует распределение функций по формированию благосостояния между домохозяйствами, государст-

вом и рынками, а конфигурация этого распределения и определяет национальную специфику социальной политики.

В заключение отмечу, что в книге преобладает взгляд социолога на социальную политику, и именно поэтому я в большей степени рекомендую ее экономистам, к сообществу которых отношу себя. Нередко за частоколом цифр, бюджетных отношений, показателей эффективности и результативности мы не замечаем лучших социальных практик, альтернатив выбора и формирующихся кластеров стратегий и моделей экономического поведения людей.

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

М.И. Левина, к. ю. н., Институт государства и права РАН

1. О МАТЕРИНСКОМ КАПИТАЛЕ

Нашумевший закон о материнском капитале — Федеральный закон РФ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» — был принят 29 декабря 2006 г., опубликован 31 декабря 2006 г. и вступил в силу с 1 января 2007 г. [Российская газета. 31.12.06] Данный закон имеет ограниченный срок действия: вступив в силу с 1 января 2007 г., он действителен до 31 декабря 2016 г. Это означает, что он применяется к правоотношениям, возникшим в связи с рождением (усыновлением) второго и последующего детей в указанный период.

Закон направлен на обеспечение дополнительных мер, по улучшению жилищных условий, получению образования, повышению уровня пенсионного обеспечения. Он предоставляет право на дополнительные меры, которое возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющих гражданство РФ, у граждан РФ независимо от места жительства. Обладателями данного права являются следующие лица, которые ранее его не реализовали:

- 1) женщины родившие (усыновившие) второго и/или третьего и последующего детей начиная с 1 января 2007 г. (если ранее не пользовались правом на дополнительные меры);
- 2) мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго и/или третьего и последующего детей, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу с 1 января 2007 г.;
- 3) право на дополнительные меры также возникает у отца (независимо от статуса гражданства) в случае смерти женщины, объявления ее умершей, лишения родительских прав, отмены усыновления, совершения умышленного преступления (преступления против личности) против своего ребенка (детей);
- 4) право может перейти к ребенку (детям) в равных долях как несовершеннолетним, так и совершеннолетним, если последние обучаются по очной форме в образовательном учреждении любого типа и вида независимо от его организационно-правовой формы (за исключением образовательного учреждения дополнительного образования) до окончания такого обучения, но не старше 23 лет.

Именно в связи с последними положениями, капитал называется не просто материнским, но и семейным. Также в связи с последними двумя положениями, закон предусматривает, что при достижении ребенком (детьми) совершеннолетия или приобретения им (ими) дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия законные представители

обязаны передать сертификат ребенку (детям). Само право на дополнительные меры государственной поддержки, т.е. материнский (семейный) капитал может быть реализовано только по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) ребенка (детей).

Закон содержит ограничения реализации права на дополнительные меры государственной поддержки. Оно не предоставляется лицам, лишенным родительских прав или в отношении которых отменено усыновление. Оно также прекращается в случае смерти ребенка или объявления его умершим.

Кроме того, закон устанавливает цели, на которые может быть направлены средства материнского (семейного) капитала и они строго ограничены. Обладатели права могут выбрать одно или несколько направлений — получение образования, улучшение жилищных условий, увеличение накопительной части трудовой пенсии — путем подачи заявления о распоряжении средствами капитала.

Ограничения, установленные законом во многом оправданы. По замыслу законодателя они направлены против злоупотребления правом на дополнительные меры со стороны недобросовестных лиц, против отказников от детей, против пьющих матерей («мамок», как их называют социальные работники).

Первоначально указанные лица получают сертификат в территориальном органе Пенсионного фонда РФ (ПФ РФ). Решение о выдаче сертификата принимается в месячный срок с даты приема заявления. Затем не позднее чем через 5 дней территориальный орган ПФ РФ направляет лицу уведомление об удовлетворении либо отказе в удовлетворении заявления. Отказ должен быть мотивирован: в нем излагаются его основания. Отказ можно обжаловать в судебном порядке. Нормы закона содержат основания отказа:

- 1) отсутствие права на дополнительные меры государственной поддержки;
- 2) прекращение права;
- 3) предоставление недостоверных сведений;
- 4) прекращение права в связи с использованием средств капитала.

Данный перечень является исчерпывающим, то есть не могут быть приведены никакие другие основания отказа.

Распоряжение средствами капитала начинается через три года: подается заявление о распоряжении средствами капитала в территориальный орган ПФ РФ. В заявлении указывается направление использования капитала. Распоряжение средствами капитала может осуществляться по нескольким направлениям. Закон устанавливает сроки подачи заявления о распоряжении средствами капитала. Оно может быть подано в любое время по истечении двух с половиной лет после рождения (усыновления) ребенка (детей). Заявление надо подавать заранее. Если заявитель хочет распорядиться средствами капитала в текущем году (во втором полугодии), то заявление следует подать не позднее 1 мая текущего года; если в будущем году (в первом полугодии), то заявление следует подавать не позднее 1 октября текущего года. Заявители не получают наличных денег. Они перечисляются безналичным расчетом в соответствии с указанными в заявлении направлениями.

Порядок рассмотрения заявления о распоряжении средствами капитала аналогичен порядку заявления о выдаче сертификата на материнский (семейный) капитал. Перечень оснований отказа в удовлетворении заявления о распоряжении средствами капитала также является исчерпывающим. К основаниям отказа относятся:

- 1) прекращение права;
- 2) нарушение установленного порядка подачи заявления;
- 3) указание в заявлении направления, не предусмотренного законом;
- 4) указание суммы, превышающей объем средств капитала;
- 5) ограничение лица в родительских правах;
- 6) отобрание ребенка (в этом случае лицо лишается своего права на период отобрания).

Отказ в удовлетворении заявления о распоряжении средствами капитала также может быть обжалован в суд.

В случае удовлетворения заявления о распоряжении средствами капитала ПФ РФ обеспечивает перевод средств в соответствии с заявлением и в сроки, устанавливаемые Правительством РФ.

Размер семейного (материнского) капитала составляет 250 000 рублей. Его размер ежегодно пересматривается с учетом темпов инфляции и устанавливается Федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год. Пересмотр размера капитала осуществляется до перечисления средств капитала из федерального бюджета в бюджет ПФ РФ. В том же порядке осуществляется пересмотр оставшейся части суммы средств капитала. Размер капитала уменьшается на сумму уже использованных средств. Существенным здесь является то, что материнский (семейный) капитал не облагается налогом, что обеспечивается внесением поправки в ст. 217 Налогового кодекса РФ.

Теперь подробнее о направлениях средств материнского (семейного) капитала. Закон предусматривает направление средств капитала на улучшение жилищных условий. При этом средства могут быть использованы на исполнение обязательств в этой сфере, которые возникли до момента приобретения права на дополнительные меры государственной поддержки. В соответствии с заявлением средства могут быть направлены на приобретение (строительство) жилого помещения, участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищно-накопительных кооперативах. Заявители могут совершать любые сделки, не противоречащие закону. Средства перечисляются путем безналичного расчета как организации, которая осуществляет отчуждение (строительство) жилого помещения (включая и кредитную организацию, предоставившую денежные средства по кредитному договору), так и физическому лицу, производящему отчуждение. Средства направляются на приобретение (строительство) жилого помещения, находящегося только на территории РФ.

Важно здесь также то, что право собственности на жилое помещение, которое приобретается на средства материнского (семейного) капитала, возникает у всей семьи. Это означает, что жилое помещение приобретается в общую собственность родителей, детей и других проживающих с ними членов семьи с определением размеров долей по согласованию, то есть доли членов семьи могут быть не равны.

Другое направление распоряжения средствами капитала — получение образования. При этом речь идет о получении образования любым ребенком в семье, однако возраст ребенка (детей) на начало обучения не должен превышать 25 лет. Средства капитала (или часть средств) направляется в соответствии с заявлением. Средства могут быть направлены в любое образовательное учреждение на территории РФ, которое имеет право на оказание соответствующих образовательных услуг. Например, в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, негосударственных уч-

реждениях, получивших соответствующую лицензию и имеющих государственную аккредитацию; на оплату иных образовательных расходов, перечень которых устанавливается Правительством РФ.

Третьим и последним направлением расходования средств капитала является формирование накопительной части трудовой пенсии в соответствии с пенсионным законодательством. Закон также предусматривает, что женщины, которые выбрали это направление, могут от него отказаться и использовать средства капитала по другим направлениям. Заявление об отказе подается в установленные законом сроки. Если женщины не приняли решение о распоряжении средствами капитала по другим направлениям, то при назначении накопительной части трудовой пенсии они вправе учесть средства капитала в составе пенсионных накоплений.

Одной из сторон в данных правоотношениях является Пенсионный фонд РФ и его территориальные органы. Закон устанавливает следующие полномочия ПФ РФ и его территориальных органов:

- 1) ПФ РФ и его территориальные органы осуществляют ведение федерального регистра лиц, имеющих право на дополнительные меры государственной поддержки с целью обеспечения и реализации права;
- 2) территориальные органы ПФ имеют право проверять достоверность представленных сведений и в случае необходимости запрашивать дополнительные сведения в соответствующих органах, в том числе сведения о фактах лишения родительских прав, об отмене усыновления, о совершении в отношении ребенка (детей) умышленного преступления, относящегося к категории преступлений против личности, а также иные сведения необходимые для формирования и ведения регистра;
- 3) территориальные органы ПФ РФ в месячный срок рассматривают заявления о выдаче сертификата о материнском (семейном) капитале и заявления о распоряжении средствами капитала. Не позднее 5 дней с даты вынесения соответствующего решения направляет заявителю уведомление об удовлетворении либо отказе в удовлетворении заявления;
- 4) ПФ РФ ежегодно не позднее 1 сентября текущего года информирует лиц, получивших сертификат о материнском (семейном) капитале, о его размере или о размере оставшейся его части (в случае распоряжения его частью);
- 5) ПФ РФ составляет заявку, сформированную на основании заявлений о распоряжении средствами капитала, в соответствии с которой средства капитала переводятся из федерального бюджета в бюджет ПФ РФ;
- 6) ПФ РФ ведет учет операций, связанных с зачислением, использованием и распоряжением средств капитала при исполнении своего бюджета.

Как говорится, дьявол кроется в деталях. Регламентация этих деталей поручается Правительству РФ. Рассматриваемый закон содержит ряд отсылочных норм к еще не принятым постановлениям (хотя и спешки в их принятии нет). Однако будущие положения могут затруднить реализацию предоставляемого права на дополнительные меры государственной поддержки. Это становится ясно уже из перечня того, что Правительство РФ должно установить в соответствии с законом:

- 1) правила подачи заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала и перечень необходимых документов;
- 2) сроки перевода средств капитала на направления, указанные в заявлении;
- 3) правила направления средств капитала на получение образования, улучшение жилищных условий, на увеличение накопительной части пенсии;
- 4) правила об отказе от направления средств на увеличение накопительной части пенсии;
- 5) перечень расходов, связанных с образованием.

На сегодняшний день принято только Постановление Правительства РФ от 30.12.2006 «О порядке выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал» и «Правила подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал»¹.

Нормы закона и отсылочные нормы ограничивают обладателей права в распоряжении средствами капитала, например, невозможно быстро распорядиться средствами капитала. По существу устанавливается открытый перечень сведений, запрашиваемых ПФ РФ для рассмотрения заявления о распоряжении средствами капитала. Часть сведений, указанных в законе, несомненно, имеют релевантное значение для рассматриваемого заявления. Вместе с тем перечень таких сведений должен быть исчерпывающим.

Одним из оснований отказа в удовлетворении заявления о распоряжении средствами капитала является нарушение порядка подачи заявления. Из текста закона не совсем ясно, есть ли возможность повторной подачи заявления. Видимо, такое положение должно содержаться в будущем постановлении Правительства РФ.

Недостатки закона связаны также с положениями о пересмотре размера материнского (семейного) капитала. Норма закона о ежегодном пересмотре размера капитала с учетом темпов инфляции не может являться гарантией его сохранности. Необходимо гарантировать индексацию размера капитала в соответствии с уровнем инфляции.

2. ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Наряду с обеспечением права на дополнительные меры государственной поддержки были внесены изменения, затрагивающие действующие меры государственной поддержки семей с детьми. Был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей»². Очередные изменения в многострадальный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» 1995 г. (в который в былые годы вносились изменения ежегодно, а то и по несколько раз в год) устанавливают ряд существенных новаций. Эти новации касаются:

¹ Соответствующие органы должны рассмотреть указанные запросы в течение 14 дней с даты их поступления.

² Регистр включает следующую информацию о лице: 1) страховой номер индивидуального лицевого счета в системе обязательного пенсионного страхования; 2) фамилию, имя, отчество, а также фамилию, которая была у лица при рождении; 3) дату рождения; 4) пол; 5) адрес места жительства; 6) данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность; 7) дату включения в регистр; 8) сведения о детях; 9) сведения о капитале; 10) сведения о прекращении права.

- 1) существенного изменения размера различных пособий;
- 2) установления пособий впервые для неработающих (и тем самым незастрахованных женщин);
- 3) привязки размера пособий для работающих женщин к величине заработной платы (но не более 40% от заработка);
- 4) установления пособий для усыновителей;
- 5) компенсации части родительской платы за содержание ребенка в детском саду.

Следует отметить, что с целью реализации закона было издано постановление Правительства РФ от 30.12.2006 «Об утверждении Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей», регламентирующий порядок назначения и выдачи пособий.

Система государственной поддержки семей с детьми включает следующие виды пособий:

- пособия по беременности и родам;
- единовременные пособия при рождении ребенка;
- единовременные пособия женщинам, вставшим на учет в женские консультации в ранние сроки беременности;
- пособия по уходу за ребенком до возраста 1,5 года;
- санаторно-курортное лечение работающих беременных женщин в форме долечивания (при некоторых хронических патологиях, угрозе выкидыша) после стационарного курса лечения;
- ежемесячные пособия на детей до достижения ими совершеннолетия (или окончания учебы в государственных вузах);
- компенсация части оплаты за место в детском саду.

В соответствии с внесенными изменениями, меры государственной поддержки распространяются не только на граждан РФ, но и иностранцев и лиц без гражданства, постоянно или временно проживающих на территории РФ, подлежащих обязательному социальному страхованию.

Право на пособие по беременности и родам имеют женщины:

а) подлежащие обязательному социальному страхованию — пособие выплачивается в размере среднего заработка (дохода) за последние 12 месяцев, предшествующих месяцу наступления декретного отпуска;

б) уволенные в связи с ликвидацией организаций или прекращением деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, полномочий частными нотариусами, статуса адвоката или прекращением иной деятельности, связанной с государственной регистрацией и/или лицензированием, и признанные безработными — размер пособия составляет 300 рублей;

в) обучающиеся по очной форме обучения в образовательных учреждениях — размер пособия выплачивается в размере стипендии, установленной образовательным учреждением (но не ниже размера стипендии, установленного законодательством РФ);

г) военнослужащие (независимо от места службы) — пособие устанавливается в размере денежного довольствия.

Правом на *единовременные пособия при рождении* ребенка имеет один из родителей или лицо его замещающее. При рождении двух или более детей единовременное пособие выплачивается на каждого ребенка. При рождении мертвого ребенка пособие не выплачивается. Размер единовременного пособия одинаков для всех (8000 рублей), как для работающих, так и для неработающих (т.е. незастрахованных) женщин.

Правом на *единовременные пособия женщинам, вставшим на учет в женские консультации в ранние сроки беременности*, соответственно имеют указанные работающие (застрахованные) женщины. Размер этих пособий не менялся и составляет 300 рублей.

Значительные изменения претерпело *пособие по уходу за ребенком до возраста 1,5 года*. Пособие, размер которого составляло 700 рублей на каждого ребенка, существенно возросло. Теперь для работающих женщин его размер зависит от заработка (40% зарплаты) и составляет на первого ребенка: не менее 1500 руб. и не более 6000 руб. в месяц; при рождении второго и последующего детей не менее 3000 руб. и не более 6000 руб. в месяц. Для неработающих женщин размер пособия составляет 1500 и 3000 руб. соответственно. Раньше неработающие женщины вообще не обладали правом на этот вид пособия.

Поскольку закон вступает в силу с 1 января 2007 г., то для тех, кто уже получает это пособие, производится перерасчет с 1 января 2007 г., т.е. с этой даты действует повышенный размер пособия.

Закон также устанавливает *право на единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью* (при усыновлении, установлении опеки и попечительства, передаче на воспитание в приемную семью детей, оставшихся без попечения родителей). Если в семью на воспитание передаются двое и более детей, пособие выплачивается на каждого ребенка. Размер данного пособия также составляет 8000 рублей.

К сожалению, остались неизменными *ежемесячные пособия на детей до достижения ими совершеннолетия (или окончания учебы в государственных вузах)*. Размер этого пособия является чересчур символическим — 70 руб. в месяц на ребенка, правда, регионы имеют полномочие увеличивать размер этих пособий. Правом на них обладают те семьи, чьи доходы ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ. На фоне пересмотра других видов пособий, размер этого пособия выглядит жалкой подачкой, если не издевательством.

Внесенные в закон изменения также предусматривают *компенсацию части оплаты за место в детском саду*. Правом на компенсацию обладают только те родители, чьи дети ходят в государственные и муниципальные детские сады. Компенсация покрывает 20% родительских расходов на первого ребенка, 50% на второго, на третьего и последующего детей — 70%. Содержание детей в специализированных детских садах является бесплатным. Закон также устанавливает, что перечень затрат, которые учитываются при установлении родительской платы за содержание ребенка в детском саду, устанавливается Правительством РФ. Считается, видимо, что это позволит не задира́ть стоимость содержания ребенка в детском саду. С целью обеспечения права на компенсацию было принято Постановление Правительства РФ от 30.12.2006 «О порядке и условиях предоставления в 2007 г. финансовой помощи из федерального бюджета в виде субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования». Кроме того, были приняты Правила предоставления в 2007 г. финансовой помощи из федерального бюджета в виде субсидий бюджетам субъектов РФ на выплату компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную обще-

образовательную программу дошкольного образования, а также методика распределения между субъектами Российской Федерации финансовой помощи из федерального бюджета в виде субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования [Российская газета. 11.01.2007]. Несмотря на все эти постановления, отсутствует регламентация назначения и предоставления указанной компенсации, поэтому не ясно, как это будет осуществляться на практике.

3. НОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О БОЛЬНИЧНЫХ

С 1 января 2007 г. существенно меняется система социального страхования. С целью определения условий, размеров и порядка обеспечения пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам был принят Федеральный закон «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию» [Российская газета. 31.12.2006]. С целью реализации указанного закона был издан приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 06.02.2007 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам» [Российская газета. 22.03.2007].

Новизна рассматриваемого закона заключается в том, что меняется порядок выдачи больничных листов, увеличивается размер этого вида пособий, оплата больничного листа в соответствии с общим, а не непрерывным стажем, получении пособия совместителями не только по основному месту работы, но и там, где они работают по трудовому договору.

Законодательно закрепленные положения давно назрели и отвечают новым реалиям. Понятие непрерывного стажа — наследие советского времени, не соответствующее рыночной экономике. Ведь для системы социального страхования важно в течение какого периода поступали страховые платежи, т.е. общий стаж. Кроме того, при учете непрерывного стажа размер пособий мог уменьшаться. Другое новшество — получение пособия совместителями на разных работах — также усиливает страховой характер этих выплат, так как позволяет учитывать все заработки. Вместе с тем устанавливается и потолок пособия — его размер не может превышать 16 125 рублей.

Итак, правом на пособие по временной нетрудоспособности, по беременности и родам обладают только застрахованные лица. Размер пособия зависит исключительно от общего, т.е. страхового стажа:

- 1) при страховом стаже в 8 и более лет положено пособие в размере 100% среднего заработка;
- 2) при стаже до 5 лет — 60% среднего заработка;
- 3) при страховом стаже менее 6 месяцев размер пособия не превышает минимального размера оплаты труда за полный календарный месяц.

Как уже указывалось, размер пособия по временной нетрудоспособности не может превышать максимальный размер пособия по временной нетрудоспособности, установленный Федеральным законом о бюджете Фонда социального страхования РФ на очередной финансовый год (т.е. 16 125 руб.).

Закон также закрепляет размер пособия по беременности и родам. Это пособие выплачивается застрахованной беременной женщине в размере 100% среднего заработка. Однако при этом размер пособия по беременности и родам не может превышать максимальный размер пособия по беременности и родам, установленный Федеральным законом о бюджете Фонда социального страхования РФ на очередной финансовый год по каждому месту работы. При страховом стаже менее 6 месяцев пособие по беременности и родам выплачивается в размере минимального размера оплаты труда за полный календарный месяц.

Обращение за пособием ограничено в сроках. Пособие по временной нетрудоспособности назначается, если обращение за ним последовало не позднее 6 месяцев со дня восстановления трудоспособности (или установления инвалидности с ограничением трудовой способности), а также окончания периода освобождения от работы в случае ухода за больным членом семьи, карантина, протезирования и долечивания. Пособие по беременности и родам назначается, если обращение за ним последовало не позднее 6 месяцев со дня окончания отпуска по беременности и родам. Если заявление подается по истечении 6-месячного срока, то решение о назначении пособия принимается территориальным органом Фонда социального страхования РФ при наличии уважительных причин пропуска срока обращения за пособием.

Перечень уважительных причин срока обращения за пособием по временной нетрудоспособности, по беременности и родам (утвержденный приказом Минздравсоцразвития) содержит следующие положения:

- 1) непреодолимая сила, т.е. чрезвычайные, непредотвратимые обстоятельства (землетрясение, ураган, наводнение, пожар и др.);
- 2) длительная временная нетрудоспособность застрахованного лица вследствие заболевания или травмы продолжительностью более 6 месяцев;
- 3) переезд на место жительства в другой населенный пункт, смена места пребывания;
- 4) вынужденный прогул при незаконном увольнении или отстранении от работы;
- 5) повреждение здоровья или смерть близкого родственника;
- 6) иные причины, признанные уважительными в судебном порядке, при обращении застрахованного лица в суд.

Для застрахованных лиц, работающих у нескольких работодателей, пособие выплачивается на каждом месте работы. Если застрахованное лицо, утратило трудоспособность вследствие заболевания или травмы в течение календарного месяца со дня прекращения работы, пособие назначается и выплачивается работодателем по его последнему месту работы или территориальным органом Фонда социального страхования РФ. При этом листок временной нетрудоспособности предоставляется на каждое место работы.

Для определения размеров пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам при исчислении страхового стажа в него включаются периоды работы застрахованного лица по трудовому договору, государственной гражданской или муниципальной службы, а также периоды иной деятельности, в течение которой лицо подлежало обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

С 1 января 2007 г. пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам выплачиваются в новом порядке, но не выше установ-

ленного максимального размера пособия. В том же случае, если продолжительность страхового стажа лица окажется меньше продолжительности его непрерывного трудового стажа, то за продолжительность страхового стажа принимается продолжительность непрерывного трудового стажа.

Правила подсчета и подтверждения страхового стажа для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам регламентируют следующие моменты:

- 1) периоды деятельности (работы, службы), включаемые в страховой стаж;
- 2) документы, подтверждающие периоды деятельности, включаемые в страховой стаж;
- 3) порядок подсчета страхового стажа.

4. О «ПОТОЛКЕ» ПОСОБИЯ ПО БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАМ: ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Конституционный Суд РФ рассмотрел иск Т.А. Баныкиной, которая оспорила положение Федерального закона от 11.02.2002 «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 г.», устанавливавшее максимальный размер пособия по беременности и родам.

Т.А. Баныкина, юрист по профессии, при рождении второго ребенка рассчитывала получить пособие по беременности и родам в размере 100% своего заработка. Однако максимальная сумма пособия в 2002 г. составляла 11 700 руб. в месяц (в настоящее время максимальный размер составляет 16 125 руб. в соответствии с Федеральным законом «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2007 г.»).

Т.А. Баныкина сочла, что существует противоречие между Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», устанавливающим максимальный размер пособия в размере 100% заработной платы, и Федеральным законом «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 г.»; при этом нормы первого закона имеют приоритет перед нормами второго. Первоначально она обратилась в Саровский городской суд, который вынес решение в ее пользу о взыскании недоплаченного пособия, а также установил, что нормы закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» обладают приоритетом. Однако в кассационной инстанции Т.А. Баныкина проиграла. Президиум областного суда подтвердил решение кассационной инстанции. Тогда Т.А. Баныкина обратилась в Конституционный суд РФ. По ее мнению, оспариваемая норма неправомерно ущемляет права женщин, чей средний заработок превышает предельный размер данного пособия, ухудшает их положение в период нахождения в отпуске по беременности и родам в отличие от женщин, чей заработок укладывается в пределы установленной суммы. Кроме того, заявительница считает, что нарушены конституционные нормы, в соответствии с которыми нормы, отменяющие или изменяющие определенные преимущества, компенсации и льготы, вносились в текст того федерального закона, которым они были установлены.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда РФ по данному делу является норма о максимальном размере пособия по беременности и родам за полный календарный месяц, первоначально установленная ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 г.», воспроизведенная в приме-

ненной в деле заявительницы ст. 7 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2004 г.» и в настоящее время действующая в редакции Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2007 г.» (ч. 1 ст. 13).

Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что для поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, в том числе при изменении действующего регулирования, федеральный законодатель обязан соблюдать конституционные принципы справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности социальных прав и не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо этих прав и приводило бы к утрате их реального содержания. Даже имея целью воспрепятствовать злоупотреблению правом путем введения определенных условий или ограничений, законодатель должны использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями таких ограничений меры.

Конституционный суд РФ отметил, что государство гарантирует предоставление женщинам на период отпуска по беременности и родам и в целях их материального обеспечения на данный период — пособие по беременности и родам. Поэтому выделяемые для этого финансовые средства должны быть достаточными для того, чтобы уровень соответствующих выплат отвечал конституционной природе и социальному предназначению данных пособий.

Обосновывая свою позицию Конституционный суд РФ, обратился к международному праву, в частности Конвенции МОТ от 28 июня 1952 г. № 103 «Относительно охраны материнства». Согласно этой Конвенции сумма денежного пособия, выплачиваемого в связи с предоставлением отпуска по беременности и родам, рассчитывается на основе предшествующего заработка женщины. Размер пособия не должен составлять менее 2/3 заработка, но допускается установление максимальных пределов для размера заработка, учитываемого с этой целью. Признавая принцип соответствия пособий предшествующему заработку застрахованного лица, на основе которого оно уплачивало взносы, МОТ в своих рекомендациях отмечает, что в целях определения размера пособия или его частей, выплачиваемых из источников, нескладываемых из этих взносов, любое превышение заработка данного лица над заработком, преобладающим среди квалифицированных трудящихся, может не приниматься во внимание и допускает снижение пропорции пособия по отношению к предшествующему заработку для высокооплачиваемых трудящихся.

Конституционный суд отметил, что до принятия Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 г.», действующее законодательство не ограничивало ни размер пособия по беременности и родам, ни размер заработка, учитываемого при его исчислении. Новый порядок связан с изменением формирования средств обязательного социального страхования (с 1 января 2001 г.). В связи с этим был осуществлен переход от уплаты страхователями страховых взносов в процентном отношении от фонда оплаты труда застрахованных к уплате единого социального налога. Федеральный законодатель сохранил ставку пособия по беременности и родам в размере 100% предшествующего заработка, но при этом в целях обеспечения справедливости распределения средств Фонда социального страхования РФ дополнительно установил максимальный размер этого пособия. КС РФ считает, что при соблюдении

условия соотносимости его величины и подлежащей налогообложению части совокупного заработка работающей женщины не может рассматриваться как несоразмерное ограничение конституционных прав на государственную защиту материнства и детства и на социальное обеспечение для рождения и воспитания детей.

Однако, по мнению Конституционного суда РФ, определение максимального размера пособия по беременности и родам не может осуществляться без учета природы указанной выплаты и, следовательно, размера заработка, на основе которого исчисляются и уплачиваются соответствующие платежи, а также без учета ее особого предназначения.

Проанализировав нормы закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и других названных федеральных законов, определяющих условия и порядок предоставления соответствующих пособий, Конституционный суд РФ пришел к выводу о том, что они образуют систему законодательства о государственных пособиях гражданам, имеющим детей, и создают основу реализации конституционного права на данный вид социального обеспечения. Таким образом, Конституционный суд полагает, что самим по себе установлением максимального размера по беременности и родам в федеральных законах о бюджете Фонда социального страхования РФ конституционные права граждан не нарушаются.

Далее Конституционный суд РФ подробно анализирует порядок формирования средств бюджета Фонда социального страхования РФ. На основании этого Конституционный суд РФ пришел к выводу о том, что федеральный законодатель, преследуя цель перераспределить средства Фонда социального страхования РФ, не учел, что в данном случае требовалось достижения большего соответствия (пропорциональности) между платежами, из которых формируются эти средства, и выплатами, осуществляемыми в пользу застрахованных женщин в соответствии с их заработком (страховым обеспечением), в целях установления более высокого размера пособий. В результате, по мнению Конституционного суда РФ, ухудшилось положение тех женщин, чей средний заработок значительно превышает установленный максимальный размер пособия, при том, что сумма начисляемых работодателем в их пользу выплат и иных вознаграждений, которая учитывается при определении налоговой базы, существенно превышает заработок, фактически лежащий в основе определения максимального размера пособия.

Конституционный суд РФ указывает, что федеральный законодатель должен учитывать задачи социальной политики на конкретно-историческом этапе развития государства, а также всю совокупность физиологических и нравственно-психологических факторов, оказывающих воздействие на женщин во время беременности и родов; необходимо также учитывать исключительный характер пособия, рассчитанного на строго ограниченное время и его повышенную значимость для женщины и ребенка. Федеральный законодатель с целью поддержания баланса конституционно защищаемых ценностей должен исходить из конституционных принципов пропорциональности и эквивалентности и соблюдать требования ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о соразмерности вводимых ограничений защищаемым конституционным ценностям.

Конституционный суд РФ считает, что регулирование, введенное в 2002 г., которым отменялось 100-процентное возмещение заработка для женщин, чей средний заработок превышает предельный размер пособия по беременности и родам, не отвечает указанным требованиям и, приводя

к снижению уровня жизни, чрезмерно ограничивает гарантии их конституционных права, а также не согласуется с положениями Конвенции МОТ «Относительно охраны материнства» и Рекомендациями МОТ «Об обеспечении дохода» о целях социального обеспечения в связи с беременностью и родами.

На основании изложенного, Конституционный суд РФ предписывает федеральному законодателю внести изменения в действующее законодательство, с тем чтобы обеспечить более справедливую пропорциональность между платежами в Фонд социального страхования РФ, осуществляемыми в пользу застрахованных женщин в соответствии с их заработком, и страховым обеспечением, что позволяло бы в максимально возможной степени компенсировать им утраченный в связи с использованием отпуска по беременности и родам заработок, на основе которого исчислялись платежи в Фонд социального страхования РФ.

Таким образом, Конституционный суд РФ признал норму о максимальном размере пособия по беременности и родам, первоначально установленную ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации» на 2002 г.» и в настоящее время действующую в редакции Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации» на 2007 г.» (ч. 1 ст. 13), не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой данной нормой, в системе действующего правового регулирования, несоразмерно ограничивается размер пособия по беременности и родам для застрахованных женщин, чей средний заработок превышает предусмотренную в ней предельную сумму.

Рассматриваемое решение Конституционного суда РФ означает, что оспариваемая норма утрачивает силу по истечении 6 месяцев с момента провозглашения данного Постановления, а Федеральное Собрание РФ должно в течение 6 месяцев внести соответствующие изменения в действующее законодательство.

Постановление Конституционного суда РФ по данному делу вовсе не означает отсутствие предельного размера пособия по беременности и родам, которое, видимо, будет пересмотрено и повышено, но не отменено. Следующим шагом должен стать пересмотр максимального размера пособий по временной нетрудоспособности. Это потребует отмены регрессивной налоговой шкалы. Ведь в настоящее время, чем меньше заработок, тем меньше налоговые выплаты, и наоборот. Отмена максимума приведет к тому, что больший размер пособия будет выплачиваться за счет других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета. 31.12.2006.
2. Российская газета. 11.01.2007.
3. Российская газета. 22.03.2007.

АННОТАЦИИ

Л.Н. Овчарова, А.И. Пишняк

**Новые меры поддержки материнства и детства:
стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семьи?**

В декабре 2007 г. был принят основной пакет документов и нормативных актов, определяющих новые меры государственной социальной политики поддержки материнства и детства, цели которой были озвучены в послании Президента РФ Федеральному собранию 10 мая 2006 г. В первую очередь речь идет об увеличении пособий по уходу за ребенком до полутора лет, материнском (семейном) капитале, льготах при оплате услуг детских дошкольных учреждений и материальной поддержке опекунов и семей, взявших на воспитание детей-сирот. Большинство политиков и демографов включились в активную дискуссию по поводу адекватности принятых мер глубине сложившихся демографических проблем и ожидаемых одномоментных и долговременных эффектов в ближайшей и долгосрочной перспективе. В адрес экономистов даже были высказаны упреки относительно того, что они оказались в стороне от обсуждения проблем эффективности и действенности предложенных мер семейной политики. В данной статье мы попытались оценить влияние новой семейной политики на уровень жизни семей с детьми и высказать предположения о возможном их воздействии на репродуктивное поведение и установки с экономической точки зрения.

А.Я. Бурдяк, Д.О. Попова

**Причины бедности семей с детьми
(по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области)**

Бедность разнолика: это и низкие доходы, и недостаточно хороший доступ к медицинским услугам, и ограничения в сфере образования, и неудовлетворительные жилищные условия, и «ощущение» самих людей себя бедными и обделенными, и множество других причин и обстоятельств. В работе предложено четыре определения понятия бедности и на примере семей с детьми проведен анализ многогранного понятия бедности: выделены группы факторов, влияющих на попадание семей в число бедных, это влияние оценено численно, приведены иллюстрации результатов моделирования. Детальный анализ характеристик бедности семей с детьми в Ленинградской области способствует пониманию основных причин детской бедности и дает возможность выработки эффективных мер региональной политики по борьбе с бедностью.

Л.М. Прокофьева

Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России

Сколько семей в России? В каких типах домохозяйств они живут? Знание реальной структуры населения России очень важно не только для исследователей, но и для людей, принимающих решения в области социальной политики, жилищного строительства. Самую полную информацию о населении дают переписи населения, последняя из которых была проведена в 2002 г., и особенностью ее был переход к учету домохозяйств. Насколько отличается картина семейной структуры населения при подходе к семье как семейной ячейке от структуры домохозяйств, публикуемой Росстатом?

Проведенный анализ показал, что в России больше неполных и малолетних семейных ячеек, чем показывают данные по домохозяйствам. В то же время, структура населения России сегодня отличается высоким уровнем совместного проживания нескольких семейных ячеек в одном домохозяйстве.

Разработка материалов переписей населения не только по домохозяйствам, но и по семейным ячейкам дает возможность оценить реальное распространение групп риска бедности (например, неполных семей), категорий населения, на которые направлены социальные программы на федеральном или региональном уровне. Это доказывает необходимость разработки и публикации данных переписи 2002 г. и всех последующих о структуре семейных ячеек в составе домохозяйств, тем более, что эта задача технически выполнима.

Е.М. Андреев, Д.А. Жданов, В.М. Школьников

**Смертность в России через 15 лет после распада СССР:
факты и объяснения**

Мы попытались дать систематическое описание трендов смертности и суммировать научные объяснения российского кризиса здоровья, известные на данный момент. На уровне фактов мы видели, что главный рост смертности в России связан с мужчинами рабочего возраста, с группами с низким образовательным уровнем. На уровне причин смерти, наибольший вклад в рост внесли сердечно-сосудистые заболевания в старших рабочих возрастах, внешние и алкогольные причины смерти в более молодых возрастах. Наиболее четко прослеживается связь смертности с опасным потреблением алкоголя и психологическими стрессами, причем два эти фактора, возможно, тесно связаны между собой.

Франк Свячны

Международная миграция как глобальный феномен и его воздействие на демографические изменения в индустриальных и развивающихся странах

В данной статье исследуется влияние миграции на изменение демографической ситуации в индустриально развитых и развивающихся странах. Предметом анализа являются масштабы и рассчитанные ООН прогнозы масштабов международной миграции и ее влияния на демографическое развитие регионов-доноров и регионов-реципиентов.

На примере модельных расчетов Отдела народонаселения ООН в настоящей статье показано влияние миграции на изменение численности населения, медианный возраст и другие характеристики населения в индустриальных и развивающихся странах, а также в Северной Америке и Европе.

В следующем разделе статьи анализируется изменение доли старших возрастов в общей численности населения Германии, основанные на расчетах Федерального статистического комитета в сравнении с оценками Отдела народонаселения ООН. В заключении сопоставляется предполагаемое влияние миграции, рассчитанное по модели «замещающей миграции» ООН, на демографические процессы в США, Японии, Франции и Германии.

Ю.С. Скубко, Г.В. Шубин

Некоторые аспекты социальной политики ЮАР в 1994—2006 гг.

После мирного перехода от политики апартеида к демократии и расовому равенству в 1994 г., правительство Африканского национального конгресса Южной Африки получило в свои руки промышленно развитую, но социально поляризованную страну с двухсекторной экономикой и значительными доходными, образовательными, квалификационными и другими неравенствами между представителями белого и черного населения страны. В 1994 г. началась реализация Программы реконструкции и развития, целью которой было облегчение наиболее насущных проблем (нехватка жилья, водоснабжение, вопросы медицинской помощи и т.д.); в 1996 г. ее дополнила Программа роста, занятости и перераспределения, нацеленная на стимулирование экономического роста, сокращение безработицы и упорядочение финансовой системы страны. Несмотря на значительные усилия правительства по осуществлению этих программ и успехи в достижении социального порядка и устойчивого демократического развития, за первые десять лет после отмены апартеида поставленные социальные цели были реализованы лишь отчасти — в условиях разгула преступности, начавшейся эпидемии СПИДа и неудачи в борьбе с безработицей (хотя в настоящее время резкий рост численности населения и числа безработных прекратился из-за роста смертности от СПИДа) вследствие медленного экономического роста. В последние годы ситуация улучшается: высокие темпы роста позволяют правительству значительно улучшать системы образования и здравоохранения, а также предоставлять нуждающимся гражданам множество социальных субсидий и пособий. Однако ключевые социальные проблемы остаются неразрешенными; обстановка также осложняется масштабной эмиграцией высококвалифицированных специалистов в условиях принудительного (хотя и мирного) расширения участия черного населения в экономике, низкой оплате труда и высоком уровне риска.

А.Я. Бурдяк.

Применение метода «Анализ наступления события (Event History Analysis)» с помощью пакета SPSS

В статье описан метод Анализа наступления события (Event History Analysis): очерчен круг задач, которые могут быть решены с его помощью, даны основные определения и предпосылки применения метода, а также прокомментированы результаты анализа. С прикладной целью детально разобран пример применения АНС, реализованный в статистическом пакете SPSS — исследована длительность поиска работы молодыми специалистами. Пошаговое изложение процедуры анализа от постановки задачи и подбора данных до интерпретации полученных результатов с иллюстрациями из SPSS полезны исследователям, применяющим метод АНС впервые.

SUMMARIES

L. Ovcharova, A. Pishnyak

New support policies for mothers and children: the stimulation of fertility or living standards increase?

In his message to the Federal Assembly of May 10, 2006, the President of Russia defined the new goals of state policy supporting mothers and children; basic package of documents and regulations concerning the new policy was carried in December 2007. The major measures proposed are an increase of care allowances for children under 3 years old, mother (family) capital, reduced payments for preschool child care, and financial support for guardians and foster families that raise orphans. Most politicians and demographers have engaged in a discussion whether these measures are adequate in case of current demographic problems and expected trends both in short-run and long-run periods. Economists were criticized for being neutral in debates on the new family policy performance and results. In this paper we take the economic perspective to assess changes in the living standards of families with children due to new family policy, and to suggest how new measures could affect fertility behavior and attitudes.

A. Burdyak, D. Popova

The causes for poverty among families with children (based on the household survey in Leningradskaya oblast)

Poverty varies: this notion covers low incomes, inadequate access to health services, limited education opportunities, unsatisfactory dwelling conditions, self-identification as poor and deprived, and other causes and factors. The article gives four definitions of poverty and analyzes this complex concept with specific reference to families with children: we determine three groups of factors influencing the poverty risk, estimate their effects, and provide the results of modeling. A detailed analysis of the characteristics of poverty among families with children in Leningradskaya oblast contributes to our understanding of major causes for child poverty, and also allows producing effective regional policies against poverty.

L. Prokofieva

Household and family: the peculiarities of Russian population structure

How many families are there in Russia? What types of households do they live in? Actual data on Russian population structure is crucial not only for researchers, but also for decision-makers in fields of social policy and housing construction. Censuses provide the most complete information on population. A change for household record constitutes a distinctive feature of the most recent Census, conducted in 2002.

If one considers families as family units, to what extent do results differ from Rosstat data on household structures? The analysis has shown that there are more single-parent and low-children family units in Russia than household data report. From the other hand, today Russian population structure has notably high level of joint residence when several family units live together in the same household. Exploring census data both by households and family units makes it possible to estimate real incidence of poverty risk groups (for example, single-parent families) and of population categories that are objects of federal or regional social programs. This proves the necessity of exploration and publication of Census 2002 data, as well as all consequent censuses data, concerning the structure of family units within households – all the more so as this task is practically feasible.

E. Andreev, D. Zhdanov, V. Shkolnikov

Mortality in Russia at 15 years after the USSR collapse: facts and explanations

We attempted to systematically describe the mortality trends and sum up existing scientific explanations of the Russian health crisis. At the empirical level, we have noticed that the mortality increase in Russia is primarily associated with men of working age and with low-educated groups. At the level of death causes, the main contributors are cardiovascular diseases in older working age groups, external causes and causes of alcohol nature in more young age groups. The most evident result is that mortality is connected with dangerous alcohol consumption and mental stresses, and these two factors are possibly highly interdependent.

F. Svyachny

International migration as a global phenomenon and its effect on demographic changes in industrial and developing countries

The article investigates the effect of migration on demographic changes in developed and developing countries. The matter of our analysis is the scopes, actual and forecasted by the UN, of international migration and its effect on demographic development in donor and recipient regions.

Model calculations of the UN Population Department are taken as an example to show how migration affects population change, median age and other demographic characteristics of industrial and developing countries, as well as those of the North America and Europe. The next chapter analyses changing share of older ages in German population using the Federal Statistical Committee calculations, compared to the UN Population Department estimations. The conclusion compares potential effects of migration, estimated by the UN model of “substituting migration”, on demographic processes in the USA, Japan, France, and Germany.

Yu. Skubko, G. Shubin

Some aspects of South Africa’s social policy in 1994–2006

After the peaceful transition from apartheid to non-racial democracy in 1994 the ANC-headed government inherited an industrially developed but socially polarized country with a two-sector economy and great income, educational, qualification and other gaps between white and black population. In 1994 a Reconstruction and Development Program (RDP) was launched aimed at alleviating worst social grievances (lack of housing, water and electricity supply, medical care etc.) augmented in 1996 by Growth, Employment and Redistribution Program (GEAR) to stimulate growth, reduce unemployment and bring the countries finances in order. In spite of

SPERO
Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры
№6

Журнал выходит 2 раза в год
Все статьи рецензируются
Электронная версия журнала <http://spero.socpol.ru/current.shtml>

Корректор Е.И. Макеева
Оригинал-макет и компьютерная верстка И.А. Кобзев

Подписано в печать 10.07.2007
Формат 70x108¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз.

Адрес редакции журнала: 125009 г. Москва,
Глинищевский пер., д. 3, подъезд 3

Тел: (495) 786-67-18, факс: 692-96-51
e-mail: spero@socpol.ru

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента Российской Федерации
Генеральный директор **Э.А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20, e-mail: izd.izv@ru.net

Заказ №7393